P. o. russ. 88 y

<36606896000015

<36606896000015

Bayer. Staatsbibliothek

СОЧИНЕНІЯ

1335а/7-1

ВАСИЛІЯ МАЙКОВА

Ро. хилл. 88 у

ИЛИ

СОБРАНІЕ

Остроумныхъ, Сатирическихъ, Забавныхъ Поемъ, Нравственныхъ Басенъ и Сказокъ, Театральныхъ и другихъ его Лирическихъ твореній.

ИЗ КНИГ
А.В. КОКОРЕВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано при 1мъ Кадетскомъ Корпусѣ

1809.

2396
Fg172/756

10 —

Majkov

С дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Елисей поема въ 5 пѣсняхъ - - - 1

Игрокъ ломбера въ 3хъ пѣсняхъ - - 81

Плачевное паденіе стихотворцевъ сатирическая поема въ 3хъ пѣсняхъ - 103

Стихи на качели - - - - 130

Стихи на семикъ - - - - 148

На масленицу - - - - - 156

Басни и сказки.

1. Басня Козелъ и жемчужная раковина 158
2. — Двое прохожихъ и кладъ - 159
3. — Воръ - - - - 160
4. — Лягушки просящіе о Царѣ - 161
5. — Рыбакъ и щука - - 164
6. — Наказаніе ворожѣе - - 164
7. — Поваръ и Портной - - 166
8. — Конь знатной породы - 169
9. — Медведь, Волкъ и Лисица 170
10. — Воръ и Подьячій - - 173
11. — Скупой - - - - 174
12. — Езопъ толкуетъ духовную 176
13. — Дѣтина и Конь - - 179
14. — Нерону острой отвѣтъ Дворянина пріѣхавшаго въ Римъ 179

стр.

15. — Сорока, Галка и Соя - 180
16. — Голова и ноги - - - 181
17. — Лестные друзья - - 182
18. — Роза и Змѣя - - - 183
19. — Сова - - - - 183
20. — Корабль и лодка - - 184
21. — Левъ, званой къ мартышкѣ на обѣдъ - - - - 185
22. — О хулителѣ чужихъ дѣлъ - 186
23. — Суевѣріе - - - - 189
24. — Судъ картинѣ - - - 189
25. — Собака на сѣнѣ - - - 192
26. — Лисица и Бобръ - - - 194
27. — Общество - - - - 195
28. — Оселъ пришедшій на пиръ къ Медвѣдю во Львиной кожѣ 197
29. — Господинъ съ слугами въ опасности жизни - - - 198
30. — Иголка и Нитка - - 199
31. — Пчела и Змѣя - - - 200
32. — Медвѣдь и Волки - - 200
33. — Случай - - - - 201
34. — Кошка и Соловей - - 202
35. — Роза и Ананасъ - - 203

стр.

36. — Дубъ и Мышь - - - 204
37. — Земля и Облако - - 205
38. — Неосновательная боязнь - 206
39. — Левъ, Барсъ и Кротъ - 207
40. — Отецъ и дѣти - - 209
41. — Солнце и Луна - - 210
42. — Крестьянинъ, Медвѣдь, Сорока и Слѣпень - - - 211

Ода на день Возшествія на Престолъ ЕКАТЕРИНЫ Вторыя - - - 215

— *ЕКАТЕРИНѢ Великой на побѣду одержанную при Днестрѣ и на взятіе Хотина* - - - - - - 221

— *ЕКАТЕРИНѢ Великой на побѣду и сожженіе Турецкаго флота при Чесмѣ* 226

— *на случай избранія ЕКАТЕРИНОЮ Второю Депутатовъ для сочиненія новаго уложенія* - - - - 234

— *на день Коронованія ЕКАТЕРИНЫ Великой* - - - - - 239

— *на сраженіе флотовъ Россійскаго съ Турецкимъ* - - - - - - 244

стр.

Сонетъ на выздоровленіе отъ оспы ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ Второй 249
Ода о суетѣ міра писана къ Александру Петровичу Сумарокову - - 250
Стихи на прибытіе ЕКАТЕРИНЫ Великой изъ Казани въ Москву - - 254
Стихи на торжество Академіи Художествъ - - - - - 257
Стихи на отбытіе Россійскаго флота изъ Ревеля въ Средиземное море - 259
Стихи на прибытіе Графа Алексѣя Григорьевича Орлова послѣ Чесменскаго бою въ Петербургъ - - - 260
Надпись къ столпу который поставленъ былъ при гробѣ ПЕТРА Перваго - 261
Надпись къ мраморамъ Россійскимъ - 262
Письмо Бибикову о смерти Козловскаго во время истребленія Турецкаго флота - - - - - 262
Письмо Беклешову о смерти брата его Арсенія Андреевича убитаго въ сраженіи подъ Хотиномъ - - - - 264

стр

Письмо Графу Захару Григорьевичу Чернышеву - - - - - - 266

Письмо Графу Григорью Григорьевичу Орлову на отбытїе его въ Москву вовремя заразительной болѣзни - 268

Стихи Князю Александру Алексеевичу Вяземскому - - - - - - 270

Стихи Графу Суворову Рымникскому - 271

Стихи Свѣтлейшему Князю Григорью Александровичу Потемкину - 272

Трагедїя Агрїола - - - - 273

Трагедїя Ѳемистъ и Іеронима - - 337

А.В. Кокорева

München

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Благосклонный читатель! я хотѣлъ было написать къ сей поемѣ преогромное предисловіе, въ которомъ намѣренъ былъ, подробно изъяснить, побуждающую меня къ сочиненію ея причину; но разсудилъ, что, какъ бы ни важна была причина даже до того что хотя бы я наконецъ и поклепалъ (*) какого нибудь почтеннаго мужа, что онъ меня принудилъ къ сему сочиненію, сказавъ мнѣ: *не смотри де ты на всѣхъ критиковъ и пиши де то, что тебѣ на умъ взбредетъ, ты де пишешь хорошо.* Однакожъ все сіе нимало не украсило бы моего сочиненія, буде бы оно само по себѣ не заслужило отъ благосклоннаго читателя похвалы. Но я знаю и то, что не только по совѣту какого либо почтеннаго мужа, но ниже по самому строжайшему приказу, плохой писецъ ничего хорошаго во вѣкъ свой не напишетъ, такъ какъ и лягушка, сколько ни станетъ надуваться, равна съ быкомъ не будетъ.

(*) Клепать всякаго смѣло можно, знавши, что въ такомъ поклепѣ никого на очную ставку не позовутъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПОЕМЫ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Вакхъ раздраженъ будучи гордостію откупщиковъ, гнѣвается на нихъ, что по причинѣ дороговизны вина, пива и меду стало число пьяныхъ менѣе; пріѣзжаетъ въ питейный домъ, гдѣ увидя ямщика именемъ Елисея, радуется, что онъ нашелъ такого человѣка, который по виду кажется ему, что можетъ служить орудіемъ ко отмщенію его. Между тѣмъ Елисей проситъ у чумака вина въ пивную чашу, и выпиваетъ се однимъ духомъ, чрезъ то Вакхъ и болѣе въ надеждѣ своей утверждается. А Елисей выпивъ вино, ударилъ чумака въ лобъ чашею и здѣлалъ въ кабакѣ драку которую услышавъ объѣздной капралъ; зашолъ и Елисея взявъ подъ караулъ, повелъ въ Полицію, а Вакхъ поѣхалъ къ Зевесу просить, чтобъ онъ освободилъ Елисея изъ подъ караула. Зевесъ ему сказываетъ, что на самого его дошла къ нему прозба отъ Цереры, будто бы отъ того, что всѣ крестьяне спилися, земледѣліе упадаетъ, и повелѣваетъ Ермію собрать всѣхъ боговъ на Олимпъ для разобранія ссоры между Вакхомъ и Церерою, и послѣ итти въ Полицію и отъ толь о свободить Елисея изъ подъ караула.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Ермій приходитъ въ Полицейскую тюрму и тамъ Елисея перерядя въ женское платье,

Переноситъ въ Каликинской домъ, гдѣ тогда сидѣли подъ карауломъ распутныя женщины. Елисей пробуждается, дивится какъ онъ тамъ очутился, и думаетъ, что онъ въ монастырѣ. Между тѣмъ начальница того дома вставши будитъ всѣхъ женщинъ и раздаетъ имъ дѣло. Но увидя Елисея скоро его узнала, что онъ не женщина, ведетъ ево въ особый покой, гдѣ онъ ей о себѣ открываетъ, что онъ есть ямщикъ, а потомъ расказываетъ ей о побоищѣ бывшемъ у Зимогорцевъ съ Валдайцами за сѣнокосъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Окончаніе повѣствованія Елисеева. Любовь начальницы съ Елисеемъ. Собраніе боговъ на олимпъ по повелѣнію Зевесову. Судъ у Вакха съ Церерою и рѣшеніе Зевесово. Между тѣмъ, когда Елисей готовился съ начальницею ночевать. Начальникъ стражи пошелъ дозоромъ, увидѣлъ у начальницы Елисея въ женскомъ платьѣ и думая, что онъ есть дѣвка. но пришедшая, спрашиваетъ, отъ куда она и для чего ее у него нѣтъ въ реестрѣ. Хотя начальница и оправдывается; но сей строгій начальникъ не пріемля оправданія, велитъ взять мнимую дѣвку подъ караулъ. Отъ куда его паки освобождаетъ Ермій, и даетъ ему шапку невидимку, въ которой Елисей опять забрался къ начальницѣ, и пробылъ нѣсколько мѣсяцовъ. Но наскуча ея любовію, уходитъ вонъ изъ дома. Начальница тоскуетъ о его уходѣ. Командиръ въ самое то время входитъ, и видитъ оставшіе

послѣ Елисея вещи, гнѣвается на нее, хочетъ ее сѣчь; но скоро проворомъ ея бывъ улѣщенъ съ нею помирился.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Елисей вышедши изъ Калинкинскаго дома, пошелъ въ городъ и утомясь, легъ въ лѣсу спать; Но вдругъ проснулся отъ крика одной женщины, которую два вора хотѣли ограбить. Онъ ее отъ нихъ избавляетъ и находитъ въ ней жену свою. Она ему разсказываетъ свое похожденіе послѣ того, какъ съ нимъ разсталась. Онъ ее отпускаетъ въ городъ, а самъ остается въ лѣсу; гдѣ ему явясь Силенъ, ведетъ его въ домъ одного богатого откупщика, чтобъ онъ тутъ пилъ сколько хочетъ, а самъ отходитъ на небо къ Вакху. Елисей искавъ погреба, зашолъ нечаянно въ баню, гдѣ тогда откупщикъ съ женою своею парился. Онъ ихъ оттуда выгоняетъ, а самъ выпарясь, одѣлся въ откупщиково платье, приходитъ въ своей шапкѣ невидимкѣ въ палаты откупщиковы, и забившись подъ ево кровать, лежалъ до тѣхъ поръ, какъ откупщикъ бывши встревожен случившеюся тогда грозою, всталъ съ постели, а онъ вышедъ изъ подъ оныя легъ съ его женою спать. По окончаніи грозы, откупщикъ примѣтя странное движеніе жены своей, думаетъ, что ее давитъ домовой, хочетъ на утро посылать по ворожею, которая бы выгнала вонъ изъ его, покоя сего домовова чорта. Ямщикъ услыша то убоялся прихода ворожеи, выходитъ

вонъ изъ палатъ и ищетъ погреба, гдѣ думаетъ утолить виномъ свою жажду.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Елисей забравшись въ откупщиковъ погребъ, обрѣтаетъ въ немъ много напитковъ, и радуется. Тутъ къ нему явился Вакхъ съ своею свитою, и здѣлавъ погребу разгромъ, уходятъ. Вакхъ и Елисей опустошаютъ погреба у другихъ откупщиковъ. По утру же когда откупщикъ проснулся, посылаетъ по ворожею. Она приходитъ, а въ самое то время прибѣгаетъ ево ключникъ сказываетъ о опустошенiи погреба. Откупщикъ съ печали обмираетъ, проситъ ворожею, чтобъ она чертей изъ дома его выгнала. Та обѣщается сiе здѣлать; но по многимъ разговорамъ откупщикъ съ нею поссорился, и выгналъ самое ворожею отъ себя вонъ. Между тѣмъ Зевесъ видитъ, что Елисей многихъ откупщиковъ раззоряетъ, призываетъ паки боговъ и дѣлаетъ надъ нимъ судъ. Наконецъ опредѣляетъ ему быть отдану въ солдаты, что съ нимъ и послѣдовало.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ

И

КАВАЛЕРУ

АПОЛЛОНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

МАЙКОВУ

Въ знакъ благодарности съ истиннымъ почитанїемъ посвящаетъ издатель Иванъ Заикинъ.

ЕЛИСЕЙ ПОЕМА

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою стакановъ звукъ, пою того Героя,
Который во хмѣлю бѣды ужасны строя
Въ угодность Вакхову, средь многихъ кабаковъ,
Бивалъ и опивалъ ярыгъ и Чумаковъ;
Ломалъ котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки,
Терпѣли ту же часть кабацкія окошки,
Отъ крѣпости ево ужасныя руки
Тряслись Поднощики и всѣ откупщики,
Которыя и тогда сихъ бѣдъ не ощущали
Когда всѣхъ грабили себя обогащали.
О муза! ты сего отнюдь не умолчи,
Повѣждь, или хотя съ похмѣлья проворчи,
Коль попросту тебѣ сказати не возможно?
Повѣждь ты вѣдаешь вину сего не ложно,
За что піянства Богъ на всѣхъ откупщиковъ,
Устроя таковый прехитростнѣйшій ковъ,
Наслалъ богатыря сего не очень къ стати
Любимую свою столицу разоряти.

А ты о душечка возлюбленный Скарронъ!
Оставь роскошнаго Пріяпа пышный тронъ.
Оставь писателей кощунствующихъ шайку.
Приди, настрой ты мнѣ гудокъ иль балайку,
Чтобъ я возмогъ тебѣ подобно загудить
Бурлаками моихъ Героевъ нарядить;

Чтобъ Зевсъ мой былъ болтунъ, Ермїй шальной дѣтина,
Нептунъ какъ самая преглупая скотина,
И словомъ, чтобъ мои богини и божки
Изнадорвали всѣхъ читателей кишки.

Противъ Семеновскихъ слободъ послѣдней роты
Стоялъ воздвигнутъ домъ съ широкими вороты,
До коего съ Тычка * не близкая ѣзда;
То былъ питѣйный домъ названїемъ Звѣзда,
Въ которомъ Вакховъ ковшъ хранился съ колесницей;
Сей домъ былъ Вакховой назначенъ быть столицей;
Подъ особливымъ онъ ево покровомъ цвѣлъ,
Въ немъ старый самъ Силенъ раскиснувши сидѣлъ;
Но злыхъ откупщиковъ противно Вакху племя
Смутило къ пьянству имъ назначенное время,
Когда они на хмѣль лишь цѣну наднесли:
Ужасны изъ тово бѣды произрасли,
Вино со водкою содѣлались дороже
И съ пивомъ пѣнистымъ случилось само тоже,
Дороже продавать и сладкїй стали медъ;
Тогда откупщики взгордясь числомъ побѣдъ
На Вакха въ гордости съ презрѣнїемъ смотрѣли.
И мнятъ, что долженъ онъ плясать по ихъ свирѣли.
Но Вакхъ противъ того иное размышлялъ:
Иль мнѣ оставить то? съ похмѣлья закричалъ,
,, Какїя изъ сего впередъ я вижу слѣдства.
,, Лишусь я моево дражайшаго наслѣдства;
,, На водку, на вино цѣна ужъ прибыла,
,, Для пьяницъ за алтынъ чарчоночка мала,
,, А естьли бы въ такомъ случаѣ нещастливомъ
,, Хотѣлъ бы пьяница, какой, напиться пивомъ?

*) *кабакъ на Петербургской сторонѣ.*

,, Къ нещастїю ево дороже и оно,
,, Не станетъ дѣйствовать ни пиво, ни вино.
,, Не большаяль теперь случилась мнѣ обида,
,, Какъ нежели была Юнонѣ отъ Парида,
,, Или я немогу повергнуть сихъ затѣй? - - -
Уже онъ закричалъ: рабята дай плѣтей!
Но вздумалъ, что сїе безсмертнымъ не пристойно,
Хоть дѣло по ево плѣтей сїе достойно,
Но санъ ему ево дурить не дозволялъ,
Онъ инако отмстить обиду помышлялъ;
И рекъ: когда я могъ ругавшуюся мною
,, Достойно наказать прегорду Алкиною,
,, Презрѣвши нѣкогда мой праздникъ самъ Пентей
,, Отвѣдалъ и дубья, не только что плѣтей;
,, Не едакїе я бездѣлки прежде строилъ
,, Надъ тѣми, кто меня въ пїянствѣ безпокоилъ;
При сихъ рѣчахъ ево смутился пьяной зракъ
Онъ сѣлъ на роспуски, поѣхалъ на кабакъ,
Неукротиму месть имѣя въ мысляхъ рьяныхъ
О стѣночкѣ лѣпясь, приходитъ въ шайку пьяныхъ.
Тогда былъ праздный день отъ всѣхъ мирскихъ суетъ:
По улицамъ народъ бродилъ лишь чуть былъ свѣтъ,
Вертѣлися мозги во лбахъ у пьяныхъ съ хмѣля,
А имянно была то сырная недѣля.
Какъ мыши на крупу ползутъ изъ темныхъ норъ
Такъ чернь валила вся въ кабакъ съ высокихъ горъ,
Которы строило искуство не природа
Для утѣшенїя рабочаго народа;
Тамъ шли Сапожники, Портные и Ткачи
И зараженные собою Риѳмачи,
Которые стихи писавши въ носъ свой дуютъ,
И сочиненьями какъ лаптями торгуютъ:
Тамъ много зрѣлося разквашенныхъ носовъ,
Одинъ былъ въ синякахъ, другой безъ волосовъ,

А третїй оттиралъ свои замерзлы губы,
Четвертой изчислялъ не всѣ ль пропали зубы,
Отъ пораженїе стороннихъ кулаковъ.
Тамъ множество сошлось различныхъ дураковъ,
Межъ прочими вошелъ въ кабакъ дѣтина взрачный
Картежникъ, пьяница, буянъ, боецъ кулачный,
И словомъ былъ краса, тогда, Ямской, онъ всей,
Художествомъ Ямщикъ, - названьемъ Елисей;
Былъ смуръ на немъ кафтанъ и шапка на бекренѣ
Вожжаной кнутъ ево болтался на коленѣ,
Который пьяный домъ лишь только посѣтилъ,
Какъ море пьяныхъ шумъ мгновенно укротилъ;
Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ веселый чистымъ
Поѣхалъ какъ Нептунъ по водѣ верхамъ лѣнистымъ.
Прости, о Муза! мнѣ, что такъ я захотѣлъ
И два сїи стиха не истово воспѣлъ,
Тебѣ я признаюсь, хотя въ нихъ смысла мало,
Да естество себя въ нихъ хитро изламало,
Чрезъ нихъ то можетъ быть хвалу я получу,
Отъ нынѣ такъ я пѣть стихи мои хочу,
Мнѣ кажется, что я тебя не обижаю,
Когда я школьному напѣву подражаю.
Но естьли ихъ перомъ ты дѣйствуешъ сама,
Не спятила ль и ты на старости съ ума?
Ахъ! нѣтъ, я предъ тобой грѣшу любезна Муза,
Съ невѣждами отнюдь не ищешъ ты союза,
Наперстники твои знакомы между насъ;
Единаго изъ нихъ вмѣщаетъ днесь Парнасъ,
Другїе и теперь на свѣтѣ обитаютъ.
Которыхъ жительми Парнасскими щитаютъ. *)

*) *Каковъ Г. Сумароковъ, и ему подобные.*

И такъ полезнѣе мнѣ мнится самому
Послѣдовати ихъ разсудку и уму.

Уже напрягнувъ я мои малѣйши силы
И слѣдую пѣвцамъ которые мнѣ милы,
Достигнули конца, иль пусть хотя споткнусь
Я онымъ буду правъ, что я люблю ихъ вкусъ.
Ктожь будетъ хулить то, и тѣмъ я отпущаю
И къ повѣсти своей я мысли обращаю.

Ужъ Вакхъ пїянаго увидѣлъ Ямщика,
Въ немъ радость разлилась по сердцу какъ рѣка;
Ужь мысленно себѣ успѣхъ свой предвѣщаетъ
Къ Силену обратясь и такъ ему вѣщаетъ:
,, Не се ли вышнїя судьбы теперь предѣлъ,
,, Что я ужъ то нашелъ чево искать хотѣлъ;
,, Дѣтина оный дюжъ мнѣ кажется по взору,
,, На немъ созижду я надежды всей подпору,
,, Онъ кажется на то какъ будто и рожденъ,
,, Что будетъ всякой имъ ярыга побѣжденъ.
,, И онъ меня въ моей печали не покинетъ,
,, Онъ все то выпьетъ, что лишь глазомъ ни окинетъ.
,, Я весь оставлю страхъ, чемъ былъ я возмущенъ;
,, Уже я радуюсь какъ будто отомщенъ.
,, Не ясно ли моя мнѣ видится побѣда.
,, Когда возлюбленникъ мой пьянъ и до обѣда.
,,И ежели тебя еще смущаетъ страхъ?
,,Воззри, то у нево все видно на очахъ;
,,Ланиты то ево являютъ мнѣ зардѣлы
,,Что естьли попущу, превзойдетъ онъ предѣлы.
,,И выпьетъ болѣе вина, чемъ выпьешъ ты.
Силенъ было сїе почелъ за пустоты;
Но сей пїяница Силена въ томъ увѣрилъ.
Что онъ ево проворъ своимъ аршиномъ мѣрилъ;

ОнЪ за воротЪ схватя за стойкой Чумака
ВскричалЪ: подай вина! иль дамЪ я тумака.
,, Подай иль я тебѣ носЪ до крови расквашу!
При семЪ онЪ указалЪ рукой пивную чашу;
,, ВЪ нее налѣй ты мнѣ анисной за алтынЪ,
,, Или я подопру тобой кабацкой тынЪ.
ЧумакЪ затрепеталЪ при смерти очевидной,
А ВакхЪ вскричалЪ: о мой питомецЪ непостыдной!
,, Тобой я всѣ мои напасти прекращу,
,, Тобой откупщикамЪ я грозно отомщу,
,, Противу прать меня весь родЪ ихЪ перестанетЪ.
,, КакЪ купно воевать со мной кулакЪ твой станетЪ.
,, Польются не ручьи здѣсь пива, но моря.
ВѣщаетЪ тако ВакхЪ отмщенїемЪ горя.

МѣжЪ тѣмЪ ямщикЪ свою ужь чашу наливаетЪ,
ЕдинымЪ духомЪ всю до суха выпиваетЪ,
И выпивЪ ею вЪ лобЪ ударилЪ Чумака
УдарЪ сей раздался вЪ пространствѣ кабака;
Попадали сЪ полицЪ ковши, бутылки, плошки,
Черепья чаши сей всѣ брызнули вЪ окошки.
Мѣжь стойкой и окномЪ разрушился предѣлЪ
КакЪ дождь и градЪ смѣсясь изЪ тучи полетѣлЪ,
ТакЪ плошечны тогда сЪ стеклянными обломки,
Летѣли возвестить ево побѣды громки,
А бѣдненькой ЧумакЪ за стойку прикорнулЪ;
О шалоумленной кричитЪ тамЪ, карауЛЪ!
Ай братцы, грабятЪ! бьютЪ! самЪ вЪ верхЪ лѣжитЪ спиною,
Сїе досадою казалося герою;

Онъ руку въ ярости за стойку запустилъ
И ею Чумака за порты ухватилъ,
Которыхъ естьли бы худой гайтанъ не лопнулъ
Поднявши бы ево Герой мой о полъ тропнулъ;
Но щастіемъ ево, иль дѣйствіемъ чудесъ
Сей тягости гайтанъ тогда не перенесъ,
И перервавшися къ Геройской не угодѣ,
Оставилъ Чумака за стойкой на свободѣ;
Котораго ужь онъ не могъ оттоль поднять
Онъ тако, сталъ его отечески щунять:
„ Коль мой кулакъ не могъ вдохнуть въ тебя боязни?
„ Грядущія впередъ ты жди мошенникъ казни.

Когда сіи слова Герой сей говорилъ,
Капралъ кабацку дверь внезапу отворилъ;
Надъ Полицейскимъ сей начальникъ былъ объѣздомъ
Услыша въ кабакѣ онъ шумъ тотъ мимоѣздомъ
Хоть не былъ Чумаку ни сватъ, ни братъ, ни кумъ
Вступился за нево, спросилъ: какой здѣсь шумъ
Не здѣлалось ли здѣсь межъ кѣмъ какія драки?
Тутъ всѣ попятились задами вонъ какъ раки,
Ни кто отвѣтствовать на то ему несмѣлъ;
Но онъ къ нещастію знать острый взоръ имѣлъ,
Увидѣлъ ямщика стояща очень смѣло
Я вижу братъ, сказалъ, твое конечно дѣло.
Конечно ты соколъ, кабакъ развоевалъ?
Тогда чумакъ ужь ротъ смѣляе раззѣвалъ.
Встаетъ и безъ портокъ приходитъ ко капралу;
Отмсти, кричитъ, отмсти честной капралъ нахалу,
Которой здѣсь меня безъ виннаго прибилъ.
Капралъ сей былъ угрюмъ, и шутокъ не любилъ,

Кто билЪ тебя? скажи! нахмурясь вопрошаетЪ.
ЧумакЪ ему на то сЪ слезами отвѣчаетЪ:
Сей пьяница мои все ребра отламалЪ,
При семЪ на Ямщика онЪ пальцемЪ указалЪ,
„ НадѣлалЪ и казнѣ и мнѣ при томЪ убытку,
„ И коль запрется онЪ? готовЪ терпѣть я пытку
„ Пивною чашею онЪ лобЪ мнѣ раскололЪ,
„ И изорвалЪ на мнѣ всѣ портки и камзолЪ.

Тогда явился вдругЪ КапралЪ самдругЪ сЪ ДрагуномЪ,
И рѣзнулЪ ямщика онЪ плѣтью какЪ ПеруномЪ;
Хотя на ней столбецЪ не очень толстой былЪ,
Однако изЪ руки Капральской ярко билЪ.
ЯмщикЪ остолбенелЪ, но сЪ ногЪ не повалился
За то служивой сей и болѣе озлился,
Что онЪ не видывалЪ такова мужика,
КоторагобЪ ево не сшибла сЪ ногЪ рука;
ВелѣлЪ немедлѣнно связать сего героя.
Который принужденЪ отдаться былЪ безЪ боя.
Не храбрости ЯмщикЪ иль силы не имѣлЪ,
Но знать сЪ Полицїей онЪ ссориться не смѣлЪ.
И бывшимЪ вервїемЪ рукамЪ ево скрѣпленнымЪ,
Ведется абїе вЪ тюрьму военноплѣннымЪ.

Тогда у Вакха весь надежды лучь погасЪ
И во отчаянїи какЪ вЪ морѣ онЪ погрязЪ;
ВыходитЪ изЪ сего пїянаго жилища,
Подобно такЪ какЪ звѣрь бывЪ поднятЪ сЪ логовища.
И болѣе онЪ тутЪ не медля ни часа
ПоѣхалЪ сЪ дятькою своимЪ на небеса;
ЛетитЪ попрытче онЪ Царицы Амазонской,
Что вихри быстротой предЪупреждаетЪ конской,
ЛетитЪ на тиграхЪ онЪ крылатыхЪ, такЪ какЪ вѣтрЪ
ВосходитЪ пыль столпомЪ изЪ подЪ звѣриныхЪ бедрЪ,

Хоть пыль не изъ подъ бедръ восходитъ всѣмъ извѣстно,
Но было оное не просто но чудесно.
 Онъ ѣхалъ въ небеса и тигровъ погонялъ,
Власы кудрявыя вѣтръ тонкій возвѣвалъ,
Колени тучные на ружѣ были видны
И узломъ связаны воскрилія Хламидны,
Багрянъ сафьянъ до икръ Черкески чеботы
Превосходили всѣ убранства красоты,
Персидской былъ кушакъ, а шапочка соболья.
Изъ пѣсни взятъ уборъ, котору у приволья
Бурлаки Волгскіе напившися поютъ,
А пѣсенку сію Камышенкой зовутъ,
Рѣка, что устьецомъ въ мать Волгу протѣкаетъ,
Искусство красоты отвсюду извлекаетъ.

 Уже пріѣхалъ Вакхъ къ мѣстамъ тѣмъ на конецъ,
Въ которыхъ пьянствуетъ всегда его отецъ,
И бывъ взнесенъ туда звѣрей своихъ услугой
Увидѣлъ своего родителя съ супругой,
Юнона не въ вѣнцѣ была но въ тряухѣ,
А Зевесъ не на Орлѣ сидѣлъ, на Пѣтухѣ;
Сей голову свою межъ ногъ ево уставя
Кричалъ: какореку, Юнону тѣмъ забавя,
Владѣтель горнихъ мѣстъ, межъ облачныхъ зыбей
Заснулъ, и подпустилъ Юнонѣ голубей,
Отъ коихъ мать боговъ свой носъ отворотила
И рѣчью таковой надъ мужемъ подшутила:
Возведши на нево сперьва умильный взглядъ,
„ Или и боги такъ какъ смертные шалятъ?
„ Знать съ лишкомъ батька мой Нектарца ты искушалъ.
Зевесъ ея рѣчей съ пріятностію слушалъ.
И божескій отвѣтъ изрекъ ей на вопросъ:
Знать не пришибенъ твой еще, Юнона, носъ?

При сихъ словахъ ее рукою онъ погладилъ,
Тутъ Момъ приставъ къ рѣчамъ и къ шуткѣ ихъ подладилъ.
Съ насмѣшкою сказалъ: о сильный нашъ Зевесъ!
„ Я вижу, что и ты такой же Геркулесъ.
„ Которой у своей Амфалїи съ недѣлю
„ Оставя важныя дѣла, и прялъ кудѣлю.
„ Но что я говорю? Таковъ весь нынѣ свѣтъ
„ Уже у модныхъ жонъ мужей какъ будто нѣтъ,
„ Я вижу всякой день глазами то моими
„ Мужья всѣ простаки, владѣютъ жоны ими.
Юнонѣ рѣчь сїя казалася груба.
Сказала слушай Момъ, мнѣ шутка не люба;
„ Ты ею множество честныхъ людей обидишь.
„ Какъ будто ты мужей разумныхъ ужь не видишь?
„ Послушай бѣдной Момъ ты слова моево:
„ Мужья женамъ своимъ послушны для тово.
„ То правда иногда и жоны предъ мужьями . .
„ Но что . . . Не сыплется сей бисеръ предъ свиньями.
„ На что мнѣ съ дуракомъ терять мои слова
„ Не можетъ ихъ понять пустая голова.
Тутъ Момъ хотѣлъ было насмѣшкой защищаться
И видно что бы имъ безъ ссоры не расстаться
И быть бы согнанныхъ имъ съ неба обоимъ,
Но воспрепятствовалъ прїѣздомъ Вакхъ своимъ.

Имѣя очеса слезами окроплены
Вѣщаетъ такъ: о ты правитель всей вселенны!
„ Возри ты на мои потоки горькихъ слезъ
„ Возри, и сжалься ты на скорбь мою Зевесъ,
„ Ты мощїю своей всѣмъ свѣтомъ управляешъ
„ И ты въ напастяхъ насъ всегда неоставляешъ,
„ Какою мерзостью тебя я прогнѣвилъ,
„ Что ты откупщиковъ на хмѣль возстановилъ.

,, И отдалЪ вЪ руки ты вино такимЪ тиранамЪ?
,, Ты не былЪ столько строгЪ во гнѣвѣ и ТроянамЪ
,, Колико лютЪ теперь являешися мнѣ,
,, Не согрѣшившему ни вЪ пьянствѣ, ни во снѣ:
,, Я кровь твоя, тобой я жизнь мою имѣю,
,, Воспомни ты свою любезну Семелею
,, И ежели она еще тебѣ мила?
,, Склонись и не входи ты вЪ пьяныя дѣла,
,, На что тебѣ вЪ дѣла стороннія мѣшаться
,, Твой долгЪ есть, отче мой пить, ѣсть и утѣшаться;
,, Но ты теперь пути кЪ пїянству заградилЪ.
,, По обѣщанїю ль меня ты наградилЪ?
,, Ты клялся нѣкогда, что вЪ будущїя лѣта
,, Сопьются жители всего пространна свѣта,
,, И что продлится то до познѣйшихЪ временЪ.
,, И какЪ твой сталЪ обѣтЪ мой отче премѣненЪ?

Тогда отецЪ боговЪ сыновни рѣчи внемлетЪ
И отягченные виномЪ глаза подъемлетЪ,
Такой сЪ усмѣшкою на Вакха взорЪ возведЪ
Какой имѣлЪ какЪ шелЪ сЪ Юноной на подклѣтЪ
Облобызалъ ево, и такЪ ему вѣщаетЪ:
,, Я вижу, что тебя печаль твоя смущаетЪ.
,, Но ты останься здѣсь и больше не тужи.
,, И прозьбу такову до утра отложи,
,, А утро вечера всегда помудренѣе;
,, ТыжЪ видишЪ что я самЪ тебя еще пьянѣе,
,, Ты видишЪ подлинно, что я сїе не вру,
,, Я завтра всѣхЪ боговЪ вЪ присутствїе сберу
,, О важныхЪ я дѣлахЪ одинЪ не разсуждаю
,, И пьяной ни ково ни вЪ чемЪ не осуждаю;

,, Коль надобенъ тебѣ, мой сынъ правдивый судъ,
,, Безсмертные твое все дѣло разберутъ.
Я слышалъ нѣкогда Церера здѣсь просила
,, И вотъ прошенія ея какая сила:
,, Что весь почти спился на свѣтѣ смертныхъ родъ
,, И хлѣбу отъ тово великой переводъ,
,, Купцы, Подъячіе, Художники, Крестьяне;
,, Спилися скругу всѣ и насъ забыли въ пьянѣ,
,, А сверхъ того еще отъ сидки винной дымъ,
,, Восходитъ даже къ симъ селеніямъ моимъ.
,, И выкурилъ собой глаза мои до крошки.
,, Которы были, самъ ты помнишь, будто плошки.
,, А нынѣ видишь ты ужъ стали какъ сморчки
,, И для тово то я ношу теперь очки.
,, Церера жъ во своемъ прошеніи пишетъ ясно,
,, Что быть свободному вину не безъопасно,
,, Коль такъ оставить, то сопьется цѣлой свѣтъ,
,, А земледѣліе на вѣки пропадетъ.

Тогда Зевесу Вакхъ печально отвѣщаетъ:
,, Коль Земледѣлію піянство рекъ, мѣшаетъ?
,, Я болѣе теперь о томъ не говорю.
,, Пусть боги разберутъ межъ насъ съ Церерой прю,
,, Я ето потерпѣть до завтрѣе умѣю,
,, А нынѣ прозьбу я поважнѣе имѣю:
,, Ямщикъ на кабакѣ теперь лишь въ дракѣ взятъ,
,, А онъ возлюбленный наперстникъ мой и братъ,
,, Ево уже теперь въ Полицію хмѣльнова
,, Ведутъ, или свели, гдѣ цѣпь ему готова.

„ Ты можешъ отче мой сїе предъупредить
„ И друга моево отъ кошекъ свободить,
„ Я знаю на нево тамъ всѣ вознегодуютъ
„ И кошками ему всю рѣпицу отдуютъ.
„ Полицїя уже мнѣ стала дорога
„ И въ ней то точнаго имѣю я врага,
„ Она всѣхъ забїакъ и пьяницъ ненавидитъ
„ И болѣе меня, чемъ ты, еще обидитъ,
„ Отъ ней то къ пьянству всѣ пресѣчены пути.
„ Помилуй отче мой, вступись и защити!

Тогда Зевесъ къ себѣ Ермїя призываетъ
Призвавъ, и тако онъ ему повелѣваетъ:
„ Послушай меня, возлюбленный мой сынъ,
„ Ты знаешъ самъ, что иной рожденъ не ты одинъ;
„ Сераль по больше я Султанскова имѣю
„ И ежели теперь похвастаться я смѣю,
„ Отъ непрестанныя забавы въ прежни дни,
„ Побольше всѣхъ боговъ имѣю я родни,
„ И такъ не долженъ ли о дѣтяхъ я печися.
„ Сему то у меня Ермїюшка учися,
„ Не чудно, что я вамъ столь многимъ есмь отецъ
„ Хитро, что мой поднесь не баливалъ хрестецъ.

Се такъ разоврался отецъ безсмертныхъ оный
И навралъ бы еще онъ словъ сихъ миллїоны,
Когда бы тутъ ево супруга не была;
Сїя изъ подъ бровей взоръ косо возвела,
И тѣмъ перервала ево пустыя рѣчи,
Какихъ бы онъ наклалъ Ермїю полны плечи
Отяготя сего разумнаго посла,
И здѣлалъ бы ево похожимъ на осла.

Но вдругъ что заврался, онъ самъ то ощущаетъ
И пустословіе оставя такъ вѣщаетъ:
Послушенъ будь Ермій приказу моему,
,, Возможно все сіе проворству твоему.
,, Услуги мнѣ твои давно уже извѣстны;
,, Оставь ты, сей же часъ, селенія небесны
,, И слову моему со тщаніемъ внемли,
,, Ступай и на пути ни мало не дремли,
,, Неси скорѣе всѣмъ безсмертнымъ повелѣнье,
,, Скажи, что есть на то мое благозоленье;
,, Едва покажется заря на небеса
,, И станетъ озлащать и горы и лѣса,
,, Доколѣ Фебъ съ одра Фетидина не вспрянетъ;
,, Да на Олимпъ ко мнѣ безсмертныхъ сонмъ предстанетъ,
,, А естьли кто изъ нихъ хоть мало укоснитъ,
,, Тотъ будетъ обращенъ воронкою въ Зенитъ,
,, А попросту сказать, повѣшу въ верхъ ногами,
,, И будетъ онъ висѣть какъ шутъ между богами,
,, Не сорвется во вѣкъ ктобъ ни былъ какъ удалъ
,, Но я еще не весь приказъ тебѣ мой далъ;
,, Коль будетъ все сіе исполнено тобою,
,, Подщися ты потомъ помочь тому Герою,
,, О коемъ Баккъ меня съ покорностью просилъ;
,, Ступай и покажи своихъ ты опытъ силъ;
,, А сей Герой Ямщикъ, которой за буянство
,, Сведенъ въ Полицію и посаженъ за пьянство,
,, И естьли ты ево оттоль не свободишъ
,, Такъ самъ ты у меня въ острогѣ посидишъ.

Тогда Ермій приказъ Зевесовъ строгій внемлетъ
Онъ крылья привязавъ посолскій жезлъ прїемлетъ,
Спускается на низъ съ превыспреннихъ круговъ
Летитъ, и ищетъ всѣхъ, какъ гончій песъ боговъ,
Находитъ ихъ съ трудомъ въ странахъ вселенной разныхъ
И всѣхъ находитъ онъ боговъ тогда не праздныхъ;
Плутонъ по мертвецѣ съ жрецами пировалъ,
Вулканъ на Устюжнѣ пивной котелъ ковалъ
И знать, что помышлялъ онъ къ празднику о брагѣ;
Жена ево была у женъ честныхъ въ ватагѣ,
Которыя собой прельщаютъ всѣхъ людей,
Купидо на часахъ стоялъ у Лебедей.
Марсъ съ нею былъ тогда, а Геркулесъ отъ скуки
Игралъ съ рабятами клюкою длинной въ суки,
Цибелла старая во многихъ тамъ избахъ
Загадывала всѣмъ о щастьѣ на бобахъ,
Минерва, можетъ быть то было для игрушки,
Точила дѣвушкамъ на кружево коклюшки,
Нептунъ съ предлинною своею бородой
Трезубцемъ, иль сказать яснѣе острогой,
Хотя не свойственно угрюмому толь мужу,
Мутилъ отъ солнышка растаявшую лужу
И преужасныя въ ней волны воздымалъ,
До тѣхъ поръ, что свой весь трезубецъ изломалъ;
Чему всѣ малыя рабята хахатали
Снѣжками въ старика безъ милости метали;
Сей богъ ребяческихъ игрушекъ не стерпѣлъ,
Озлобился на нихъ и гнѣвомъ закипѣлъ

Хотѣлъ изъ нихъ тотчасъ повытаскать всѣ души
Но ихъ отцы вступясь ему нагрѣли уши,
И въ зашей и въ бока толкали водъ Царя
При всякомъ такъ ему ударѣ говоря:
„ Не прогнѣвись, что такъ ты принятъ не учтиво,
„ Ты въ старь бывалъ въ чести, а нынѣ ты не въ диво
„ Мы благодатїю Господней крещены
„ И больше пращуровъ своихъ просвѣщены
„ Не станемъ Бога чтить въ такомъ какъ ты болванѣ.
Такъ православные кричали всѣ крестьянѣ.
Ермїй примѣтя то скорѣе прочь пошелъ,
Не много погодя другихъ боговъ нашелъ,
Гоняла кубари на льду бичомъ Беллона,
Не въ самой праздности нашелъ и Аполлона,
Во упражденїи и сей пречудномъ былъ,
Онъ у крестьянина дрова тогда рубилъ,
И высунувъ языкъ какъ песъ уставше рея
Удары повторилъ въ подобїе Хорея,
А иногда и ямбъ и дактиль выходилъ,
Кругомъ ево соборъ писачекъ разныхъ былъ;
Сїи, не знаю что, между собой варчали,
Такъ знать они его удары примѣчали,
И выслушавши всѣ удары топора,
Пошли въ свояси всѣ, какъ будто мастера;
По возвращенїижъ своемъ они отъ толѣ
Гордились, будто бы учились въ спаской школѣ.
Не зная каковой въ какихъ стихахъ размѣръ:
Иной изъ нихъ возмнилъ, что Руской онъ Гомеръ,
Другой тогда себя съ Виргилїемъ равняетъ,
Когда еще почти онъ грамотѣ не знаетъ,
А третїй прославлялъ толико всѣмъ свой даръ,
И почиталъ себя не меньше какъ Пиндаръ;

Но то не мудрено, что такъ они болтали
Лишь только мудрено, что ихъ стихи читали,
Стихи, которые не стоятъ ни чево
У знающихъ, кромѣ презрѣнья одново.
Которые сердцамъ опаснѣе отравы,
Теперь я возглашу: о времена! о нравы!
О воспитанiе! пороковъ всѣхъ отецъ
Когда явиться твой когда у насъ конецъ,
И скороли уже такiя дни настанутъ?
Когда торжествовать невѣжды перестанутъ.
Нѣтъ, знать скорѣй судьба мой краткiй вѣкъ промчитъ,
Чемъ просвѣщенiе тѣ нравы излѣчитъ,
Которые вранья съ добромъ не различаютъ.
Иль воскресенiя ужъ мертвыхъ быть не чаютъ
И не страшатся быть истязаны за то?
Что Ломоносова щитаютъ ни за что,
Постраждутъ, какъ бы въ томъ себя не извиняли
Коль славнаго пѣвца съ плюгавцомъ соравняли;
Но мщенья кажется довольно имъ сево,
Что брѣдни въ свѣтѣ ихъ не стоятъ ни чево.
У славнова пѣвца тѣмъ славы не умалитъ
Когда ево какой невѣжда не похвалитъ;
Преобратится вся хула ему же въ смѣхъ.
Но и твердить о сихъ срамцахъ мнѣ мнится грѣхъ,
А славнѣйшихъ пѣвцовъ стихи пребудутъ громки
Коль будутъ ихъ читать разумные потомки.

Постой о муза! ты ужъ сшиблася съ пути
И бредни таковы скорѣе прекрати,
Въ нравоученые ты не къ стати залетела
Довольно про тебя еще осталось дѣла.

Скажи мнѣ, что потомъ посланникъ учинилъ!
Боюсь я что бы онъ чево не проронилъ
И не подверженъ былъ онъ гнѣву отъ Зевеса
Болтлива ты весьма, а онъ прямой повѣса.

Тутъ болѣе Ермїй промедлить не хотѣлъ
Онъ встрѣпенувшися къ Церерѣ полетѣлъ;
Всю влагу воздуха крылами разсѣкаетъ
И на конецъ Ермїй Цереру обрѣтаетъ,
Не въ праздности сїя богиня дни вела
Но изряднїохонько и домикомъ жила:
Она тогда возставъ со дневнымъ вдругъ свѣтиломъ
Трудилась на гумнѣ съ сосновымъ молотиломъ,
Подъ коимъ охали пшеничныя снопы;
Посолъ, узрѣлъ ее, направилъ къ ней стопы
И дѣло своего посольства отправляетъ
Отвѣся ей поклонъ, то мѣсто оставляетъ,
И прямо отъ нея къ полицїи летѣлъ
Во врана превратясь, на кровлю тамо сѣлъ:
Не зная какъ ему во оную забраться;
Десятскихъ множество, и естьли съ ними драться?
Они ево дубьемъ конечно побѣдятъ
И какъ озорника тудаже засадятъ,

Подобно какъ орелъ, когда отъ глада таетъ,
Надъ жареной во кругъ говядиной летаетъ
Котора у мордвы на угольяхъ лежитъ;
Летая такъ Ермїй, съ задору весь дрожитъ
И мнитъ, коль ямщика онъ въ добычь не получитъ
Тогда ево Зевесъ какъ дьявола размучитъ
Онъ рекъ: готовъ я самъ въ полицїю попасть,
Чемъ отъ Зевесовыхъ мнѣ рукъ терпѣть напасть

И прямо говорю, каковъ ужъ я ни стану,
Тебя я, душечка моя, ямщикъ достану,
Пустыя онъ слова не долго продолжалъ
Подобно какъ ядро изъ пушки завизжалъ:
Спустился онъ на низъ и трижды встрепенулся,
Уже по прежнему въ свой видъ перевернулся,
Онъ крылья подъ носомъ какъ черной усъ кладетъ
Одежду превратилъ въ капральской онъ калетъ,
А жезлъ въ подобїе его предлинной шпаги,
И тако нашъ Ермїй исполненъ бывъ отваги:
Приходитъ съ смѣлостью на полицейскїй дворъ
Бывъ подлинно тогда посолъ, карпалъ и воръ

ПОЕМА ЕЛИСЕЙ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Итакъ уже Ермій капралу сталъ подобенъ,
А обмануть всегда, и всякаго способенъ;
Не только чтобъ цыганъ или коварный грекъ,
Не могъ бы и французъ провесть его во вѣкъ.
Такія онъ имѣлъ проворства и затѣи
Какихъ невымыслятъ и сами Іудеи.

Когда утухнула вечерняя заря,
Покрылись темнотой и суша и моря,
По улицамъ шумѣть буяны перестали
И звѣзды частыя по небу возблистали;
Тогда посланникъ сей темничну дверь отверзъ,
И вшелъ не яко тать, но яко воинъ влѣзъ,
Тутъ петли у дверей хотя и заскрипѣли
Но караульные разиня рты храпѣли;
Ермій однакоже, чтобъ ихъ не разбудить
Въ темницу лѣствицей тихонько сталъ сходить,
Иль красться, ежели то вымолвишь поруски;
Къ нещастью лѣствичны ступени были узки,
И тако сей тогда проворный самый богъ,
Споткнулся полетѣлъ, упалъ и здѣлалъ жохъ,
А попросту сказать; на задницѣ скатился
Чемъ сырной всей конецъ недѣлѣ учинился.

И естьлибъ не Ермїй, но былъ бы самъ капралъ
Конечно бы свою онъ спину изодралъ
И здѣлалъ позвонкамъ не мало бы ущерба,
Не обойтися бы служивому безъ герба;
А попросту сказать не быть бы безъ тавра,
И не дочесться бы девятаго ребра;
Но онъ какъ божество не чувствовалъ сей боли,
Скатился безъ вреда въ темничныя юдоли,
Гдѣ скука, распростря свою ужасну власть,
Предвозвѣщала всѣмъ колодникамъ напасть.
Тамъ зрѣлися вездѣ томленїя и слезы,
И были тамъ на всѣхъ колодки и желѣзы.
Тамъ нужныхъ не было для жителей потребъ,
Вода ихъ питїе, а пища только хлѣбъ.
Не чермновидныя стояли тамо ложи,
Висѣли по стѣнамъ цыновки и рогожи,
Раздранны рубища всегдашнїй ихъ нарядъ,
И обонянїе единый только смрадъ;
Среди ужаснаго и скучнаго толь дома
Невидно никово въ нихъ было економа:
Покойно тамъ не спятъ и сладко не ядятъ:
Всѣ жители оттоль какъ будто вонъ глядятъ,
Лишенны вольности напрасно стонъ теряютъ
И своды страшные, ихъ стонъ лишь повторяютъ,
Ихъ слезы, ихъ слова не внятны ни кому:
Сей видъ ужасенъ сталъ Ермїю самому.
И се увидѣлъ онъ соборъ пїяницъ разныхъ,
Но всѣхъ увидѣлъ онъ другъ другу сообразныхъ,
Однакожъ ямщика багровыя черты
Не скрыли и среди ночныя темноты;
Встревоженная кровь отъ хмѣля въ немъ бродила
И будто клюква вся на ружу выходила.
По знакамъ симъ Ермїй Елесю познаетъ,
Тихонько онъ къ нему на цыпочкахъ идетъ,

Уже приближился къ безъ памяти лежащу,
И видитъ подлѣ бокъ его молодку спящу,
Котора такожде любила сильно хмѣль.
И вѣдая, что ей не пить ужъ семь недѣль,
Она тотъ день въ себѣ червочка заморила,
И тѣмъ великїй постъ заранѣ предварила:
Сїя тогда была безъ всякихъ оборонъ,
И былъ растегнутъ весь на ней ея рабронъ,
Иль внятнѣе сказать, худая телогрея.

Тогда Ермїй, ево пославша волю дѣя,
Старается оттоль исторгнуть ямщика:
Толкаетъ спящаго и въ зашей и въ бока,
Но пьянаго поднять не могутъ и побои.
Елеська тако спитъ, какъ спали въ старь герои,
Что инако не льзя ихъ было разбудить,
Какъ развѣ по бокамъ дубиной походить.

О вы преславные творцы! Венецїана,
Петра златыхъ ключей, Бовы и Еруслана;
У васъ то Витязи всегда сыпали такъ,
Что ихъ прервати сна не могъ ни чей кулакъ:
Они-то палицу сдѣланну изъ стали
Пудъ слишкомъ въ пятьдесятъ, за облако метали.
Теперь повѣрю я, что вы не врали въ вѣкъ,
Когда сыскался здѣсь такой же человѣкъ,
Котораго Ермїй возстати какъ ни нудитъ,
Толкаетъ, щиплетъ, бьетъ; однако не разбудитъ.

Когда Ермїй не могъ Елесю разбудить,
Тогда онъ вздумалъ ихъ съ молодкой перрядить;
Со обоихъ тотчасъ онъ платье скидываетъ,
Молодку въ ямщиковъ кафтанъ передѣваетъ,

А ямщика одѣлъ въ молодушкинъ нарядъ:
Симъ вымысломъ Ермїй доволенъ былъ и радъ,
Что онъ не разбудилъ, бїя Елеску прежде,
Елеська на себя не схожъ ужъ въ сей одѣждѣ
И стали скрыты всѣ татьбы его слѣды:
Ямщикъ былъ безъ уса, ямщикъ безъ бороды,
И словомъ счесть сего нельзя за не былицу.
Чтобъ не былъ Елисей не схожъ на молодицу.
Тогда то все Ермїй искуство показалъ;
Елесѣ голову платочкомъ повязалъ
И посадилъ къ себѣ храпящаго на лоно,
Ужъ стала не нужна и дверь во время оно.
Ермїй ужъ какъ божокъ то дѣлалъ что хотѣлъ.
Въ минуту порхъ въ окно, взвился и полетѣлъ;
Не держатъ кандалы Ермїя ни запоры.
И можноль удержать, гдѣ есть такїе воры,
Предъ коими ни что и стража и замки,
Вѣть боги Еллински не наши мужики!

Гдѣ рѣчка чорная съ фонтанкою свилися
И устьемъ въ устїе Невы рѣки влилися;
При устїи сихъ рѣкъ на самомъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ росъ калиновъ лѣсъ, стоялъ огромный домъ
По лѣсу оному и домъ именовался,
А именно сей домъ калинкинъ назывался;
Въ нево то были всѣ распутныя жены
За сластолюбїе свое посажены;
Тамъ комнаты въ себя искуство ихъ вмѣщали
Единыя изъ нимъ ленъ въ нитки превращали;
Другїя кружева изъ нитокъ тѣхъ плѣли,
Иныя кошельки съ перчатками вязли
Трудились тако всѣ дѣла къ рукамъ приближа.
И словомъ былъ екстрактъ тутъ цѣлаго Парижа:

Тамъ каждая была какъ ангелъ во плоти.
За тѣмъ, что домъ сей былъ всегда на заперти.
Еще завѣсу ночь по небу простирала
И Фебу въ міръ заря воротъ не отворяла,
И онъ у своея любезной на рукѣ,
Еще покоился на мягкомъ тюфякѣ;
Когда Ермій съ своимъ подкидышемъ принесся
Подкидышъ былъ сей лѣтъ осмнатцати Елеся,
А можетъ быть ужъ онъ и больше въ свѣтѣ жилъ.
Принесъ и бережно ево онъ положилъ
Въ обители дѣвицъ по нуждѣ благочинныхъ,
А можетъ быть, не такъ какъ думаютъ и винныхъ:
Съ наружи совѣсти трудненько постигать;
Вольно вить напримѣръ подьячихъ облыгать,
Что будто всѣ они на деньги очень падки,
А ето подлинно на нихъ одни нападки,
Не всѣ то деньгами подьячіе дерутъ,
Иные овсецомъ и сахарцомъ берутъ,
Иные платьецомъ, винцомъ и овощами,
И мягкой рухлядью и разными вещами.
Но шашни мы сіи забвенью предадимъ
И повѣсть къ своему герою обратимъ.
Красавицы того не вѣдаютъ и сами,
Что между ихъ ямщикъ, какъ волкъ между овцами,
Лишь только овчею онъ кожей покровенъ
Голубки, не овца, лежитъ межъ васъ овенъ!
Тогда уже заря румяная всходила,
Когда начальница красавицъ разбудила
Глася: чтобъ каждая оставила кровать,
И стала ремесло имъ въ руки раздавать,
Теперь красавицамъ пришло не до игрушки;
Изъ рукъ тамъ въ руки шли клубки, мотки, коклюшки

Прїемлетъ каждая свое тутъ ремесло,
Работу вдругъ на нихъ какъ бурей нанесло:
Отъ шума онаго Елеся пробудился,
Но какъ онъ между сихъ красавицъ очутился,
Хоть ты ево пытай, невѣдаетъ онъ самъ,
Не сонъ ли думаетъ является глазамъ
И съ мыслью вдругъ свои глаза онъ протираетъ,
Какъ бѣшеной во всѣ углы ихъ простираетъ,
Вездѣ онъ чудеса, вездѣ онъ ужасъ зритъ
И тако самъ себѣ съ похмѣлья говоритъ:
,,Какой меня, какой занесъ сюда лукавой.
,,Или я напоенъ, не водкой, былъ отравой?
,,Что снятся мнѣ теперь такїе страшны сны,
,,Конечно дѣйствїе сїе отъ сатаны.
Такъ съ пьяна Елисей о дѣлѣ разсуждаетъ
И виненъ бывши самъ на дьявола пеняетъ.
Но на конецъ уже и самъ увидѣлъ онъ
Что видитъ на яву ужасный етотъ сонъ,
Теперь, онъ думаетъ, теперь я понимаю,
Что я въ обители, но въ коей я незнаю,
Онъ красныхъ дѣвушекъ монахинями чтетъ,
Началницу въ умѣ игуменьей зоветъ;
Но съ нею онъ вступить не смѣетъ въ разговоры,
Лишъ толко на нее возводитъ томны взоры,
Изъ коихъ онъ свой страхъ началницѣ являлъ
И думать о себѣ иное заставлялъ:
Уже проникнула сїя святая мати
Что на дѣвицѣ сей не дѣвушкины стати
И также взорами дала ему отвѣтъ,
Что страха для нево ни малова тутъ нѣтъ.
О чудо! гдѣ онъ мнилъ, что прямо погибаетъ
Тутъ щастье передъ нимъ колѣна подгибаетъ
И прямо на хребетъ къ себѣ ево тащитъ.
Начальница ему надежной стала щитъ,
Она ему стѣна, теперь скажу я смѣло
Понеже купидонъ вмѣшался въ ето дѣло:

Онъ сердце у нея внезапно прострѣлилъ,
И пламень внутрь ея неистовый вселилъ;
Она ужъ хочетъ знать о всей его судбинѣ,
И хочетъ обо всемъ увѣдать на единѣ,
Рукою за руку ево она взяла
И въ особливую комнату повела.
Потомъ, когда она отъ всѣхъ съ нимъ отлучилась
Рекла: я въ свѣтѣ семъ довольно научилась
,,Прямыя вещи всѣ отъ ложныхъ отличать
,,И такъ не долженъ ты предъ мною умолчать,
,,Скажи мнѣ истинну, кто есть ты и отколѣ?
Елеся тутъ уже не сталъ таиться болѣ.
О мать! онъ возопилъ: хоть я безъ бороды
,,Внемли, я житель есмь ямскїя слободы;
,,Пять лѣтъ какъ я сїю ужъ должность отправляю
,,Пять лѣтъ какъ я кнутомъ лошадокъ погоняю;
,,Ѣжжалъ на рѣзвыхъ я, ѣжжалъ на усталыхъ,
,,Ѣжжалъ на смирныхъ я, ѣжжалъ на удалыхъ,
,,И словомъ для меня саврасая, гнѣдая,
,,Булана, рыжая, игреня, вороная;
,,На всѣхъ сихъ для меня равнїохонка ѣзда,
,,Лишъ былъ бы только кнутъ, была бы лишь узда!
,,Я въ Питерѣ живу безъ собственна подворья
,,А въ Питеръ перешолъ я жить изъ зимогорья,
,,Откуда выгнанъ я на станцїю стоять
,,За тѣмъ, что за себя не могъ я тамъ нанять
,,Другова ямщика... Но ты услышишъ вскорѣ
,,О преужаснѣйшей и кроволитной ссорѣ,
,,Которая была съ валдайцами у насъ.
,,Прости ты симъ слезамъ лїющимся изъ глазъ,

„Я ими то тебѣ довольно возвѣщаю,
„Какую и теперь я жалость ощущаю
„Когда нещастїе мое воспомяну:
„Я мать тутъ потерялъ, и брата, и жену.
Уже мы подъ ячмень всю пашню запахали
„По сихъ трудахъ весь скотъ и мы всѣ отдыхали,
„Ужъ хлѣбъ на полвершка посѣянной возросъ,
„Настало время намъ итти на сѣнокосъ.
„А наши пажити, какъ всѣмъ сїе извѣстно
„Сошлись съ Валдайскими задами очень тѣсно,
„Ихъ нѣкому развесть опричь межевщика:
„Снимала съ нихъ траву сильнѣйшая рука
„И такъ они у насъ всегда бывали въ спорѣ:
„Вотъ вся вина была къ ужасной нашей ссорѣ!
Уже насталъ тотъ день пошли мы на луга
„И взяли молока, яицъ и творога,
„Обременилися со квасомъ бураками.
„Блинами, ситными, виномъ, крупениками;
„Съ снарядомъ таковымъ лишь мы явились въ лугъ
„Узрѣли предъ собой напасть свою мы вдругъ;
„Стоятъ съ оружїемъ тамъ гордые Валдайцы.
„Мы дрогнули, и всѣ побѣгли яко зайцы,
„Бѣжимъ и ищемъ имъ подобнаго ружья,
Жердей, тычинъ, шестовъ, осколковъ и дубья;
„Другъ друга тутъ мы взять шесты предускоряемъ,
„Другъ друга тутъ мы всѣ ко брани предваряемъ,
Начальникъ нашея ямскїя слободы,
„Предвидя изъ сего ужасныя бѣды;
„Садится на коня и насъ всѣхъ собираетъ,
„Лишь собралъ, взялъ перо, бумагу имъ мараетъ.
„Хоть не былъ онъ Французъ и не былъ также Грекъ,

,,ОнЪ руской былЪ, но былЪ приказной человѣкЪ,
,,И былЪ коришневымЪ одѣянЪ онЪ мундиромЪ.
,,Не дай богЪ быть писцу военнымЪ командиромЪ!
,,ОнЪ вынувши перо и пишетЪ имена
,,Тогда какЪ нашу боль ужЪ чувствуетЪ спина
,,ОтЪ низпаденія кЪ намЪ каменнаго града.
И можноль чтобЪ была при писарѣ Паллада:
,,ОнЪ пишетЪ имена, а насЪ валдайцы бьютЪ,
,,Старухи по избамЪ на небо вопіютЪ,
,,Рабята малые, всѣ дѣвки, бабы, куры;
,,Забились подЪ пѣчи. и спрятались вЪ конуры.
,,Мы видимЪ, что не быть письму ево конца
,,Не стали слушаться мы болѣе писца.
,,КакЪ вихри ото всѣхЪ сторонЪ мы закрутились
,,И зжавшись кучею ко брани устремились.
,, Плѣтни ни отЪ воды, немогутЪ насЪ здержать
,,ВалдайцамЪ лишь одно спасеніе бѣжать,
,,Однако противЪ насЪ стоятЪ они упорно,
,,И дѣйствуюшЪ своимЪ дреколіемЪ проворно,
,,Не можемЪ разорвать мы ихЪ порядка связь:
,,ЛетятЪ со обоихЪ сторонЪ каменья, грязь,
,,НеистовыхЪ людей военные снаряды;
,,МараемЪ и разимЪ другЪ друга безЪ пощады.
,,Но наши такЪ стоятЪ какЪ твердая стѣна.
,,Прости, что я теперь на помню имена,
,,Которыя сюда вносить хотябЪ не кЪ стати,
,,ОднакЪ безЪ нихЪ нельзябЪ побѣды одержати;
,,Хотя бы нашЪ писецЪ еще мудрѣе былЪ;
,,Но он бы лбомЪ своимЪ стѣны той не разбилЪ,
,,Которую едва мы кольемЪ раздробили.
,,УжЪ мы каменьями другЪ друга больно били,
,,КакЪ первой Стіопка нашЪ, ужасной озорникЪ;
,,Хотя не взраченЪ онЪ, но сильной былЪ мужикЪ.

„Сей сЪ яростїю вЪ бой ближайшїй устремился;
„И вЪ кучу толстую кЪ валдайцамЪ проломился,
„БїетЪ уразпиой, возсталЪ межЪ ими крикЪ,
„А стїопка дѣйствуетЪ надЪ ними какЪ мясникЪ.
„ПотомЪ тотЪ часЪ ево племянникЪ взявЪ дубину
„Помчался оробѣлЪ, и далЪ имЪ видѣть спину
„Гдѣ рѣзвый на нево валдаецЪ наскочилЪ,
„И верьхЪ надЪ нашимЪ сей героемЪ получилЪ;
„ВЪ срединѣ самыя кровопролитной сѣчи,
„ВскочилЪ ко нашему герою тотЪ на плечи,
„И превознесся тѣмЪ надЪ всею онЪ ордой,
„ОнЪ началЪ битвою, а кончилЪ шахордой;
„Но шутка такова окончилась бѣдою.
„ВалдаецЪ не успѣвЪ поздравить насЪ сЪ ѣздою.
ПлемянникЪ СстїопкинЪ взявЪ валдайца за кушакЪ,
„И тропнулЪ о землю сего героя такЪ:
„Что носЪ ево разбилЪ и здѣлалЪ какЪ плющатку,
„СЪ тѣхЪ порЪ онЪ на носЪ свой кладетЪ всегда заплатку.
„И се увидѣли мы всѣ тогда вЪ дали.
„Несется человѣкЪ замаранЪ весь вЪ пыли;
„То былЪ прегордый самЪ валдайцовЪ предводитель;
„Сей скотЪ былЪ нашему подобный управитель;
;,Свирѣпствуя на насЪ, во внутреннемЪ огнѣ,
„ОнЪ скачетЪ кЪ нашему герою на конѣ.
„Всѣ мнили что они ужасною борьбою.
ОкончатЪ общїй бой одни между собою;
Всѣ смотримЪ, всѣ стоимЪ, и всѣхЪ насЪ обнялЪ страхЪ,

„Уже съѣжжаются герои на коняхъ.
„Но вдругъ тутъ мысли въ нихъ совсемъ перемѣнились;
„Они не билися но только побранились,
„Оставя кончить бой единымъ только намъ,
„Ихъ кони развезли обѣихъ по домамъ.
Межъ тѣмъ ужъ солнушко, коль хочешъ ето вѣдать?
„Сїяло такъ, что намъ пора бы и обѣдать,
„И естьли бы не бой проклятой захватилъ?
„Я можетъ быть кускабъ ужъ два три проглотилъ;
„Но въ обстоятельствѣ, въ какомъ была жизнь наша,
„Не шли на умъ мнѣ щи ниже крутая каша.
Когда началниковъ лошадки развезли,
„Тогда прямую мы войну произвели;
„Не стало между всѣхъ порядка ни какова,
„И съ тѣмъ не стало вдругъ большова ни меньшова,
„Смѣсилися мы всѣ и стали всѣ равны:
„Трѣщатъ на многихъ тамъ и порты и штаны,
„Восходитъ пыль столпомъ, какъ облако вїется
„Визгъ, топотъ, шумъ и крикъ повсюду раздается,
„Я множество побой различныхъ тамо зрѣлъ:
„Иной противника дубиною огрѣлъ,
„Другой повергъ врага, запявъ черезъ колено,
„И держитъ надъ спиной взнесенное полено,
„Но вдругъ поверженъ бывъ дубиной, самъ лежитъ
„И побѣдителя поматерны пушитъ;
„Иные за виски другъ друга лишъ ухватятъ,
„Уже другъ друга жмутъ, ерошатъ и клокатятъ.

,,Хотябъ и бритой къ намъ татаринъ подскочилъ
,,И тотъ бы думаю ерошка получилъ.
,,А вы о бороды! раскольничье убранство,
,,Вы чувствовали тутъ всѣхъ большее тиранство
,,Лишь только подъ животъ, кто дастъ кому тычка,
,,Анъ вдругъ бородушки не станетъ ни клочка
,,И въ ней роспишется рука другова вскорѣ.
,,И такъ съ Валдайцами мы долго были въ спорѣ
,,Непреставаючи другъ друга поражать,
,,Кому приличнѣе побѣду одержать.
,,Но наконецъ мы ихъ проворству уступили,
,,И тылъ соперникамъ неволей обратили:
,,Побѣгли мы чрезъ долъ, -- о долъ, плачевный долъ!
,,У каждой женщины въ зубахъ мы зримъ подолъ,
,,Быгутъ и всѣ творятъ движенїе различно.
,,Но мнѣ тебѣ сего вѣщати не прилично,
,,Скажу лишь то, что мы ихъ зрѣли много тѣлъ.
,,Вдругъ братъ мой въ помощь къ намъ какъ ястребъ налетѣлъ,
,,Смутилъ побоище какъ брату онъ въ ушатѣ.
,,Но не поставь мнѣ въ ложь, что я скажу о братѣ;
,,Имѣя толстую уразину въ рукахъ,
,,Наноситъ нашимъ всѣмъ врагамъ онъ ею страхъ:
,,Гдѣ съ нею онъ пройдетъ, тамъ улица явится,
,,А гдѣ повернется, тамъ площадь становится.

,,Уже онъ близъ часа Валдайцовъ поражалъ
,,И словомъ отъ нево тамъ каждый прочь бѣжалъ,
,,Какъ вдругъ противъ его соперникъ появился,
,,Вдругъ подвигъ братнинъ тутъ со всѣмъ остановился;
,,Валдаецъ сей къ нему на шею вдругъ повисъ
,,И ухо правое у брата прочь отгрызъ.
,,И тако братецъ мой возлюбленный Илюха
,,Пришолъ на брань съ ушми, а прочь пошелъ безъ уха:
,,Тащится какъ свинья со всѣмъ окровавленъ,
,,Изъѣденъ, оборванъ, а пуще острамленъ,
,,Какая же, суди, мнѣ здѣлалась утрата,
,,Лишился уха онъ, а я лишился брата!
,,Съ тѣхъ поръ за брата я ево не признаю.
,,Не мни, что я сказалъ напрасно рѣчь сїю:
,,Когда онъ былъ еще съ обѣими ушами
,,Тогда онъ трогался нещастливыхъ словами,
,,А нынѣ ета дверь со всѣмъ затворена
,,И слышитъ только онъ одно кто молвитъ, на!
,,А дай, сего словца онъ нынѣ ужъ не внемлетъ,
,,И лѣвымъ ухомъ прозбъ ни чьихъ онъ непрїемлетъ,
,,Въ пустомъ колодезѣ не скоро найдешъ кладъ,
,,А мнѣ безъ етова не надобенъ и братъ.

По потерянїи подвижника такова
,,Не стало средства намъ къ побѣдѣ никакова,
,,Валдайцы истинной надъ нами взяли верхъ;
,,Разятъ насъ, бьютъ, тѣснятъ и гонятъ съ поля всѣхъ

,,Пришло было ужЪ намЪ со всѣмЪ вЪ тотЪ день пропасти,
,,Но Стїопка насЪ тогда избавилЪ отЪ напасти:
,,КакЪ молнїя онЪ вдругЪ кЪ намЪ сЪ зади забѣжалЪ,
,,И насЪ уже со всѣмЪ бѣгущихЪ удержалЪ,
,,Постойте, вопїетЪ, рабятушка постойте
,,Сберитесь вЪ кучу всѣ, и нову рать устройте,
,,Все премѣнилося, о радостнѣйшїй часЪ!
,,Сбираются толпы людей на СтїопкинЪ гласЪ.
,,Сбираются, бѣгутЪ, противныхЪ низвергаютЪ
,,И бывшу вЪ ихЪ рукахЪ побѣду исторгаютЪ;
,,Сперлися, сшиблися, исправя свой разстрой,
,,Жарчае прежняго опять былЪ начатЪ бой;
,,Уже противниковЪ кЪ селу ихЪ прогоняемЪ
,,Дреколїя у нихЪ и палки отнимаемЪ,
,,И былЪ бы брани всей конечно тутЪ конецЪ
,,КогдабЪ не выѣхалЪ на помочь кЪ нимЪ чернецЪ;
,,Сей новый ВалаамЪ скотину погоняетЪ,
,,За лѣнь ея своей дубиною пеняетЪ,
,,Но какЪ онЪ тутЪ свою лошадушку ни бьетЪ
,,Лошадушка его не суется вЪ передЪ;
,,ОнЪ взЪѣхалЪ кое какЪ на холмЪ, и насЪ стращаетЪ,
,,И изоустЪ святыхЪ кЪ намЪ клятву испущаетЪ,
,,Но насЪ не токмо та: не держитЪ и дубье:
,,ЛетимЪ мы на враговЪ и дѣлаемЪ свое.
,,Сей благочинный мужЪ, увидя вЪ насЪ упорство,
,,СошелЪ сЪ коня, и ногЪ явилЪ своихЪ проворство,

,,Поспѣшнѣе того, какъ къ намъ онъ выѣз-
жалъ.
,,Явилъ намъ задняя, и къ дому побѣжалъ.

,,Уже явилася завѣса темной ночи
,,И драться болѣе, ни въ комъ не стало мочи,
,,Пошли мы съ поля всѣ, Валдайцевъ побѣ-
дивъ,
,,А я пришелъ домой хоть голоденъ, да живъ,

ЕЛИСЕЙ ПОЕМА

ПЕСНЬ ТРЕТІЯ.

Уже утихло все, и ночь свою завѣсу
Простерла по всему ближайшему къ намъ лѣсу,
Покрыла землю всю и съ нею купно насъ,
Насталъ спокойствія желанный всѣми часъ;
Покоилися мы, покоились Валдайцы,
А на побоищѣ бродили только зайцы,
И тамъ же на рожкахъ играли пастухи.
А дома не спали лишь я, да пѣтухи;
Которы пѣснь свою предъ курами кричали,
А куры имъ на то, по курьи отвѣчали.

Лишь въ домъ я только вшелъ, нашелъ жену безъ косъ,
А матушку прошибъ отъ ужаса поносъ:
Она безъ памяти въ избушкѣ пребывала
И съ печи въ дымовникъ какъ галочка зѣвала,
Перебирая всѣхъ по памяти святыхъ;
Всѣхъ пятницъ, семика, сочелниковъ честныхъ;
Чтобы обѣихъ насъ въ сраженье сохранили,
И цѣлыхъ къ ней домой съ Илюхой возвратили,
Однакожъ по ее несталося сіе:
Отгрызли ухо прочь у дитятка ее,

А съ нею и сего рокъ пущїй совершился.
Лишъ только вшелъ я въ домъ, безмѣрно устрашился,
Увидя мать мою лежащую въ кути;
Она увидѣвши меня, ворчитъ: прости,
Прости мое дитя, я съ свѣтомъ разстаюся,
Она сїе ворчитъ, а я слезами льюся;
Приходитъ мой и братъ съ войны окровавленъ,
Смерть матерня и вой обѣихъ нашихъ женъ
Ко жалости сердца и наши преклонили;
Крѣпились мы, но ахъ! и мы какъ бабы взвыли.
Ужъ тѣло старое оставила душа,
А тѣло безъ души не стоитъ и гроша;
Хотябъ она была еще и не старуха;
Я плачу, плачетъ братъ, но тотъ уже безъ уха.
И трудно было всѣмъ узнать ево печаль,
Старухи ли ему, иль уха больше жаль.
Потеря наша намъ казалась невозвратна,
Притомъ и мертвая старуха не прїятна
На завтрѣ отдали мы ей послѣдню честь:
Велѣли изъ дому ее скорѣе несть
Закутавши сперва холстомъ въ сосновомъ гробѣ,
Предати съ пѣнїемъ ее земной утробѣ.
Симъ кончилась моя послѣдняя бѣда,
По томъ я высланъ былъ на станцїю сюда,
О чемъ уже тебѣ я сказывалъ и прежде.
Но какъ я зрю себя здѣсь въ дѣвичьей одеждѣ
Тово не знаю самъ, и кѣмъ я занесенъ,
Въ обитель оную въ число прекрасныхъ женъ,
Не знаю, по христѣ! тутъ рѣчь перерываетъ
Началница, и такъ ему повелѣваетъ:
Когда ты хочешъ быть здѣсь веселъ и щастливъ?
Такъ ты не долженъ быть детинушка болтливъ;

Молчаніе всево на свѣтѣ семъ дороже
Со мною у тебя едино будетъ ложе,
А попросту сказать, единая кровать,
На коей ты со мной здѣсь будешь ночевать;
Но чтобъ сіе межъ насъ хранилось безъ промашки,
Возми иголочку, садисъ и шей рубашки.
Въ отвѣтъ онъ ей: о мать! я прямо говорю,
Что шить не мастеръ я, а только я порю,
Такъ естли у тебя довольно сей работы,
Отдай лишь только мнѣ и буди безъ заботы,
Я ето дѣло все не мѣшкавъ сотворю;
Хоть дюжину рубахъ я мигомъ распорю!
Она увидѣла, что есть проворъ въ дѣтинѣ,
Не множко по была еще съ нимъ на единѣ,
Потомъ оставила въ комнаточкѣ ево
Пошла, и заперла Елесю одново
Не давши ни одной узнать о томъ дѣвицѣ,
И такъ уже онъ сталъ въ пріятнѣйшей темницѣ.

Межъ тѣмъ уже Зевесъ отъ хмѣля проспался,
И только чаю онъ съ Юной напился,
Какъ вѣстникъ вшедъ къ нему въ божественны чертоги
Сказалъ: что всѣ уже сидятъ въ собраньи боги,
А онъ дабы дѣла вершить не волоча:
Корону на лобъ бухъ, порфиру на плеча,
И взявши за руку великую Юнону
Кладетъ и на нее такуюже Корону.
Уже вошелъ въ чертогъ, гдѣ боги собрались,
Они узря его всѣ съ мѣстъ приподнялись,
И тѣмъ почтеніе Зевесу оказали,
Всѣ сѣли, говорить Церерѣ приказали.

Сія съ почтеніемъ къ Зевесу подошла,
И тако передъ нимъ прошенье начала:

О сильно божество! Зевесъ всѣхъ благъ рачитель,
,,Наставникъ мой, отецъ и мудрый мой учитель;
,,Ты знаешъ, что я для нужнѣйшихъ потребъ,
,,Живущихъ на земли учила сѣять хлѣбъ,
,,Сіе мнѣ удалось, я видѣла успѣхи,
,,Когда пахали хлѣбъ безъ всякія помѣхи,
,,А нынѣ Вакхъ надъ мной побѣду получилъ,
,,Когда сидѣть вино изъ хлѣба научилъ;
,,Всѣ смертныя теперь ударились въ піянство,
,,И вышло изъ того единое буянство.
,,Земля уже почти вся терномъ поросла,
,,Крестьяне въ города бѣгутъ отъ ремесла,
,,И въ таковой онѣ разстройкѣ превеликой,
,,Какъ бабы всѣ почти торгуютъ земляникой,
,,А всякой бы изъ нихъ пахати землю могъ,
,,Суди теперь о семъ ты самъ великій богъ.
Всѣ боги межъ собой тутъ начали ворчати,
Но Зевсъ имъ повелѣлъ всѣмъ тотчасъ замолчати,
А Вакху повелѣлъ не медля отвѣчать,
Когда онъ можетъ чемъ Цереру уличать.

Сей началъ говорить себѣ во оправданье:
,,Такоель нынѣ мнѣ, о боги! воздаянье,
,,Что я съ Церерою стою на сей средѣ?
,,И мнѣ ли молодцу быть съ бабою въ судѣ!
,,Или вмѣняете и то вы мнѣ въ бездѣлье?
,,Что свѣту я открылъ душевное веселье.
,,Когда въ немъ человѣкъ не щастливо живетъ,
,,Онъ щастливъ, ежели вино онъ только пьетъ,

,,Когда печальный мужъ чарчонку выпиваетъ,
,,Съ чарчонкой всю свою печаль онъ забываетъ
,,И воинъ водочку имѣючи съ собой,
,,Хлебнувши чарочку смѣляе идетъ въ бой;
,,Неволникъ на себѣ нося свои желѣзы,
,,Напившися вина льетъ радостныя слезы.
,,Но что я говорю о малостяхъ такихъ,
,,Спросите вы о томъ духовныхъ и мирскихъ,
,,Спросите у дьяковъ, спросите у подьячихъ,
,,Спросите у слѣпыхъ, спросите вы у зрячихъ;
,,Я думаю, что вамъ отвѣтствуютъ одно,
,,Что лучшей въ свѣтѣ даръ для смертныхъ есть вино:
,,Вино сердца бодритъ, желудки укрѣпляетъ,
,,И словомъ, всѣхъ оно людей увеселяетъ.
,,Не веселы бы имъ всѣ были пиршества,
,,Забавъ бы лишены всѣ стали торжества,
,,Когда бы смертные сего не знали дара.
,,Не пьютъ ево одни лишъ Турки и Татара,
Спроси же и у нихъ, не скучноли и имъ.
Онъ кончилъ рѣчь свою послѣднимъ словомъ симъ
Умолкнулъ, и потомъ не хочетъ видѣть свѣта.
На то Зевесъ имъ рекъ: послушайте отвѣта,
Какой я на сїе теперь вамъ изреку,
И медоточную пустилъ изъ устъ рѣку,
Которой не было витїйствїю примѣра:
,,Послушайте меня, ты Вакхъ, и ты Церера,
,,Тебѣ противенъ хмѣль, ему откупщики;
,,Но судите вы такъ какъ частные божки,
,,А я сужу о всемъ и здраво и правдиво.
,,Я думаю, что вамъ и ето будетъ въ диво,
,,По что къ женамъ своимъ ревнуетъ басурманъ
,,А жидъ, французъ и Грекъ способны на обманъ,
,,По что Ишпанецъ гордъ, по что убоги Шведы,
,,И для чего у нихъ Россїяне сосѣды;

,,По что Галанецъ грубъ, британецъ вѣренъ твердъ,
,,Германецъ искрѣненъ, Индѣецъ милосердъ,
,,Арапы дикїе сердца имѣютъ зверски,
,,Италїянцы всѣ и хитры и продерзки;
,,По что Полякъ своимъ словамъ не господинъ,
,,И правды въ вѣкъ цыганъ не молвитъ ни одинъ,
,,По что во всѣхъ вселилъ я нравы столько разны?
,,Повѣрте, что мои въ семъ вымыслы не празны;
,,Я Трою низложилъ, дабы воздвигнуть Римъ,
,,И вамъ ли знать конецъ намѣреньямъ моимъ!
,,Я сдѣлаю что вы съ ней будете согласны,
,,И будете отъ днесь вы оба безопасны:
,,Премудрость возведу я нѣкогда на тронъ,
,,Она содѣлаетъ полезнѣйшїй законъ
,,Которымъ пресѣчетъ, во откупахъ коварство,
,,И будетъ тѣмъ ея довольно государство;
,,Не будетъ откупщикъ земледелцу тамъ мѣшать,
,,А земледелецъ будетъ имъ себя обогащать
,,И будутъ щастливы своею всѣ судьбою,
,,Не ссортесь же и вы теперь между собою.
Симъ словомъ ихъ Зевесъ обѣихъ усмирилъ
И сына своего съ Церерой помирилъ.
Когда Зевесъ изрекъ богамъ, что надлежало,
А Солнце между тѣмъ въ свой домъ уже въ ѣзжало
И тамъ ему жена готовила кровать,
На коей по трудахъ ему опочивать.
И также женъ честныхъ начальница и мати
Готовилась итти съ Елесей ночевати,
Но что бы малому товаръ продать лицомъ
Припёрлася она настоённымъ винцомъ,

Искусною рукой чрезъ разныя затѣи
Поставила чепецъ поверхъ своей тупеи,
А что бы большія придать себѣ красы;
Пустила по плечамъ кудрявыя власы,
Которы цвѣтъ въ себѣ имѣли померанцовъ;
Потратила бѣлилъ и столькоже румянцовъ.
Дабы любовника къ забавамъ возбудить,
Подщалася себя по лутче снарядить,
И думала пробыть всю ночь она въ покоѣ,
Но вотъ случилось съ ней нещастіе какое;

Внезапно тутошней всей стражи командиръ,
Вздѣваетъ на себя и шпагу и мундиръ;
Онъ хочетъ обойтить по комнатамъ дозоромъ,
И хочетъ дѣвушекъ своимъ увидѣть взоромъ.
А въ етомъ дѣлѣ онъ не вѣрилъ ни кому,
Не только чтобъ другимъ, сержанту самому.

Онъ былъ лѣтъ сорока, или уже и болѣ,
Служилъ онъ двадцать лѣтъ, а все служилъ онъ въ полѣ:
Морщливое чело, нахмуренная бровь,
Являли въ немъ уже застылую любовь.
Хотя онъ нѣкогда въ сей школѣ и учился,
Но такъ уже онъ весь въ строяхъ изволочился,
Что всю любовную науку позабылъ.
И словомъ больше онъ солдатъ, чемъ щоголь былъ;
Но стоючи у сихъ красавицъ на сторожѣ
Почувствовалъ въ себѣ, почувствовалъ . . . и чтоже!
Въ какую старичокъ повергнулся напасть?
Сей мужъ почувствовалъ въ себѣ любовну страсть.
И тобы ни чево, что онъ воспламенился,
Но кѣмъ? О ужасъ! онъ началницей плѣнился,

Внезапно на нево блажной навѣялЪ часЪ.
Хоть совѣсть не одинЪ ему твердила разЪ:
,,Мущина вЪ двапщать лѣтЪ красавицамЪ любезенЪ,
,,И вЪ тритцать можетЪ быть для нихЪ еще полезенЪ.
,,А ежели кому пробило сорокЪ лѣтЪ,
,,ТотЪ не званЪ ни куда не ѣзди на обѣдЪ:
,,ДомашнимЪ буди сытЪ; пѣй, ежЪ, живи, красуйся,
,,А кЪ женьщинамЪ отнюдь сЪ амурами не суйся.
Твоя уже чреда любиться протекла.
ТакЪ совѣсть собственна ему тогда рекла.
Но онЪ толь правильнымЪ рѣчамЪ ея не внемлетЪ
КЪ начальницѣ вЪ покой вломиться предпріемлетЪ.
ВѣщаетЪ самЪ себѣ: во чтобЪ ни стало мнѣ.
,,А я пробуду сЪ ней всю ночь наединѣ,
,,Не ужели она вЪ семЪ дарѣ мнѣ откажетЪ?
,,Что на кровать свою уснуть со мной не ляжетЪ,
,,Вѣть я еще себя чрезЪ то не погублю,
,,Когда скажу я ей, что я ее люблю,
,,И ежели она со мной не хочетЪ вздорить,
,,ТакЪ будетЪ ли о сей бездѣлицѣ и спорить.
Се тако командирЪ сЪ собою разсуждалЪ,
И тако онЪ себѣ удачи ожидалЪ;
ВЪ нечистомЪ помыслѣ приходитЪ кЪ той комнатѣ,
ВЪ которой бабушка со внучкомЪ на кроваткѣ.
Она за полчаса предЪ нимЪ туда пришла
И Елисея вЪ ней храпящаго нашла;
Дрожащею рукой ево она толкаетЪ,
И тихимЪ голосомЪ Елесю раскликаетЪ,

Касаяся ему, по имени зоветъ:
Проснися Елисей, проснися ты мой свѣтъ.
Елеся пробудясь, узрѣлъ святую мати
Подвинулся, и далъ ей мѣсто на кровати.

Но только онъ на верхъ блаженства возлетѣлъ,
Какъ грозный командиръ во дверь итти хотѣлъ;
Толкаетъ тростїю и настежъ отворяетъ,
Елеська на верху блаженства обмираетъ,
И съ онаго тотчасъ какъ бѣшеной скочилъ.
Объ етомъ командиръ худое заключилъ,
И сталъ допрашивать Елеську очень строго:
,,Отколѣ ты пришла, одѣта столь убого,
,,И для чего тебя въ моемъ реестрѣ нѣтъ,
,,Скажи голубушка, откуда ты мой свѣтъ?
Тогда не зналъ онъ, что на ето отвѣчати,
Хоть не было на рту замка и ни печати,
Однакожъ Елисей потупяся молчитъ,
А командиръ его штурмуетъ и кричитъ.
Начальница себя отъ бѣдства избавляетъ,
Съ учтивостью сему герою представляетъ,
Чтобъ онъ не гнѣвался напрасно на нее;
Что видитъ предъ собой племянницу ее,
Которая пришла сей день къ ней только въ гости,
Но опасаяся людей лукавыхъ злости,
Не смѣла позно такъ домой она отбыть,
За тѣмъ, чтобъ жертвою насильствїя не быть,
И что за чемъ онъ самъ столь позно къ ней приходитъ.
Такими петлями свой слѣдъ она отводитъ.
Но командиръ ея не внемлетъ льстивыхъ словъ,
За ето онъ хотя въ удавку лезть готовъ,
Что рѣчь ея предъ нимъ единыя обманы;
Объискиваетъ всѣ у дѣвушки карманы,

Не приличится ли виновною она,
Въ карманахъ не было у дѣвки ни рожна,
И не было того, чтобъ можно счесть за кражу;
Однакожъ онъ велѣлъ отвесть ее подъ стражу.

Возможноли сïе постигнути уму
Елеська черезъ день попалъ опять въ тюрьму,
И въ етой бы ему не быть уже безъ казни,
Когда бы Вакхъ къ нему нечувствовалъ прïязни.
Къ Зевесу онъ, Зевесъ Ермïя нарядилъ,
Чтобъ паки онъ ево отъ узъ освободилъ.

Сей тотчасъ прилетѣлъ къ нему несомъ какъ вѣтромъ,
Но былъ уже Ермïй одѣянъ петиметромъ;
Высокая тупе, подправлены виски.
Уже онъ снялъ съ себя капральскïе уски,
И такъ же не былъ онъ одѣянъ и калетомъ;
Ермïй со тросточкой, Ермïй мой со лорнетомъ,
Въ которой чваняся на дѣвушекъ глядѣлъ.

Тогда на ямщика онъ шапочку надѣлъ,
А даръ въ себѣ такой имѣла шапка ета
На чью бы голову была она ни вздѣта,
И кто покроется покровомъ лишъ такимъ;
Изчезнетъ абïе, и будетъ не видимъ.
И тако бывъ покрытъ покровомъ симъ Елеся
Вторично въ комнату къ начальницѣ принесся
И съ нею цѣлу ночь въ забавахъ проводилъ.
Межъ тѣмъ ужъ утра часъ девятый приходилъ,
Когда разгнѣванный любовникъ пробудился
И арестованной колодницы хватился,
Тогда въ глазахъ его блистали гнѣвъ и месть,
Велитъ не медлѣнно къ себѣ ее привесть,

Но караулные ее не обрѣтаютъ
И дѣвку мнимую ушедшею щитаютъ:
Сержантъ ко своему начальнику бѣжитъ,
И вѣсть ужасную сказать ему дрожитъ,
Однакожъ на конецъ побѣгъ ея доноситъ,
А строгїй командиръ, кафтанъ и шпагу проситъ.
Лишь только выбѣжалъ одѣвшися на дворъ,
Вскричалъ тотчасъ: къ ружью, велѣлъ ударить сборъ.
Кто дѣвку упустилъ, на чьихъ часахъ то было,
Кричитъ, и всякова толкаетъ въ усъ, да въ рыло.
Однакожъ сколко онъ ково ни истязалъ
Служивой ни одинъ тово не показалъ
Кто выпустилъ ее, и гдѣ она дѣвалась.
Хоть съ домомъ дѣвушка отнюдь неразставалась,
Но думаютъ, что самъ ее лукавый бѣсъ
Укравши на себѣ изъ дома вонъ унесъ.
И такъ весь оный шумъ оконченъ сей войною,
Сержантъ отдулся тутъ за всѣхъ своей спиною,
Хотя и не былъ онъ ни мало виноватъ,
Лишь грѣшенъ развѣ щѣмъ однимъ, что онъ сержантъ.

Елеся между тѣмъ въ забавахъ пребываетъ
И шапки съ головы отнюдь не скидываетъ,
Не видимый ни кѣмъ подъ чуднымъ симъ шатромъ
Выходитъ иногда онъ вонъ и изъ хоромъ;
Гуляетъ, пьетъ и ѣстъ въ томъ домѣ и ночуетъ
А командиръ ево не видитъ и нечуетъ.

Но наконецъ ужъ онъ наскучилъ симъ житьемъ,
Хотя доволенъ былъ онъ пищею и всѣмъ;
Но Вакхъ вселилъ въ него уйтить отъ толь охоту
И дѣлать на него взложенную работу,
Дабы откупщиковъ не много пощунять
А Елисей сіе былъ мастеръ исполнять.

Во время сна сея нещастныя старушки,
Оставилъ Елисей, постелю и подушки,
Оставилъ онъ свои и порты и камзолъ
Оставилъ и ее во снѣ, а самъ ушолъ.

Лишъ толко по утру началница проснулась,
Зѣвнула, и на ту сторонку обернулась
На коей Елисей возлюбленный лежалъ,
Анъ слѣдъ уже простылъ, любовникъ убѣжалъ,
Подушку хвать рукой, нашла подушку хладну;
Подобно такъ Тезей оставилъ Аріадну
И также измѣнилъ любовницѣ Еней,
Какъ здѣлалъ со своей старушкой Елисей.

Собравъ остатокъ силъ, собравъ всю крѣпость духа,
Съ начала думала нещастная старуха,
Что съ нею Елисей нарочно пошутилъ,
И что изъ комнаты онъ вонъ не выходилъ;
Встаетъ, и по угламъ какъ бѣшеная рыщетъ,
По стульямъ, по столамъ его руками ищетъ,
Но какъ ни суется. Елиси не найдетъ,
Упала на кровать, вскричала: ахъ мой свѣтъ!
,,Куда Елесенка, куда ты отлучился?
,,И гдѣ обманывать людей ты научился,
,,Что ты и самое меня тѣмъ превзошелъ,
,,Куда Елесенка, куда мой свѣтъ ушелъ?

,,Гдѣ скрылся отъ меня и гдѣ ты пребываешъ?
,,Или ты у какой негодной обитаешъ,
,,Которая собой плѣнивъ твой нѣжный взоръ...
Старухѣ между тѣмъ хотѣлося на дворъ;
Она трепещущей рукою тазъ достала,
И толко исполнять свою лишь нужду стала,
Узрѣла на полу и порты и камзолъ,
Теперь я чувствую вскричала; сколь ты золъ!
,,Ты пуще мнѣ тоски и бѣдствія прибавилъ,
,,На что ты порты здѣсь, на что камзолъ оставилъ
,,Или на то, чтобъ я была обличена.
,,Не самъ ли въ томъ тебя наставилъ сатана!
,,Ну, естьли командиръ зайдетъ сюда дозоромъ
,,Не скроешъ этыя ты рухляди предъ взоромъ,
,,Который ежели захочетъ примѣчать?
,,И что предъ нимъ тогда я буду отвѣчать?
,,Не ясная ли мнѣ послѣдуетъ улика.
,,Хоть какъ ни разсуждай, напасть моя велика!
Когда она сіе въ печали вопіетъ,
Анъ глядь ужъ командиръ въ ней въ комнату идетъ,
Она тутъ за тряслась и вдругъ оторопѣла,
Портковъ схватить съ собой съ камзоломъ не успѣла,
Вскочила на кровать, а тотъ уже вошолъ,
Мерещутся ему и порты и камзолъ;
Приближился потомъ какъ бѣшеной къ постелѣ
Увидѣлъ на полу камзолъ онъ въ самомъ дѣлѣ
И также видитъ онъ лежащія портки.
О небо! закричалъ: здѣсь въ домѣ мужики!
Приспичиваетъ онъ ея въ семъ дѣлѣ тѣсно,
Кричитъ: живутъ ли такъ моя голубка честно?

,,Какой я у тебя увидѣлъ здѣсь мундиръ,
,,На толь надъ вами здѣсь поставленъ командиръ?
,,Чтобъ толко вы ево словами лишь ласкали,
,,А ночью спать съ собой стороннихъ допускали.
,,Позору я себѣ такова не хочу,
,,Я первую тебя батожьемъ укрочу.
Она туда сюда хвостишкомъ помотала
Подъѣхала къ нему, и тотчасъ уласкала,
Уже мой командиръ предъ бабою погасъ
Утихнулъ, и закисъ какъ будто ячный квасъ!
Хотя ей постегать онъ спину и ярился
Однакожъ на конецъ съ старушкой помирился;
Тутъ не было межъ ихъ Гимена и любви
И также пламени въ застылой ихъ крови.
Но имъ и не было болшїя нужды въ етомъ.
Затемъ, что не зимой сїе ужъ было лѣтомъ,
Они между собой спокойствїя дѣлятъ
Безъ жару старички другъ друга веселятъ.
Ужъ стала заживать ея любовна рана,
Когда ей командиръ сталъ другомъ изъ тирана.
Хотя прошло еще тому не много дней
Какъ отбылъ отъ сея Дидоны прочь Еней;
Но оная не такъ какъ прежняя стенала
И съ меншей жалостью Елесю вспоминала,
Она уже о немъ и слышать не могла
Портки ево камзолъ въ печи своей сожгла,
Когда для пироговъ она у ней топилась,
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЯ ПѢСНИ.

ЕЛИСЕЙ ПОЕМА

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Ужъ Ѳебъ чрезъ зодїакъ близнятокъ проѣзжалъ,
Когда мой Елисей отъ бабушки збѣжалъ,
Хотя и рѣдкїя изъ низкой столь породы
Любуются красой прїятныя природы;
Но сей какъ въ маломъ томъ Парижцѣ побывалъ,
Онъ мыслилъ инако, и инакъ разсуждалъ.
Онъ зналъ ужъ напримѣръ, что въ свѣтѣ есть амуры,
Что постоянныя одни лишь только дуры,
Онъ зналъ какъ надобно къ кокеткамъ подбѣгать,
Онъ зналъ какъ надобно божится имъ и лгать.
Когдажъ бы побывалъ въ великомъ онъ Парижѣ
Конечнобъ былъ еще къ дурачеству поближе.
Но штукаль и въ прямомъ Парижѣ побывать,
Чтобъ толко на одни бездѣлки позѣвать
И только высмотрѣть живущихъ въономъ моды
Нещася разсмотрѣть ихъ права и доходы;

Узнать чемъ Францїя обилна, чемъ скудна,
И безъ другихъ державъ пробудетъ ли одна?
Какїя ремесла, какїя въ ней науки;
Но ѣздятъ щоголи туда не ради скуки.
А естли весело тамъ время проводить;
Такъ должно по домамъ кофейнымъ походить;
Узнать въ какїя дни тамъ зрѣлища бываютъ,
Какїе и когда кафтаны надѣваютъ,
Какїе носятъ тамъ тупеи и виски;
Какїе тросточки, какїе башмаки,
Какїя стїоклышки, чулки, манжеты, пряжки;
Чтобъ выѣхавъ оттоль одѣться безъ промашки
И тѣмъ подъ судъ себѣ подобнымъ неподпасть.
Умѣти изъяснить свою безстыдно страсть,
Вертѣться, вздоръ болтать, по самой новой модѣ
Какая толко есть во вѣтренномъ народѣ.
Подобно и ямщикъ симъ умъ свой навострилъ;
Съ манерными онъ самъ манерно говорилъ.
Коль женщинабъ какимъ вертушкой ослѣпилась,
Елеся бы сказалъ: она имъ зацѣпилась,
А естли бы онъ самъ за кѣмъ таскаться сталъ?
Онъ множество бы словъ манерныхъ наболталъ,
Которыя когдабъ не очень тутъ приличны
Такъ ето отъ тово, что съ лишкомъ политичны
И какъ объ немъ ужъ кто теперь ни полагай,
А онъ теперь со всемъ учоный попугай.

Уже плѣнилъ свой духъ ямщикъ весны красами,
Пошелъ ко Питеру не улицей, лѣсами

Въ которыхъ множество росло тогда грибовъ,
И онъ бы набралъ ихъ хоть десять коробовъ;
Но не было при немъ и маленкой плѣтюшки
За тѣмъ, что на скоро онъ отбылъ отъ старушки
Оставя у нее и собственной уборъ
Онъ идетъ веселя природою свой взоръ,
А солнце ужъ тогда съ полудни своротило
И лучь умѣренной на землю низпустило,
И такъ ужъ ямщика не очень болно жгло:
Тамъ воды ясныя, какъ чистое стекло
Между зелеными кустами извиваясь,
То индѣ межъ собой въ единъ ручей сливаясь,
Какъ сонныя въ брегахъ излучистыхъ текли;
И образъ надъ собой стоящихъ древъ влекли,
И роза и Нарцисъ себя въ нихъ также зрѣли,
Тамъ слышатся вездѣ пастушески свирѣли;
Которые стрегли овечекъ отъ звѣрей,
Тамъ также слышался пріятный соловей,
Который плѣнникъ ставъ прекрасныя Венеры
Высвистывалъ любовь чрезъ разныя манеры,
Тутъ стука не было отъ дятловыхъ носовъ,
И также не было тамъ филиновъ ни Совъ,
Казалось, что тутъ вся природа отдыхала;
Одна лишь Горлица о миломъ воздыхала,
Котораго въ тотъ день лишилася она.
Елеся молвилъ тутъ: вотъ такъ моя жена
Я думаю меня теперь воспоминаетъ,
И будто Горлица о мнѣ она стенаетъ,
Хотя она безъ косъ, но мнѣ она мила,
Такую мысль ему та птица родила.
Онъ легъ на бережокъ подъ вѣтвія зелены,
Желая тѣмъ свои спокоить томны члены,
Возлегъ и скоро онъ на немъ тогда заснулъ,
Но крикомъ женскимъ бывъ встревоженъ воспрянулъ,

И се увидѣлъ онъ сквозь связь кустовъ сплетенну,
Бѣгущу женщину къ нему окровавленну;
Она была собой изрядныя красы.
Разстеганная грудь, разстрепанны власы
Довольно бѣдствіе ея предвозвѣщали,
И долго размышлять ево не допущали,
Потомъ ямщикъ узрѣлъ бѣгущихъ двухъ мущинъ
И ужъ касается одеждъ ея одинъ,
Другой кричитъ постой отъ насъ ты не избудешъ
И нашей жертвою сей день конечно будешъ.
Тогда Елеся бывъ подвигнутый на гнѣвъ.
Сталъ легокъ яко конь, а силенъ яко левъ:
Встаетъ, и бывши самъ не видимъ нападаетъ;
Подобно какъ орелъ на птицу налетаетъ,
И вдругъ озорнику такой влѣпилъ ударъ,
Что разомъ кинуло въ знобъ ево и въ жаръ,
Другому далъ тычка въ животъ своимъ колѣномъ,
Отъ коего онъ палъ, какъ будто битъ полѣномъ;
Потомъ ударовъ имъ десятокъ разсовалъ,
Хотя онъ не былъ врачь, и также коновалъ,
Но выпустилъ изъ нихъ не мало лишней крови,
Подбилъ имъ обоимъ глаза, скулы и брови.
Но какъ онъ ихъ щелкалъ самъ бывъ имъ не видимъ
Чрезъ то помстилося буянамъ обоимъ,
Что будто подрались они съ собою сами:
Схватилися, и ну мѣняться волосами,
Другъ друга въ рыло бьютъ и тычутъ по носкамъ,
Досталося щекамъ, затылкамъ и вискамъ;

То вдругъ разскочатся, то вдругъ опять сопрутся
Какъ будто пѣтухи задорные дерутся,
Такъ бились межъ собой сїи озорники,
Трещатъ ихъ волосы, кафтаны, кушаки,
Я думаю и о тебѣ исподняя одежда.
Что и тебѣ спастись худа была надежда.
Но на конецъ у нихъ дошло и до тово
Не знаю не драли они бы тутъ чево,
Досталося всему, и такъ они избились,
Что будто пьяныя безъ чувства повалились.
Тогда ямщикъ мой тутъ промедлить не хотѣлъ
Онъ съ женщиной отъ нихъ проворно улетѣлъ!
О радостный восторгъ! куда онъ духомъ всходитъ,
Ямщикъ въ сей женщинѣ жену свою находитъ.
Услуга днесь твоя ямщикъ награждена,
Ты спасъ молодушку, а въ ней твоя жена!
Невинность часто рокъ отъ бѣдствїя спасаетъ,
А добродѣтель верхъ надъ злобой получаетъ.

И тако на конецъ ямщикъ жену узналъ,
Онъ снявши шапочку ее поцаловалъ,
Тогда весь плачь ея на радость обратился
Не съ небаль мнитъ она мой мужъ ко мнѣ скатился;
Но онъ ей бывщее съ собою расказалъ
И повелительно ей тоже приказалъ,
Дабы она ему взаимно объявила,
Какая занесла ее въ тотъ случай сила,
И за собой какихъ воровъ она влекла?
Она заплакала, вздохнула и рекла:
Какъ только отъ меня ты въ Питеръ отлучился,
Тогда со мною весь нещастья верхъ случился;

Твой братъ не сталъ меня въ дому своемъ держать,
А я принуждена къ тебѣ сюда бѣжать.
И на конецъ когда я въ Питеръ дотащилась,
Тогда моя мошня со всемъ ужъ истощалась,
Пришла въ Ямскую я, тебя въ Ямской ужъ нѣтъ,
Всѣ думали о тебѣ, что умеръ ты мой свѣтъ,
А я осталася вдовою горемышной;
Пристанищемъ моимъ мнѣ сталъ заводъ кирпишной.
У нѣмца тамо я въ работницахъ жила;
И можетъ быть чтобъ тутъ я щастлива была?
Когдабъ ево жена не столь была брюзглива,
А больше етова она была ревнива,
Но баринъ былъ ко мнѣ какъ къ ниточкѣ игла:
Однажды вечеромъ какъ спать ужъ я легла,
А баринъ тихо всталъ со женниной кровати;
Пришолъ ко мнѣ и сталъ по барски цаловати,
Проснулася жена, потомъ рукою хвать,
Анъ стала безъ мужа пустїохонка кровать.
Мы съ нимъ лежимъ, а та съ своей постели встала,
И насъ въ другой избѣ лежащихъ съ нимъ застала.
Подумай муженїокъ, къ чему бы ревновать?
Что мужъ ея пришолъ меня поцаловать
Вить онъ еще чрезъ то нѣсколько здѣлалъ худа,
Что кушанья тогожъ поѣлъ съ другова блюда.
Онъ началъ было тутъ жену свою ласкать,
А та взбѣсилася и ну меня таскать;
Какъ бѣшеная мнѣ глаза она подбила,

И въ полночь самую меня съ подворья сбила.
Пошла я, а за мной пошла моя напасть;
Боялась очень я въ Полицїю попасть;
Однако же сея бѣды не миновала;
Попалася въ нее и тамо ночевала,
Но случай вдругъ меня пречудный свободилъ;
Не знаю кто меня въ кафтанъ перерядилъ,
И тако по утру мнѣ выбивъ палкой спину,
Пустили изъ нея на волю какъ дѣтину. . .
Елеся у нея тутъ рѣчи перебилъ,
Ахъ жонушка, я самъ въ ту ночь въ Полицїи былъ,
Такъ выпущена ты въ моемъ отъ толь кафтанѣ,
За тѣмъ что я и самъ вонъ вышелъ въ сарафанѣ,
Но только кто меня одѣлъ въ твой сарафанъ,
Не знаю для тово, что былъ я оченъ пьянъ.
Потомъ въ Калинкиномъ я домѣ очутился;
Въ которомъ весь я постъ великїй пропостился.
На то ему опять рекла ево жена:
Когда я изъ тюрмы была свобождена,
Не знала гдѣ въ мускомъ дѣваться мнѣ кафтанѣ,
Пошла и пробыла ту ночь въ торговой банѣ,
Потомъ я перешла жить въ домъ къ секретарю.
Котораго еще по днесь благодарю,
Приказнова казна на всякой день копилась,
А съ тѣмъ и жизнь моя по радостямъ катилась.
Но вдругъ нещастїе на вѣяло на насъ,
Когда о взяткахъ въ свѣтъ лишь выпущенъ указъ,
Которомъ раззорять людей имъ запрещали,
А казнь преступникамъ строжайшу обѣщали,

Тогда къ поживкамъ онъ ужъ средства не нашолъ
Доволенъ прежнимъ бывъ въ отставочку ушолъ.
Съ хищенїемъ своимъ и съ Питеромъ растался
За тѣмъ, что на себя не очень полагался;
А я сево дня вставъ почти съ зарею вдругъ,
Попалася на сихъ мошенниковъ я двухъ.
Они мнѣ давича на встрѣчу лишь попались,
Взглянули на меня и тотчась приласкались,
Хотѣли для житья мнѣ мѣсто показать;
Но нѣчево тебѣ мнѣ болѣе сказать,
Ты видѣлъ ихъ самихъ намѣренье безбожно,
Отъ коего бы мнѣ избѣгнуть не возможно,
Когда бы отъ нево не ты избавилъ самъ,
И тако я должна тебѣ и небесамъ.

Когда бы Елисей не свѣтской былъ дѣтина?
Такъ много бы труда имѣла тутъ дубина,
Которою бы онъ хозяйку пощунялъ;
Но онъ уже какъ весь поступокъ свѣтской зналъ,
Словесной выговоръ онъ ей употребляетъ,
И болѣе ни чемъ ее не оскорбляетъ,
Спросилъ лишь у нее, имѣетъ ли пашпортъ,
А та ево въ преки: за чемъ мой свѣтъ безъ портъ?
И оба какъ они другъ другу изъяснились
Скорѣе, нежель бы кто думалъ помирились.
Съ пашпортомъ онъ велѣлъ не медля ей итти,
По прямо бывшему ко Питеру пути,
И тамо ей велѣлъ въ Ямской хотя пристати,
Дабы возмогъ ея со временемъ сыскати,

А самъ простяся съ ней остался въ томъ лѣску,
Гдѣ думалъ утолить и ревность и тоску,
Которыя ево тревожили безмѣрно,
Что сердце женнино ему не очень вѣрно,
Хотя онъ самъ во вѣкъ не спускивалъ кумѣ;
Однакожъ у нево всїо нѣмецъ на умѣ.

Когда мой Елисей о нѣмцѣ размышляетъ,
Въ то время Вакхъ къ нему Силена посылаетъ,
Дабы онъ утолилъ Елесину тоску,
Отведши прямо въ домъ ево къ откупщику,
Которой болѣе былъ всѣхъ ему досаденъ,
А Елисей и пить и драться очень жаденъ:
Уже ево Силенъ за рученку беретъ,
И прямо въ домъ къ купцу богатому ведетъ,
Который на уѣздъ какой то водку ставилъ
Привелъ, и въ немъ ево единаго оставилъ,
Сказавъ ему, чтобъ онъ то дѣлалъ, что хотѣлъ,
А самъ ко пьяному дитятѣ полетѣлъ.
Елеся мой стоитъ и о попойкѣ мыслитъ
И водку въ погребѣ своей купецку числитъ.
Сей былъ купецъ охвата въ три и ростомъ былъ высокъ,
Ѣдалъ во весь свой вѣкъ, хрѣнъ, редьку и чеснокъ,
А ежели ершей онъ купитъ за копѣйку
Такъ думалъ, что проѣстъ тѣмъ женню тѣлогрѣйку.
Годъ цѣлый у нево бывалъ великїй постъ,
Лишь только не былъ скупъ давати денги въ ростъ,
И упражняяся въ сей прибыльной ловитвѣ.
Простаивалъ на сквозь всѣ ночи на молитвѣ,
Дабы Господь ему тово не ставилъ въ грѣхъ,
Казался у церквей онъ набожнѣе всѣхъ.

А едакїе всѣ ханжи и лицемѣры,
Вдругъ хрїстїянскїя а послѣ ни какїя вѣры.

Умолкните шумѣть дубравы и лѣса,
Склони ко мнѣ свои читатель ушеса,
Внимая моея веселой лиры гласу,
Подвинься нѣсколько поближе ко Парнасу
И слушай, что тебѣ я въ пѣсни раскажу,
Уже на ямщика какъ будто я гляжу:
Солгалъ бы предъ тобой теперь я очевидно,
Когдабъ о ямщикѣ сказалъ я столь безстыдно
Что будто задняя вся часть ево видна,
По крайности ево одѣта вся спина
А толко лишъ одно сѣдалище наружѣ,
Но ета часть ево была привычна къ стужѣ.
Когда одѣтъ ямщикъ былъ образомъ такимъ,
Онъ видитъ всѣхъ, ни кѣмъ самъ бывши не видимъ,
Восходитъ полунагъ въ купечески палаты,
Подобно какъ Пїитъ въ Театръ безъ всякой платы.
Вошелъ и въ домѣ онъ не видитъ ни ково
Не только что рабовъ хозяйна самово,
Лишъ толко на окнѣ онъ склянку обрѣтаетъ
Придвинулся, и ту въ обьятїе хватаетъ,
Тутъ скляница какъ мышъ, а онъ какъ будто котъ
Поймалъ и горлушко къ себѣ засунулъ въ ротъ,
И тутъ уже онъ съ ней какъ съ дѣвкою сосался
Немѣдля въ бывшей въ ней онъ водкѣ росписался,
То первая была удача ямщику,
Но онъ не для тово пришолъ къ откупщику,

Чтобъ толко едакой бездѣлкой поживиться.
Онъ бродитъ тамъ вездѣ и самъ въ себѣ дивится
Не обрѣтаючи въ покояхъ ни ково,
Не ужъ то говоритъ: пришолъ я для тово
Чтобъ толко скляночку мнѣ сту лишъ похитить
Я цѣлой въ домѣ семъ могу и погребъ выпить
Сказалъ, и изъ полатъ какъ ястребъ полетѣлъ
Не найдетъ ли еще онъ въ домѣ жидкихъ тѣлъ;
Но онъ на задней дворъ зашелъ и обоняетъ
Что тамо банею топленою воняетъ,
Въ ней парился тогда съ женою откупщикъ,
Пряміохонко тудажъ забился и Ямщикъ;
Но въ банѣ видитъ онъ ужъ дѣйствія другія
А имянно онъ зритъ два тѣла тамъ нагія,
Которы на себя взаимно льютъ водой.
То самъ былъ откупщикъ съ женою молодой,
Не знаю отъ чево пришла имъ та охота.
Но я было забылъ, была тогда Суббота,
А етотъ у купцовъ великъ въ недѣлѣ день,
Тогда ямщикъ вступилъ въ палаческу степень;
Онъ взявши въ ковшъ воды на каменку кидаетъ
Тамъ стало, что ямщикъ обѣихъ ихъ пытаетъ:
Перемѣняется пріятный въ банѣ паръ
На преужаснѣйшій, и имъ несносный жаръ,
Который для купца немножечко наскучилъ,
Онъ думалъ, что ево то самъ лукавый мучилъ
За многіе его при откупѣ грѣхи.
Уже оставили полочныя верхи

На нижнія они съ превыспренныхъ слѣтаютъ
Но что, и тамо жаръ подобный обрѣтаютъ
Во всей селенной ихъ единый сталъ климатъ
Въ ней прежде былъ едемъ, а нынѣ сталъ въ ней адъ.
Нельзя съ невидимой имъ властью стало драться
Приходитъ обоимъ изъ бани убираться
Забылъ мужикъ кафтанъ, а баба косники,
Онъ толко на себя накинулъ лишь портки,
А жонка на себя накинула рубашку,
И оба черезъ дворъ побѣгли на опашку;
Алцеста тутъ жена, а мужъ сталъ Геркулесъ,
На ту бѣду у нихъ былъ въ домѣ дворной песъ,
Который обоихъ хозяевъ не узная
Вдругъ бросился на нихъ какъ Церберъ адскій лая
И прямо на купца онъ съ зади тотъ часъ скокъ
Влѣпился къ новому сему Ираклу въ бокъ
И вырвалъ изъ боку кусокъ онъ какъ изъ тѣста,
Укушенъ Геркулесъ спаслася лишь Алцеста;
На крикъ откупщиковъ сбѣгается народъ.
О жалкій видъ очамъ! о странный оборотъ!
Узрѣли новаго тутъ люди Геркулеса;
Таскаетъ по двору домашняя повѣса,
А древній адскаго дубиной отлощилъ
И взявши за уши изъ ада утащилъ.
Однакожъ кое какъ Героя свободили
И въ домъ препроводя на скамью посадили
Онъ стонетъ, иль сказать яснѣе, онъ кричитъ,
И межъ стенаніемъ слова сіи ворчитъ:
Ты жонушка меня сево дня соблазнила
Что баней мужика ты старова вздразнила,

Не самъ ли въ томъ тебя наставилъ сатана
Ахъ нѣтъ не онъ, но ты виновна въ томъ одна.
Такъ старый мужъ свою молодушку щуняетъ
Виновенъ бывши самъ, напрасно ей пеняетъ:
Не ужъ ли ей искать чужова мужика!

Но мы оставимъ имъ посмотримъ ямщика,
Хозяевъ выживъ вонъ ямщикъ помылся въ банѣ
И вышелъ изъ нее въ купеческомъ кафтанѣ,
Такъ сталъ Елеся мой со всѣмъ теперь одѣтъ,
Однакожъ въ шапочкѣ ево какъ будто нѣтъ.
Купчина былъ великъ, ямщикъ былъ средня роста
Такъ сталъ въ кафтанѣ онъ какъ въ рясѣ попъ съ погоста
Не видимый ни кѣмъ выходитъ онъ на дворъ
Бросаетъ онъ по всѣмъ мѣстамъ свой жадный взоръ,
Онъ толко, что о томъ намѣренъ былъ стараться
Какимъ бы образомъ до погреба добраться,
Однакожъ въ етотъ день ево онъ не нашелъ
И паки въ домъ купца какъ въ свой Елеся вшелъ.
Межъ тѣмъ уже покровъ свой ночь распростирала
И чистой весь лазурь какъ сажей замарала,
А тучи къ оному чинили болшій мракъ
Елеся въ домъ заползъ въ кафтанѣ какъ будто ракъ
И прямо подъ кровать купецку завалился
Купецъ тогда и самъ съ женою спать ложился
Кладя раскольничьи кресты на жирной лобъ
Читалъ: не ужели мнѣ одръ сей будетъ гробъ?

Жена за нимъ тогда тожъ самое читала
И мужу онаго съ усердїемъ желала.
Лишъ толко откупщикъ на одръ съ женою легъ
Тогда ужасный вихрь со всѣхъ сторонъ набѣгъ;
Остановилася гроза надъ самымъ домомъ
Наполнился весь домъ блистанїемъ и громомъ,
Надъ крышкою его во мракѣ страхъ повисъ
Летятъ и дождь и градъ и молнїя на низъ,
Премѣна такова живущихъ въ ужасъ вводитъ,
Не паки ли Зевесъ въ громахъ къ Данаѣ сходитъ.
Не паки ль на нее онъ золотомъ дождитъ.
Да новаго на свѣтъ Персея породитъ.

Не Зевсъ но самъ ямщикъ встаетъ изъ подъ кровати
Идетъ съ купецкою женою ночевати.
Когда хозяина трескъ грома разбудилъ
Онъ вставши со одра и свѣчку засвѣтилъ
Отводитъ тучу прочь молитвами отъ дома;
Но громъ неслушаетъ такова иконома,
Который животы не правдою збиралъ,
И откупомъ казну и ближнихъ разорялъ.
Хозяйка между тѣмъ сама не почиваетъ
Но толко тянется въ одрѣ и позѣваетъ,
Елеся для себя удобный часъ обрѣлъ
Онъ всталъ и на одрѣ хозяюшку узрѣлъ.
Межъ глазъ ея сидятъ усмѣшки и игорки,
Пониже шеи зритъ двѣ мраморныя горки,
На коихъ также зритъ два розовы куста;
Прїятное лице и алыя уста,
Всю кровь во ямщикѣ къ веселью возбуждали
И къ ней вскарабкаться на ложе принуждали
Не мысля болѣе онъ прямо къ ней прибѣгъ
И въ мѣстѣ на кровать съ молодушкою легъ.

Она не зритъ ево лишъ только осязаетъ
Въ ней кровь тогда кипитъ и купно замерзаетъ,
Въ единый часъ она и тлѣетъ и дрожитъ,
И во обьятїяхъ невидимыхъ лежитъ,
Что дѣлается съ ней сама того не зная,
И тѣмъ то точная она была Даная,
Межъ тѣмъ уже гроза ужасная прошла
И ночи прежнюю прїятность отдала,
Тогда пришелъ купецъ къ женѣ своей обратно
Зоветъ по имени хозяйку многократно
Проснися душенка, проснися ты мой свѣтъ,
Всѣ тучи прочь ушли, и страха больше нѣтъ.
Жена ему на то съ запинкой отвѣчаетъ
А старый мужъ ея движенье примѣчаетъ,
Толкнулъ ее рукой тихошенко онъ въ бокъ,
Елеся съ симъ толчкомъ тотчасъ съ кровати скокъ
А баба будтобы въ то время лишь проснулась
И къ мужу на другой бочокъ перевернулась.
Тутъ мужъ спросилъ по томъ любезную жену:
Конечно видѣла во снѣ ты сатану,
Что тѣло все твое отъ ужаса дрожало?
Тогда ей говорить всю правду надлежало:
Голубчикъ муженїокъ я видѣла во снѣ
Какъ будто что лежитъ тяжелое на мнѣ.
А етотъ суевѣръ не мѣдля заключаетъ,
Что будто домовой ево съ ней разлучаетъ,
Ворчитъ ей: жонушка на свѣтѣ семъ всїо есть.
Я завтрѣ же велю старушку въ домъ привесть.
Котора сдѣлаться умѣетъ съ сатаною:
Теперь не бойся ты и спи мой свѣтъ со мною
Ямщикъ услыша то и самъ какъ суевѣръ
Не хочетъ надъ собой увидѣть сей примѣръ,

Чтобъ изъ дома ево какъ чорта вонъ погнали,
Встаетъ, и изъ палатъ выходитъ въ злой печали,
Что старой чортъ ево съ хозяйкой разлучилъ.
Конечно самъ ево въ томъ дьяволъ научилъ
Что хочетъ онъ послать на завтра по старушку,
А ета бабушка съ играетъ ту игрушку,
Она сюда сзоветъ чертей и цѣлой адъ,
Которые меня изгонятъ изъ палатъ.
Я лучше къ погребу ево позаберуся,
Войду и изъ нутри замкомъ я въ немъ запруся,
Пускайже выживетъ отъ толь меня она,
Гдѣ много для меня и водки и вина.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

ЕЛИСЕЙ ПОЕМА

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

О муза! умились теперь ты надо мною,
Разстанься хоть на часъ съ превыспренней страною;
Накинь мантилїю, насунь ты башмаки
Востани и ко мнѣ на помощь притеки.
Не школьникъ, у тебя объ етомъ проситъ, Спаской
Но требуетъ ея себѣ пѣвецъ Парнаской,
Который за всегда съ тобой въ союзѣ жилъ
И со усердїемъ сестрамъ твоимъ служилъ.

„И се я слышу гласъ съ ея высока трона;
„Послала я къ тебѣ давно уже Скаррона,
„И такъ не льстись теперь на помощь ты мою,
„Я битву Чесмскую съ Херасковымъ пою:
„Онъ мною воспрїявъ настроенную лиру
„Гласитъ преславную сїю побѣду миру,
„Я нынѣ дѣйствую сама его перомъ,
„И изъ подъ рукъ его исходитъ важный громъ;

,,Но ежели и ты симъ жаромъ воспылаешъ,
,,И пѣть оружїе Россїи пожелаешъ,
,,Тогда сама къ тебѣ на помощь притеку,
,,И всѣхъ подвижниковъ дѣянья изреку.
О муза! лишъ всели ты жаръ въ меня сердечный,
Прейдетъ черезъ меня то въ роды безконечны.
Приди и ободри охоту ты мою,
Тогда на лирѣ я пѣснь нову воспою.

А нынѣ паки я гудочикъ мой прїемлю,
И паки голосу пѣвца Скаррона внемлю;
Уже онъ мысль мою во слѣдъ себѣ влечетъ,
Уже и слогъ его здѣсь паки потечетъ.

Лишь только Елисей до погреба доскрїобся,
Уже онъ за живо въ могилѣ сей погрїобся.
Хотя и запертъ былъ онъ Павловскимъ замкомъ;
Но онъ ево сразилъ съ пробоевъ кулакомъ,
И смѣлою рукой решотку отворяетъ,
Нисходитъ въ хлябь сїю и тамо озираетъ,
Разставлены вездѣ бочонки по стѣнамъ,
Тамъ склянки видитъ онъ, бутылки видитъ тамъ
Онъ видитъ бочки тамъ съ виномъ сороковыя,
Любуется узря предмѣты таковыя;
Летаетъ какъ соколъ надъ стадомъ робкихъ птицъ,
Онъ видитъ лебѣдей и галокъ и синицъ.
Лишь къ первой онъ тогда бутылкѣ прилетаетъ,
Ужъ первую ее въ объятїя хватаетъ,
Какъ глазомъ мгнуть, такъ онъ затычку ототкнулъ
И въ три глотка сїю онъ пташку проглонулъ;

По томъ придвинулся къ большой онъ самой бочкѣ,
Откупорилъ и ротъ приставилъ къ средней точкѣ,
Изъ коея вино текло ему въ гортань.
Елесенька уймись, опомнись, перестань;
Вить бочка не мала, тебя съ нее раздуетъ.
Но онъ сосетъ, рѣчей какъ будто и нечуетъ.
Онъ послѣ сказывалъ, и естьли онъ не лгалъ,
Что будто бы ему самъ Вакхъ въ томъ помогалъ,
Который со своей тутъ свитою явился
И обще съ нимъ надъ сей работою трудился,
Что будто самъ Силенъ бутылки оттыкалъ,
И будто самъ изъ нихъ вино въ себя глоталъ
Что духи Вакховы мертвецки были пьяни,
Кормилица, и всѣ вино тянули няни.
Какой тогда всему былъ погребу разгромъ,
Клокочутъ скляницы, бутылки всѣ въ верхъ дномъ
Трещатъ всѣ обручи, вино изъ бочекъ льется,
И въ нихъ ни капельки ево не остается.
Уже оконченъ былъ преславный етотъ трудъ,
Ушли изъ погреба, оставя винный прудъ.
А откупщикъ сего не вѣдая разгрома,
Покоится среди разграбленнаго дома;
Но только лишъ съ своей постели онъ возсталъ,
Работника, какъ пса къ себѣ онъ присвисталъ,
И тотчасъ онаго къ старухѣ посылаетъ,
Съ которой гнать чертей вонъ изъ дома желаетъ;
Такая то пришла ему на мысли пыль.

Уже сїя идетЪ опершись на костылЪ,
Имѣя при себѣ, бобы, коренья, травы,
И многїя при томЪ волшебныя приправы.
Громовы стрѣлки тутЪ, изсохлы пауки,
ТутЪ пальцы чортовы, святошны угольки,
КоторыхЪ у нее вЪ мѣшкѣ сЪ собой не мало;
И вЪ семЪ то знанье сей Медеи состояло;

ЛишЪ только вЪ домЪ она ступила чрезЪ порогЪ
Повергла ни скамьѣ чиненой свой пирогЪ,
ВЪ которомЪ были всѣ волшебныя приборы;
Бобы и прочїя тому подобны вздоры.

Уже мой откупщикЪ на встрѣчу кЪ ней течетЪ,
И сЪ благочинїемЪ онЪ бабушкѣ речетЪ,
,,Помилуй бабушка, на нынѣшней недѣли
,,ВсѣмЪ домомЪ у меня здѣсь черти овладѣли;
,,Вчера меня одинЪ изЪ бани выгналЪ вонЪ,
,,Другой нанесЪ женѣ ужасный самой сонЪ,
,,Сїе случилося прошедшей самой ночи,
,,Помилуй ты меня, а мнѣ не стало мочи!
ЛишЪ онЪ сїе изрекЪ, анЪ ключникЪ прибѣжалЪ,
Который былЪ вЪ слезахЪ, и сЪ ужаса дрожалЪ,
О бывшей вЪ погребѣ бѣдѣ ему доноситЪ;
КупецЪ ряхнувщися, попа вЪ безумствѣ проситЪ,
Дабы ему вЪ своихЪ грѣхахЪ не умереть
И вѣчно во огнѣ геенскомЪ не горѣть.
О подлая душа! кЪ чему ты приступаешЪ?
И сею ли цѣной ты небо покупаешЪ?
Когда обиженны тобою сироты,
На оное гласятЪ, чтобЪ былЪ во адѣ ты,

Такое ли тебѣ довлѣетъ покаянье,
Да будетъ Адъ твой домъ, и мука воздаянье
Сперва обиженнымъ ты щедро заплати,
И послѣ прямо въ рай на крыльяхъ тѣхъ лети,
Которыя туда честныхъ людей возносятъ,
А на тебя тобой обиженные просятъ.

Но наконецъ его оставилъ смертный страхъ,
Опомнился купецъ у бабушки въ рукахъ,
И проситъ, чтобъ она ему поворожила
Отъ куда изтекла сихъ бѣдъ ужасна жила.
Старушка говоритъ на то ему отвѣтъ:
,,О дитятко мое! лихихъ людей не нѣтъ,
,,Я знаю, что тебѣ злодѣи то помстили,
,,И ето на тебя по вѣтру напустили:
,,Я все тебѣ сїе на дѣлѣ покажу
,,Бобами разведу, и ето отхожу,
,,Не станутъ больше здѣсь водиться въ домѣ черти
,,Я выгоню ихъ вонъ, иль всѣхъ побью до смерти.
,,Третьїова дни меня просилъ одинъ рифмачь,
,,Дабы я испекла такой ему калачь,
,,Который бы отшибъ къ стихамъ ему охоту.
,,И я съ успѣхомъ ту исполнила работу:
,,Лишь только онъ рожокъ въ желудокъ пропустилъ
,,Съ рожкомъ свою къ стихамъ охоту проглотилъ,
,,И нынѣ больше симъ дурачествомъ не дышетъ.
,,Хотя не щегольскижъ да прозою ужъ пишетъ.
,,О естьли бы сему подобны рифмачи
,,Почаще кушали такїе калачи,
,,Конечнобъ пѣть стихи охоту потѣряли,
,,И слуха нѣжнаго другихъ не оскорбляли.
,,Другой меня просилъ, чтобъ былъ онъ стиходѣй,

„ОнЪ сЪѣлЪ лишь корешокЪ по милости моей,
„СЪ тѣхЪ порЪ спознался онЪ и сЪ НебомЪ вдругЪ и сЪ АдомЪ;
„И пишетЪ множество стиховЪ дурнымЪ лишь складомЪ;
„ОднакожЪ кажется хорошимЪ для нево.
„Мнѣ ето сотворить не стоитЪ ничево,
„Пропажа ли вЪ дому какая гдѣ случиться,
„Иль старой вздумаетЪ за дѣвкой волочиться,
„Не празденЪ, никогда бывалЪ еще мой трудЪ,
„Купцы, подьячїе со всѣхЪ сторонЪ бредутЪ:
„Одни, что будутЪ ли на ихЪ товары падки,
„Другїе выдетЪ ли указЪ чтобЪ брать имЪ взятки,
„Я всѣмЪ сЪ охотою бобами развожу,
„И никому изЪ нихЪ неправды не скажу.
„Вчерась лишь одному врачу я отгадала,
„Что скоро свѣтЪ его почтетЪ за коновала,
„То предвѣщанїе немедлѣнно сбылось
„Сево дня вЪ городѣ повсюду разнеслось,
„Что отЪ лѣчбы ево большая людямЪ трата,
„И такЪ онЪ здѣлался палачь изЪ Иппократа.
„А естьли пьяница хотя бы онЪ какой,
„Я страсть сЪ нево сїю снимаю какЪ рукой!
ТутЪ всю свою болѣзнь купецЪ позабываетЪ,
И рѣчь старушкину своею прерываетЪ:
Помилуй бабушка, не дѣлай ты сего,
ЧрезЪ ето есть ущербЪ дохода моего,
И едакЪ откупы мнѣ будетЪ брать не сходно,
А вотЪ бы для меня что было лишь угодно;
ЧтобЪ пьяницами весь содѣлался народЪ,
ЧрезЪ что ты сдѣлаешь великой мнѣ доходЪ,
ТутЪ бабушка ему: я ето разумѣю,
Но дѣлать, дитятко, я худа не умѣю,
На то ей откупщикЪ; такЪ слушай же мой свѣтЪ,
„Не надобенЪ такой мнѣ врѣдной твой совѣтЪ,

,,Когда піяницъ ты отъ пьянства отвращаешъ,
,,Такъ симъ противъ меня ты чернь всю возмущаешъ.
,,А мнѣ лишь надобно, чтобъ больше шло вина,
,,Такъ мнѣ твоя теперь и помощъ не нужна,
,,Не вѣрю какъ тебѣ, я бахарю такому.
,,Возми свой бобы и ну скоряй изъ дому.
,,Доколѣ я тебя батожьемъ не взварилъ.
Се тако откупщикъ во гнѣвѣ говорилъ,
А та какъ ласточка изъ дому полетѣла,
И множество чертей наслать къ нему хотѣла,
Которые къ нему какъ галки налетятъ
И весь ево припасъ и выпьютъ и съѣдятъ;
За что купецъ велѣлъ нагрѣть старухѣ уши.
Се такъ поссорились тогда двѣ подлы души!
Когда уже ямщикъ сей домъ вина лишилъ
Ушелъ, и погреба другіе пустошилъ.
Тогда Зевесъ другимъ богамъ сіе вѣщаетъ.
,,Вы зрите какъ ямщикъ купцовъ опустошаетъ
,,И естьли я теперь имъ помощи не дамъ?
,,Такъ сильнаго рукѣ безсильныхъ я предамъ,
,,Вѣщайте вы, что мнѣ творить бы съ нимъ довлѣло?
Тутъ все собраніе какъ море возшумѣло,
И шумъ сей былъ межъ ихъ поболѣе часа,
По томъ ударились всѣ въ разны голоса;
Однакожъ всѣ они хоть разно разсуждали,
Но всѣ его за то согласно осуждали,
Тогда отецъ боговъ сію предпринялъ рѣчь;
,,По вашему его, я вижу должно сжечь;
,,Но я не соглашусь казнить его толь строго,
,,Понеже шалуновъ такихъ на свѣтѣ много,
,,И естьли мнѣ теперь ихъ жизни всѣхъ лишить?
,,Такъ долженъ я почти весь свѣтъ опустошить,

,,КогдабЪ и я какЪ вы, былЪ мыслей столь нестройныхЪ,
,,ПобилЪ бы множество я тварей не достойныхЪ,
,,Которыя собой лишь землю тяготятЪ;
,,И первыхЪ бы сЪ нея льстецовЪ я свергнулЪ вЪ адЪ,
,,ЖестокосердыхЪ всѢхЪ, и всѢхЪ неблагодарныхЪ,
,,Не праведныхЪ судей, воровЪ, друзей коварныхЪ,
,,По томЪ не миновалЪ и тѢхЪ бы мой указЪ,
,,Которые ползутЪ безЪ просу на ПарнасЪ.
,,Помыслите же вы, чему я свѢтЪ подвергну?
,,Когда я тварей сихЪ вЪ дно адово низвергну.
,,Послушайте меня, оставимЪ месть сїю,
,,Я время каждому исправиться даю.
,,Не столько виноватЪ ямщикЪ, какЪ вамЪ онЪ зрится,
,,ТакЪ нынѢ инако онЪ мною усмирится;
,,ЧрезЪ два дни у Руки кулачный будетЪ бой,
,,ГдѢ будетЪ воевать сей новый нашЪ герой;
,,ОнЪ многихЪ тамЪ бойцовЪ ужасно завоюетЪ;
,,За братскую любовь носки имЪ всѢмЪ разсуетЪ.
,,И се какой ему предѢлЪ я положилЪ:
,,Хочу чтобЪ онЪ одинЪ за нѢсколькихЪ служилЪ
,,Вы узрите, чево сей будетЪ мужЪ достоинЪ.
,,ОнЪ былЪ худой ямщикЪ, а будетЪ добрый воинЪ.
Сїе ЗевесЪ богамЪ со важностью сказалЪ,
И всѢмЪ разЪѢхаться имЪ вЪ домы приказалЪ.
Когда бы смертныя всѢ тако помышляли,
Дабы по склонности кЪ дѢламЪ опредѢляли;

Тогда бы можетъ быть не годный самый врачь
Престалъ людей лѣчить, и добрый былъ палачь,
Судья, который дѣлъ со всѣмъ не понимаетъ,
И только за сукномъ лишь мѣсто занимаетъ,
Онъ могъ бы лучше быть, когдабъ онъ былъ кузнецъ.
Прїемлютъ за сребро ошибкой и свинецъ.
Бываетъ мудрый мужъ, худой единоборецъ,
Порядочный дьячокъ, прескверный стихотворецъ,
И такъ когда бы всякъ въ степень свою попалъ,
Давнобъ въ невѣжествѣ ужъ свѣтъ неутопалъ.

Уже насталъ тотъ день, сталъ слышенъ ревъ медвѣжей,
На ревъ сей собралось премножество невѣжей,
Стекается къ Рукѣ со всѣхъ сторонъ народъ,
Тамъ множество крестьянъ, приказныхъ и господъ
Одни между собой идутъ туда сражаться,
Другїе травлею медвѣжей забавляться.
О утѣшенїе! отъ скуки позѣвать,
Какъ псы невиннаго тамъ звѣря будутъ рвать,
Иль надъ подобными глумиться дураками,
Какъ рыцерствуютъ бьясь взаимно кулаками.
Тамъ несогласїе стоитъ уже давно,
И злоба тамъ бойцамъ разноситъ всѣмъ вино,
Невѣжество надъ всѣмъ тамъ власть свою имѣетъ;
А мудрость въ сихъ мѣстахъ явиться непосмѣетъ.

Уже къ сраженїю стояли двѣ стѣны,
И славныя бойцы виномъ напоены,
Которые сїю забаву составляли,
Вытягивалися, и руки поправляли;
Одинъ снималъ съ себя и шапку и кушакъ,
Другой навастривалъ на ближняго кулакъ,
Иной до пояса спустя свою рубашку
Примѣривался какъ итти ему въ размашку,
И какъ сопернику за братскую любовь,
Спустити изъ носу ево излишню кровь,
Или на личикѣ фонарь кому поставить,
Чемъ могъ бы всѣхъ на то смотрящихъ поза-
бавить.

Межъ тѣмъ Зевесъ окно въ Зенитѣ отво-
рилъ,
И тако всѣмъ тогда безсмертнымъ говорилъ:
,,Да будетъ боги вамъ сїе извѣстно нынѣ.
,,Выглядывать отсель лзя богу и богинѣ,
,,Какъ нѣкогда со мной вы зрѣли съ сихъ же
странъ
,,На битвы страшныя межъ Грековъ и Троянъ;
,,Но вы меня тогда не рѣдко облыгали,
,,Украдкой обоимъ народамъ помогали.
,,А нынѣ ежели кто помочь дать дерзнетъ,
,,Тотъ гнѣва моего ни какъ не ускользнетъ.
,,Помощникъ цѣлый годъ какъ гладный песъ
порыщетъ,
,,Ни въ банякъ, ни въ тюрмахъ убѣжища не
сыщетъ;
,,Хотя бы посредѣ онъ скрылся кабака;
,,И тамъ велю ему натыкать я бока,
,,Доколѣ не пройдетъ сїе урочно время.
,,Какъ хочете, а вы несуйтесь въ ето стремя.
Тогда они свои потупили глаза
И ждали какъ сїя минуетъ ихъ гроза,

Смирнїохонько въ округъ Зевеса всѣ сидѣли,
И только какъ Сычи въ окошечко глядѣли.

И се насталъ уже жестокой битвы часъ;
Съ начала сталъ межъ ихъ ребячей слышенъ гласъ,
И въ воздухъ раздались не стройныя ихъ крики,
А это было тутъ въ подобїе музыки.
Какъ туча помрачивъ чистѣйшїи горизонтъ,
Облегшись тягостью своей на тихїй понтъ,
Ужасной бурею на влагу лишъ подуетъ;
Престанетъ тишина и море возбунтуетъ,
Потомъ ударитъ громъ изъ темныхъ облаковъ.
Подобный оному сталъ стукъ отъ кулаковъ,
И съ пыли облака густыя въ верхъ вїются,
Удары громкїя по рожамъ раздаются,
Лїется изъ носовъ кровавая рѣка,
Побои чувствуютъ и спины и бока,
И отъ ударовъ сихъ исходятъ разны звоны;
Разносятся вездѣ пощочинъ милїоны.
Одинъ соперника тамъ рѣзнулъ подъ животъ,
И послѣ самъ лежитъ поверженъ яко скотъ,
Другой сперва пошелъ на чистую размашку,
Нацѣлилъ прямо въ носъ; но здѣлавши промашку.
Отверзъ свободный путь другова кулакамъ;
А тотъ какъ по торгу гуляетъ по щекамъ.
Иной тутъ подъ глаза очки другому ставитъ,
Иной соперника схватя за горло давитъ,
Иному сдѣлали лепїошку изъ лица.
А онъ пошелъ въ кабакъ и выпивъ тамъ винца,

Со прежней бодростью на битву устремился,
И лучше прежняго сквозь стѣну проломился.

Се тако билися безмозглы мужики,
Съ одной страны Купцы, съ другія Ямщики,
Какъ вдругъ съ купеческой страны герой выходитъ,
И спорника себѣ межъ всѣми не находитъ,
Подобно яко левъ разсторгнувъ свой запоръ,
Рыкаетъ и бѣжитъ бросая жадный взоръ
Ко стаду робкому пасущейся скотины,
Въ срединѣ мягкихъ травъ прохладныя долины,
Гдѣ бѣдненкой его увидя пастушокъ;
Изъ рукъ трепещущихъ повергнувъ посошокъ,
Единымъ бѣгствіемъ животъ свой избавляетъ,
А стадо хищнику на добычь оставляетъ.
Такъ новый сей Аяксъ, иль паче Діомидъ
Имѣя на челѣ своемъ геройскій видъ,
Вломился и дѣлитъ кулачныя удары;
Побѣгли ямщики какъ робкія Татары.
Когда на ихъ поляхъ блеснулъ Россійскій мечь,
Такъ должны ямщики тогда всѣ были бѣчь . . .
Но слогъ сей кудреватъ и здѣсь не очень къ стати,
Не по простулъ сказать, они должны бѣжати,
А грозный тотъ герой какъ коршунъ въ нихъ летитъ
И кулаками ихъ бѣгущихъ тяготитъ.
Смутились всѣ какъ прахъ предъ тучи грозной зракомъ,
Одинъ падетъ стремглавъ, другой ползетъ тамъ ракомъ,
А третій какъ медвѣдь пораненный рычитъ,
Четвертый яко быкъ ударенный мычитъ.

О бой, ужасный бой! безъ всякія корысти,
Ни силы конскія, ни мужескіе лысти,
Не могутъ быстроты геройскія здержать . . .
Все хочется словамъ высокимъ подражать.
Уймися мой гудокъ, вить ты гудишь лишь вздоры,
Такъ надобноль тебѣ высокихъ словъ наборы,
Посредственная рѣчь тебѣ теперь нужна,
И что бы не была надута ни нѣжна,
Ступай своимъ путемъ послѣдуя Скаррону,
Скорея можетъ быть достанешь ту корону,
Которую пѣвцамъ Парнаскій богъ даетъ.

Герой купеческій ямскихъ героевъ бьетъ
И нумеритъ имъ всѣмъ на задницахъ пашпорты,
Трещатъ на ямщикахъ рубашки тамъ и порты.
Всѣ думали, что онъ въ рукахъ несетъ Перунъ,
И что онъ дастъ бойцамъ послѣдній карачунъ;
Но вдругъ лишился бой сего ужасна вида,
Когда пришелъ герой подъ сѣнію Егида,
Сокрытый имъ отъ всѣхъ смотрителей очей.
То былъ подъ шапкою своею Елисей;
Невидимъ ни кому, онъ бой перемѣняетъ,
Смутилъ въ единый часъ купцовъ и прогоняетъ,
Трясется отъ него ихъ твердая стѣна,
А онъ на нихъ кладетъ кровавы знамена.
Отъ кулаковъ ево всѣ на розно дѣлятся,
Не сотни передъ нимъ, но тысяча валятся!
Побѣда къ ямщикамъ пришла въ единый мигъ,
И Елисей уже бойца того достигъ,
Который воевалъ какъ чортъ межъ ямщиками,
Уже разитъ ево Елеска кулаками,
И множество ему тычковъ въ глаза влѣпилъ,
Которыми ево разбилъ и заслѣпилъ,

Свалился яко дубъ сѣкирою подсѣченъ,
Лежитъ Елесею разбитъ и изувѣченъ;
Три краты онъ себя съ песку приподымалъ,
Три краты на него онъ паки упадалъ.
И наконецъ на немъ лежитъ и чуть чуть дышетъ
И Елесееву побѣду тамо пишетъ,
А попросту, песокъ онъ задницей чертилъ,
Но встать съ нево, въ себѣ онъ силъ ненахо-
ходилъ,
Движенья таковы всѣхъ къ жалости подвигли.
Товарищи ево тотъ часъ къ нему достигли,
Полъ мертваго бойца въ Кабакъ перенесли,
И тамъ ему вина на гривну поднесли,
Которымъ духъ его ослабшій ободрили
И паки тѣмъ ему дыханье возвратили.
Исправился купецъ, идетъ изъ кабака,
Вторично онъ въ бою попалъ на Ямщика.
Тутъ паки на него насунулся Елеся,
И паки разъ ему десятка два отвѣся
Сильняе прежняго онъ далъ ему толчокъ;
Онъ паки задницей повергся на песокъ;
Но такъ уже ямщикъ купца туда запряталъ,
Что весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ,
И сказываютъ всѣ, кто ходитъ въ тотъ кабакъ,
Что будто и поднесь въ пескѣ тотъ виденъ знакъ.
Ямщикъ сразя ево, разить всѣхъ началъ стрѣч-
ныхъ,
Умножа за собой побитыхъ и увѣчныхъ,
Загналъ въ трущобу всѣхъ купеческихъ повѣсъ,
И словомъ онъ тогда былъ храбръ, какъ Ахиллесъ.
Но можно ли кому съ свирѣпымъ спорить
рокомъ!
Не знаю кто съ нево сшибъ шапку не нарокомъ,
А онъ съ открытою главою сталъ какъ ракъ.
Хотѣлъ было бѣжать съ побоища въ кабакъ;
Но тутъ ево свои бѣгущаго схватили,
Свели во свой приказъ и на цепь посадили.

Збылася истинна Зевесовыхъ рѣчей,
Елесенькѣ весь лобъ подбрили до ушей.
Какой бы ето знакъ, куда Елесю рядятъ?
Не уже ли ево и въ прямъ во службу ладятъ?
Увы то истинна! былъ здѣланъ приговоръ:
,,Елеська какъ бѣглецъ, а можетъ быть и воръ,
,,Которой ни какой не несъ мирскїя платы,
,,Сведенъ въ военную и отданъ тамъ въ солдаты.

КОНЕЦЪ ПЯТЫЯ И ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ.

ИГРОКЪ ЛОМБЕРА,

ПОЕМА.

ВЪ 3хъ ПѢСНЯХЪ.

А. З. Кохорева

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Стремится духъ воспѣть картежнаго героя,
Которой для игры лишилъ себя покоя;
Безсонницы, труда, и голоду и слезъ,
И брани и побой довольно перенесъ;
Отъ самой младости въ игрѣ что обращался,
И въ знакъ достоинства, вѣнцемъ отъ картъ вѣнчался,
Сплетенныхъ изо всѣхъ украшенныхъ мастей,
Изъ винъ и изъ жлудей, изъ бубенъ и червей.
Ужъ три дни игроки за ломберомъ сидѣли;
Ужъ три дни, какъ они не пили и не ѣли;
Три раза солнца лучь въ игрѣ ихъ освѣщалъ,
И три раза ихъ мракъ вечерней покрывалъ;
И утомленные веселою работой,
Три раза спорили со гладомъ и съ дремотой:
Ужъ щастье надъ игрой держащее вѣсы,
Три краты ихъ ко всѣмъ склоняло въ тѣ часы;
Но наконецъ когда къ Леандру ихъ склонило,
Искусство щастью верьхъ побѣды уступило.
Спѣшатъ къ Леандру всѣ на помощь короли,
Манильи и тузы за ними жъ въ слѣдъ текли.
И се ужъ зрятъ его дремотой полны взоры
Грядущïе къ нему три главны матадоры.

Въ началѣ баста, ей послѣдуетъ маниль,
Потомъ предстала къ нимъ великая шпадиль.
Леандръ, прїявши ихъ, проситъ ужъ воли мыслитъ,
И плату съ игроковъ за нихъ за ранѣ числитъ.
Три матедора взять утѣха не мала;
За тѣмъ что винна масть въ игрѣ у нихъ была,
Почтеннѣе другихъ которые тутъ были,
А вины преферансъ у игроковъ сихъ слыли.
Хотелъ ужъ покупать на винныхъ козыряхъ,
Какъ понту съ королемъ увидѣлъ на рукахъ,
Которымъ слѣдуя манилїя бубнова,
Причиной сдѣлалась нещастья игрокова.
Онъ мнитъ, что на червяхъ санпрандеръ пребогатъ,
За тѣмъ что былъ Леандръ дремотою объятъ.
Бубновую маниль червонною считаетъ,
И съ гордостїю въ нихъ санпрандеръ возглашаетъ,
Онъ былъ передъ рукой . . . но о лютѣйшїй часъ!
Лишъ только испустилъ онъ въ гордости сей гласъ;
Какое вдругъ его нещастїе постигло!
То привидѣнїе изъ глазъ его погибло.
Онъ зритъ уже тогда бубновую маниль,
Съ которой проиграть не льзя, чтобъ не кодиль,
Такъ точно кто почтенъ фортуною бываетъ,
Онъ часто истинной, мѣчты однѣ считаетъ.
О истина! ты всѣхъ добротъ прямая мать:
Не должно никогда тебя пренебрегать.
Ты нашей совѣсти правдивое зерцало;
Тебя намъ оставлять не надобно ни мало.
Ты въ злополучьи щитъ, и въ щастїи краса;
Съ тобою сносно ждать и смертнаго часа.
Ты въ малыхъ и въ большихъ вещахъ равно сїяешь,
И ты отъ бѣдствїя и пагубы спасаешь.

Уже Леандръ узрѣлъ, что гибнетъ онъ съ игрой:
Манилья у него, но масти лишь не той,
Въ которой онъ вскричалъ сапрандеръ толь спесиво.
Ужъ поздно узнаетъ, колико щастье лживо!
Онъ къ пущей горести, межъ картъ своихъ узрѣлъ,
Что и король къ нему винновой въ нихъ пришелъ
Съ которымъ могъ бы быть санпрандеръ и винновой.
Леандръ тутъ въ горести себя находитъ новой.
Грызенье совѣсти, отчаянье, боязнь.
О! коль великую ему наносятъ казнь.
Трепещетъ, прогнѣвя невинною манилью;
Трепещетъ проиграть съ санпрандеромъ кодилью.
Не столько и Орестъ въ тотъ часъ терзаемъ былъ,
Въ которой мать свою онъ злобно умертвилъ;
Какъ здѣсь Леандръ грустилъ, мятется и стенаетъ,
И вздохи тяжкїе въ отчаяньи пускаетъ
Но ужъ не льзя ему свой рокъ перемѣнить;
Повиненъ къ игрокамъ онъ картою подходитъ
Тогда изъ рукъ его Давидъ (*) на столъ вступаетъ,
Котораго злой хлапъ червонной поражаетъ;
Влѣчетъ его во плѣнъ, копье въ его вонзя;
Леандръ то зритъ, но что? помочь уже нельзя,
Потомъ и Цесарь (**) самъ свой важной видъ являетъ;
И въ гордости маниль бубнову похищаетъ;
Влѣчетъ съ собою въ плѣнъ, подобно какъ Плутонъ
Цереры красну дщерь влекъ въ адъ безъ оборонъ.

(*) *Король винновой.*
(**) *Король бубновой.*

И се Юдифу (*) въ брань какъ бурной вѣтръ выноситъ;
Единоборца та себѣ гордяся проситъ,
О! естьли, вопіетъ, межъ картъ такой герой?
Да выступитъ со мной отважась въ смертной бой
Не устрашусь его я въ полѣ семъ широкомъ.
Тутъ Карлъ (**) воздвигнутъ бывъ своимъ нещастнымъ рокомъ,
Онъ храбро не нее напалъ и поразилъ,
И казнь достойную Юдиѳѣ учинилъ.
Которая до толь разила Олоферна:
Сама побѣждена, но рана несмѣртельна.
Была, хоть храбрый Карлъ весь мечь въ нее вонзилъ;
На что и самъ Леандръ въ восторгѣ бывъ, смотрилъ,
Любуясь своего побѣдою героя.
Но тутъ другой игрокъ ему ковъ хитрый строя,
Онъ руку своего чела превыше взнесъ,
Подобно какъ взносилъ прехраброй Ахиллесъ
Побѣдоносную съ мечемъ свою десницу,
Багря въ крови враговъ и мечь и колесницу,
Въ которой на Троянъ, яряся нападалъ,
И смерть въ противничьи полки съ нее бросалъ:
Такъ зрѣлъ тогда Леандръ манилью игрокову,
Которая спустясь съ руки, творитъ брань нову.
Но утомленный бывъ своей побѣдой Карлъ,
Сраженъ манильею червонной, мертвъ упалъ.
И се ужъ Александръ (***) спѣшитъ на помощь къ войску,
Златой обременялъ щитъ длань его геройску,
На коемъ начертанъ былъ льва ужасной видъ.
Отъ скораго его прихода столъ дрожитъ;

(*) *Краля червонная.*
(**) *Король червонной.*
(***) *Король жлудовой или крестовой.*

И карты и свѣщи и деньги встрепетали,
И съ ужасомъ съ стола на землю всѣ ниспали.
Видъ бѣлыя брады и свѣтъ ево вѣнца
Блеснулъ въ четыре всѣ столовые конца,
Повергся съ высоты ручной на столъ съ размаху.
Сама шпадилія подвергнулась отъ страху,
И баста потряслась, и понта на рукахъ;
Леандра жъ самаго сугубой обнялъ страхъ.
Старается укрыть Аргину (*) онъ напрасно,
Котору Александръ изъ рукъ исторгнулъ властно
Побѣдою своей и добычею гордясь,
Три раза бѣлыми кудрями онъ потрясъ,
На раменахъ своихъ съ веселіемъ уноситъ.
Леандръ едва едва печаль такую сноситъ,
Во слѣдъ Аргинѣ зря, потѣетъ и дрожитъ,
И слѣдующи слова онъ тако говоритъ.
,,Увы! избавиться нѣтъ средства ни какова;
,,Прогнѣвалъ я тебя, манилія виннова,
,,Прогнѣвалъ я тебя, еще онъ повторялъ:
И только лишь сію онъ рѣчь окончевалъ;
Какъ вдругъ и Огіеръ (**) съ ужаснѣйшимъ
Церберомъ
Стремится, ободренъ толь храбрѣйшимъ при-
мѣромъ,
Которой Александръ предъ нимъ лишь оказалъ.
Сей двойку винную тотчасъ изъ рукъ отъялъ;
Ведетъ окованну во плѣнъ съ собой стенящу,
Леандру въ слѣдъ ее съ прискорбностію зрящу.
Не могутъ помощи и сами дать тузы
Среди такой бѣды, среди такой грозы;
Леандру лишь одна надежда остается.
Что тотъ лабетъ съ стола кодильей не берется;
Но сдѣланъ былъ ремизъ въ игрѣ у нихъ тройной
Леандръ оставшися въ надеждѣ таковой,

(*) *Краля жлудовая.*
(**) *Хлапъ винновой.*

Что будущей игрой лабетъ свой поворотитъ,
И игроковъ самихъ и съ деньгами поглотитъ:
Но онъ обманутъ былъ надеждою такой;
Хотя игралъ игру, и на лабетъ двойной,
Однакожъ проигравъ кодилей десять сряду,
Лишился денегъ всѣхъ, лишился и наряду,
Уже онъ ни на чью дерзаетъ покупать,
Проигрываетъ все, лишь съ чемъ начнетъ играть.
И тако проигравъ онъ все свое имѣнье,
Повергся и заснулъ, и въ сладкомъ томъ забвеньѣ
Лишился чувствъ, и всѣ напасти позабылъ,
Колико онъ въ игрѣ нещастливъ много былъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О! вы всѣ игроки, на пѣснь мою спѣшите.
И гласу лирному въ молчаніи внемлите;
Внемлите, что игра возможетъ произвесть,
Игра не рѣдко насъ и въ бѣдство можетъ ввесть.
Судьбу Леандрову изъ дѣйства примѣчайте,
И щастью лестному себя не поручайте.
Въ комъ нѣтъ умѣнья, тотъ страсть къ картамъ утиши;
Игра безъ мастерства, какъ тѣло безъ души,
Иль безъ кормила какъ корабль носимъ въ пучинѣ.
Внемлите игроки, внемлите всѣ вы нынѣ.

Когда Леандръ игру нещастьемъ окончалъ,
Повергся въ одръ, и въ немъ отчаянъ бывъ, лежалъ,
Воображая въ мысль свое нещастье злое.
О! время, говорилъ, о! время дорогое,
Въ которое имѣлъ я деньги въ кошелькѣ.
О! деньги, онъ твердилъ сто разъ въ своей тоскѣ,
О! деньги вы всего на свѣтѣ семъ дороже.
Кто не имѣетъ васъ, тотъ всѣхъ, тотъ всѣхъ убоже.
Вы всѣ таланты въ насъ раждаете собой,
И кто имѣетъ васъ, имѣетъ и покой.

Такъ горестно Леандръ о деньгахъ вспоминая.
И карты и игру нещадно проклиная.
Страдалъ, стеналъ, вздыхалъ, грустилъ и унывалъ:
Хотѣлъ заснуть, но сонъ отъ глазъ его бѣжалъ.
Мутилась кровь его, и сердце трепетало,
И ко отъигрышу Леандра побуждало.
Тогда симъ зжалился мученіемъ Морфей
Влетѣлъ, и легкою одеждою своей
Покрылъ Леандровы томящіяся очи,
Которыя безъ сна уже три были ночи.
Какъ море премѣнясь по бурѣ въ тишину,
Подобную стеклу являетъ глубину,
И звѣзды и луну въ себѣ изображаетъ,
И взоръ пловущаго тогда увеселяетъ:
Подобно и Леандръ по проигрышѣ вдругъ
Заснулъ, и ужъ имѣлъ въ себѣ спокойной духъ:
Но мысль блудящая сонъ сладкой всколебала,
И странное ему видѣнье представляла.

Внезапу у одра раскрылись завѣса
И разстворилися надъ спящимъ небеса.
Но естьли смѣю я сказать ужасно дѣло,
Се матедоры три пріявши духъ и тѣло,
Грядутъ ко игроку на свѣтлыхъ облакахъ:
О! чудо странное, случившись въ нашихъ дняхъ.
Онъ зритъ подобно такъ, какъ зрѣлъ Парисъ въ пустыни
Пришедшія къ себѣ три красныя богини:
Отдавшіяся въ судъ подобно какъ царю,
Дабы онъ разрѣшилъ межъ ихъ ужасну прю.

Но здѣсь не для суда предстали матедоры:
Гласите вы со мной моря, лѣса и горы;
Внемли съ молчаніемъ, пространной воздухъ весь:
Се баста и маниль спускаются съ небесъ,

Межъ коими шпадиль сїяюща лучами.
Подобно какъ луна въ ночи между звѣздами,
Представился вдругъ Леандровымъ глазамъ.
Леандръ со ужасомъ повергся къ ихъ ногамъ,
И въ трепетѣ своемъ едва сїе вѣщаетъ.
Не сонъ ли мя теперь нещастнаго прельщаетъ?
Я зрю предъ собой прекраснѣйшихъ свѣтилъ,
Трехъ повелительницъ картежныхъ храбрыхъ силъ.
Но тутъ шпадилїя свою простерла руку.
Леандру подая, прерви сказала муку,
,,Которою теперь ты строго такъ томимъ;
,,И вѣрь, Леандръ, ты верь словамъ неложнымъ симъ,
,,Что не прельщаются твои мечтою взоры:
,,Стоятъ передъ тобой три главны матедоры,
,,И тѣ которыхъ ты имѣлъ вчера въ рукахъ.
,,Отвергни отъ себя смятенїе и страхъ!
,,Мы тѣ, которые всѣмъ ломберомъ владѣемъ,
,,И силой въ немъ себѣ подобныхъ не имѣемъ.
,,Мы тѣ, что игроковъ побѣдою даримъ,
,, И мы, что выигрышь и проигрышъ чинимъ.
,,Не будь въ отчаяньѣ прошедшею игрою:
,,Утѣшу я тебя, и обѣ сїи со мною.
,,Притомъ къ манилїи и къ бастѣ обратясь,
,,Рекла имъ тѣжь слова, всѣмъ ломберомъ клеnясь:
,,Мы наградимъ тебѣ Леандръ твое нещастье;
,,Посыплетъ на тебя сребро, какъ дождь въ ненастьѣ,
Пребудь въ надѣждѣ сей нещастливой игрокъ!
,,Ужъ минулъ твоея судьбы жестокой рокъ.
Шпадилїя сїе съ величествомъ вѣщала,
И руку игроку съ усмѣшкой подавала:
,,Востани, О! Леандръ, востани, ободрись,
,,И намъ себя вручить нимало не страшись.

„Мы поведемъ тебя въ храмъ Ломбера преславно,
„Гдѣ ты увидишь всю судьбу игравшихъ явно.
Леандръ симъ ободренъ, всталъ и къ нимъ спѣшитъ;
Уже на облакахъ съ богинями летитъ.
Но что тогда его представилося взору!
Онъ видитъ предъ собой превысочайшу гору,
Котора взнесена на облака главой,
И въ кругъ ея со всѣхъ сторонъ былъ лѣсъ густой,
На коемъ онъ не зрѣлъ нигдѣ плода инова,
Какъ только масть была червонна и бубнова;
А вмѣсто что бы зрѣть на вѣтвïяхъ листы,
Висѣли всѣ на нихъ и вины и кресты,
Леандръ въ восторгѣ бывъ, дивится нову чуду,
Что зритъ на древесахъ сей странной плодъ повсюду.
Осмѣлясь, вопросилъ соспутниковъ своихъ:
„Вы ль обитаете, Богини, въ рощахъ сихъ?
„Иль ино божество симъ мѣстомъ обладаетъ?
„И кто отъ сихъ древесъ плоды сïи вкушаетъ:
„О естьлибъ я возмогъ отъ васъ сïе узнать,
„И какъ могу сïе я мѣсто называть?
Не то ему маниль и баста отвѣчали:
„Названïя сихъ мѣстъ: веселье и печали,
„А плодъ сей звавъ такъ: и щастье, и напасть.
„Вкусивъ, узнаешь ихъ и горесть ты и сласть.
Леандръ сорвавъ плодовъ, въ уста свои влагаетъ,
И прежде горести онъ сладость ощущаетъ.
Но только лишъ его въ гортань онъ пропустилъ,
По сладости тогда онъ горесть ощутилъ,
Котора ни къ чему казалась не примѣрна:
Лишъ горесть то была, и горесть пребезмѣрна.
Но чтобъ мнѣ ломберной яснѣй представить храмъ,
О? Муза, ты придай красы моимъ стихамъ:

Какъ снѣжная гора предъ тучею бѣлѣетъ,
И бѣлизнѣ своей примѣра не имѣетъ.
Такъ храмъ позадь лѣсовъ священнѣйшихъ стоялъ
Украшенъ равными металлами блисталъ.
Отъ трехъ сторонъ его три стѣны окружали.
И трои ворота входъ разной подавали.
Единые врата изъ злата зрились быть,
Пятью степенями къ нимъ должны приходить.
Вторые ворота всѣ сребряные были,
И приходящихъ взоръ не столько веселили:
Какъ первые, гдѣ все лишь злато и пиропъ,
И къ симъ уже вратамъ не столько было стопъ.
Но по четыремъ къ нимъ всходити было должно,
И безъ вожатаго войти почти не можно.
На третьихъ воротахъ была едина мѣдь;
И должно къ нимъ по тремъ степенямъ входъ имѣть,
Которые хотя казалися и низки;
Но столь углажены, и столько были слизки,
Что всѣ, кто шелъ по нихъ, катилися назадъ;
А многїе низпавъ, свергалися во адъ.
Леандръ узрѣвъ сїе чудесное мечтанье,
Богинь о томъ спросить пришло ему желанье:
Въ которые врата войти имъ должно въ храмъ?
Шпадилїя его отвѣтъ дала словамъ:
,,О! смертной, щастливъ ты предъ всѣми многократно,
,,Откроется тебѣ вся тайна, слушай внятно:
,,Лѣса сїи и храмъ, толь красно вещество,
,,Превосходящее всѣ въ свѣтѣ естество;
,,Не смертною оно рукой сооруженно,
,,И обиталище для тѣхъ опредѣленно.
,,Кто можетъ въ ломберѣ съ воздержностью играть;
,,И естьли такъ себя кто можетъ воздержать,
,,Что безъ четырехъ игоръ и картъ не покупаетъ;

,,А безъ пяти въ свой вѣкъ санпрандеръ не играетъ.
,,Вторые хоть врата и въ тотъ же храмъ ведутъ;
,,Но многїе желавъ войти въ нихъ, внизъ падутъ.
,,А третїе врата для тѣхъ сооруженны,
,,Кто ломберной игрой какъ страстью зараженны,
,,Но тужатъ проигравъ имѣнїе свое.
,,И естьли ты, Леандръ, послушенъ будешь мнѣ;
,, Не приходи во храмъ вратами ты иными;
,,Входи въ него всегда ты больше золотыми.
,,Старайся мой совѣтъ полезной не забыть:
,,Ты можешь, О! Леандръ, всегда щастливымъ быть.
По сихъ рѣчахъ они ко храму ужъ приспѣли,
На первыхъ воротахъ такую надпись зрѣли;
,,*Не сквозь сїи врата, кто хочетъ въ храмъ войти,*
,,*Тотъ тщетною себя надеждою не льсти,*
,,*Дабы возмогъ узрѣть толь зданїе прекрасно.*
,,*Во храмъ лишь симъ путемъ приходятъ безопасно.*
,,Леандръ прочтя сїе, и началъ разсуждать,
Что естьли станетъ впредь воздержнѣе играть;
То можетъ быть въ игрѣ щастливѣй нежель прежде;
И входитъ онъ во храмъ; оставшись въ сей надеждѣ.
И се открылася завѣса вдалекѣ,
Услышался и шумъ подобной быть рѣкѣ,
Которая съ горы въ стремнину упадаетъ,
Бесѣдующихъ рѣчь что шумомъ заглушаетъ.
Сей шумъ происходилъ отъ спору игроковъ,
Которые сидя вкругъ множества столовъ,
О ломберной игрѣ законы составляли,
И вшедшихъ игроковъ къ нимъ, споры разбирали.

Одинъ предъ нихъ предсталъ съ санпрандерной игрой:
„Рѣшите! возопилъ, рѣшите споръ вы мой!
„Се нещастіе мнѣ очи ослѣпило:
„Но можноль не играть санпрандера мнѣ было?
;„Имѣлъ въ моихъ рукахъ я восемь козырей,
„Безъ матедоровъ лишъ, притомъ безъ королей.
„Но восемь козырей! чево желати болѣ?
„И яжъ притомъ игралъ санпрандеръ по неволѣ.
„Кто былъ передъ рукой, тотъ воли попросилъ,
„А я санпрандеромъ ту волю перебилъ
„Но о! нещастіе, мой духъ еще бунтуетъ;
„Тотъ съ матедорами четыремя пашуетъ.
„Я въ тѣхъ же сталъ играть, въ которыхъ онъ хотѣлъ;
„Въ покупкѣ, ахъ! къ нему и тотъ король пришелъ,
„Котора у меня не козырь быть случилась;
„Игра моя чрезъ то худою учинилась.
„Четыре раза я хотя и козырялъ;
„Но тщетно было все: кодилью проигралъ.
Тогда всѣ зжавъ плечами, главами покивали,
И въ утѣшеніе сіе ему сказали:
„Хотя ты съ сей игрой кодиль и проигралъ";
„Однакомъ правильно санпрандеръ ты сказалъ.
Потомъ игрокъ предсталъ съ отмѣнною игрою,
Которой выигралъ санпрандеръ предъ рукою,
И́ кою онъ еще держалъ въ своихъ рукахъ.
Три было короля, тамъ съ тройкою въ винахъ,
Которая была и козырь лишъ едина,
И съ ней случилася жлудовая Аргина.
Всѣ удивилися отважной толь игрѣ,
И чтобъ ту выиграть, въ ужасной были прѣ.
Но онъ отвѣтствовалъ: повѣрьте мнѣ не ложно,
„Что выиграть съ такой игрой не невозможно.
„Но чтобъ вы вѣрили, порядокъ весь скажу,
„И выигрышъ ея на дѣлѣ покажу.

,,Я былъ передъ рукой, итти мнѣ надлежало:
,,Пошелъ я королемъ, вотъ сей игры начало!
,,И такъ я отобралъ три масти корольми;
,,Но кралю лишъ мою убили козырьми.
,,Потомъ кто взялъ игру, пошелъ съ туза бубнова,
,,Та масть у игрока случилась и другова;
,,Но не было ея лишъ болѣ у меня.
,,Четверту получилъ игру чрезъ то и я;
,,А послѣ игроки дѣлилися играми,
,,За тѣмъ, что ужъ они остались съ козырями.
,,Въ одной рукѣ король и баста и маниль,
,,Въ другой семерка, хлапъ и краля и шпадиль:
,,И такъ я выигралъ игру, какъ битву воинъ.
,,Скажите жъ мнѣ, какихъ я почестей достоинъ?
Сказали всѣ ему: коль щастье сберегло,
,,Ты выигралъ ни съ чемъ, и правъ ты, какъ (*) стекло.
,,А кто и впредь играть съ играми будетъ сими;
,,Такіе по-міру находятся нагими.
Подобныхъ симъ Леандръ судовъ тутъ много зрилъ:
Иной былъ обвиненъ: что онъ не такъ ходилъ,
Съ которой подходить ему бы надлежало:
Иной, что козырялъ не такъ, иль очень мало.
И естьлибъ описать мнѣ всѣхъ здѣсь игроковъ,
О! кольбы стоило великихъ то трудовъ
Но пѣснь мою теперь я симъ лишъ скончеваю,
И Музу къ будущей на помощь призываю:
И ежели она устроитъ лирный гласъ,
Потщусь еще, потщусь взойти я на Парнасъ.

(*) *И правъ ты какъ стекло, пословица, которая межъ многими въ употребленіи.*

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Се Муза днесь сама мнѣ лиру настрояетъ,
И возгласити пѣснь сію повелѣваетъ.
Но естьли грубо что кому возмнится быть,
Тотъ долженъ на нее и пѣни приносить.
,,Ужель, Леандръ, твои насытилися взоры?
Ужель ты видѣлъ храмъ, вѣщали матедоры!
,,Тотъ храмъ, гдѣ игроки себѣ награды ждутъ?
,,Но ахъ! Леандръ, еще не все ты видѣлъ тутъ.
,,Не устрашись еще послѣдовать за нами:
,,Пойдемъ отсель, пойдемъ мы мѣдными вратами,
,,Которы въ царство насъ подземное сведутъ,
,,Гдѣ добродѣтели награда, злобѣ судъ.
По сихъ словахъ они къ вратамъ тѣмъ приступили,
Которы игроковъ къ Плутону низводили.
По тремъ степенямъ внизъ ихъ лѣствица вела,
Неплодоносная долина гдѣ была.
Засохши древеса вокругъ ея стояли,
И скуку вѣчную собою представляли:
Гдѣ зрилась пропасть быть, сводящая во адъ,
Изъ коей исходилъ огнь, пепелъ, дымъ и смрадъ.
Вкругъ пропасти совы и Гарпіи (*) летали,

(*) *Адскія хищныя птицы.*

Имѣнье игроковъ и кости поядали.
Леандръ увидя то, ужасся и робѣлъ,
И къ устью той итти пещеры не хотѣлъ;
Но matедоры духъ Леандровъ ободряли,
И къ сходу адскому итти повелѣвали.
Но только лишъ Леандръ въ жилище тьмы вошелъ,
Онъ множество духовъ и тѣней тамъ узрѣлъ.
Тамъ множество ему санпрандеровъ встрѣчалось,
И касокъ, поляковъ и воль ему мечталось.
Мутился тамо (*) Стиксъ, и Флегетонъ пылалъ:
Слезами игроковъ Коцитъ тамъ протекалъ.
Когдажъ они къ брегамъ Стигїйскимъ приближались,
На мрачныхъ берегахъ тьмы тѣней имъ казались,
Которыя сидя, къ себѣ Харона ждутъ:
Узналъ онъ множество себѣ знакомыхъ тутъ.
Они Леандра, такъ какъ онъ ихъ, всѣ узнали,
И обступивъ его толпами, вопрошали:
,,Давно ли ты, Леандръ, изшелъ отъ житїя?
,,И какъ вселилася во адъ къ намъ тѣнь твоя?
Но не успѣлъ Леандръ отвѣтствовать ни слова,
Ужъ ладїя была Харонова готова,
Гдѣ съ матедорами Леандръ вошедши, сѣлъ,
И къ царствїю царя подземнаго пошелъ
Тамъ зритъ онъ во вратахъ треглавнаго Цербера: (**)

(*) *Три адскїя рѣки, изъ коихъ Флегетонъ огненная.*

(**) *При выходѣ изъ Хароновой лодки, а при входѣ въ адъ, встречался адской песъ треглавной и вмѣсто шерсти покрытъ змѣями; сей песъ называется Церберъ, и по баснословїю караулилъ онъ адскїя врата, куда онъ всѣхъ пропускалъ, а назадъ никого.*

Потомъ къ нимъ въ ярости стремилась и химера, (*)
Рыкая, разстворивъ свою ужасну пасть:
И естьлибъ не шпадиль, тобъ могъ Леандръ пропасть.
Потомъ они едва коснулись только суши,
Увидѣли тутъ всѣхъ игравшихъ въ ломберъ души,
Которыя идутъ со ужасомъ предъ тронъ,
Гдѣ председательство имѣетъ Радамонъ,
И судитъ всѣхъ дѣла съ Миноемъ и Еакомъ, (**)
Смущая всѣхъ сердца единымъ только зракомъ.
Тамъ зрѣлъ онъ игроковъ пришедшихъ къ симъ судьямъ,
Которые отвѣтъ дая своимъ дѣламъ,
Нелицемѣрное рѣшенье получали,
Иные въ радости, другїе шли въ печали.

И се съ десной страны предсталъ предъ тронъ игрокъ,
Котораго низвергъ въ то царство злобный рокъ.
Онъ житїе свое вѣщая все подробно,
,,О! естьли, возопилъ, гдѣ зло сему подобно,

(*) *Химера, изрыгающая пламень, имѣетъ голову львиную, утробу козью, а хвостъ змѣинъ, которую Еллерофонтъ убилъ.*

(**) *По баснословїю когда души войдутъ во адъ, то надлежало имъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ тремъ адскимъ судьямъ: Миносу, Радамонту и Еаку, у которыхъ въ рукахъ смертоносная урна; и по ихъ опредѣленїю опредѣляются души въ поля Елисейскїя, или на муки.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

,,Которо возвѣстить я вамЪ теперь пришолЪ.
,,На свѣтѣ вЪ ломберну игру ввели расколЪ,
,,И вмѣсто каски тотЪ вЪ игрѣ употребляютЪ,
,,А ересь полякомЪ безстудно называютЪ.
На что тутЪ РадамонтЪ, Миной рекЪ ЕакЪ:
,,Ты смѣешь называть расколомЪ тотЪ полякЪ,
,,ПолякЪ, что вЪ ломберѣ прямое совершенство?
,,Кто выдумалЪ его, тотЪ приметЪ здѣсь блаженство;
,,А ты постраждешь такЪ какЪ страждетЪ (*) ИксїонЪ
,,Поди и испускай во адѣ вѣчной стонЪ.
По сихЪ словахЪ кЪ нему три фурїи прилетѣли:
Змѣи на ихЪ главахЪ ужасно зашипѣли;
Уже нещастнаго на злую казнь влекутЪ.
ЛеандрЪ содрогнулся увидя строгїй судЪ.

ПотомЪ тѣнь старыя жены тутЪ кЪ нимЪ приспѣла,
,,Я вѣкЪ свой, вопїетЪ, за ломберомЪ сидѣла,
,,Я часто по три дни ни ѣла, ни пила,
,,Не вставывала я для нуждЪ и не спала:
,,Но вЪ жизнь мою всегда надЪ сей игрой трудилась
,,По самой злой тотЪ часЪ, какЪ кЪ вамЪ переселилась.
,,Но думаю, что вы, о! адскїе судьи,
,,За толь несносные вЪ игрѣ труды мои,

(*) *ИксїонЪ, привязанной кЪ колесу змѣями, которое непрестанно вертится, онЪ осужденЪ за то, что хотѣлЪ изнасильствовать Юнону.*

,,Здѣсь не осудите меня на муки строги.
На тѣ ея слова возстали сами боги,
Возставъ, и начали тѣнь стару обнимать:
Прими возмездіе, прими, о! наша мать.
Такимъ ея судьи названіемъ почтили,
И въ Елисейскія поля потомъ вселили,
Еще идетъ игрокъ въ цѣпяхъ окованъ весь;
Отколѣ ты пришелъ, и къ намъ явился здѣсь?
Такъ адскіе судьи въ свирѣпствѣ закричали,
И что онъ дѣлалъ въ жизнь, сказать повелѣвали
,,Какъ въ карты ты игралъ! нещастной! говори?
,,О правосудные безсмертные цари,
Сказалъ нещастливой, свои потупя очи;
,,За ломберомъ я дни просиживалъ и ночи;
,,А въ ломберъ на земли я сорокъ лѣтъ игралъ:
,,Но щастливъ никогда до тѣхъ поръ не бывалъ,
,,Доколѣ подбирать я картъ не научился.
,,Но кто бы мастерствомъ толь легкимъ не прельстился:
,,И чѣмъ возможно такъ добра кому достать,
,,Какъ естьли карты кто умѣетъ подбирать?
,,Подборъ не воровство, подборъ одно умѣнье;
,,Чтобъ можно доставать у ближняго имѣнье.
,,Иль могутъ быть дѣла безбожны и мои?
,,Коль многи за сукномъ сидящіе судьи,
,,Приличные къ дѣламъ указы подбираютъ;
;,И много ли они тѣмъ дѣломъ погрѣшаютъ?
,,Не черезъ толь слыветъ искусной всякъ судья?
Иль виненъ я одинъ, что такъ искусенъ я?
Но грозные судьи воззрѣли грознымъ взглядомъ.
,,Поди, злодѣй, и тай какъ Танталъ, (*) тѣмъ же гладомъ;

(*) *Танталъ мучится гладомъ и жаждою, при изобиліи всего.*

,,И лакомы судьи такуюжЪ примутЪ часть,
,,Когда и вЪ нихЪ сЪ тобой была едина страсть.
Но только сЪ игрокомЪ судЪ строгій совершился.
КакЪ предЪ судьями вновь игрокЪ еще явился,
Котораго была еще подлѣе страсть.
КакЪ карты онЪ умѣлЪ, и деньги также красть;
И естьли сЪ кѣмЪ имѣлЪ казну вЪ игрѣ едину,
ИзЪ выигранныхЪ кралЪ онЪ денегЪ половину.
,,О! страсть негодная, о! всѣмЪ негодствамЪ мать,
,,О! хищникЪ, о! злодѣй, о! ты преподлой тать,
ТакЪ адскіе судьи во гнѣвѣ закричали,
И вЪ тартарЪ мучиться на вѣкЪ его послали.
ЛеандрЪ со трепетомЪ на всѣ тѣ казни зря,
КакЪ вдругЪ всѣ на него воззрѣли три царя:
О! юноша, вѣщай отколѣ ты явился!
,,И какЪ вЪ подземное ты царство преселился!
,,Не сходитЪ кЪ накЪ ни кто, сЪ душей не разлучась:
,,ЕдинЪ лишЪ ГеркулесЪ мѣста сіи потрясЪ,
,,ОтЪ коего страшась содрогнулась химера,
И Тизифона вдругЪ, Алекта и Мегера (*)
,,ПочувствовавЪ его приходЪ, воздвигли стонЪ:
,,ВЪ опасности тогда былЪ, адЪ, и самЪ ПлутонЪ. (**)
,,Но ты, о! смертной какЪ дерзнулЪ вступить кЪ намЪ нынѣ?
,,Погибнешь какЪ челнокЪ ты вЪ грозной сей пучинѣ;
,,Спѣши отсель! скорей спѣши! ЛеандрЪ, спѣши!
,,Но прежде житіе свое намЪ разкажи.

(*) *Три фуріи, онижъ называются и Евмениды, которыхъ должность, мучить злыхъ людей.*

(**) *Плутонъ богъ подземнаго царства.*

,,Давно ли ты живешь межъ смертными на свѣтѣ:
,,И отъ рожденія на коемъ началъ лѣтѣ
',Ты картами играть? и днесь играешь какъ?
Леандръ тутъ воздохнувъ; и повѣсть началъ такъ,
,,О правосудные цари безсмертны боги,
,,Хоть лѣта я живу на свѣтѣ и не многи;
:,Но только много я фортуною гонимъ,
,,И нѣтъ премѣны, ахъ! всѣмъ бѣдствіямъ моимъ.
,,Я въ ломберъ ужъ играть лѣтъ десять научился,
,;А на восьмомъ году игралъ, какъ я родился.
,,Но мой родитель былъ ко мнѣ безмѣрно строгъ.
,,За тѣмъ я никогда играть нигдѣ не могъ,
,,Какъ только развѣ что съ вѣрнѣйшими рабами;
,,Я въ карты игрывалъ украдкою ночами.
,,Но послѣ какъ отецъ мой къ вамъ сюда сошелъ,
,,Вѣ именьи и въ себя я власть ужь возъимѣлъ;
,,Имѣніе его мое быть послѣ стало,
,,Играть желанье мнѣ великое припало.
,,Не хаживалъ я въ тѣ бесѣды и пиры,
,,Которые живутъ безъ карточной игры;

,,Гдѣ нѣтъ ея, мнѣ тамъ всегда бываетъ скучно.
,,И съ тѣхъ поръ съ картами всегда я не разлучно.
,,Но ахъ! безсмертные, мнѣ щастья въ картахъ нѣтъ
Леандру таковой безсмертныхъ былъ отвѣтъ:

,, Отнынѣ будешь ты играть, Леандръ щастливо;
,,Поди, ужъ щастіе тебѣ не будетъ лживо.
,,Поди и только лишь воздержнѣе играй,
,,Но поляка отнюдъ расколомъ не считай.
Межъ тѣмъ уже заря румяная сіяла.
И солнце скорой въ міръ приходъ предвозвѣщала,
Предъ коей Люциферъ всѣ звѣзды съ неба гналъ.
Зефиръ любуяся, листочки лобызалъ,
Какъ вдругъ Леандрово окончилось видѣнье:
Вспрянувъ онъ отъ сна, и съ часъ былъ въ изумлѣньѣ;
Потомъ опомнясь, мнѣ видѣнье все сказалъ,
А а что слышалъ, то на лирѣ заигралъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ПѢСНИ.

ПЛАЧЕВНОЕ ПАДЕНІЕ СТИХОТВОРЦЕВЪ

САТИРИЧЕСКАЯ

ПОЕМА

ПѢСНЬ I.

Воспой о Муза ты теперь плачевнымъ гласомъ!
Такимъ какъ волкъ поетъ въ лѣсу предъ смертнымъ часомъ,
Чтобъ мать сыра земля услышала твой стонъ,
И былъ бы на гумнахъ крестьянамъ внятенъ онъ.
Подвигни и меня съ тобой поплакать нынѣ;
Понеже я стремлюсь къ Парнассовой твердынѣ,
Которую Піитъ въ стихахъ поколебалъ,
И въ ипокренской онъ источникъ наплевалъ.
Смутилъ въ немъ чистыя и ясныя онъ воды,
Въ сіи текущіе и памятны намъ годы.
Чтобъ лучше описать нещастіе сіе,
Влекижъ теперь въ восторгѣ понятіе мое
Тащи меня на верхъ врачебнаго Парнасса,
Чтобъ тамо стройнаго послушати мнѣ гласа.
Какъ дуется пузырь, надуй меня ты такъ,
И ясно покажи какой въ Поемахъ смакъ:
Какіе замыслы, какіе басни тамо,
Всель ложно въ нихъ гласятъ иль правду пишутъ прямо?
Подай мнѣ ковшъ воды Кастальской, иль такой,
Которой рушится честныхъ людей покой;

Вертится голова; а разумъ колобродитъ,
И коя смертныхъ родъ въ дурачество приводитъ.
Я отъ роду воды Кастальской не пивалъ,
И пить ее боюсь, что съ ногъ бы не упалъ,
Для подкрѣпленiяжъ восторженнаго духа,
Мнѣ лучше кажется россiйская сивуха.
Не всякой здѣсь Пiитъ Кастальски воды пьетъ!
Однако риѳмами какъ бурной вѣтръ оретъ,
Стихами общество какъ пудрой осыпаетъ,
Чертитъ безъ шабаша; устатку въ томъ незнаетъ,
Не проситъ никогда врачебныя росы,
И знаетъ безъ нее Поезiи красы.
Такой писатель мнѣ примѣромъ долженъ быти
Которой всячину не отречется пити;
А руское вино въ насъ сердце веселитъ,
И безъ Парнасса быть разумными велитъ.
Врачебныхъ оныхъ водъ хотя не презираю;
Однако и безъ нихъ я пѣти начинаю.

Внезапно тишина въ полудни прервалась,
И пыль на улицахъ столпами поднялась.
Смутилось стройное теченiе природы,
Бѣгутъ со всѣхъ сторонъ различные народы;
Робята малые, сѣдые старики,
Подьячiе, дьячки, купцы и мужики;
Всѣ, словомъ, жители сего престольна града.
Гласи со мною ты премудра Илïада
Къ чему стекается толпами нашъ народъ;
Бѣгутъ безъ памяти раззинувъ каждой ротъ.
На кровли, и на верхъ заборовъ возлѣзаютъ,
И съ нетерпѣнiемъ чево то ожидаютъ.

Народная молва гласила въ мiрѣ такъ,
Что выдетъ изъ за тучь небесный вскорѣ знакъ,
Новорожденная появится планета,
Которая у насъ прибавитъ много свѣта.

Слова народные немедлѣнно збылись,
Крестьянски бороды внезапно потряслись.
Усы припрянули, природа обновилась,
И всѣми жданная планета намъ явилась.
Ужасно зрѣлище открылось на конецъ,
Явился зрителямъ пречудной молодецъ,
Изъ нѣдръ природы онъ прегордо выступаетъ,
И будто бы со сна, разинувъ ротъ, зѣваетъ.
Во первыхъ говоритъ, родился я на свѣтъ,
Для удивленія народовъ и планетъ.
Вселенной принесу и пользу и забаву,
Себѣ же пріобщу безсмертную тѣмъ славу.
Жилище будетъ мнѣ Парнассъ и Геликонъ,
Служити долженъ мнѣ безсмѣнно Аполлонъ;
А Музы на часы должны ко мнѣ ходити,
И въ сочиненіяхъ перомъ моимъ водити.
Я дамъ свободный путь пресвѣтлому уму,
И слѣдовать ни въ чемъ не буду никому,
Во всѣхъ писателяхъ велики зрю пороки,
Они неправильно свои водили строки.
Одинъ былъ риѳмами гораздо неуклюжъ,
Въ высокихъ замыслахъ другой не очень дюжъ;
А третій нехорошъ, четвертаго бросаю,
Мнѣ пятой досадилъ, шестова я ругаю,
Седьмой въ стихахъ бурлитъ, негоденъ никуда;
Я лучше самъ себѣ послѣдую всегда.

Такія словеса народу хоть невнятны;
Однако сдѣлались они ему пріятны.
Герой тщеславіе такое продолжалъ,
И ближе отчасу онъ къ людямъ подъѣзжалъ.
Когдажъ народное способно было око,
Взирати на ево понятіе глубоко;
Тогда молчаніе по всюду разлилось,
И удивленіе высоко вознеслось.
Сей витязь шествоволъ не пѣшими ногами;
Но ѣхалъ на ослѣ съ предлинными ушами,

Которой безъ узды не прямо выступалъ;
Понеже на Парнассъ дороги онъ не зналъ,
А всадникомъ своимъ гораздо величался;
Однако ѣдучи частенько спотыкался.
На лбу ево былъ знакъ, всякъ видѣлъ то изъ насъ;
Подписано на дскѣ, *крылатой сей Пегасъ*.
Ни крыльевъ не видавъ, мы долго толковали,
И заключили такъ, что мыши ихъ сожрали.
На лѣвой сторонѣ одинъ свѣтился глазъ;
А правой выкололъ сей Всадникъ, осердясь,
И въ ухѣ у нево перо воткнуто было,
Въ другомъ же налито казалось намъ чернило.
Въ добавокъ къ оному пречудной сей оселъ,
Съ недѣлю кушанья въ желудкѣ не имѣлъ;
Но недостатокъ сей герой нашъ награждаетъ,
И тощую собой скотину украшаетъ.

Во первыхъ надлежитъ сказати мнѣ о томъ.
Какой на головѣ имѣетъ онъ шеломъ.
Подобенъ ли чалмѣ турецкаго Имана,
Иль какъ бутырская въ карсетѣ наша дама.
Похожъ ли тотъ шеломъ на гребень пѣтуха,
Или подобїе имѣетъ треуха.
Въ которомъ дряхлыя старухи наши бродятъ,
И древне щегольство на память намъ приводятъ;
Однако красоты геройской я не съѣмъ,
И прямо вымолвлю каковъ ево былъ шлемъ.

Когда печатники бумагу замараютъ;
Тогда ее на дворъ какъ соръ они бросаютъ.
Вулканъ матерїю такую собиралъ,
И витязю шеломъ изъ оныя сковалъ,
Подъ Етною огонь въ то время не курился,
Шеломъ безъ молота и безъ гвоздей клеился.
Не видно было тутъ Циклоповой руки,
Паяли тѣстомъ шлемъ изъ пшонныя муки.

Ѳетида къ кузнецу хотя не приходила,
И объ оружїи Вулкана не просила;
Однако сей герой безъ помощи боговъ,
Рядился въ шишаки, и взнуздывалъ ословъ.
Глава его какъ пень въ полуночи блистала,
И слава въ облакахъ надъ оною летала;
Но только безъ трубы, а былъ у ней рожокъ,
Пастухъ зоветъ коровъ въ которой на лужокъ.
На правой сторонѣ сего ужасна шлема,
Подписано я зрѣлъ по гречески *Поема.*
На лѣвой набрано изъ самыхъ крупныхъ словъ,
Наука трудная сложенїя стиховъ.
Перїодъ, латинскими украшенъ былъ словами,
Стояло *longa* (*) сзади, *breuis* подъ крылами,
Которы приданы шелому для красы,
Чтобъ моднѣе прикрыть геройскїе власы.
Не у Меркурїя они заняты были,
И вмѣсто оныхъ тутъ гусиные служили.
Торчали по бокамъ надъ буквами они,
И красили шеломъ тѣ крылышки одни.
Для храбрости, или чтобъ не взяли уроки,
То вмѣсто сѣточки смотрѣлъ герой сквозь строки,
Какъ губы, такъ и носъ, глаза и съ ними ротъ.
Прикрылъ строками нашъ пречудной Донъ Кишотъ.
Прехраброй Ахиллесъ какъ къ Троѣ разскакался,
Несколько страшенъ онъ и силенъ всѣмъ казался.
Оружїе его ковалъ искусной богъ,
Которымъ всякаго валялъ онъ вскорѣ съ ногъ,

(*) *Louga et breuis*, по руски долгая и короткая, такъ называются стопы въ сложенїи стиха,
◡ — ◡ — ◡ —
на примѣръ; *земля даетъ плоды.* ◡ сей знакъ короткой; — а сей долгой.

Смертельную копьемъ давалъ онъ перебяку,
И для тово ни кто не смѣлъ вступать съ нимъ
въ драку.

Но храбрость вся ево не стоитъ ничево,
Противу витяля престрашнова сево.
Здѣсь латы не рука Вулканова сплетала,
Бумага тутъ одна безъ всякаго метала;
Однако дождь и снѣгъ, ни бурный вѣтръ, ни градъ,
Героя нашего въ сихъ латахъ не вредятъ,
И столько крѣпкїе имъ сдѣланы предѣлы.
Пройти не могутъ въ нихъ Юпитеровы стрѣлы;
Ниже лѣсной стрѣлокъ искусный Аполлонъ,
Которымъ пораженъ ужаснѣйшїй Пиѳонъ,
Не въ силахъ ихъ пробить. Такая тутъ громада;
Не труситъ богатырь и самаго въ нихъ ада.
Романовъ тысяча изрѣзаны въ куски,
И съ тѣстомъ кладены въ желѣзные тиски,
Потомъ подъ молотомъ съ полмѣсяца страдали,
И послѣ латами именоваться стали.

Когда судьба ему велѣла воевать,
Сей славной человѣкъ недумалъ подражать.
Пресладкому въ стихахъ мужей великихъ тону,
Не слѣдовалъ онъ имъ, ни съ ними Аполлону.
Тутъ лира не нужна и непотребенъ лукъ,
И вмѣсто стрѣлъ держалъ въ рукахъ онъ перьевъ
пукъ.
Въ другой Кадуцея отломленной кусочикъ.
Хвосты лишь отъ змѣевъ, и малинькой брусочикъ,
Которой изъявлялъ безчестїе тому.
Сей жезлъ уже давно принадлежалъ кому.
Меркурїй будто бы до пьяна гдѣ напился,
И драться съ кѣмъ нибудь хмѣльной сей богъ сцѣ-
пился.
Кадуцеемъ тово онъ въ спину колотилъ,
И божеской сей знакъ такъ глупо изломилъ.

Мнѣ кажется Ермїй не промахъ самъ дѣтина.
И вѣдаетъ опять, что строгая судьбина.
За шалости ево проучитъ на конецъ,
И естьли свѣдаетъ сїе боговъ отецъ,
Что такъ Ермїй дуритъ, уйметъ сево дѣтину,
И розгами ему тотчасъ распишетъ спину.
Откудаже сей герой отломокъ подцѣпилъ?
Конечно на войнѣ съ Гигантами онъ былъ.
Когда противъ небесъ уроды воевали.
И жезлъ Меркурїевъ въ то время изломали,
А онъ посланникомъ Юпитеровымъ былъ,
И уговаривать Гигантовъ приходилъ.
Какъ великаны тѣ подъ гору подступили,
И брани не начавъ, тамъ кашицу варили,
Иной лупилъ честнокъ, иной ево толокъ,
Иной посаливалъ тамъ хлѣбца ломотокъ;
Понеже воевать хотѣли съ сытымъ брюхомъ,
И небоялися хоть трѣснутъ ихъ обухомъ.
Въ то время подошелъ Меркурїй къ нимъ посломъ,
То нѣкто изъ бойцовъ хватилъ ево мосломъ.
И трафилъ въ самой лобъ. Кость костью повредилась,
И шапочка съ тово посланника свалилась,
Меркурїй какъ козелъ въ то время заблеялъ,
И бросившись отъ нихъ свой знакъ тутъ потерялъ
Гиганты, взявъ ево, куда дѣвать не знали,
Мутовки не имѣвъ, имъ кашицу мѣшали;
И съ небреженїемъ стучали въ край котла,
Такъ тутъ испорченъ онъ буянами до тла.

Ослова конника краса усугублялась,
И сзади епанча какъ парусъ раздувалась.
На крылахъ вѣтренныхъ шаталась и тряслась,
И по ослу назадъ далеко раздалась.
Цвѣтъ чорной былъ на ней, и съ бѣлыми краями,
Исписанаже вся летучими мышами.

Хотя не ѣздятъ такъ верхомъ и на ослахъ;
Однако рыцарь нашъ сидѣлъ на немъ въ туфляхъ,
Которыхъ швенїе неизъясненно было;
Искуство существо во всемъ превосходило.
Сучила драповки Арахнина рука,
За что обращена Минервой въ паука.
Сребромъ по бархату три Грацїи водили,
Узорами онѣ по картѣ туфли шили.
Прикраивалъ Вулканъ, Меркурїй ихъ строчилъ,
И послѣ въ нихъ Гомеръ грамматику училъ:
По смерти же тово ученнѣйшаго мужа,
Когда наслѣдниковъ ево пристигла нужа,
То выступцы сїи променены жидамъ,
Которые везли на почтѣ туфли къ намъ;
А здѣсь великїй мужь, ословой оной конникъ,
До всякихъ рѣдкостей ужаснѣйшїй охотникъ,
Купилъ ихъ у жидовъ, за деньги или нѣтъ,
О томъ еще до днесь не извѣстился свѣтъ.
Хотя и многое старанїе имѣли,
Но только изъ тово одно уразумѣли;
Чево не слыхано до селева у насъ.
На нихъ изображенъ былъ съ Музами Парнассъ.
И оба каблуки исписаны стихами,
Которы Нума пѣлъ предъ градскими богами.

Въ сей часъ Парнасская дѣвица мнѣ предстала,
И тако зрящему на витязя сказала.
Когда удобенъ ты исчислити древа:
То глупость Автора велика такова.
Онъ только написать умѣетъ азъ и буки,
И смыслитъ взять перо очиненное въ руки.
Забродному уму предѣловъ не кладетъ,
И рифмой и стихомъ весьма задачно вретъ.
Имѣя замыслы по глупости высоки,
Не смысля ни чево, чертитъ подъ рифму строки.

Оставь то изчислять твой разумъ не высокъ,
Не можно изочесть на днѣ морскомъ песокъ;
А по предписанной тебѣ отъ насъ судьбинѣ,
Поди за мною ты на верхъ Пернасса нынѣ.
И тамо будучи невинность защищай,
И нападенїе буяна отвращай.
Прими геройску мысль и будь ему гонитель,
Я буду помогать, ты будешь побѣдитель.

Какъ только Муза мнѣ слова сїи рекла,
Какъ быстрая рѣка съ горъ въ долы потекла.
Или какъ бурный вихрь отъ сѣвера поднялся,
Которымъ тихой понтъ какъ адъ восколебался.
Такъ бросился писецъ скакати на Парнассъ,
Куда и я тогда направилъ правой глазъ.
Народъ во сомнѣнїи простившися остался,
И съ нетерпенїемъ побѣды дожидался.
Во время ратное минута дорога,
Когда у ногъ не зрятъ поверженна врага.
По истинной душѣ всѣхъ правда побораетъ,
И праведникъ всегда не вреденъ пребываетъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ II.

Какъ алчный звѣрь въ лѣсу рыкаетъ на тельца,
Кулачной какъ боецъ стремится на бойца,
Или разгнѣванна Діана мечетъ стрѣлы,
Не въ темные лѣса, въ поваренны предѣлы,
Стучитъ ухватами, колотитъ кочергой,
Хмѣльнова мужика повержена судьбой,
Или какъ тотъ хмѣльной, исправившись и вставши,
За печкой булаву Ираклїеву взявши.
Долбитъ у ней горшки, чинитъ ужасной громъ,
Отъ храбрости ево трясется бѣдный домъ:
Такъ основанїе Парнасса всколебалось,
Какъ чудище сїе подъ онымъ показалось.
За нимъ, о ужасъ! страхъ! собранїе людей,
Коровъ, козловъ, ословъ, воловъ, чудскихъ свиней,
Ужасной визгъ и ревъ повсюду раздавался,
И всякой стихоткачь чудовищемъ казался.
Иной кричитъ поди, чтобъ быстрой мой Пегасъ,
Храбрясь, не потопталъ всѣхъ жителей въ сей часъ.
Пегасъ ево вижжитъ вздымается щетина,
И ѣдетъ на свиньѣ разумной сей дѣтина.
Другой въ своемъ умѣ скрывается отъ зла,
И держитъ за рога бѣгущаго козла;
Но мнитъ, что досягнулъ Пегаса онъ за холку,
И будто имать власть запрячь и въ одноколку.
Ко всѣмъ издалека махаетъ онъ рукой,
Мнѣ первенство имѣть назначено судьбой,
Нѣтъ тверже никово меня въ Россїйскомъ словѣ,
Мнѣ снится Сафская Царица на коровѣ.
Хоть не было тогда селитренныхъ дымовъ,
Но топотъ поднялся ужасной отъ скотовъ.
Коровы мураву Парнасску пожирали,
А свиньи гору ту отвсюду подрывали.

Ломали берега источника ослы,
На верхъ карабкались неистовы козлы,
Быки ужасной ревъ, тутъ стоя, подымали,
Конечное горѣ паденье предвѣщали,
Взносился до небесъ такой нелѣпой стонъ,
Трухнулъ наукъ всѣхъ богъ премудрый Аполлонъ,
Однакъ прекрасныхъ Музъ отъ страху ободряетъ,
И быстраго коня къ Олимпу посылаетъ,
Чтобъ оной возвѣстилъ вторую въ мірѣ рать,
Гиганты, поднявшись, Парнассъ хотятъ попрать.
Оставивши Олимпъ стремятся на науки,
Скрежещутъ зубомъ всѣ, и засыкаютъ руки.
Чтобъ Царь боговъ всей часъ изволилъ мнѣ сказать,
Чемъ должно дураковъ по правамъ наказать?

Какъ изъ лука, стрѣла, пустившись завижжала,
И во мгновеніе до облакъ досязала,
Такъ быстрой конь Пегасъ, по окончаньи словъ,
Взлетѣлъ какъ молнія превыше облаковъ.
Спустившись на Олимпъ Юпитеру доноситъ,
И защищенія наукамъ тамо проситъ.
Великій Царь боговъ услышавши о томъ,
Хотѣлъ въ тотъ злѣшій часъ пустить на землю громъ,
Восталъ онъ по средѣ, гдѣ боги и богини
Въ то время кушали привозные къ нимъ дыни,
И только лишь кусокъ онъ дыни прожевалъ,
Чувствительно тогда Юпитеръ задрожалъ.
Подумали Аммонъ конечно розсердился,
Но онъ арбузной корой подавился,
Которая ему попалась съ дыней въ ротъ,
Пространство же во рту не Курятныхъ воротъ,
Имѣетъ Юпитеръ. Въ погрѣшность богъ попался,
И въ запальчивости того не догадался,

Закашлялся нашЪ Дїй, и сильно покраснѣлЪ,
И тутто гнѣваться онЪ прямо захотѣлЪ,
Престрашное чело морщинами покрылось,
И пламя на глазахЪ ужасное явилось.
Суровой видЪ ево всю ярость возвѣщаетЪ,
И не доѣвЪ кусокЪ ЮпитерЪ оставляетЪ,
Однако починать арбузовЪ не велитЪ,
ДоколѢ казнь и смерть писцамЪ опредѣлитЪ,
ВосходитЪ вЪ горнїй домЪ, что молнїи гдѣ блещутЪ,
КоторыхЪ стихачи несмысленны трепещутЪ,
Все зданїе сїе, и все, что было вЪ немЪ,
ОбЪято зрѣлося и пламемЪ и огнемЪ,
Сверкали молнїи престрашные оттолѢ,
ПерунЪ, дымясь, лежалЪ на огненномЪ престолѢ.
КакЪ только вЪ пещь сїю ЮпитерЪ лишь вошелЪ,
Тогда уже и онЪ видЪ пламенной имѣлЪ,
БеретЪ онЪ пламенникЪ или ПерунЪ вЪ десницу,
ВозводитЪ на ПарнассЪ суровую зѣницу,
И хочетЪ поразить людей великихЪ строй;
Но разумЪ возгласилЪ Юпитеру постой,
Не долженЪ вылетѣть сей громЪ изЪ горня дома,
Не люди предЪ тобой, но ломкая солома,
Вели ты Момусу огонь изЪ труду вздуть,
И спичку сѣрную вЪ стопы сїи пихнуть,
ВЪ минуту отЪ тово вспыхнутЪ и задымятся,
БезЪ грома твоего какЪ прахЪ они свалятся.

ЮпитерЪ, гласЪ ума услышавши, утихЪ,
И послѣ возгласилЪ такой онЪ Мому стихЪ:
Ко осажденному поди теперь Парнассу,
И МузамЪ всѣмЪ скажи, что бы сево же часу
Пришли онѣ ко мнѣ и сЪ ними АполлонЪ,
А войску ты тому хорошїй дай трезвонЪ.
Возми ты для сего пастушей посохЪ вЪ лапу,
И вздѣнь кЪ тому еще пастушескую шляпу.

Будь добрымъ пастыремъ несмысленнымъ скотомъ,
Гони къ Олимпу ихъ пастушескимъ кнутомъ.
Я здѣсь имъ покажу, чево они достойны,
И будетъ Аполлонъ и Музы съ нимъ спокойны.

Пошолъ нашъ Момъ, а Дїй между богами сѣлъ,
И съ ними онъ еще арбузовъ дынь поѣлъ.
Потомъ собранїю изрекъ такое слово,
Чтобъ было оное со всѣмъ въ походъ готово.
А какъ не вѣдало собранїе пути,
Далеколь будетъ имъ назначено итти,
Тогда задумали готовити запасы,
Наприкладъ хлѣбы печь и разводити квасы.
Богини пирожковъ хотѣли замѣсить,
Что бы далекой путь удобнѣе сносить.
Но Юпитеръ хлопотъ толикихъ не желаетъ,
И такъ какъ доброй вождь всю правду объявляетъ,
Что лагерь будетъ ихъ подъ тою же горой,
Гдѣ боги и теперь имѣютъ свой покой.
Услышавши сїе и боги и богини,
Опять и принялись прикушивати дыни.
Решета прибрали и ситы всѣ въ чуланъ,
И стали ожидать, чтобъ имъ приказъ былъ данъ.

Не грозная въ томъ часъ всходила съ громомъ туча,
Не гнусной саранчи летѣла въ полѣ куча,
Не адскїе божки на воздухъ поднялись,
И не раскольничьи скиты тутъ занялись.
Не души ихъ въ избахъ смоленыхъ закурились,
Не бороды огнемъ въ Гегенѣ задымились,
Не дѣти ихъ вижжатъ, не дѣвки ихъ горятъ,
Не свиньи хрюкаютъ, не бабы говорятъ
Которыя, въ росколъ вводя старуху, плачутъ;
Но стихотворцы тутъ къ Олимпу борзо скачутъ,

Понеже сзади Момъ пугаетъ ихъ кнутомъ,
Подобно какъ цыганъ на игрище жгутомъ,
Безъ милосердія насмѣшникъ оной хлещетъ,
И всякой стихоткачь жгута ево трепещетъ.
Животные сіи хоть бѣгать и не злы,
Но ноги подняли и свиньи и козлы.
Частенько плѣтью Момъ скотину надѣляетъ,
Бѣжитъ она, вижжитъ, кричитъ, реветъ, лягаетъ.

С Олимпа слышенъ гласъ, какъ будто грянулъ громъ,
То здѣлался тогда между боговъ содомъ.
Увидѣвши сіе, всѣ вдругъ захохотали;
Животики они, тамъ стоя, надрывали;
А наши витязи летѣли какъ стрѣла,
Отъ жидкаго тово жгута иль помела.
Юпитеръ приказалъ въ порядокъ ихъ поставить,
Чтобъ славы имъ еще иль смѣху бы прибавить.
Потомъ съ Олимпа онъ на землю къ нимъ сошелъ,
И такъ же всѣмъ богамъ съ собой итти велѣлъ.
Стихокропатели въ то время надувались,
Чтобъ зрителямъ они важнѣе показались;
Сидѣли на скотахъ, поднявши вверхъ носы,
Какъ будто напились Кастальскія росы.
Премудрый Аполлонъ какъ мужъ великодушный,
И разуму всегда и кротости послушный,
Оставилъ имъ вину и Дія не просилъ,
Что бы за дерзость симъ враламъ онъ отомстилъ,
Но Кліо, обозрѣвъ въ нихъ перваго героя;
Который навсегда лишилъ ее покоя.
Слезами залилась и Дію такъ рекла,
,,Колико долго я на свѣтѣ нижила,
,,Безчестія себѣ такова невидала,
,,Какимъ я за сего урода пострадала.
,,Когда о Юпитеръ! тебѣ потребна я,
,,Наука важная коль надобна моя,

„Я къ правосудїю престола прибѣгаю,
„И милости твоей просить теперь дерзаю,
„Какъ Ахелоеву ты племени отмстилъ,
„И поругаться намъ тогда не попустилъ,
„Отмсти теперь сему неистову уроду,
„И покажи ево свиньею ты народу.

Юпитеръ милосердъ, понявъ ее слова,
Съ прискорбностью сказалъ, хоть прозьба такова,
Конечно требуетъ отмстительныя дани.
Но къ гнѣву простирать Царю не должно длани.
Мнѣ согрѣшающихъ потребно исправлять.
Потщимся мы съ тобой сей образъ показать,
Разскаянїе въ немъ увидимъ мы конечно,
Чево желаю я ему чистосердечно.
Теперь послушаемъ, что въ жизни здѣлалъ онъ,
Скажи намъ про себя ты смертный Аполлонъ.
Однако сей герой уста не отверзаетъ,
И Дїо ничево на то не отвѣчаетъ,
Но Момъ проворной богъ вступился за нево,
И совѣстно открылъ героя намъ всево.
Онъ всѣхъ разумнѣе природу превращаетъ,
И въ святки на поляхъ здѣсь розы насаждаетъ,
Заборы говорятъ, что дюжъ теперь морозъ,
Хладѣетъ въ жилахъ кровь, у дамы зябнетъ носъ;
А онъ въ своихъ стихахъ о лѣтѣ воспѣваетъ.
И снѣги рифмою своей растаеваетъ,
Гуляетъ на горахъ Валдайскихъ безъ препонъ,
И хочетъ виноградъ садити тамо онъ.
Валдайскихъ дѣвушекъ онъ въ нимфы превращаетъ,
Изъ Зимнегорскихъ бабъ Помону выбираетъ.
Изъ Яжелбицъ дьячка Вертумномъ онъ нарекъ,
И мыслитъ смастерить источники изъ рѣкъ,
Чтобъ тамъ Италїя народу показалась,
И съ Нимфами въ ручьяхъ Дїана бы купалась.
И чтобъ услышали вторичной оной стонъ,
Которой испускалъ нещасной Актеонъ,

Но здѣсь не такъ мой другъ, когда твоя Дїана
Появится сюда, то дастъ въ затылокъ жбана,
Иль добраго туза Россїйской Актеонъ,
Не жалуютъ вить здѣсь волшебныхъ забабонъ,
И ежели плеснетъ водою на дѣтину.
То онъ поправитъ ей тотчасъ полѣномъ спину.
О превращенїяхъ забыли здѣсь давно,
Что Артемида намъ, что дѣвка, все равно
Не жертвою дѣвицъ любовїю здѣсь тѣшутъ,
А ежели не то, такъ за волосы чешутъ.
Волшебницы у насъ людей не поморятъ.
Понеже розгами съ народомъ ихъ мирятъ.

Имѣючи же онъ понятїе высоко,
Взносился до небесъ, прищуривая око,
Чтобъ лучше разобрать вселенную онъ могъ,
Котору предпрїялъ умомъ свалити съ ногъ.
Архиву разума неспѣшно разбираетъ.
И будто таинство открыти намъ желаетъ,
Наморщилъ прежде лобъ, и палецъ закусилъ,
И мыслитъ, что онъ всю премудрость проглотилъ,
Задумчивость ево намъ много обѣщаетъ.
Однакъ гора сїя слѣпня теперь раждаетъ,
Сей мудрой человѣкъ намъ море обѣщалъ:
Однако обществу безсовѣстно солгалъ,
Идетъ изъ бездны водъ не китъ сонная щука,
И не рублевая, копѣешная штука.
Не Нимфы изъ воды къ намъ не берегъ идутъ,
Лягушки квакая, изъ тишины во кустъ ползутъ.
Французскихъ Авторовъ какъ кисло тѣсто мѣситъ,
И совѣсть у людей безмѣнами онъ вѣситъ.
Сперва читателей онъ много удивилъ,
Понеже не собой но Галломъ говорилъ;
А нынѣ какъ занїосъ по своему сей бахарь,
Такъ вылился тотчасъ изъ Аполлона пахарь.
Сладка была уха, какъ рыба въ ней велась,
А естьли рыбы нѣтъ, отставь ее отъ насъ.

Хотя и не со всѣмъ, однако вкусъ мы знаемъ,
Пустова ничево и съ лошкой не хлѣбаемъ,
На суслѣ пива мы не тщимся узнавать;
Но окончанїя привыкли ожидать.
Пословицы такой мы долго не забудемъ,
Чемъ тише ѣдимъ мы, тѣмъ далѣ, другъ мой, будемъ,
Пожалуй не сули намъ въ небѣ сокола,
Синицу въ руки дай намъ, даромъ что мала.
Когда тебя хитрецъ мы въ первой разъ узрѣли,
Намъ мнилося тогда, что виноградъ мы ѣли;
А нынѣ клюквою ты подчиваешъ насъ,
Конечно на тебя взглянулъ негодной гласъ.

Еще онъ издалъ въ свѣтъ преданїе такое,
Что бы держали всѣхъ свиней теперь въ покоѣ,
И лучшее бы къ нимъ почтенье всякъ имѣлъ.
Подъ образомъ ее отца бы разумѣлъ,
Иль бабушку, иль мать, иль брата, иль сестрицу,
Или любовницу прекрасную дѣвицу,
Хоть безъопрятенъ звѣрь, сказалъ домовой сей,
Но можетъ въ немъ душа любовницы моей.
О преселенїи уже сомнѣнья нѣту,
Понеже издалъ я, а не другой кто свѣту.
Еще и прозою прелестною сказалъ,
Что въ Римѣ часто былъ, и Папу тамъ видалъ,
Въ Ерусалимѣ жилъ, Египетъ точно знаетъ,
О коемъ завсегда въ простыхъ людяхъ болтаетъ,
Пекинъ ему знакомъ, извѣстенъ Испаганъ,
Видалъ онъ городъ Крымъ, видалъ и Астрахань,
Въ Царь градѣ продавалъ подобные на рынкѣ,
Которы нашивалъ въ лукошкѣ онъ и въ кринкѣ,
Турецкимъ языкомъ горячїе кричалъ,
И каждой онъ пирогъ по Левку продавалъ,
Паши и Визири подовые ѣдали,
И тутъ то всѣ ево придворные узнали,

Имамам по утрам горячїе носил,
У них и Алкоран на память заучил.

Константинополь весь в то время ужаснулся,
Как он, с лукошком шед на камень спотыкнулся,
Разсыпал пироги, разбил тогда горшок,
Понеже в спину он почувствовал толчок,
А как озрелся в зад, совместника увидел,
Котораго пред сим недавно он обидел,
Супружницу ево в любовь к себе склонил,
И пару пирогов за то ей подарил.
Он в суд ево водил, а тамо присудили,
Чтоб ноги по земле ево уж не ходили,
Хотели сжечь огнем, но Дервиши ягня
Пришедши, вырвали из самаго огня,
И заперли в чулан, в котором он спасался,
И тако жив и цел на свете сем остался.

Еще он множество романов сочинил,
В которых с вольностью великой говорил;
Маркизы у нево торгуют часто мясом,
Принцессы хлеб ядят ржаной и с ячным квасом;
Гороховой кисель министры продают,
Солдаты без ружья блины про мир пекут.
Он тако говорил; я все собой украшу
Сварю я в миг один и из алмазов кашу.

Где было хорошо, он там поставит вздор,
Чтоб лучше обратить к себе народной взор;
И любит смешивать негодное с пригожим,
И думает, что мы не лучше расположим,
Когда покроются долины все снежком,
То Нимфы у нево там бродят босиком,
Сїе с намереньем он свету предлагает,
Понеже красное наш больше взор пленяет.

Какъ ноги озябутъ, что краска въ нихъ ала,
И больше всѣхъ она писателю мила.
Еще же я могу ево и больше славить,
Понеже къ азбукѣ старался буквъ прибавить,
Въ стихи перелагалъ почтовой календарь,
Вотъ онъ то можетъ быть въ Поезїи янтарь,
И подлинно зерно безцѣнное во свѣтѣ,
А лѣтами еще въ весенномъ самомъ цвѣтѣ.
Рожденїе ево мы знаемъ было гдѣ,
Угодно было то не свѣдомой судьбѣ,
Чтобъ мудрой отрокъ сей, отъ прочихъ отли-
чился,
Въ не вѣдомой землѣ въ хохландїи родился,

Въ сей часъ захохоталъ Меркурїй надъ глуп-
цомъ,
Кой былъ вооруженъ Петасовымъ концомъ.
Вулканъ, взглянувъ на шлемъ, искусно улыбнулся,
Подъ рыцаремъ оселъ въ то время спотыкнулся,
Понеже грянуло по шлему молоткомъ,
Хотя не востренькимъ, однакъ тупымъноскомъ,
И естьли бы тогда не уняли Пегаса,
То далъ бы онъ ослу такова тулумбаса,
Что врютился бы онъ и по уши въ песокъ,
Стремглавъ бы полетѣлъ и храброй тотъ сѣдокъ,
За надпись, что осла Пегасомъ означала,
И на безмозгломъ лбу прилеплена торчала;
Но Юпитеръ сїе смятенье прекратилъ,
И благосклонной взоръ къ уродамъ обратилъ,
Велѣлъ имъ учредить ристанїе безъ спору,
Что бы по одному карабкались на гору.
Гора сїя онъ рекъ хотя не Геликонъ
И здѣсь присудствуемъ мы всѣ и Аполлонъ;
Однако посмотрѣть хочу я вашей силы,
Что будите ли вы прелестнымъ Музамъ милы.

Единогласно всѣ Юпитеру рекли,
Съ охотою бы мы на гору потекли,
Когда бы тутъ стоялъ безсмѣртныя храмъ славы,
И будтобъ чрезъ рѣку наклали бы мы лавы,
Не кованы у насъ Пегасы никогда,
Сухой намъ труденъ путь, но лучше какъ вода.
Гора сія Олимпъ мы ето точно знаемъ.
Но быти мы на ней ни мало не желаемъ,
А просимъ Юпитеръ помиловати насъ,
И помѣстити всѣхъ на важнѣйшій Парнассъ.
Богъ грома не хотѣлъ ихъ прозьбы совершити;
Но начали ево богини всѣ просити
Съ условіемъ такимъ, что естьли всѣ пиесцы
Согласны будутъ имъ достати образцы:
Съ французскихъ чепчиковъ карнетами зовомыхъ,
У философокъ дамъ писателямъ знакомыхъ.
И такъ же выкроики съ раброновъ, юбокъ, робъ,
И чемъ левкасются и натираютъ лобъ.
Понеже скучила имъ старая одежда.
Въ которой гибнетъ ихъ любовная надежда.
Отъ вѣка голыя являются на свѣтъ.
Какъ будтобы у нихъ уже и юбокъ нѣтъ.
Ихъ часто иль всегда ничемъ не прикрываютъ,
Такъ видны и грѣхи не рѣдко ихъ бываютъ.
Кабацкіе у насъ ярыги какъ нипьютъ,
Дерутъ у нихъ лицо съ одеждою, какъ бьютъ;
Однако завсегда хоть сѣрой кафтанишко,
Имѣетъ на себѣ ярыжное плечишко;
А сей исполненной прелестныхъ качествъ родъ,
Какъ будто больше ужъ ярыжныъ нашихъ пьютъ,
Что нѣтъ у нихъ чепца ни нижнѣя юбчонки,
И ходятъ голые какъ маленьки дѣвчонки.
Того для вздумали Парижу подражать,
Чтобъ хахалямъ себя имъ лучше показать.
Писатели стиховъ схватили тутъ привычку,
И рядятъ для тово Венеру въ бабью кичку,

Юнону наподхватъ описываютъ такъ.
Что будто бы платокъ повязанъ на калпакъ.
Юпитеръ въ сапогахъ со скобками гуляетъ,
Меркурій лошадей свистя кнутомъ стегаетъ,
Вулканъ изъ кузницы къ станку въ лаптяхъ идетъ,
Не стрѣлу Ювишу подкову онъ несетъ.
Великое число писателей премудрыхъ.
Вѣщающихъ о сихъ матеріяхъ162 пречудныхъ.
Довольно для меня коль я скажу о томъ,
Какъ божеской тому возрадовался домъ.
Когда писатели контракты заключили.
Чтобъ голыя съ сихъ поръ богини не ходили,
Мы будемъ одѣвать они сказали такъ.
И тотчасъ изъяснимъ какой въ одеждѣ смакъ.
Богинямъ Юпитеръ безспорно угождаетъ
И музъ онъ на Парнасъ въ то время посылаетъ.
Поди, онъ говоритъ, пресвѣтлой Аполлонъ.
Вели писцамъ симъ пѣть, каковъ ихъ будетъ тонъ,
По оному свое мы мнѣнье расположимъ;
Убавимъ сраму ихъ, иль можетъ быть умножимъ,
Когда противу насъ дерзнути кто хотѣлъ,
То долженъ казнь пріять по мѣрѣ славныхъ дѣлъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ III.

Когда приходитъ бракъ невѣстою желанный,
Тотъ день ей кажется порфирою вѣнчанный,
Свѣтлѣе солнышко восходитъ изъ-за-горъ,
Природа прелестей являетъ ей соборъ.
Пріятнѣе тогда Зефиры нѣжны дышутъ,
И боги щастіе ее на небѣ пишутъ,
Женихъ ей кажется складнѣе всѣхъ людей,
Получше у нево причосанъ и тупей,
Умильнинькой носокъ и алинькіе щочки.
Какъ будто бы хватилъ онъ чарочку изъ бочки,
Прелестно нюхаетъ изъ перстиковъ табакъ,
И важенъ такъ во всемъ, какъ древній думной дьякъ.
Парнассъ тогда въ такомъ восторгѣ находился,
Какъ славной Аполлонъ на ономъ появился,
Востала музыка изъ разныхъ тамо лиръ,
По коей бы плясать пошолъ въ присядку міръ,
Когдабъ услышали согласіе такое.
Что съ музыкой текло тутъ время золотое.
Во первыхъ Аполлонъ Амброзіи поѣлъ,
Понеже дальной путь къ Олимпу онъ имѣлъ.
И не взялъ про запасъ съ собой ни ломоточка,
А тамо не дали и хлѣба ни кусочка.
Понеже говорятъ тамъ хлѣба недородъ,
И затхлою мукой питается народъ.
Всѣ боги пьютъ вино, богини часто пляшутъ,
И въ роскощахъ такихъ земли они не пашутъ,
На нивахъ ихъ ростетъ природна красота,
Крапива и репѣй, курячья слѣпота,
Которыми они наружность украшаютъ,
И щевелемъ себя какъ дивіи питаютъ.

Потомъ всѣмъ жителямъ Парнасскимъ онъ изрекъ,
Что прибылъ въ общество ихъ мудрый человѣкъ,

Которой все, что есть на свѣтѣ, разумѣетъ,
И тысячу умовъ въ главѣ своей имѣетъ,
Всѣ люди родились; но оной не рожденъ,
Хотя во образѣ онъ смертномъ совершенъ.
Не въ давни времена въ прошедшіе дни вѣка,
Фортуна вздумала создати человѣка,
Въ Италіи она сперва украла носъ,
Который всѣ носы гораздо переросъ,
Въ Мадритѣ у осла отрѣзала два уха,
Въ Парижѣ заняла картушева фунтъ духа,
Украла сердце тамъ, гдѣ ближнему вредятъ,
Гдѣ вои плѣнниковъ изжаривши ядятъ,
За мозгомъ ѣздила къ Діянинову храму,
Гдѣ славный Геростратъ зарытъ иль брошенъ въ яму,
Изъ мудрой сей главы взяла она кусокъ,
И врюшила ево не въ черепъ но въ високъ,
Глаза подтяпала у злѣйшія Медузы,
Котору прокляли отъ вѣка славны Музы,
Украла и языкъ въ чухонской сторонѣ,
У пьянаго чухны лежаща на гумнѣ,
Составила главу изъ сихъ частей различныхъ,
Которы набрала у смертныхъ политичныхъ,
Потомъ стараяся изъ разныхъ также странъ,
Достала рамена и руки, ноги, станъ,
Но только разума достати гдѣ не знала,
Того для въ тварь сію ево и не вліяла,
Когда же привела махину всю къ концу,
Тогда движеніе дала сему глупцу.
Какъ только вышелъ онъ на свѣтъ изъ темной ночи,
И ненавистные открылъ свои лишь очи,
Тогда на всѣхъ людей раззинувъ страшну пасть,
И предпріялъ онъ всѣмъ готовити напасть,
Но сколько онъ писать охоты не имѣетъ,
Однако ничево понынь не разумѣетъ,
И нѣтъ надежды въ томъ, чтобъ смыслилъ онъ когда,
Того для и вредить не можетъ за всегда,

Однако думаетъ, что дѣлаетъ обиды,
Испорчены кричитъ на руском Енеиды,
И нынь Анакреонтъ Украенецъ не Грекъ.
Но сей премудрый мужъ учоной человѣкъ,
Не только Енеидъ не смыслитъ и Евдона,
Понеже онъ у насъ похуже и Прадона,
Хотя и говоритъ, что онъ съ Мосохомъ жилъ,
И будто у нево Гофмейстеромъ служилъ,
Такую правду мы всѣ въ свѣтѣ презираемъ,
И путешествїя ево мы не читаемъ,
Онъ сроденъ на яву такъ бредишь какъ во снѣ,
Однако пора ево къ себѣ призвати мнѣ.
Ступай великїй мужъ на верьхъ теперь Парнасса.
Пришпорь ты своего престрашнаго Пегаса,
Пустись во весь опоръ, вспрыгни поспѣшно къ намъ,
И всѣмъ себя яви, что ты великъ и самъ.
Не филины въ пустыхъ хороминахъ запѣли,
И не чухонскїе тѣлеги заскрипѣли.
Не вѣтеръ окнами въ казармахъ застучалъ;
Но витязь нашъ на верьхъ Парнасса поскакалъ,
И всѣ за нимъ писцы карабкались тудаже,
Никто не видывалъ сего на свѣтѣ гаже,
Позорище сїе родило столь утѣхъ,
Что слышенъ былъ тогда между звѣздами смѣхъ.
Пїиты, восходя, карабкались руками.
И кто оборвался. летѣлъ ужъ вверхъ ногами,
Иной катился внизъ такъ скоро, какъ кубарь,
И словомъ, всякая марательная тварь.
Затылокъ, зубы, носъ, и губы повредили.
Но не смотря на то на гору восходили.
Взобрался на Парнасъ нестройной маскарадъ.
Запѣли стихачи на свой негодный ладъ.
Смутилися тогда учоныя тамъ души,
А Музы Аполлонъ заткнули тотъ часъ уши,
Свирѣпой какъ Пегасъ копытамъ застучалъ,
Такъ всякой стихоткачь въ то время задрожалъ;

Но славный витязь мой того не понимаетъ,
И тако о себѣ поднявши носъ вѣщаетъ.
Стихами я богатъ, а прозой нажилъ домъ,
Сатирами купилъ карету со стекломъ.
Романами себя вознесъ теперь высоко,
И славу пространилъ весьма мою широко.
Кто можетъ въ знанїи со мною стати въ споръ!
Я знаю, что Гомеръ писалъ лишь только вздоръ,
Тамъ пухлые стихи, гдѣ хвалитъ онъ Зевеса,
А индѣ бѣшенство прегорда Ахиллеса,
Расказы, брѣдъ, что мелитъ Одиссей,
Такъ можетъ ли мнѣ быть писатель равенъ сей,
Мой слогъ и мысль сама премудрость созидаетъ,
И разумъ мой теперь вселенну всю питаетъ.
Изъ божеской главы съ Минервой я рожденъ,
Такъ можноль что бы я былъ смертнымъ побѣжденъ.

Слова сїи изъ устъ какъ только излетѣли,
То вихри бурные ужасно заревѣли,
Спирались облака и скрылся дневной свѣтъ,
Покрыла небо мгла и воздухъ въ части рветъ,
Вороны въ деревняхъ подъ кровлями скрывались,
Подобно воробьи сей бури испужались;
Потомъ изъ грозныхъ тучь ударилъ сильной громъ,
Сильняе какъ мужикъ въ пень тяпнетъ топоромъ,
Сверкали молнїи въ Парнасскомъ горизонтѣ,
И такъ же свѣтъ блисталъ на Ипокренскомъ понтѣ,
Градъ сильной шелъ тогда бѣлѣе молока.
Потомъ разверзлися густые облака,
Явился Юпитеръ прогнѣванной писцами,
Какъ будто кучеръ чей съ предлинными усами.
И сидя на орлѣ, спускался на Парнассъ.
Какъ только онъ сошелъ, то въ тотъ же молвилъ часъ:

Какъ смѣешъ ты боговъ толико порицати,
И къ нимъ себя въ родню такъ дерско приплетати,
Ты Дїевымъ сынкомъ себя теперь нарекъ,
И можетъ ли то быть чтобъ враль не человѣкъ
Съ Богинею на свѣтъ премудрости родился,
Я вижу, что писецъ ты разума лишился,
Поэзїя тебя въ дурачество ввела,
Что мелишъ ты, тебѣ несводомы дѣла.
Желая описать великаго Могола.
На что касается до божеска престола.
Когда разсудокъ твой толико много слабъ.
То лучшебъ ты писалъ про пьяницъ подлыхъ бабъ,
Терпѣнїе мое скончалося надъ вами.
Принужу я васъ пѣть другими голосами,
Юпитеръ за ногу писца сего схватилъ,
И въ землю головой въ минуту обратилъ,
Швырнулъ онъ бѣднякомъ, какъ камушкомъ съ Парнасса,
Пїитъ нашъ полетѣлъ, какъ мельница вертяся,
Упалъ въ пустомъ лѣсу на срубленной пенїокъ,
И проломилъ бѣднякъ затылокъ и високъ.
Юпитеръ, разсердясь, помахивалъ писцами,
Какъ доброй лавошникъ дурными огурцами,
Иной летѣлъ стремглавъ, иной еще дрожалъ.
Чтобъ брошенной въ рѣку на камень не упалъ;
Но Юпитеръ хоть строгъ и много разсердился,
Однакъ отъ таковой работы утрудился,
Съ десятокъ онъ писцовъ съ Парнасса побросалъ,
И руку оными довольно намахалъ,
Попалася ему незнаю гдѣ дубина!
Увы нещастїе! о строгая судьбина!
Такъ началъ онъ щелкать вралей по головамъ,
Въ минуту весь Парнассъ очистилъ по краямъ,
Тутъ повалилися худые стихотворцы,
Не смысленны писцы, чернильны ратоборцы,

Катятся внизъ горы, ихъ головы стучатъ,
И зубы отъ тово какъ камышки звенятъ.
Завыли на стихахъ, на рифмахъ возрыдали,
И въ семъ паденїи Елегїи писали.

Во время злобное въ сей часъ, въ сей злѣшнїй часъ,
Коликое число всмостилось на Парнассъ,
Плачевное сїе паденье всѣ вкусили.
И вмѣсто всѣхъ скотовъ они ужъ сами выли.
Всякъ чувствовалъ себя, что сдѣлался уродъ,
Однако къ пѣнїю не затворяли рошъ.
Къ нещастїю нашему проказы ихъ взростаютъ,
И нынѣ хуже всѣ, но больше воспѣваютъ.

Когда очистился отъ язвы сей Парнассъ,
И Музы собрались побѣдой веселясь,
Великїй Дїй тогда всѣмъ жителямъ изрекъ,
Что всякой тутъ жилецъ премудрый человѣкъ,
Отъ нынѣ Ювишемъ пребудетъ вѣчно знаемъ,
Утѣшенъ, ободренъ и всѣми почитаемъ,
Такую милость онъ торжественно сказалъ,
И сѣвши на орла въ свояси поскакалъ;
А я изъ подъ горы въ то время показался,
Какъ непрїятельской весь скотъ уже убрался,
На чистомъ полѣ я не много погулялъ.
На славной тотъ Парнассъ, дивяся, позѣвалъ,
Увидя тамо Музъ учтиво поклонился,
И съ страшной брани сей не вреденъ возвратился.

СТИХИ НА КАЧЕЛИ.

Скажи о Муза мнѣ, какъ должно начинать,
Когда о чемъ нибудь писатель хочетъ врать,
Чтобъ выдати онъ могъ за правду небылицу,
И здѣлалъ невзначай изъ вдовушки дѣвицу,
Мы любимъ золото получше какъ сребро,
А естьли злата нѣтъ, то намъ и то добро,
Коль бритвы нѣгдѣ взять, тогда и шило брѣетъ
И нужда никогда законовъ не имѣетъ,
Теперь намѣренье идетъ мое къ тому,
Чтобъ знанїемъ моимъ повеселить куму,
Которая стиховъ доброту точно знаетъ,
Имѣетъ нѣжной вкусъ, и всякой день читаетъ,
Не ставитъ высоко писца она тово,
Которой поучась, не знаетъ ничево:
Хороши выдумки, и замыслы высоки,
Въ Поезїи не мнитъ принять ихъ за пороки,
Не только риѳмою одной въ концѣ стиховъ,
Но услаждается и важностїю словъ.
Я Авторъ нынѣ самъ, и знаю азъ и буки;
Въ Египетъ не за чемъ мнѣ ѣздить для науки:
Я смышлю всїо, всю прозу уморю.
И храбраго *Бову* въ поему претворю.
Петра златыхъ ключей сказанїе не складно,
Но съ риѳмами ево въ стихи поставлю ладно:
Евдона Берфу я въ поезїю вмѣщу,
И дактелемъ объ нихъ иль ямбомъ возвѣщу;
Во всей подсолнечной не найдется примѣра,
Какимъ стихомъ пойдетъ *Арсасъ* и съ нимъ *Размѣра*,

Превысит красота стихов Парнасской тон.
Коль в виршах будет весь прехрабрый *Герїон:*
Усыня богатырь с тремя своими браты,
Не в прозѣ уж войдут к красавицѣ в палаты,
В угодность кумушкѣ голубушкѣ моей,
Я всѣх переложу в стихи богатырей.
И виршами сплету *любовны вертограды.*
Которы строены без вѣдома Паллады.
Романы, сказки, всѣ стопами зазвонят
И больше прежняго читать себя взманят
Чтоб сими повѣстьми в день скуку проводила,
А в вечеру б меня за то благодарила;
Но прежде нежели я ими услужу,
Послушайко кума, что я теперь скажу.
Читалаль ты когда во описаньи свѣта,
Что бездною земля как ризою одѣта:
Ей служит Океян, как дому фундамент,
А рѣки выкладкой, как модной позумент.
Лѣса опушкою, а пуговицы горы,
Которы с тучами имѣют часты ссоры,
которыя дѣлят вершиной облака,
И льется с них вода, как быстрая рѣка:
Такой то высотѣ я нѣкогда коснулся,
И думаю сошел с ума тогда, рехнулся,
А страсти удержать не мог тогда мой ум,
И захотѣл быть вдруг твой стихотворцом кум.
Когда же малу часть Парнасса я наслѣдил,
В то время на стихах и с виршами забрѣдил,
Не вѣдая земли, коснулся облаков,
И врютился тогда я в шайку дураков,
Мой дух был восхищен, и я в восторг попался!
Прости, сказал землѣ и к небу вдруг помчался,
Метал я облака в ѳирѣ, как хотѣл,
И с ними как Икар стремглав и сам летѣл,

Но стихотворной кто наукой заразится,
То тотЪ паденія нимало не боится:
ОнЪ самЪ опредѣлитЪ безсмертіе себѣ,
Хотя угодно то иль нѣтЪ ево судьбѣ.
ОнЪ родЪ свой поведетЪ отЪ музы, и докажетЪ,
И крылья самЪ себѣ безЪ спросу всѣхЪ привяжетЪ,
Гдѣ кЪ статѣ было мнѣ, тамЪ горы разсыпалЪ,
Мосты черезЪ моря и лавы полагалЪ,
Дремучіе лѣса передвигалЪ вЪ долины,
У многихЪ славныхЪ рѣкЪ я отнималЪ вершины,
И течь имЪ запрещалЪ, куда онѣ текли,
Но чтобЪ стремленіе ко мнѣ свое влекли,
Вселенной овладѣлЪ моими я стихами,
И думалЪ, что уже живу подЪ небесами.
ПотомЪ я затащилЪ вЪ харчевню весь ПарнассЪ,
МинервинЪ на гумнѣ послышался мнѣ гласЪ;
Церера на грядахЪ крапиву во щи полетЪ,
ЮпитерЪ на дворѣ дрова изЪ платы колетЪ,
СатурнЪ подЪ оконьемЪ сквозь зубы чуть мичитЪ,
ЧтожЪ дѣлаетЪ онЪ тутЪ? старухамЪ ворожитЪ,
ВЪ трактирѣ подгулявЪ Беллона зла сЪ розмаху,
Французу пьяному дала такую вяху,
Что онЪ оконницу затылкомЪ всю разбилЪ,
Тово для ЕскулапЪ, тотчасЪ обрилЪ,
Прехрабры ГеркулесЪ сЪ купцомЪ изЪ доброй ряды,
КопаетЪ у нево на огородѣ гряды:
Діяна ловлею увеселяетЪ духЪ
И ловитЪ не зверей, но ловитЪ сидя мухЪ,
На льду вЪ Аравіи Аврора рветЪ цветочки,
А БахусЪ вЪ кабакѣ перемываетЪ бочки:
Юнона на рѣкѣ колотитЪ холстЪ валькомЪ,
НептунЪ изЪ пролуби выходитЪ гоголькомЪ,
ВЪ ямщичьей шапкѣ МарсЪ на одноколкѣ рыщетЪ,
БуянитЪ онЪ кричитЪ, и по бурлацки свищетЪ.
ТоргуетЪ выжигой по площади ПлутонЪ,
ВЪ волынку на мосту играетЪ АполлонЪ,

Виргилїй и ГомерЪ и вся ученыхЪ свита,
МежЪ лавокЪ мѣлочныхЪ на рынкѣ вЪ кучу збита.
О раѣ тамЪ они и Лазарѣ поютЪ,
И что ни выпоютЪ, то вЪ кабакѣ пропьютЪ.
ПѣвцовЪ сихЪ рынокЪ весь, кто крикомЪ оглушаетЪ,
ТамЪ Сафо о трескѣ стихами возглашаетЪ.
Не лѣпость такову, которую я вралЪ.
БезЪ хвастовства сказать и самЪ не понималЪ;
Однако пересталЪ симЪ бредомЪ скучить мїру,
И громогласную оставилЪ во все лиру,
Но рифмотворная охота весела.
По степенямЪ меня кЪ дурачеству вела,
Оставивши трубу взялся я за свирелку,
Котору также всѣ вмѣняютЪ не вЪ бѣздѣлку,
БезЪ нужды разогрѣлЪ мою холодну кровь,
И надосугѣ я впустилЪ вЪ себя любовь.
ЗатѣялЪ всякой часЪ стопами воздыхати,
Мнѣ вздумалось вЪ стихахЪ для риѳмы умирати:
Я вЪ сутки раза три иль больше вЪ адЪ сходилЪ,
Нерѣдко и свою любовницу водилЪ,
Иль такЪ, простившись сЪ ней во гробѣ затворюся,
Но естьли плача нѣтЪ опять я возвращуся.
ЯзыкомЪ говорю чево не знаетЪ умЪ,
И сердце ей даю безЪ всѣхЪ любовныхЪ думЪ,
Всево себѣ вручить намѣренЪ былЪ ей смѣло.
Но только чтобЪ вЪ стихахЪ сїе лишь было дѣло.
Овидїя себѣ наставникомЪ избралЪ,
Которой никогда какЪ думаю не вралЪ,
ПисалЪ онЪ хорошо, остро, замысловато,
А я переводилЪ гораздо плоховато,
И такЪ не хорошо, что сей великїй мужЪ,
Толико сдѣлался по руски неуклюжЪ,
Колико вЪ собственномЪ нарѣчїи прелестенЪ,

Латынской мнѣ языкЪ и руской неизвѣстенЪ,
ДругихЪ не знаю я, а прочихЪ не училЪ;

Однако лишь перо въ чернило омочилъ,
То вздумалъ о себѣ, что есть во мнѣ примѣта
Такая, что мнѣ быть учителемъ полсвѣта,
Такъ должно ли же въ чемъ послѣдовать кому?
Я далъ свободной путь пространному уму,
Надулся какъ хомякъ, хоть былъ и многихъ тише,
Грудь выставилъ впередъ, и поднялъ носъ повыше,
Не шелъ дорогою, а вздумалъ цѣликомъ,
И въ семъ дурномъ пути не думалъ ни о комъ,
Учиться не хотѣлъ, какъ выступить мнѣ въ люди
И бубны принималъ не вѣдая за жлуди.
Гордиться можетъ всякъ но всякъ повиненъ знать,
Что долженъ первенство стихоткачу въ томъ дать
И такъ; послѣдуя во всемъ своей и волѣ,
Какъ только выбрался на стихотворно полѣ,
То началъ я искать средины во кругу
И каждой стихъ безъ правъ, ольху гнулъ въ дугу
Понесъ я на Олимпъ и моды и манеры.
Принудилъ всѣхъ боговъ взбѣситься паче мѣры,
Богиню красоты въ корсетъ я нарядилъ,
А Марсу шпагою французской угодилъ,
Минерва ослѣпясь обулась въ черевики,
Которы были ей и долги и велики,
Почтенный Юпитеръ французской вздѣлъ кафтанъ
И разныхъ ароматъ наклалъ себѣ въ карманъ,
И словомъ весь Олимпъ тогда перебѣсился,
По волѣ онъ моей по модѣ нарядился,
Вертится тамо Марсъ, какъ модной петиметръ,
Цепляетъ шпагой всѣхъ и платье рветъ какъ вѣтръ,
За блонды, кружева ефесомъ задѣваетъ,
Манжеты, выкладки и все онъ раздираетъ,
За что то Мома онъ не знаю зацѣпилъ,
Такъ тотъ ево за то пощочиной снабдилъ,
А какъ сражененïе пошло сïе въ огласку,
Такъ послѣ далъ ему и Марсъ уже потаску,

Пошло сраженіе за моды каждой день,
Богини ссорились и врали дребедень;
Юпитерѣ усмотря такое вѣ нихѣ нестройство,
И прежне утвердить желая тамѣ спокойство,
Сѣ Олимпа приказалѣ тотчасѣ меня согнать,
И на дорогу мнѣ тузовѣ сѣ десятокѣ дать,
Направивши мои кѣ походу скоры ноги.
Узналѣ же я тогда, что мастера и боги,
Вѣ затылокѣ провожать, и треухи кроить.

Такой поступокѣ былѣ удобенѣ отвратить,
Меня совсѣмѣ уже отѣ стихотворна слова:
Однако вздумалось мнѣ завираться снова;
Еклоги были мнѣ за первой вѣ томѣ предмѣтѣ,
Я ими удивить намѣрился весь свѣтѣ,
Зимою украшалѣ долины я цвѣтами,
Медвѣди за овецѣ паслися тамѣ стадами,
А волки пастухи, свирѣли ихѣ хвосты,
Но мало тутѣ еще изящной красоты,
Пастухѣ подѣ деревомѣ на стулѣ засѣдаетѣ,
На мѣсто всѣхѣ забавѣ онѣ лапти ковыряетѣ,
Иль челобитную старается сплести,
Несклонну хочетѣ онѣ пастушку вѣ судѣ вести,
Гражданскую во всемѣ онѣ наблюдаетѣ форму,
Даетѣ своимѣ овцамѣ черезѣ недѣлю корму,
И естьли прибѣгутѣ и станутѣ ѣсть просить,
То скажетѣ: завтре я намѣренѣ васѣ кормить,
Отвѣтѣ приказному служителю приличный,
А овцы кѣ голоду, гораздо необычны,
И такѣ вѣ Еклогѣ я какѣ сѣ часѣ поговорю,
То сотни сѣ три овецѣ иль больше уморю,
Во время же сіе пастушки разбредутся.
И какѣ ни говори, такѣ вѣ риѳму не кладутся,
Не могѣ я изловить вѣ весь вѣкѣ мой ни одной,
И всякой у меня пастухѣ былѣ холостой.
Удачи не было и вѣ семѣ стихотворенье,
И только лишь пришолѣ у всѣхѣ во омерзенье.

Охота смертная, но участь столь горька,
Что вздумалъ продавать стихи я съ молотка,
Когда ужъ нѣтъ на нихъ нималаго походу,
И вижу что они не надобны народу.
Торгуй ко ты кума, цѣна имъ ровно грошъ!
Съ полушкой ты даешь, твой выговоръ хорошъ,
Спасибо су кума, изрядная ты дама,
Изъ матерей ты мать, или миляе мама,
Отъ слова добраго восхитился мой умъ,
И съ сотню съ лишкомъ ужъ имѣю разныхъ думъ,
Во первыхъ я зачну въ теченьи сей недѣли,
Съ почтенїемъ взирать на круглыя качели;
А что бы лучше мнѣ на оныя глядѣть,
Потщуся на Олимпъ того для возлетѣть;
Спрошу Кастальскаго источника я тамо,
Умоюсь изъ него, и буду зрѣти прямо,
На всѣ тѣ площади, гдѣ страшной оборотъ,
И гдѣ вертится нашъ не пудренной народъ.

Земля отъ топоту шатающихся стонетъ,
И всякой мѣщанинъ въ винѣ и пивѣ тонетъ.
Тюльпаны красные на лицахъ ихъ цвѣтутъ,
И розы на устахъ поблїоклыя ростутъ,
Тутъ царствуютъ игры, прїятносци и смѣхи,
Началомъ ихъ любви каленые орѣхи,
Бросаетъ Адонидъ съ качели ими внизъ:
Съ улыбкой говоритъ, сударушка склонись,
А та отвѣтствуетъ ему прїятнымъ взоромъ,
Когда же подтвердитъ любовь и разговоромъ,
Тогда на цѣлой день бесѣдку онъ наймешъ
Красавицу качать, и первенство возметъ;
Иной къ услугамъ льва, кокеткѣ представляетъ,
И на прямую онъ качель ее сажаетъ,
Тутъ нѣжность дѣйствуетъ побольше прочихъ мѣстъ;
И дама всякая изюмъ и клюкву ѣстъ.
Иная минуетъ безъ музыки танцуетъ,
Другая арїи Сиренъ козлогласуетъ,

Усердный кЪ празднеству веселой гражданинЪ,
Упившися забылЪ порядокЪ, строй и чинЪ,
ИдетЪ вЪ собранїе, гдѣ дамы веселятся,
Которы никакихЪ раздоровЪ не боятся,
ТолкаетЪ ихЪ плечомЪ, иныхЪ сражаетЪ лбомЪ
ДругихЪ ладонью бьетЪ и многихЪ кулакомЪ,
КутитЪ компанїей, мѣшаетЪ веселиться.
И тѣмЪ принудитЪ дамЪ порядочно озлиться;
КЪ сраженїю бы тутЪ причина хороша,
Но правду вымолвить ни мало не грѣша;
Хмѣльная женщина не сдѣлаетЪ отЪ вѣка,
Дабы обидѣть ей чужова человѣка;
Руки она своей не простираетЪ вЪ брань,
И вЪ случаѣ такомЪ не платитЪ Марсу дань;
Имѣя кротостью наполненную душу,
А чтожЪ до языка, то выгонитЪ на сушу;
И цѣлой океанЪ, слова ее какЪ градЪ,
Скорѣе и мѣча отвагу поразятЪ.
ЧинятЪ ему отпорЪ, и приступаютЪ строго,
КричатЪ и говорятЪ и сЪ лишкомЪ и немного;
Смягчаются, молчатЪ, и оставляютЪ бой,
Но вЪ тотЪ же самой часЪ, бѣгутЪ яряся вЪ строй,
СѣкутЪ и рубятЪ, жгутЪ противника словами,
Но чтожЪ потомЪ? Увы сЪ слезящими глазами;
На ратномЪ мѣстѣ семЪ, гдѣ рокЪ ихЪ оскорбилЪ,
И гдѣ не трезвой МарсЪ безсильныхЪ побѣдилЪ;
ЗбираютЪ чепчики, платки и разлѣтаи,
ПриводятЪ вЪ прежней видЪ и кофты и шугаи,
Защитнику тогда довлѣетЪ приступить,
ЧтобЪ дерзскому тому злодѣю отомстить,
Которой, не смотря на лица и наряды,
ПопортилЪ всѣ у нихЪ торжественны обряды;
КакЪ древней богатырь, но только безЪ коня,
БезЪ латЪ, безЪ шишака, и что то есть броня.
Не знаетЪ онЪ о томЪ, но славно хоробрится,
И вмѣсто рыцарства вкулачки хочетЪ биться;

Не требуется тутъ щита и копія,
Нашъ рыцарь держится ухватки своея;
Разитъ ево въ лицо и помрачаетъ очи,
Соперникъ на земли лежитъ уже безъ мочи:
Нечувства онъ лишенъ, но силы только нѣтъ,
И лежа на землѣ отважно вопіетъ;
Постой онъ говоритъ я дамъ тебѣ то знати,
Какъ должно рыцарей по правамъ поражати;
Но побѣдитель благъ не слушаетъ грозы,
И щедро въ спину онъ даетъ ему тузы.

Потомъ отъ винныхъ тучь весь воздухъ загорится,
И молнія изъ устъ хмѣльныхъ людей родится;
Отверзетъ чрево Вакхъ, или питейной домъ,
Ударитъ изъ нево къ качелямъ страшный громъ;
Бегутъ съ дубинами различные народы,
Мутятъ они людей и воздухъ, грязь и воды;
Въ сраженьи уже нѣтъ пощады никакой,
И всякой гражданинъ валится съ ногъ долой;
Какъ храброй витязь дастъ ударъ кому въ размашку,
То здѣлаетъ и ротъ нерѣдко на распашку,
По правиламъ ли бой, или безъ правилъ онъ,
Для пользы общества негоденъ безъ препонъ;
Хмѣльные безъ ума другимъ даютъ потаску,
И для тово сего не пустимъ мы въ огласку;
Хоть прозой хоть стихомъ, однако примиримъ,
И праздникъ провести въ весельѣ имъ дадимъ,
Цалуйтеся друзья горячими устами,
И дружбу дѣлайте сердцами иль словами;
Не искренность теперь потребна ваша намъ,
Когда вы ходите по разнымъ кабакамъ;
Дремлите, идучи, бранитесь иль кричите,
Иль пьяной пьянаго вы за руки ведите;
Сидите за виномъ, другъ друга упоя.
И будьте вы тогда всесвѣтные друзья;

Но что еще я зрю? какая ето туча!
Великая лежитъ яицъ въ народѣ куча.
Съ пригорка покатитъ веселой молодецъ,
Разбито яицо добьетъ ево въ конецъ;
По грязѣ безъ скорлупъ катаютъ и мараютъ,
Кудаже яица сїи употребляютъ;
О томъ не знаю я, иль честь имѣю знать,
Однако не скажу, чтобъ ихъ не осмѣять;
О вкусѣ молодцы не разсуждаютъ строго,
Въ Санктпетербургѣ же воды гораздо много;

Когда съ предивныя и страшной высоты,
Возрѣло солнышко на наши красоты;
Глубокїе снѣга растаяли во градѣ,
Пастухъ намъ предвѣстилъ рожкомъ своимъ о стадѣ;
Тогда наполнились канавы всѣ водой,
Однакъ нечистою, но грязной и худой;
Увы любезныя цвѣтныя епанечки,
Различныя фаты и персти и колечки;
Я часто васъ видалъ поверженыхъ въ бѣдахъ,
Какъ вы купалися въ нечистыхъ сихъ водахъ;
О рокъ! о случай злой! чево ты не наносишь,
Ты женщинъ и мущинъ въ такихъ канавахъ топишь;
Ни лѣтъ ни пола ты не тщишься разбирать,
Старухъ и стариковъ дерзаешь погружать;
Ни что тово уже не можетъ быти хуже,
Какъ въ праздникъ сей лежать поверженному въ лужѣ.
Однако весельчакъ отваги не теряй,
Въ грязи ты, лежучи, кричи не замарай.

Восточной Фаетонтъ на сѣверѣ явился,
Не въ колесницу онъ, но въ одноколку вбился;
Не пламенныхъ коней онъ правитъ во Ефиръ,
По улицѣ летитъ и давитъ пьяной мїръ;

Безъ нужды мычится на право, въ лѣво прямо,
Понятіе ево не постигаетъ само;
Куда ему поспѣть не надобно нигдѣ,
И поручаетъ онъ во всемъ себя судьбѣ:
Попуститъ вожжи внизъ, и дастъ коню свободу,
На злую пагубу веселому народу;
Слетится Фаетонтъ съ такимъ же молодцомъ,
Иль лошадь въ стѣну гдѣ хмѣльной направитъ лбомъ;
Не много припрыгнувъ, оставитъ одноколку,
Стремглавъ онъ полетитъ черезъ коневью холку;
Не съ неба Фаетонтъ, но щоголь съ двухъ колесъ,
Хотѣлъ по глупости припрыгнуть до небесъ.
На камняхъ лежучи умильно воздыхаетъ,
И токъ кровавыхъ слезъ безъ пользы проливаетъ,
Въ семъ мѣстѣ палъ одинъ, вдругъ упали три,
Вездѣ паденіе, куда ни посмотри;
Во время праздниковъ толико Фаетоновъ,
Колико во стихахъ негодныхъ Аполлоновъ.

По баснословію стариннаго народа,
Была такая же равно, какъ нынѣ мода;
Ходить за дамами, и ихъ въ любовь склонять,
Юпитеръ первое изволилъ мѣсто взять;
И былъ изъ волокитъ первѣйшимъ волокитой,
Манеръ ево любви предъ свѣтомъ всѣмъ открытой.
Онъ вѣрности не зналъ, обманывалъ жену,
И дѣлалъ каждой день любовницамъ мѣну:
Горѣлъ любовію, но вѣрность ненавидѣлъ,
И на театрѣ лишь одномъ ее и видѣлъ;
Послѣдуя во всемъ нестрастному уму,
Скучнѣе ничего не зрѣлося ему,
Какъ два дни воздыхать передъ одной красоткой,
Предъ дѣвушкоюль то, или передъ молодкой.
Любовной календарь онъ точно наблюдалъ,
Минуты въ страсти сей годами полагалъ.

И для тово скорѣй любовь скончати тщился,
Весь вѣкъ, какъ слышно намъ, симъ образомъ любился;
Выдумывалъ всегда, какъ лучше измѣнить.
Въ различныхъ образахъ вину старался скрыть.
Мѣнялъ любовницъ въ часъ, игралъ онъ ими въ жмурки,
И былъ безсовѣстнѣй безсовѣстнаго Турки;
Обманами бы могъ Китайца побѣдить,
Иль можетъ тщился онъ и тѣхъ превосходить.
Развратному сему послѣдуя въ томъ богу,
Вступили въ оную молодчики дорогу.
Въ день праздничной они не думаютъ о томъ,
Чтобъ небу угодить и серцемъ и умомъ,
Но только ото-сна взглянувъ на свѣтъ очами,
Вопервыхъ мажутся пахучими водами.
Гнутъ волосы въ крючки, и чудной тутъ манеръ,
Премножество кудрей узришь различныхъ мѣръ.
Природа никогда такою не бывала,
Чтобъ чуднымъ образомъ виски намъ завивала.
Обычай правда есть и къ пользѣ онъ намъ данъ,
Однако не такой, чтобъ сдѣлался баранъ
Изъ умнаго изъ всѣхъ въ природѣ человѣка,
Того неслыхано, иль слышно ужъ отъ вѣка.
Потомъ касаются сурмилами бровямъ,
Румянъ и горсть бѣлилъ бросаютъ по щекамъ;
Сердечки изъ тафты желѣзомъ выбиваютъ,
И подклеивъ, на *перстъ* для моды прилѣпляютъ,
Которой въ старину имѣновался *врачь*,
А такъ *ево* нарекъ какой-то стихоткачь.
Когда распространить потщуся я наряды,
И всѣ любовничьи въ семъ случаѣ обряды,
То скоро попаду въ несносную бѣду,
Въ такую, что себѣ убытокъ наведу.
Цѣна сему листу гораздо не велика,
Старинныхъ гривенокъ четыре только лиха,

А петиметерскихъ нарядовъ милліонъ:
Такъ врядъ ли изъяснитъ и самый Аполлонъ,
Сказалъ же я тебѣ изъ оныхъ только крошку,
За денежку стиховъ дается понемножку,
Когдабъ я прозою съ тобою говорилъ,
Любезная кума, ябъ больше и открылъ,
Теперь одѣтаго представимъ волокиту,
И выпустимъ мы съ нимъ наряженную свиту,
Куда кто думаетъ стремится онъ теперь?
Проводникомъ ему Юпитерова дщерь,
Она теперь одна въ умѣ ево лѣтаетъ,
Свиданія, игры, гульбища представляетъ,
Хотя не вѣдаетъ *Венера* ворожить,
Однакъ безуміемъ удобна окружить,
Смятетъ смятеннаго любовною судьбою,
И здѣлаетъ себѣ навѣкъ ево слугою,
Проводитъ праздникъ онъ въ любовныхъ суетахъ
Равно, какъ день простой въ различныхъ хлопотахъ.
Спокойство для любви мѣняетъ на неволю,
И всякой часъ клянетъ свою нещастну долю,
Скучна ему вся жизнь, несносенъ каждой день,
Ступаетъ по стопамъ Венеринымъ, какъ тѣнь:
Взнесись мой духъ теперь, внесися въ небеса,
Пусть пляшутъ подъ тобой дремучіе лѣса,
А рѣки и моря пускай вспѣваютъ хоры,
И радуются всѣ пригорки, холмы, горы,
Зефиры иль Борей, кто хочетъ тотъ и дуй,
Мути иль не мути въ Невѣ прозрачныхъ струй,
Природу принуждать не думаю нимало,
И силъ во мнѣ къ тому ни сколько не достало,
Что есть, тому всегда въ природѣ должно быть,
Такъ для чевожъ мнѣ сей порядокъ помутить,
Хотя со льдинами здѣсь рѣки протекаютъ,
Однакъ намѣренья во мнѣ не пресѣкаютъ,
Кумѣ я покажу въ стихахъ кулачной бой,
И выведу на свѣтъ, кто первой тутъ герой,

Откудажъ мнѣ занять витїйственнаго слова,
А надобно искать въ премудрости покрова.
Постой я знаю гдѣ сыскать себѣ примѣръ,
Слыхалъ я кто то былъ разумной мужъ Гомеръ,
Еще *Виргилїя* во многомъ прославляютъ,
Мальгебра, Пиндара подобно похваляютъ,
Велики говорятъ, велики тѣ мужья,
О бѣдная же ты головушка моя,
Что ты не знаешь ихъ, и случай упустила.
Почто знакомости ты съ ними не сводила.
Пространенъ мїръ, всево не можно переплыть.
Не всякомужъ опять въ игумнахъ старцу быть.
Ктожъ Пиндару знакомъ, пускай тотъ возметъ лиру
И громко и умно давозвѣщаетъ мїру,
Что солнце изъ шаровъ горящихъ состоитъ,
И что оно собой все зданїе живитъ,
Лучи ево по всей вселенной раздаются,
И тучами они иль вихрями сѣкутся.
Луна не свѣтитъ намъ, но солнце ей велитъ
И нѣсколько лучей въ ночную тьму дѣлитъ,
Отъ солнечныхъ лучей и темна твердь сїяетъ,
Подобно какъ Арабъ подъ золотомъ блистаетъ,
Или какъ новый свѣтъ, поутру востаетъ,
Пресвѣтлый намъ титанъ рожденье знать даетъ,
А я не для тово касаюся ефиру,
Чтобъ взять вмѣщенную между звѣздами лиру,
Что прибыли мнѣ въ ней незнаю какъ играть,
Такъ слѣдовательно не надобно и брать,
Безъ лиры и безъ струнъ стихи писати можно
Мнѣ нужды нѣту въ нихъ, скажу сїе неложно,
На нѣкакой писецъ стремится Геликонъ
И часто говоритъ здарово Аполлонъ,
Приди и помоги ученнѣйшая муза
Съ тобою я ищу съ единою союза,
Чтожъ за люди сїи, когда ево спросить,
То Правду вымолвить хрѣха не утаить,

Писатель отвѣчать помѣшкаетъ не много
И знанье въ томъ ево покажется убого,
Для пышности стиховъ наставитъ разной звонъ,
Кричитъ онъ въ нихъ Орѳей и Амѳїонъ,
Елена, Менелай, Юпитеръ тамъ и Леда,
Улисъ и Телемакъ. Персей и Адромеда,
Моря, пучины, волны, ревъ и водной стонъ,
Нѣва, Двина, Дунай и Висла, Волга, Донъ,
Такой нелѣпостью въ стихахъ своихъ трезвонитъ,
Желая тѣмъ взнестись, но самъ себя уронитъ,
Не сѣялъ гдѣ писецъ, збираетъ тамъ плоды,
И рвется за людьми, плывя противъ воды,
Суди моя кума, я рѣчь мою склоняю
И къ исполинамъ я на время обращаю,
Которые хотятъ не горы потрясти,
И не къ Юпитеру судьбу свою внести:
Но быти на землѣ и получити славу
Въ кулашную они впускаются забаву.
Во всякомъ молодцѣ военна кровь кипитъ,
Но нѣтъ сраженїя, и Марсъ еще ихъ спитъ.
Однако есть къ тому довольные празнаки,
И ходятъ къ бою тутъ готовы забїяки.
Къ началу приступить не думаетъ буянъ
Онъ честь всегда ведетъ, какъ былъ бы онъ ни пьянъ.
Противъ военныхъ правъ мальчишки начинаютъ,
Другъ друга по щекамъ ладонями щелкаютъ;
Не въ зубы юноша,номѣтитъ парня въ глазъ,
А отрокъ отроку даетъ по лучше разъ.
Въ минуту славное сраженїе явится,
Не рвется воздухъ тутъ исолнышко не тмится.
Щелканїе, тузы валятся такъ, какъ градъ,
Ланиты, носы, рты, и зубы зазвенятъ:
Не огнестрѣльное оружїе пылаетъ,
Тутъ витязь кулакомъ противныхъ поражаетъ;
Какъ дастъ кому туза нечаянно въ разборъ,
Падетъ на землю тотъ, и драться ужъ неспоръ.

Какъ храбрый Ахиллесъ вступаетъ нѣкто въ драку,
Прїамовичу онъ такую перебяку,
Отъ щедрости своей военныя послалъ,
Что безъ порядку тотъ нещастной зазѣвалъ,
И палъ отъ буйственной и сильныя размашки;
Не проситъ ужъ вина, ни пива и ни бражки.
Потомъ сїя война жесточе разгорится,
И сильной сильному противу становится;
Когдажъ свирѣпствуютъ въ неправильныхъ полкахъ,
Тогда и женщину возмутъ на кулакахъ;
Бросать передъ собой, ярясь, на мѣсто съ мѣста,
Онаже не пирогъ родилась не изъ тѣста,
Мантилїю на ней и кофту раздерутъ,
И послѣ изъ круга безъ жалости пехнутъ.
Востанетъ скоро Марсъ, иль Воложенинъ дружный
И какъ бы нибыли противники услужны,
Смятетъ ихъ скоро всѣхъ, и приведетъ въ раздоръ;
Рука ево людей сѣдаетъ такъ, какъ моръ.
За нимъ торжественны трофеи становятся,
Съ побитыхъ башмаки и шапки поваляться,
Со всѣхъ ему сторонъ большая похвала,
Кричатъ торжественно, ступай, ступай взяла,
Но какъ извѣстно всѣмъ, что щастїе военно;
Во время ратное и ломко и премѣнно;
Не рѣдко на войнѣ изъ тьмы родится свѣтъ,
Востанетъ тотъ опять, которой упадетъ.
Внезапно чувствуетъ гласъ бодрый плѣнныхъ ухо,
Встаетъ отъ ихъ страны, и выступаетъ брюхо,
Претолстой мужъ Бузникъ, какъ чудной тотъ стрѣлецъ,
Которой было сѣлъ всѣхъ Грековъ наконецъ,
Приведши оныхъ въ страхъ, принудилъ всѣхъ бежати,
Безъ защищенїя и жизнь свою теряти.

Махина такова хоть вышелЪ безЪ меча,
Но мочью своего огромнова плеча,
РасправивЪ нѣжную свою на воздухЪ ручку,
ДалЪ Марсу, не шутя, такую нахлобучку,
Что храброй воинЪ сей кЪ сырой землѣ присѣлЪ,
И арїю весьма нескладную запѣлЪ,
Увы онЪ не вопилЪ, и аха не касался,
ОднакЪ и безЪ тово всѣмЪ жалокЪ показался.
ПошолЪ по брюху звонЪ, какЪ вЪ доброй барабанЪ,
ТузятЪ со всѣхЪ сторонЪ, однакЪ БузникЪ непьянЪ,
СтучитЪ по головамЪ, разить онЪ вЪ само темя,
Валится передЪ нимЪ задорно кЪ бою племя,
ИзмѣнниковЪ тутЪ нѣтЪ но храбрые сердца,
Единодушно всѣ дерутся до конца.
НаскакиваютЪ всѣ на витязя тутЪ прямо,
Которой ихЪ валитЪ и сѣмо и овамо.
Побѣда перешла кЪ поверженной странѣ;
Но мѣста надобно довольно Сатанѣ,
ВЪ сердца сраженныхЪ онЪ нелѣпость полагаетЪ,
Орясинами ихЪ тотЪ часЪ вооружаетЪ,
И нудитЪ славной бой безумству покорить;
И вЪ драку рыцарство дурную превратить;
Оглоблями уже размахи учиняютЪ,
ТроихЪ не одново на землю вдругЪ валяютЪ.
Смѣсится весь народЪ и только за любовь,
Тузятся межЪ собой и перебьются вЪ кровь.
Хоть послѣ пять недѣль отЪ брани отдыхаютЪ,
ОднакЪ сЪ охотою опять вЪ битву вступаютЪ;
Охотно мучатся, но естьли ночь наста,
Тогда и ихЪ раздорЪ, какЪ прочихЪ брань, преста.
Крылята, Бузники, московскїе герои;
Не здѣсь они; но тамЪ бурлацки водятЪ строи,
ВЪ СанктпетербургѣжЪ я о бузникѣ сказалЪ,
СимЪ славнымЪ именемЪ другихЪ именовалЪ.;
Не надлежало бы такЪ скоро скончавати,
Такой веселости, что можно годЪ писати;

Но впрочемъ вдругъ всево не можно показать,
И для тово кума нелучшель перестать,
Для перваго сего случаю съ насъ довольно,
Однакъ и впредъ писать, какъ думаю, мнѣ волно.

Сїе съ почтенїемъ тебѣ я приношу,
И естьли и другимъ угодно, то прошу.
Принять мои стихи, изданїе безъ правилъ,
Причина такова, что оныхъ я не ставилъ,
Какъ многїе у насъ безъ разума писать,
Привыкли ужъ давно и въ свѣтъ то издавать,
Лишь толькобъ риѳмами снабдить свое сложенье;
Но я имѣю въ томъ великое сомнѣнье,
И буду силы всѣ къ тому лишь прилагать.
Чтобъ лучше какъ могу и правильнѣй писать,
Къ услугамъ общества себя препоручаю,
И за великое я щастїе считаю,
Когда хоть малымъ чемъ народу угодилъ,
Служа моей кумѣ, я обществу служилъ.

СТИХИ НА СЕМИКЪ

Не смѣйся Муза мнѣ, а я нехохочу,
Что изъ пустова класть въ порожнѣе хочу.
Намѣренье мое горохъ лѣпити въ стѣну,
Берíозкамъ положить въ семикъ привознымъ цѣну,
Чтобъ красны дѣвушки по утру пробудясь,
И лучше, какъ онѣ умѣютъ: нарядясь,
Безъ торгу брали ихъ и ставили въ кружечикъ
Сбираясь на берегъ иль индѣ на лужечикъ,
Но прежде нежели плясать онѣ начнутъ,
Я мысленно еще слетаю въ Волховъ прудъ,
Что мутная рѣка сперьва именовалась,
И послѣ Волховомъ она уже назвалась,
Разсыплю на брегу наметанной бугоръ,
Гдѣ спитъ, тотъ Князь и волхвъ съ нимъ боговъ соборъ,
Которыхъ прежде здѣсь Славяне почитали,
И кои ужъ давно почтенье потеряли.
Какъ молвить на примѣръ: Перунъ громовой богъ,
Котораго они дубьемъ свалили съ ногъ,
И бросили въ рѣку на вѣки тамъ купаться,
Чтобъ перестали ихъ невѣжеству смѣяться.
Второй степенной богъ Волосъ, или Велесъ,
Изъ храма своего чуть ноги лишь унесъ,
Какъ начали тузить въ бока и въ лобъ и въ зубы,
Завыли Лада, Дидъ, Бѣлбоги и Дашубы,

Догода, Коляда; Купало и Уcладъ,
Святовичь дѣланной весьма на чудной складъ,
Ягая баба, Чуръ, Полканъ и Симаергла
Ужасный Чернобогъ, что въ адъ судьбина свергла,
Летѣли изъ домовъ какъ черти съ небеси,
Пощады не было хоть сколько ни проси,
Очистили они и улицы и храмы,
Невѣжество боговъ и все повергли въ ямы.
Язычество сїе мѣщанѣ сдѣсь клянутъ:
Незнаньемъ же къ нему довольно льнутъ.
Семикъ веселой день ево не пропускаютъ
И въ пѣсняхъ тѣхъ боговъ почасту вспоминаютъ.
О томъ то предлѣжитъ севодня рѣчь моя
Хотя и не совсѣмъ успѣю въ ономъ я,
Понеже неучи́онъ, понеже я не знаю,
Во вторники рожусь, а въ среды умираю
И бытїе мое имѣю съ Января,
Однакъ ужъ знаю всѣ и рѣки и моря
Деревни, города и степи, буераки,
Въ Санктпетербургѣ есть и устерсы и раки.
Въ Москвѣ съ полдюжины даютъ за гривну дынь,
И вѣдаю опять, чемъ славится Медынь.
Клинъ городъ лаптями, а Муромъ колачами
Замками славенъ Тверь; а Новгородъ сыртями,
Гусями Арзамазъ; а Угличь толокномъ,
Россїя малая валами и виномъ,
Валдай баранками еще гористымъ мѣстомъ,
Калуга грѣшневымъ съ духами житкимъ тѣстомъ.
Рѣка Яикъ икрой. Ростовъ же чеснокономъ;
А Глуховъ древнїй градъ папушнымъ табакомъ,
Изъ Вязмы пряники, изъ Шуи крѣпко мыло,
Изъ Вологды свѣчи иль сальное свѣтило,
Бѣлоезерскїе всѣхъ славнѣе снятки,
Олонецъ нитяны пускаетъ къ намъ мотки;
А Псковъ сушоными снятками насъ питаетъ,
Ружьемъ и шпагами, то Тула снабдѣваетъ,

Арбузы Астрахань; а Боровъ лукъ даетъ,
Изъ краснаго села набойка къ намъ идетъ,
Елецъ раждаетъ соль, а Кашинъ градъ бѣлилы,
Миноги Нарвскіе, а не други намъ милы,
Козлами, лошадьми прославился Казань,
А изъ Украйны всѣхъ лучшая Рязань,
Изъ Павловска ножи и ножницы оттуда,
Изъ Соловецкихъ странъ приходитъ сёмги груда,
Архангелогородскія селѣдки къ намъ
Хоть въ бочкахъ но плывутъ какъ рыба по водамъ,
Я самъ себѣ дивлюсь, что столько разумѣю
И съ лишкомъ тысячу перечитать умѣю.
По нуждѣ разбирать и календарь могу,
И что я такъ уменъ, то истинно не лгу,
А въ доказательство едино представляю,
Что прозой и стихомъ бумагу я мараю;
Съ Парнасса внизъ я одами дышу
Безъ дѣйствія души и разума пишу,
Стараюсь вѣчность я достать себѣ стихами,
Кроплю мои труды Парижскими духами,
Чтобъ запахъ таковой читатель мой внуша
Сказалъ, что выдумка довольно хороша,
За вкусъ я не берусь, а что же горяченько,
То дѣлаю тотчасъ, и нѣсколько смѣшненько,
Извѣстие сіе во первыхъ я даю.
Что авторство мое за деньги продаю,
Копѣйка мадригалъ съ полушкой епиграмма,
Три денежки рондо, а пять копѣекъ драмма,
Елегія алтынъ пять денежекъ Сонетъ,
Идиллія хоть грошь, полушка за билетъ,
Дешевлѣ всѣхъ стиховъ спускаю съ рукъ я оды,
Причина такова, что оные уроды,
Ни смысла добраго, ни правильныхъ стиховъ
Ни должной похвалы, ниже завистныхъ тровъ,
Съ начала до конца въ сложеньи не имѣютъ
И денежку давать за оныхъ мнѣ жалѣютъ;

Чтожъ дешево стихи мои я продаю,
Такъ знайте всѣ что я безъ мѣрки ихъ крою,
Еклоги, въ коихъ я всѣхъ болѣе тружуся,
Беру по всячинѣ и долго не ряжуся,
Понеже выключа премножество стиховъ,
Не только разума не сыщешь годныхъ словъ.
Елегïи опять искусно такъ мараю,
Что въ оныхъ напишу то право самъ не знаю,
Трагедïи писать хотѣлось было мнѣ;
Но какъ пригрѣзилось сраженïе во снѣ,
Въ которомъ страшныя славенскïе Герои
Водили по степенямъ не устрашимы строи.
Такъ нѣкто разъярясь весь полкъ мечемъ пожралъ,
Я чуть было тогда съ постѣли не упалъ;
Отъ страху сердце все съ недѣлю трепетало,
Такъ дѣйствïи писать желанïе пропало.
Комедïю еще подщился я скроить,
Обшилъ и обмѣталъ, но какъ ее сслонить,
По истиннѣ сказать не смыслю и не знаю,
И для тово еще въ продажу непускаю,
Когда прославился въ приходѣ я перомъ,
То Слава подъ моимъ воскликнула дворомъ,
Иные говорятъ ища стихамъ урона,
Что будто каркала не Слава то ворона,
Предвѣстница у насъ дождьливыя поры;
Однако я какъ кротъ, стремлюся изъ норы,
Нѣтъ нужды что пою теперь я гласомъ дикимъ,
Однако мыслю быть писателемъ великимъ,
И думаю я такъ, что я уже не малъ,
И чуть чуть до неба разсудкомъ недосталъ,
Стихами я питу, и рифму ставлю ту же;
Такъ чемъ же я людей великихъ въ знанье хуже?
Я также какъ они скрыплю моимъ перомъ,
И словомъ невырубитъ ни кто и топоромъ.

Я мимоходомъ дамъ читателю примѣтить,
Какъ дьяволъ злясь людей старается осѣтить,

Какъ Римлянинъ и Грекъ и древней Славянинъ,
Всѣ вѣровали такъ какъ вѣровалъ одинъ,
Лягушку божествомъ и рака почитали,
Предъ деревомъ они колена преклоняли,
И рѣки божью честь носили на себѣ,
И словомъ жило все въ почтеннѣйшей судьбѣ,
Болванчики въ печи иль въ устьяхъ обитали,
И сажу какъ муку нещастные зобали,
Такой замаранной боговъ увидя сортъ,
Конечнобъ я сказалъ, что это черной чортъ,
И вмѣсто чтобъ имѣть къ сему почтенье богу,
Ябъ тотчасъ указалъ изъ горницы дорогу,
Но суевѣрство ихъ въ дурачество ввело,
Что чтили иногда лохань и помело,
Ухваты, кочерьги, скребки и съ ними вилы,
Имъ рыбы такъ, какъ намъ довольно были милы,
Однако вытащить боялись завсегда
Изъ рѣкъ ихъ божества неѣли никогда,
Хоть слюнка и течетъ, что рыбка тамъ играетъ,
Однако онъ рѣку какъ бога почитаетъ.
Пришедши въ огородъ египтянинъ другой
Боится согрѣшить предъ всякою травой,
Чеснокъ ихъ богъ, и лукъ ихъ чтится завелико
Цвѣтки, бобы, горохъ, хотя и слышать дико,
Однако божествомъ щиталися они
Во всѣ прошедшія до православья дни,
Куда бы ни хотѣлъ ступити ты ногою,
Вездѣ бы наступилъ на святости ихъ тою,
Съ презрѣніемъ сіе внимаемъ мы теперь,
Намъ къ просвѣщенію отверста нынѣ дверь,
Однако пѣсенки старинны попѣваемъ
И древнихъ тѣхъ боговъ частенько величаемъ,
Изъ коихъ нѣсколько поставлю я въ примѣръ,
Пусть видитъ свой порокъ усердный суевѣръ.

Во ржи берíоза зелененька стояла.
Ой Дидъ и Лада! зелена кудреввата,

Подъ той подъ берїозой соловейко щекочетъ,
Ой Дидъ и Лада! молодое щекочетъ;
и проч.

И я выду молода
За новыя ворота;
Дидо калина!
Лельо малина.
И я вылущу
Сокола изъ рукава,
Дидо калина!
Лельо малина.
и проч.

Да чтожъ за крикъ такой народы затѣваютъ?
Неушто пѣсенки къ берїозкѣ припѣваютъ!
Вить только, что теперь во градѣ разсвѣло
И Солнце изъ-за-горъ недавно какъ взошло,
Я чаю многїе отъ сна непробудились,
Которые вчерась по рощамъ весилились,
Трактирщики теперь еще ложатся спать,
Хоть цаловальникамъ вы дайте матки встать,
Постойте дѣвушки вить рано забавляться.
Позвольте съ разумомъ и мнѣ друзья собраться,
Не слушаете вы крича раззинувъ ротъ
И вижу васъ идетъ ужасной короводъ,
Да что же личики ужъ ваши покраснѣли,
Конечно отъ того, что рано вы запѣли,
Однако осмотрясь прощенїя прошу.
И извиненїе дѣвицамъ приношу,
Я бабъ почолъ за нихъ, не зная въ етомъ моды,
Что рано дѣвушки не ходятъ въ короводы,
А вы веселые прїятельницы намъ,
Вы пьете въ вечеру, и пьете по утрамъ,
Вино и сердце въ васъ и духъ увеселяетъ,
И совѣсть думаю со всѣмъ незазираетъ.

Берїозка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ,
Въ тафтѣ и въ бархатѣ и въ шолковыхъ платкахъ.
Вина непьетъ она; однако пляшетъ,
И вѣтвями тряся; такъ какъ руками машетъ,
Предъ нею скамарохъ, неправильно кричитъ,
Ногами въ землю онъ, какъ доброй конь стучитъ.
Танцуетъ и пылытъ иль грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль ево со всѣмъ неперевѣситъ.
Тамъ дама голоситъ сивухой нагрузясь.
Въ присядку пляшучи валится скоро въ грязь,
Потомъ другая вмигъ то мѣсто заступаетъ,
Которая плясать вельми искусно знаетъ,
Танцуетъ, голубца, танцуетъ и бычка;
Но естьли хватитъ вдругъ ржанова молочка,
То скоро плясея изрядная схилится,
И также какъ и та на землю повалится.
Ходя по городу вспѣвая цѣлой день,
Ко вечеру онѣ шатаются какъ тѣнь.
Разлуку сдѣлаютъ берїозкѣ со платками,
Останется она съ одними лоскутками,
Платки по одному съ нещастной той сберутъ,
И въ разныхъ кобакахъ при пѣсенкахъ пропьютъ,

Хоть городъ и одинъ, но разныя обряды,
Подобно какъ у насъ различные наряды,
Въ семикъ въ почтенный день на рынокъ я ходилъ
И тамъ противные обряды находилъ,
Лишь только хмѣль одинъ согласенъ былъ съ собою
И баба всякая пила своей рукою.
Тамъ здѣланъ огородъ, берїозки всѣ въ кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу,
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ
Но только кушеньемъ казался мнѣ задавленъ,

Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я,
Ватрушки были тутъ, подовые съ огня,
Оладьи, колачи, блины, пирогъ и пышки,
И можно такъ сказать всѣ праздничны излишки,
Баканки таковы попляшутъ покричатъ,
Приступятъ ко столу и множество съядятъ.
Но только кушаютъ, казалось мнѣ безъ вилки;
Однако съ помощью наполненной бутылки,
Какъ кушанье онѣ до крошки поплѣнятъ,
То новаго опять на столъ настановятъ,
Частенько на кобакъ съ бутылкой посылаютъ,
Въ складчинку всѣ ее сивухой наполняютъ,
Народъ ихъ обступивъ разинувъ ротъ глядятъ,
А тутъ корманы ихъ и мошны порознятъ,
А естьли кто возметъ плясавицу въ охабку,
То потеряетъ тотъ кафтанъ, камзолъ и шапку.

Колико написалъ въ семъ листикѣ я словъ,
Толико думаю въ семикъ пропьютъ платковъ,
Толикожъ плясуновъ, плясавицъ произвольныхъ,
И столькожъ пьяныхъ есть веселыхъ и довольныхъ
И столько же еще порубленныхъ бер́озъ
Убытокъ лѣсу сей семикъ честной нанесъ.
Прощай честной семикъ скажите человѣки,
И бросте поплясавъ бер́озочки вы въ рѣки,
Пускай къ своимъ мѣстамъ обратно поплывутъ
А вось хорошей плодъ и срублины дадутъ.

НА МАСЛЕНИЦУ.

Въ субботу предъ первою недѣлею великаго поста, ходилъ я прогуляться по городу, но надобно знать не по всему, а по нѣкоторымъ частямъ онаго, и какъ только завернулъ въ Невскую Проспективу, то встрѣтилась со мною весьма чудная женщина, платье на ней было разноцвѣтное или лучше сказать, составленное изъ разныхъ матерій. Передъ означалъ великолѣпіе, богатство и порядокъ, напротивъ того задъ бѣдность и нищету, а бока неопрятность и небреженіе, а что всего чуднѣе, и что меня больше удивило, то имѣла она три лица: первое было весьма блѣдно, и показывало на себѣ кротость, смиреніе, цѣломудріе, постъ и воздержаніе. Второе казалося съ пріятною улыбкою, и было помоложе перваго и послѣдняго, на немъ видны были радость, игры и смѣхи, склонность къ различнымъ увеселеніямъ и позволенная отовсѣхъ вольность. Третіе покрыто было все непорядочнымъ румянцомъ, жилы на ономъ напрягли- ся, глаза налилися кровью, и губы запеклися. Изображало оно собою великое невоздержаніе, нахальство всякое неистовство и наконецъ пьянство. Какъ непорядочно было сложеніе ее и платье, то столько, или еще больше безпорядочнѣе шла она по улицѣ, бѣгала изо двора во дворъ, кричала неосторожно и падала весьма часто по срединѣ дороги. Не смотря на все на єто, многіе изъ народа

снимали передъ нею шапки, и дѣлали ей почтенїе; подобно какъ старинные язычники древней богинѣ. Сїе простонародное усердїе ко почитанїю такой разнообразной химеры, понудило меня спросить у ее почитателей, кто она такова, и какъ увѣдомили меня, что называется она *Масленицею*, то вселилась въ меня мысль о древнемъ языческомъ многобожїи, и также о ихъ ослѣпленїи. Идучи началъ я вникать весьма прилѣжно въ такую думу, и усмотрѣлъ изъ вѣдомыхъ мнѣ повѣствованїй внѣшнихъ и домашнихъ, изо всякихъ сказокъ, пѣсенъ и игръ, что весьма много осталося въ нашемъ народѣ старинннаго но дурнова обыкновенїя. Въ прочемъ нринимается оно неведенїемъ простова народа изъ которыхъ многїе, не имѣя ни малѣйшаго просвѣщенїя, держатся суевѣрїя не соглашаяся вѣрить истиннѣ.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ

БАСНИ И СКАЗКИ.

1. *Козелъ и жемчужная раковина.*

Козелъ шатаяся увидѣлъ мать жемчужну,
Такъ раковину всѣ жемчужную зовутъ,
И почитая ту за вещь для всѣхъ ненужну,
Сказалъ съ насмѣшкою: ты, лежа вѣкъ свой тутъ,
Какую сдѣлала, скажи ты мнѣ, услугу
Земному кругу?
А я всегда встаю съ зарею поутрамъ,
Хожу пасти въ луга, и лажу по горамъ
День цѣлой.
Отвѣтъ дала козлу и раковина смѣлой,
Сказавши такъ:
Козелъ дуракъ;
Когда ты по горамъ тварь глупая бродила,
Въ то время перло я жемчужное родила.

2. *Двое прохожихъ и кладъ.*

Прохожихъ двое шло дорогою одною,
Оставили пути ужъ много за спиною;
А впереди рѣка,
Мѣлка, иль глубока,
Незнаю прямо,
Лишь видятъ, что рѣка
Быстра и широка;
А за рѣкою зрятъ они статую тамо,
У коей ноги, станъ, грудь, руки, голова,
Подъ ней насѣчены на мраморѣ слова.
Но естьли скажетъ кто, рѣка течетъ широко,
И надписи едвалъ возможетъ видѣть око:
На то въ отвѣтъ,
Мой свѣтъ!
Иль мнишь, что у моихъ прохожихъ трубки нѣтъ?
Не думай такъ, они ее имѣли,
Такъ надпись разсмотрѣли:
А надпись такъ гласитъ: кто перейдетъ ко мнѣ,
Тому не снилось и во снѣ,
Колико подомной онъ золота получитъ.
Обоихъ жадность къ злату мучитъ.
Но одного изъ нихъ такъ разумъ учитъ:
Рѣка мутна,
Не видно дна;
Такъ я, незная броду,
И кинусь въ воду;
А естьли потону,
Оставлю я дѣтей, оставлю я жену,
Оставлю сиротами.
Нейду къ тебѣ я кладъ такими воротами,
Гдѣ много бѣдъ;
Такъ ты не для меня и положенъ, мой свѣтъ!

Зрю множество богатства,
Да много и препятства;
Хоть былъ бы миллїонъ,
Я больше жизнь люблю. Такъ думалъ стоя онъ.
Другой, не разсуждая много,
Сказалъ: чѣмъ жить убого,
Я лучше поплыву;
Умру, или богато поживу.
Сказавъ сїи слова, пошелъ онъ въ воду прямо,
Такъ щастье не было отважному упрямо;
Рѣку онъ перешелъ, и злато взялъ.
Другой, на берегу задумавшись, сказалъ:
Я зрю, что щастїе о насъ не разсуждаетъ;
Равно и дураковъ, какъ умныхъ награждаетъ.

3. Воръ.

Мужикъ былъ плутъ,
Укралъ у палача
Ременной кнутъ:
Его поймали,
Не волоча
То дѣло окончали,
Но какъ онъ былъ введенъ въ Приказъ,
Такъ множество нашлось его тогда проказъ.
Онъ деньги у людей,
Въ церквахъ онъ кралъ иконы,
А нынѣ таковы законы,
Такихъ людей
Выводятъ будто змѣй.
Сей кнутъ, что воръ укралъ, ему же пригодился;
Онъ пытанъ тѣмъ кнутомъ,
По томъ

И жизни ворЪ лишился.
Но сила басни вЪ томЪ:
Когда поистиннѣ дѣла вершится станутЪ,
ТакЪ воровать на вѣкЪ злодѣи перестанутЪ.

4. *Лягушки просящія о Царѣ.*

Лягушки нѣкогда Юпитера просили,
ЧтобЪ далЪ онЪ имЪ Царя;
А прозьбу вотЪ онѣ какую приносили:
Правителю небесЪ? со плачемЪ говоря,
ЖивемЪ мы своевольно,
НеправдЪ у насЪ довольно;
У насЪ
На всякой часЪ
ДругЪ дружку ненавидятЪ;
БезсильныхЪ сильные обидятЪ;
А сильной сильнаго щитаетЪ за врага,
И кто кого смога,
ТакЪ тотЪ того вЪ рога;
И словомЪ, все у насЪ наполнилось симЪ ядомЪ;
Мы стали фуріи, болото стало адомЪ.
ЗевесЪ
УслышалЪ прозьбу ихЪ сЪ небесЪ,
И ко просящему народу
ОтрубокЪ дерева бросилЪ вЪ воду,
СказавЪ: вотЪ, бѣдна тварь!
ВамЪ дался Царь.
ЧурбанЪ отЪ высоты упалЪ, и сдѣлалЪ волны,
Лягушки радости и страха полны;
СЪ почтеньемЪ на Владыку зрятЪ,
И тако говорятЪ:
Теперь дадутся намЪ полезные законы,
Возстановятся здѣсь правдивые суды,

И не останутся вдовы безъ обороны,
Все, словомъ, кончатся у насъ теперь беды.
И въ ожиданіи сего повсеминутномъ,
Лягушки много дней сидели въ блатѣ мутномъ,
Не выходя на светъ.
Но все у нихъ равно, Царя какъ будто нетъ.
По томъ лягушекъ милліоны.
Востали, и Царю все делали поклоны.
Передъ Царемъ тварь бедная дрожитъ,
А Царь лежитъ;
Поклоновъ ихъ не примечаетъ,
И ни словечушка на речь не отвечаетъ,
Которую ему лягушки говорятъ.
Лягушки это зрятъ,
И думаютъ, что ихъ владетель гордъ безмерно,
Однакожъ служатъ все Царю нелицемерно;
Притомъ
Жалеютъ лишь о томъ,
Угодна ли Царю лягушечья услуга,
И вопрошаютъ все другъ друга,
Ко уху говоря:
Знать Царь не ведаетъ лягушечья языка,
Повеселимъ Царя,
У насъ изрядная вокальная музыка.
Запели все: одна кричитъ,
Другая тутъ ворчитъ,
А третія хлехочетъ,
Четвертая хохочетъ,
Иная дребезжитъ;
Но Царь лежитъ,
Музыки ихъ не внемлетъ,
И головы, какъ мертвой, не подъемлетъ,
Лягушки целой день кричали, кракъ, кракъ, кракъ!
Конечно Царь нашъ почиваетъ
А Царь и не дышитъ и не зеваетъ.

Сказали наконецъ, владѣтель нашъ дуракъ,
И ничего не знаетъ;
Къ себѣ насъ не зоветъ, и прочь не отгоняетъ.
Приступимъ мы къ нему
Учить его уму.
Но что за чудеса! лишь ближе подошли,
Чурбанъ, а не Царя въ Царѣ своемъ нашли;
Въ противность всей природѣ
Опять другъ дружку бьютъ.
Возсталъ опять мятежъ въ лягушечьемъ народѣ,
Опять безсильныя на небо вопіютъ:
Умилосердися. Юпитеръ! надъ рабами!
Смягчися нашими мольбами!
Возри на бѣдну тварь!
Какой тобою данъ намъ Царь?
Онъ нашихъ бѣдъ не ощущаетъ,
Обидимыхъ не защищаетъ,
Пошли ты намъ Царя,
Которой бы на бѣдства наши зря,
И царство управлялъ, какъ кормщикъ правитъ судно,
Юпитеру не трудно
Спокоить тварь,
Послалъ Аиста къ нимъ, и сталъ Аистъ ихъ Царь.
Принявъ престолъ, Аистъ лягушекъ всѣхъ щитаетъ,
Обидчиковъ хватаетъ,
И ихъ глотаетъ,
Аисту Царску честь
Даютъ безсильныя лягушки:
Что имъ изтреблены обидчиковъ всѣхъ душки;
А Царь ихъ всякой день не можетъ, чтобъ не ѣсть,
Такъ не осталося въ болотѣ ни лягушки.

5. *Рыбакъ и щука.*

Для птицъ силки становятъ,
Звѣрей въ тенета ловятъ,
Мышамъ становятъ пасть.
Чтобъ имъ въ нее попасть.
Подъячїе крючки имѣютъ,
Которыми ловить людей умѣютъ,
И деньги съ нихъ берутъ;
Объ этомъ всѣ согласно врутъ.
А уду, червякомъ прикроя,
Поймаешь лучшаго изъ рыбъ героя.
Рѣка
Мѣлка,
Иль глубока,
Равно для рыбака;
Онъ можетъ поимать повсюду.
Рыбакъ лишь кинулъ въ омутъ уду,
Тутъ щука приплыла, и уду тряхъ:
О щука! для тебя не пища, смертной страхъ;
Ты хочешь червяка сорвать съ крючка и скушать,
Тварь бѣдну погубя;
Но естьли хочеть ты меня послушать,
Побереги себя.

6. *Наказанїе ворожеѣ.*

Несется вѣсть,
Что будто колдуны конечно въ свѣтѣ есть;
И естьли должно вѣрить,
Такъ долженъ я и самъ сїе за правду мѣрить;
А ежели за ложъ прїемлютъ вѣсть сїю,
Такъ я за что купилъ, за то и продаю.
Село стояло
Велико, или мало,

Того не знаю я;
Лишь знаю, что въ селѣ жила ворожея,
Котора дьяволамъ на жерту приносила
Прокляты ворожбы,
И черезъ то ей дьявольская сила
Покорна такъ была, какъ барынѣ рабы.
Она могла луну лишати свѣта,
Деревья изсушать средь лѣта,
Черезъ дьявольскую мочь
Изъ дня творила ночь,
А по зимамъ цвѣты произрастала,
И ворожбой своей блистала.
Въ ея послушности былъ Стиксъ и Ахеронъ,
И самъ Харонъ
По повелѣнію ея людей изъ свѣта
Перевозилъ во адъ въ цвѣтущія ихъ лѣта,
Погибнувшихъ различными смертьми;
И словомъ, баба эта
Была царица надъ чертьми.
У сей ворожеи пропала вещь бездѣльна,
Любимая ея собачка вдругъ постельна:
Несносная печаль,
Собачки жаль.
Съ печали баба чуть зѣваетъ,
Наводитъ ночь,
Діяволовъ къ себѣ изъ ада призываетъ,
И имъ повелѣваетъ
Себѣ помочь
Чрезъ дьявольскую мочь.
Земныя нѣдры отворились,
И вѣтры въ воздухъ устремились,
Нагнали грозны облака,
Ліется молнія, какъ огненна рѣка;
Предѣлы свѣта попалить готова,
И только ждетъ колдуньина лишь слова,

Что скажетъ ей она.
Прибѣгли духи всѣ и самъ къ ней сатана,
И въ трепетѣ сїе вѣщаетъ:
Вселенну гибель устрашаетъ,
Ты можешь все сожечь.
Ворожея не только внемлетъ рѣчь,
Не дѣлаетъ и къ сожалѣнью знака;
Ворчитъ, мнѣ нужды нѣтъ,
Пускай погибнетъ свѣтъ,
Лищь только мнѣ сыщись любезная собака.
Но что по томъ?
Блеснула молнїя и грянулъ громъ,
Убилъ ворожею, и сжегъ ея весь домъ;
Вселенна въ цѣлости осталась,
Собака вѣчно не сыскалась.
Разбѣглись дьяволы, какъ лестные друзья,
Погибла изо всѣхъ одна ворожея.
Читатель! воленъ ты, тебѣ и думать вольно,
Что въ свѣтѣ есть довольно
Сей
Подобныхъ ворожей,
Которыя рачатъ о пользѣ не чужей, а только о своей.

7. *Поваръ и Портной.*

Удобнѣй повару и жарить и варить,
Какъ о поваренномъ портному говорить.
Не знаю было гдѣ, въ Литвѣ ли, или въ Польшѣ,
Тотъ вѣдаетъ про то, кто вѣдаетъ побольше;
Я знаю только то, что ѣхалъ Панъ,
А ѣхалъ изъ гостей, такъ ѣхалъ пьянъ.
Навстрѣчу вдругъ прохожей,
И сщелся съ Паномъ рожа съ рожей.

Панъ спѣсью и виномъ надутъ.
Подъ Паномъ двое слугъ коня его ведутъ.
Конь гордо выступаетъ,
Панъ въ спѣси утопаетъ;
Подобно какъ пѣтухъ,
За Паномъ много ѣдетъ слугъ.
А встрѣтившійся съ нимъ въ одеждѣ идетъ скудной.
Панъ спрашивалъ его какъ человѣкъ разсудной,
Какое ремесло имѣешь за собой?
Приспѣшникъ, государь! стоитъ передъ тобой.
Коль такъ, отвѣтствуй мнѣ, доколь не плюну нъ рожу;
Когда приспѣтникъ ты, такъ знаешь ли ты вкусъ,
Что почитаешь ты за лучшій кусъ,
У жаренаго поросенка кожу,
Отвѣтствовалъ приспѣшникъ такъ.
Ты поваръ не дуракъ,
Панъ говорилъ ему, и далъ отвѣтъ мнѣ смѣло;
По этому свое ты прямо знаешь дѣло.
И по словахъ его Панъ щедро наградилъ,
Подобно какъ отецъ, хотя и не родилъ.
Приспѣшникъ съ радости мой поднимая ноги
Помчался вдоль дороги.
Навстрѣчу повару дорогой шелъ одной.
А кто? портной.
Знакомцы оба,
Притомъ же и друзья; хотя и не до гроба;
Однако же друзья.
Куда ты братъ, Илья!
Бѣжишь поспѣшно?
Другой отвѣтствуетъ, теперь ужъ
Скажу смѣленько, братъ! что мастерство приспѣшно
Получше твоего;
Не знаешь ничего
Ты, пьяница Петрушка;
Что будетъ у Ильи великая пирушка!

А.В. Кокоревъ

Взгляни на мой карманЪ,
Довольны мы сЪ женою оба;
И не прожить намЪ сЪ ней до гроба,
Что далЪ намЪ ПанЪ,
Которой лишь теперь проѣхалЪ пьянЪ;
И вытянулЪ мѣшокЪ со златомЪ онЪ сЪ лисенка;
ВотЪ, что отЪ Пана я досталЪ за поросенка,
И денежки вЪ мѣшечкѣ показалЪ,
ПритомЪ все бытїе прїятелю сказалЪ.
Портной на деньги глядя, шаетЪ,
ИзЪ зависти онЪ много ихЪ щитаетЪ;
И помышляетЪ такЪ:
Конечно ПанЪ дуракЪ,
Что далЪ за поросенка
МѣшокЪ онЪ золота сЪ лисенка,
И самЪ я побѣгу,
И господина настигу;
И естьли мудрость вся лишь вЪ кожѣ поросячей,
ТакЪ я его обрѣю какЪ подьячей.
СказавЪ сїи слова,
Пустилась вЪ путь безумна голова.
ПанЪ ѣхалЪ тихо,
Портной бѣжалЪ мой лихо,
И вЪ мигЪ
Боярина настигЪ.
КричитЪ: постой, БояринЪ?
Я не ТатаринЪ,
И не срублю;
Я не имѣю сабли,
Не погублю.
Всѣ члены у меня вЪ бѣжанїи ослабли.
Приспѣшник Ъ, я не ворЪ
ПанЪ слышалЪ разговорЪ,
И видя за спиною
Бѣгущаго не вора сЪ дубиною,
Коня сдержалЪ,
Портняжка прибѣжалЪ,

Пыхтитъ, и какъ собака рьетъ,
И чуть зѣваетъ,
Лишася бѣгомъ силъ.
Тогда его Бояринъ вопросилъ:
За чемъ ты, скотъ! за мною
Безъ памяти бѣжалъ?
Лишь только ты меня, безумецъ! испужалъ;
Я думалъ, что бѣжитъ разбойникъ съ дубиною.
Портняжка говоритъ, не воръ я государь!
А Панъ ему на то: какая же ты тварь?
Я мастерство, сказалъ, приспѣшное имѣю,
И хорошо варить и жарить я умѣю.
Панъ тотчасъ вопросилъ; что слаще у быка?
Сказалъ безумецъ: кожа.
Тотчасъ раздулися у повара бока и рожа,
И брюхо и спина
Плетьми ободрана.
Пошелъ портняжка прочь неспѣшно,
И плачетъ не утѣшно,
Клянетъ Боярина и мастерство приспѣшно.

8 *Конь знатной породы.*

Два проданы коня;
Какїе лиль о томъ не спрашивай меня.
Одинъ былъ въ нихъ хорошъ, другой по хуже,
Такъ за худаго дать не можно цѣну ту же,
Какая за коня хорошаго дана;
Коль хуже былъ собой, такъ меньше и цѣна.
Хорошаго коня поставили на стойло,
Всегда довольной кормъ даютъ ему и пойло.
Конемъ любуется всечасно господинъ.
Конь, будто Дворянинъ,

Пьетъ, ѣстъ, гуляетъ въ полѣ,
И поднимаетъ носъ;
Другой всегда въ неволѣ
Таскаетъ на себѣ грязь, воду и навозъ.
Коню то стало скучно,
Что онъ съ трудами неразлучно;
Наскучила навозна вонь;
Хозяину пѣняетъ конь:
Конечно моего не вѣдаешь ты роду,
Что возишь ты на мнѣ навозъ всегда и воду;
А естьли бы моихъ ты праотцевъ узналъ,
Конечнобъ предъ конемъ ты первенство мнѣ далъ,
Котораго купилъ со мною ты недавно;
Рожденїе мое конечно съ нимъ не равно;
Меня
Такого у себя имѣешь ты коня,
Которому Пегасъ и Буцефалъ родня;
Такъ можетъ ли тотъ конь въ равенствѣ быть со мною.
Хозяинъ вдругъ пресѣкъ рѣчь конску дубиною,
Ударивъ по спинѣ,
Сказалъ: нѣтъ нужды мнѣ
До знатнѣйшаго руду;
Цѣна твоя велитъ, чтобъ ты таскалъ вѣкъ воду.

9. *Медвѣдь, волкъ и лисица.*

Съ богатымъ не сварись,
А съ сильнымъ не борись;
Старинное еще сїе нравоученье,
Читатель! примѣчай въ сей баснѣ приключенье:

Мѣдвѣдь, лисица, волкъ
Пошли на промыселъ, иль лучше на ловитву;
Да только во звѣряхъ не тотъ, что въ людяхъ толкъ,
Мы ходимъ со двора, всегда творя молитву.
Молитвы утренни судья въ дому прочтя,
Ужъ смѣло дѣлаетъ неправду, лобъ крестя;
Хотя виновнаго за деньги и оправитъ,
Но за молитву то Господь ему оставитъ.
Судья витъ человѣкъ;
Коль съ правой жить ему, такъ жить безъ хлѣба вѣкъ;
Такъ часто говорятъ бездушники и плуты,
И деньгами чрезъ то карманы ихъ надуты,
Но у звѣрей не такъ,
Да вотъ скажу я какъ:
У насъ уставъ,
Богатой правъ;
У нихъ уставъ,
Кто силенъ, правъ.
Но разсужденіе теперь сіе оставимъ,
Да сказку къ этому старинную приставимъ.
Какъ только въ Океанъ сокрыло солнце свѣтъ,
Медвѣдь, лисица, волкъ пошли искать обѣдъ,
Но щастья нѣтъ,
Нейдетъ обѣдъ;
А попадались имъ все волкижъ да медвѣди,
Которые себѣ такой же ищутъ снѣди.
Ужъ близокъ свѣтъ,
Обѣда нѣтъ.
Товарищи въ печалѣ
Пошли подалѣ
Искать ѣды;
Нашли слѣды
Ни заячьи и ни овечьи,
Слѣды, да человѣчьи,

А именно мужикъ,
Которой ѣхалъ на телѣгѣ,
И полоть ветчины съ телѣги потерялъ,
Когда въ лѣсу стоялъ
Онъ на ночлегѣ.
Лишь только что медвѣдь приникъ,
Какое щастье вдругъ явилось!
Но не во снѣль то снилось?
Увидѣлъ полоть ветчины
Лежитъ
Среди дороги,
Бѣжитъ
Медвѣдь, поднявши ноги,
За нимъ лиса и волкъ, но голодъ утолить
Не льзя, какъ на трое дѣлить;
И ежели сказать нескрытно,
Какъ одному, такъ сытно.
Такъ станемъ разбирать мы лѣта не чины,
Лиса сказала;
И кто постарѣ въ семъ чину,
Тотъ ѣшь и ветчину.
Люба рѣчь волку стала;
Но старшинство по лѣтамъ чтобъ имѣтъ,
Молчитъ одинъ медвѣдь.
Межъ тѣмъ сказала имъ лиса словами сими:
Не льзя щитаться вамъ со лѣтами моими;
Женился какъ Адамъ, а Евва за мужъ шла,
Я не послѣднею на свадьбѣ ихъ была,
Была вторая дама.
А волкъ сказалъ въ отвѣтъ:
Я старѣе тебя и твоего Адама;
Какъ зачался лишь свѣтъ,
А я былъ сѣдъ.
Медвѣдь то видитъ,
Что старшинствомъ ихъ не обидитъ,
Онъ полоть въ лапу взялъ,
А самъ имъ такъ сказалъ:

Любезная лиса и ты, дружечикъ мой!
Хотя я васъ моложе,
И нѣту у меня волосъ сѣдыхъ на кожѣ,
Подите отъ меня безсорно вы домой,
А полоть мой.

10. *Воръ и подъячій*

Пойманъ воръ въ разбоѣ,
Имѣлъ поличное колечко золотое,
Которое предъ тѣмъ съ подъячаго склевалъ
Въ ту ночь, какъ воръ сего воришка разбивалъ;
Хотя подъячаго такъ звать неосторожно,
Однакожъ взятки ихъ почесть разбоемъ можно.
За тѣмъ я назвалъ такъ,
Подъячій не муракъ,
Да только что бездѣльникъ;
Онъ вора обличалъ,
Что точно у него кольцо свое узналъ,
И съ тѣмъ еще другихъ пожитковъ онъ искалъ,
На то въ отвѣтъ сказалъ подъячему мошенникъ:
Когда меня за то достоитъ бить кнутомъ,
Такъ должно и тебя пытать подъячій въ томъ;
Когда родитель твой жилъ очень небогато,
Откудажъ у тебя сіе взялося злато.
Разбойникъ я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и безъ пытки
Что я пожитки
У вора кралъ,
Которой всѣхъ людей безвинныхъ обиралъ.
Съ тобою мы равны, хоть на вѣсахъ взвѣсить;
И естьли должно насъ, такъ обоихъ повѣсить.

11. *Скупой.*

Живалъ, бывалъ старикъ, а въ немъ была душа,
Котора издержать жалѣла и гроша;
Чрезъ что скопилъ себѣ онъ денегъ много,
И столько строго,
Какъ Стоикъ жилъ,
Ѣлъ хлѣбъ и воду пилъ,
И только мой старикъ лишь денежки копилъ,
И ихъ любилъ,
Любилъ онъ страстно,
И держитъ ихъ, ему казалося напрасно;
Но пользы нѣтъ,
Хотябъ во области имѣлъ онъ цѣлой свѣтъ,
И златабъ множество въ дому его лежало,
Скупому прибыли въ богатствѣ нѣтъ ни мало.
Онъ
Какъ Моллïеровъ Гарпагонъ,
Или каковъ у Ѳедра есть Драконъ,
Которой на своемъ богатствѣ почиваетъ;
А Сумароковъ называетъ
Такова дуракомъ
И стражемъ своего имѣнья,
Которому въ немъ нѣтъ увеселенья.
Дѣтина съ старикомъ
Былъ свой, или знакомъ,
За подлинно я васъ не увѣряю,
А только прежнее я слово повторяю.
Дѣтина съ старикомъ въ единомъ домѣ жилъ,
И спалъ съ нимъ на одной постелѣ,
А пилъ и ѣлъ тужъ воду, тотъ же хлѣбъ,
Чрезъ что душа едва держалась въ тѣлѣ;
Но взять дѣтинѣ гдѣбъ
Послаще съѣсть кусокъ, ужъ скучилъ той онъ нищей.
Скупой живетъ, какъ нищей;
Всѣ деньги заключилъ

ВЪ неволѣ у себя безЪ прибыли народу,
БезЪ пользы и себѣ, ѣстЪ хлѣбЪ и пьетЪ онЪ
водУ.
Дѣтина ту тюрьму хотѣлЪ освободить,
И бѣдныхЪ плѣнниковЪ на волю изпустить.
Старается о томЪ и денно онЪ и нощно,
Влюбился вЪ денежки дѣтина и заочно;
Желаетъ страстно онЪ мѣшки перещитать,
И сталЪ онЪ наконецЪ любовникЪ, а не тать,
Имѣя сердце нѣжно,
Старается прилѣжно.
Дѣтина былЪ удалЪ;
ОнЪ, время улуча, желанье исполняетЪ,
ВзялЪ деньги, а мѣшки пескомЪ всѣ напол-
няетЪ,
А деньгамЪ волю далЪ;
СтарикЪ еще сего нещастія не знаетЪ,
Мѣшки свои сЪ пескомЪ за деньги почитаетЪ.
Но нѣкогда онЪ класть проценты вскрылЪ сун-
дукЪ,
Поворотя мѣшокЪ, не тотЪ услышалЪ стукЪ,
Кой прежде вЪ немЪ бывалЪ. СтарикЪ тутЪ уди-
вился
ВскричалЪ: ахти! пропалЪ я! денежекЪ лишился,
ВЪ безпамятствѣ упалЪ.
Опомнясь, и вЪ тоскѣ у петли ужЪ стоялЪ;
ОнЪ сЪ деньгами хотѣлЪ и живота лишиться.
Дѣтина тутЪ сказалЪ: доколь тебѣ крушить-
ся?
Невозвратимо что,
Жалѣть о томЪ почто.
Престань, одумайся, прерви рыданье слезно,
Вить деньги у тебя лежали безполезно.
Богатства для тебя довольно вЪ сундукѣ,
И надобность одна, что вЪ деньгахЪ, что вЪ пе-
скѣ.

12. *Езопъ толкуетъ духовную.*

У Ѳодра басню я читалъ подобну этой,
Которую писать намѣренъ я теперь.
Сказать вамъ не могу отца того примѣтой,
Которой у себя имѣлъ едину дщерь.
И наконецъ
При старости отецъ
Впалъ въ тяжкую болѣзнь и жизнь отъ ней кончая,
Душеприкащику онъ дочь свою вручая,
Завѣщаетъ такъ:
Когда ты дочь мою, прїятель! воспитаешь,
То дружбы въ знакъ
Отдай ей только то, что самъ ты пожелаешь,
А прочее мое
Имѣнїе твое.
И въ силѣ таковой духовную сложили,
И руки оба къ ней безпорно приложили.
Пришелъ конецъ,
Преставился у дѣвушки отецъ,
А дочь, богатство и супруга
Осталися въ рукахъ у истиннаго друга,
Которой мнитъ,
Прїятель спитъ,
И спитъ онъ вѣчно.
Такъ я жену и дочь немножко поучу,
Богатство ухвачу,
И съ нимъ куда хочу,
Туда и полечу,
И буду жить безпечно.
Намѣренїе толь его безчеловѣчно
Услышала оставшая жена,
Напастью сражена;
Печали не стерпя, скончалась, и она,
И спитъ ужъ также вѣчно.
Минуло много дней, а можетъ быть и лѣтъ,
Пора исполнити прїятельской завѣтъ.

Душеприкащикъ мой явить духовну хочетъ
И дочь умершаго на волю отпустить,
А дружнее себѣ именье ухватить.
Но дочь хлопочетъ,
Именія всего отдать ему не хочетъ,
А проситъ, чтобъ онъ ей хоть половину далъ;
Но онъ на взятки былъ удалъ,
И не послѣдній въ оныхъ родѣ,
Пришло ему явить духовную въ народѣ.
Онъ съ ней
Пришелъ передъ Судей;
И говоритъ: отецъ ея мнѣ далъ на волю,
Какую я хочу, такую ей оставлю долю,
А прочее имѣніе мое.
Судьи, потолковавъ писаніе сіе,
Спросили, много ли ты хочешь ей оставить?
Чтобъ жадностью себя мнѣ вѣчно не ославить
И не явить къ имѣнью страсть,
Даю я ей десяту часть.
Судьи къ духовной приступили,
И умъ свой о сію духовну притупили,
И наконецъ ее руками закрѣпили,
Дабы владѣлъ всякъ долею своей.
Не нравенъ приговоръ казался дѣвкѣ сей,
Не перегоривши ни истца ни Судей,
Заплакавъ слезно,
Пошла, и жалобы творила безполезно;
Сердца вить у Судей,
Не такъ какъ у людей.
Они на слезы не взираютъ,
И всѣ дѣла безстрастно разбираютъ.
Привычка дѣлаетъ искуснѣйшихъ Судей,
Привычка дѣлаетъ безсовѣстныхъ людей.
Пошла бѣдняшка вонъ, на злобу плачась Богу,
Пошелъ бездѣльникъ вонъ, творя себѣ дорогу,

И грудь несетъ такъ гордо, будто зобъ.
На встрѣчу имъ Езопъ,
Увѣдавъ бѣдныя нещастїя причину,
Постойте, я сниму съ сей хитрости личину,
И разрушу твою дѣвица всю кручину.
Духовная гласитъ твоя не то,
Пойдемъ назадъ къ Судьямъ, такъ я скажу вамъ, что
Она въ себѣ имѣетъ,
Лишь разсудить ее не всякой разумѣетъ.
Вернулась дѣвушка, Езопъ и весь народъ,
Стучатся у воротъ
Той камеры, Судьи гдѣ засѣдаютъ,
И важныя дѣла рѣшатъ и разсуждаютъ;
Отверзлись наконецъ Судейскїя врата,
Вступила ко Судьямъ пришедшая чета.
За чемъ ты дѣвушка пришла сюда обратно?
Не станемъ для тебя рѣшить мы то стократно;
Что всемъ собранїемъ однажды суждено,
То будетъ и дано,
А больше нѣтъ.
Езоповъ на сїе такой имъ былъ отвѣтъ:
Послушайте, Судьи! что вамъ Езопъ разскажетъ,
И узолъ вамъ духовныя развяжетъ,
И изъяснитъ ея вамъ толкъ.
Соборъ Судей замолкъ,
А имъ Езопъ рѣчь тако начинаетъ:
Кто точную сея духовной силу знаетъ?
Она гласитъ, чтобъ то наслѣдницѣ отдать,
Чего захочетъ тотъ себѣ безбожной тать.
Исполнитежъ теперь, Судьи! отцову волю,
Ему имѣнїя десяту дайте долю,
А прочее добро,
Помѣстье, злато и сребро
Отдайте дочери нещастной.
Сей толкъ былъ не напрасной;

Бездушника того вернули предъ Судей,
И приговоромъ всѣхъ людей
Имѣнїе отца дѣвицѣ возвратили,
А душевредника въ темницу посадили.

13. *Дѣтина и конь.*

Дѣтина на конѣ, имѣя умъ незрѣлой,
Скакалъ день цѣлой
Во всю коневью мочь.
Приходитъ ночь,
Лошадушка устала,
Скакать потише стала,
И шла шагомъ:
Внезапно съ стороны набѣгли воры,
Дѣтина трусъ сражаться со врагомъ.
Даетъ лошадкѣ шпоры,
И плетью бьетъ,
Лошадушка нейдетъ,
И говоритъ дѣтинѣ:
Моей ужъ мочи нѣтъ,
Хоть бей, хоть нѣтъ меня по спинѣ;
Когдабъ ты давича умѣлъ меня беречь,
И не давалъ мнѣ муки,
Не отдалабъ теперь тебя ворамъ я въ руки.
Читатель! примѣчай, къ чему моя здѣсь рѣчь.
Кто въ юности свои пороки побѣждаетъ,
Тотъ въ старости свой вѣкъ покойно провождаетъ.

14. *Нерону острой отвѣтъ Дворянина, прiѣхавшаго въ Римъ.*

Насмѣшка вредная бываетъ иногда
Причиной самому насмѣшнику вреда,

Ко Нерону одинъ представленъ былъ дѣтина,
Похожїй на него и ростомъ и лицомъ;
А Неронъ всѣмъ была извѣстная скотина,
Онъ матерью своей ругался и отцомъ.
Съ насмѣшкой сей тиранъ дѣтину вопрошаетъ,
Скажи пожалуй мнѣ всю правду, молодецъ:
Бывалаль въ Римѣ мать твоя, какъ мой отецъ
Владѣлъ престоломъ симъ? Дѣтина отвѣчаетъ:
Какъ Клавдїи носилъ порфиру и вѣнецъ,
Тогда въ Римъ мать моя не ѣздила ни разу,
А только многажды по Цесарску указу
Прїѣзживалъ сюда покойной мой отецъ.

15. *Сорока, галка и соя.*

Сорока съ галкою нашли кусокъ добра,
Мѣшечикъ серебра,
И сидючи щекочутъ,
Другъ другу уступить не хочутъ,
Такъ идетъ споръ у обоихъ.
Летѣла соя мимо ихъ,
Спустилася проворно,
О чемъ, сестрицы! такъ вы спорите задорно!
Сорока съ галкою сказали ей въ отвѣтъ:
Сестрица! ты нашъ свѣтъ,
Дружечикъ!
Нашли мы сей мѣшечикъ,
И намъ принадлежитъ онъ обоимъ,
А раздѣлить мы не умѣемъ.
За тѣмъ и споръ имѣемъ.
Сказала соя имъ:
Голубушки сестрицы!
Разумныя вы птицы,
Обѣихъ васъ люблю,
Позвольте мнѣ, я васъ обоихъ раздѣлю;

Скажите правду мнѣ, и не утайте дѣла,
Которая сперьва къ мѣшечку прилетѣла?
Тутъ обѣ говорятъ предъ соей, я сперьва
Къ находкѣ прилетѣла;
Такъ мнѣ не разобрать сестры межъ вами дѣла.
Вспорхнитежъ вы отсель, и сядьте на древа,
И коя прилетитъ при мнѣ къ находкѣ прежде,
Той будетъ серебро. Вспорхнули въ той надеждѣ.
Но соя къ серебру полакомѣе ихъ,
Схватя мѣшокъ, и сестръ оставя обоихъ,
Внезапно улетѣла,
А дѣло ихъ рѣшить по времени хотѣла.
Съ того часа между людей несется рѣчь,
Что должно серебро отъ этихъ птицъ беречь,
Которыя по всѣмъ домамъ теперь летаютъ;
И естьли деньги гдѣ на окнахъ обрѣтаютъ
Себѣ хватаютъ;
За тѣмъ что ихъ они своими почитаютъ

16. *Голова и ноги.*

Средь склизкія дороги
Разспорилися ноги,
И упрекались, такъ другъ другу говоря:
Тыбъ, свѣтъ мой! безъ меня ни разу не ступила,
Когда бы я себя къ землѣ не прилѣпила,
И тако идетъ пря,
Но какъ они главу имѣли за Царя,
То споръ свой разрѣшить судомъ ея хотѣли,
И тотчасъ ихъ слова во уши прилетѣли.
Сей умной Царь ихъ споръ симъ словомъ развязалъ,
И повелительно обѣимъ имъ сказалъ:
Вы такъ сотворены премудрою судьбою,
Чтобъ жить въ согласіи вамъ вѣкъ между собою:

То, естьли кончится согласїе межъ васъ,
Мнѣ будетъ вредъ и вамъ. Онѣ сей слыша
гласъ,
Пошли дорогою другъ друга сберегая,
И такъ дошли онѣ дороги склизкой края.
Баснь учитъ быть судьбѣ послушнымъ намъ всегда
И тако мы свой вѣкъ пробудемъ безъ вреда.

17. *Лестныя друзья.*

Подите вы сюда, о лестныя друзья:
И баснѣ сей внимайте,
Которую теперь сказать намѣренъ я;
Оставьте вы меня, и вѣчно не замайте.
Примѣра вамъ искалъ, но лучше нѣтъ,
Какъ вешнїй ледъ,
Которымъ ѣхать мнѣ случилось ненарокомъ
Чрезъ рѣку,
А именно Оку,
И въ самомъ мѣстѣ прещирокомъ
Ледъ толстъ, и зрился быть надеженъ;
Но вешнїй ледъ хотя и толстъ, да нѣженъ,
И такъ его я тверда быти мнилъ,
Сей льстецъ меня собой проѣхать заманилъ;
Ужъ ѣхалъ я рѣки на половинѣ,
О небо! страшно мнѣ подумать то и нынѣ,
Разрушился сей ледъ внезапно подо мной;
И я конечно бы покрылся глубиной,
Когдабъ съ младенчества я плавать не учился,
Мой рокъ черезъ мое проворство умягчился;
Я выплылъ, и опять я выбился на ледъ,
О Боже! сохрани отъ сихъ меня двухъ бѣдъ!

18 *Роза и Змѣя.*

Какъ нѣкогда змѣя такъ розѣ говорила:
Натура насъ съ тобой подобныхъ сотворила,
Ты жалишься какъ я.
Тогда въ отвѣтѣ рѣчь была змѣѣ сія:
Злохитрая змѣя!
Напрасно ты себя ко мнѣ приткнула бокомъ
И хочешь замарать меня своимъ порокомъ;
Я жалю только тѣхъ,
Которые меня съ невѣжествомъ ломаютъ;
А ты, хотя тебя и вѣчно не замаютъ,
Ты жалишь всѣхъ.
Читатель мой! внемли, что пѣла лира,
Змѣя преподлая, а роза умная сатира.

19 *Сова.*

Въ пространной лѣсъ
Занесъ сову лукавой бѣсъ,
Въ которомъ до того ужъ пташечки бывали
И пѣсни сладкія пѣвали.
Взгордясь сова,
Такія говоритъ слова:
Хотя я нотъ не разумѣю,
А пѣть не хуже я кого умѣю.
Совѣ не надобенъ совѣтъ,
Всѣхъ пташечекъ зоветъ
Послушать гласа,
Какъ будто бы она спустилася съ Парнасса.
Слѣтелись птицы всѣ по зву
Услышати сову;
Но только что сова лишь ротъ свой разтворила,
Какую кашу заварила!

Всѣ птицы въ оной часъ
Бранили совушку и мерзкой ея гласъ,
И всѣ взнегодовали,
За чамъ насъ, говорятъ, за чемъ насъ созывали?
Когдабъ безумна ты чрезъ зовъ не собрала,
Тогдабъ врала
Ты, что хотѣла,
Намъ не было бы дѣла;
Или ты удивить тѣхъ птичекъ прилетѣла,
Которыя слыхали соловья?
А къ этому примолвлю я:
Кто дѣло силъ своихъ превыше затѣваетъ,
Тотъ также посрамленъ, какъ совушка бываетъ.

20. *Корабль и лодка.*

Не вдалекѣ
Корабль да лодочка стояли на рѣкѣ,
И вздернувъ носъ,
Сей лодка кораблю содѣлала вопросъ:
Не думаешь ли ты, что я тебя похуже?
Хоть я тебя собой поменьше и поуже,
Но храбрость я въ себѣ имѣю ту же,
Какую, великанъ! въ себѣ имѣешь ты;
Я также плаваю, какъ ты въ пространномъ морѣ.
И ежели со мной ты хочешь стать въ семъ спорѣ,
Пойдемъ, отвѣдаемъ своихъ мы тамо силъ;
И какъ бы вѣтръ меня по понту ни носилъ,
То вѣрь, дружечикъ мой! что я не ослабѣю,
И предъ величествомъ твоимъ не оробѣю.
Окончавъ разговоръ,
Пошли окончить споръ,
И вышли въ море;
А на морѣ возстала буря вскорѣ,

Ужасной вѣтръ реветъ,
И гладкой водъ хребетъ
Перемѣнился въ горы,
Пловцевъ покрылись мракомъ взоры
И парусы всѣ буря рветъ.
Трещитъ корабль, и рвутся всѣ веревки,
Пришло не до издѣвки.
Но лодкѣ съ кораблемъ силъ равныхъ не дано,
И окончанїе ихъ было не одно;
Корабль по бурѣ цѣлъ, а лодочка на дно.
Великая душа въ напастяхъ познается,
Какая отъ небесъ не всякому дается.

21. *Левъ, званой къ мартышкѣ на обѣдъ.*

Мартышкѣ вздумалось льва кушать попросить;
А левъ кого съ собой захочетъ пригласить,
Мартышка будетъ рада
Межъ прочими звѣрьми левъ звалъ быка изъ стада,
Чтобъ онъ со львомъ
Пошелъ къ мартышкѣ въ домъ
Откушать.
Быкъ долженъ льва послушать,
Сбирается мартышку посѣтить,
И мнитъ, мнѣ надобно рога позолотить.
Мой родъ на свѣтѣ знатенъ;
Такъ должно, чтобы я мартышкѣ былъ прїятенъ.
Въ безмѣрной гордости слова сїи вѣщалъ,
И удовольствїе заранѣ ощущалъ:
Какъ будетъ передъ нимъ мартышка уклоняться
И золотымъ рогамъ въ восторгѣ удивляться!
И тако быкъ,
Которой за всегда дурачиться обыкъ,

Пошелъ къ мартышкѣ львовъ приходъ предупредить,
Чтобъ тѣмъ въ мартышечьемъ страхъ сердцѣ возбудить,
Пришелъ, и говорилъ:
Мартышка! я тебя щастливой сотворилъ
Моимъ приходомъ.
По томъ быкъ началъ хвастать родомъ,
Кто прадѣдъ, дѣдъ и кто его отецъ,
И наконецъ
Каковъ и самъ онъ славенъ,
И что онъ льву едва ли что не равенъ.
На всѣ слова его,
Мартышка говоритъ: не знаю ничего
О родѣ я твоемъ; я и тебя не знаю,
А только одного я льва лишь почитаю.
Издревле знаменитъ здѣсь въ родѣ онъ своемъ,
А храбростью своей гремитъ во свѣтѣ всемъ.
Пристойно ли тебѣ, о быкъ! со львомъ сравниться?
Его весь свѣтъ боится,
Тебя никто,
И роги ты свои, скажи, златилъ начто?

Читатели мои! я вамъ напоминаю,
Что этакихъ быковъ довольно въ свѣтѣ знаю,
Которы мнятъ, что свѣтъ тряхнутъ своей рукой,
А ихъ въ одномъ селѣ не знаютъ за рѣкой.

22 *О хулителѣ чужихъ дѣлъ.*

О вы, охотники другихъ дѣла судить,
Внемлите, я хочу васъ басней наградить.

Какъ сами хочете вы, такъ ее толкуйте,
И по привычкѣ злой меня покритикуйте,
Хвалъ вашихъ не хочу;
Доволенъ только тѣмъ, что я васъ поучу.
Въ великолѣпномъ домѣ
Жилъ нѣкакой старикъ,
Которой завсегда къ работѣ прïобыкъ,
А спалъ онъ на соломѣ.
У стараго была старуха и жена;
Старухѣ въ голову вложилъ самъ сатана
Завидовать Боярской нѣгѣ,
И говоритъ: мы спимъ въ худомъ ночлегѣ,
Бояринъ нашъ всегда лежитъ въ пуховикѣ
И съ Барыней, какъ мышь зарылся онъ въ мукѣ.
Онъ насыщается всегда хорошимъ вкусомъ,
А мы питаемся негоднымъ самымъ кусомъ.
Старикъ на то въ отвѣтъ я Барину не братъ.
Старуха сѣтуетъ, Адамъ въ томъ виноватъ,
Что мы съ Боярами живемъ не въ равной
долѣ.
Не правда, отвѣчалъ старикъ; но Евва болѣ
Виновна нашей долѣ;
Когдабъ она его заказаннымъ плодомъ
Въ раю не искусила,
Такъ былъ бы рай нашъ домъ;
Я дровъ бы не рубилъ, а ты бы не носила,
И жилъ бы я въ раю какъ знатной Дворянинъ.
Подслушавъ ихъ слова тихонько господинъ,
Велѣлъ тотчасъ давать имъ честь съ собой едину.
Старухѣ не гнетутъ дрова горбату спину,
Старикъ не рубитъ дровъ,
Она ихъ не таскаетъ,
Имъ столъ всегда готовъ,
И мягко старичокъ съ старушкой почиваетъ.
На дюжинѣ имъ блюдъ
Пирожнаго съ жаркимъ и соусомъ даютъ,

Но только промежъ тѣмъ станавливалась чаша,
Закрытая всегда; такъ то ѣда не ваша,
Бояринъ имъ сказалъ,
И раскрывать ее имъ крѣпко заказалъ.
Довольны старички сей пищей близь недѣли,
Старуха говоритъ, изъ чашки мы не ѣли;
Знать пища въ ней другихъ послаще вложена;
Отвѣдаемъ ее. Старикъ на то: жена!
Вить Баринъ заказалъ вскрывать намъ это блюдо;
А ежели его мы вскроемъ, будетъ худо.
И! батька, старичокъ! худой въ тебѣ проворъ;
Кто вынесетъ сей соръ изъ горницы на дворъ,
Что въ чашу мы глядѣли;
Вить мы еще ее глазами не поѣли,
Мы прежде поглядимъ;
И ежели намъ льзя, такъ мы и поѣдимъ;
А ежели не льзя, такъ мы закроемъ,
Глазами ничего мы въ ней не перероемъ.
И такъ старуха тутъ упѣла старика,
Надъ крышку наднеслась продерзская рука.
Уже вскрывается заказанная миса,
Увы! изъ мисы вдругъ вонъ выскочила крыса,
И въ щель ушла.
Бѣда пришла!
Трясутся у сего Адама съ Еввой ножки,
Они не кошки,
И мышки не поймать.
Не лучше ли бы вамъ вѣкъ чашки не замать!
Могли бы и безъ сей вы пищи быть довольны;
Теперь вы утаить сего уже не вольны.
Бояринъ всякой разъ
Смотрѣлъ послѣ стола, исполненъ ли приказъ.
Но тутъ лишь вскрылъ онъ мису,
Увидѣлъ, изъ нее выпущенну крысу:
Пришелъ, и старика съ старухою спросилъ:

Почто вы старые! приказъ мой не хранили?
Напрасно, глупые! вы праотцевъ бранили;
Когда въ васъ не было самихъ къ терпѣнью силъ,
Вы тоже сдѣлали, что Евва со Адамомъ
Подите вонъ отсель, и будьте въ томъ же самомъ,
Въ чемъ были вы сперва
Ты, старой хрѣнъ! руби, а ты таскай дрова.

23. *Суевѣріе.*

Когда кокушечки кокуютъ,
То къ худу и къ добру толкуютъ.
Старухи говорятъ: кому вскричитъ сто разъ,
Тому сто лѣтъ и жить на свѣтѣ;
А естьли для кого однажды пуститъ гласъ,
Тому и умереть въ томъ лѣтѣ.
А къ этому теперь я басенку сварю,
И васъ, читатели! я ею подарю.
Ходила дѣвка въ лѣсъ, услышала кокушку,
И стала дѣвушка о жизни ворожить:
Скажи кокушечка долгонько ли мнѣ жить?
Не выпущу ли я сего же лѣта душку?
Кокушка послѣ словъ сихъ стала коковать,
А дѣвушка моя, разиня ротъ зѣвать.
Подкралася змія, и дѣвку укусила,
Подобно какъ цвѣтокъ средь лѣта подкосила;
Хотя кокушка ей лѣтъ со сто наврала,
Но дѣвка отъ змѣи въ тожъ лѣто умерла.

24. *Судъ картинѣ.*

Одинъ то такъ, другой то инако толкуетъ,
И всякой по своей все мысли критикуетъ.

Льву вздумалось себѣ Венеру написать,
А дѣло разсудилъ мартышкѣ приказать.
Призвавъ ее къ себѣ, и тако ей вѣщаетъ:
Мартышка! знаю я, что звѣрь искусной ты,
Примись, и сдѣлай мнѣ богиню красоты,
Изобрази ея всѣхъ прелестей черты
Мартышка дѣло все исполнить обѣщаетъ,
Пошла домой исполнить львовъ приказъ.
Ей дочь была своя красавица для глазъ;
Довольно, говоритъ, мнѣ будетъ для примѣру
Намалевать съ нее прекрасную Венеру
И написала вточь
Свою мартышка дочь.
Вотъ, съ радости кричитъ, для удовольства льво-
ва
Красавица готова!
И тако своего мартышка ремесла
Картину принесла.
Левъ, зря картину живу,
Но только, говоритъ, прибавить должно
гриву,
Котораябъ во всемъ подобилась моей,
Тогда-то должно честь отдать картинѣ сей.
Мартышка говоритъ: то было бы безбожно,
Когда Венеринъ ликъ похулить здѣсь возможно;
Она точь вточь
Похожа на мою большую дочь,
Которая красавица, скажу я прямо.
Но левъ стоитъ упрямо;
Пожалуй, говоритъ, сей мысли не порочь,
Которой никогда не думаю оставить;
Конечно надобно, чтобъ гриву къ ней приставить,
И тако идетъ споръ.
Но левъ рѣшити тѣмъ сей вздумалъ раз-
говоръ:
Собрать звѣрей и всю скотину
Судить картину.

Мартышка идетъ въ судъ;
И мнитъ, что честь ея картинѣ отдадутъ,
Такъ думала мартышка,
Пришла всѣхъ прежде мышка:
Прекрасно, говоритъ, лице ея и ростъ,
Да только надлежитъ прибавить ей мой хвостъ,
Тогда совсѣмъ она красавица явится.
Пришелъ тутъ слонъ, и зря дивится;
Куда, онъ говоритъ, развратенъ нынѣ свѣтъ,
У сей красавицы и хобота ужъ нѣтъ.
Верблюдъ сказалъ: когдабъ моя спина и ноги,
То прямо бы она красавица была.
Оленю рѣчь была верблюжья не мила:
Когда бы, говоритъ мои ей только роги;
Да можноль, чтобъ когда безъ рогъ могли быть боги?
Тутъ быкъ сказалъ: тогдабъ хорошей льзя назвать,
Когда бы роги ей мои прималевать,
И въ томъ стоялъ упрямо.
Но вепрь заговорилъ: не знаете вы прямо
Прямаго хорошства, и такъ вы дураки;
Ей надобно мои клыки.
По томъ пришелъ оселъ къ написанной картинѣ,
Не полюбилася и сей она скотинѣ;
Онъ прочихъ мнѣнье опровергъ,
И говоритъ: поверьхъ
Сея прекрасной туши,
Когда бы написать мои большія уши:
Тогдабъ сказалъ и я,
Что прямо хороша красавица сія.
Козелъ возсталъ противъ звѣрей и всей скотины,
Когда пришла ему промолвить череда;
Ко украшенію прекрасной сей картины
Конечно надобна, сказалъ онъ, борода.

Кротъ выползъ изъ норы сказавъ: хоть я не вижу,
Однакожъ думаю, что я васъ не обижу,
Когда скажу теперь полезное для васъ;
По мнѣнью моему быть должно ей безъ глазъ.
Противу сихъ рѣчей тутъ всѣ взнегодовали,
Невѣжею крота и глупымъ называли;
Однако же крота хотя всякъ глупымъ звалъ,
Но мнѣнья своего никто не отставалъ.
Тогда Мартышка льву и всѣмъ звѣрямъ пѣняла,
А мнѣнья и она того не отмѣняла.
Что точно ею львовъ исполненъ былъ приказъ,
И что она должна всѣмъ нравиться для глазъ;
А естьли вашего держаться мнѣ примѣру,
Такъ должно написать прегнусную Химѣру,
А не Венеру.

25 Собака на сѣнѣ.

Ни самому не брать
И людямъ не давать,
У всѣхъ завистливыхъ такія странны нравы
И тѣ уставы
У нихъ затверждены;
Такіе нравы
Отъ злаго сатаны
Симъ ядомъ зависти живутъ повреждены;
И естьли онъ себя не пользуетъ благимъ,
Однако же отнюдь не хочетъ дать другимъ.

А къ этому скажу старинную я сказку;
Но гдѣ, о Муза! гдѣ возьму такую краску,
Дабы живѣе могъ я зависть описать?
Одинъ хозяинъ былъ смиріо́нъ, иль забіяка;
Того не льзя сказать,
Чего не знаю,
Лишь то напоминаю:
Хозяинъ былъ, а у него собака,
Которая свою жизнь щастливо вела;
Одинъ съ нимъ ѣла кусъ, а на сѣнѣ спала;
Спала, его не ѣла,
Да только лишь того собака не терпѣла,
Чтобы хозяйская скотина сѣно ѣла;
Корова ли придетъ, иль лошадь сѣно ѣсть,
Собака все на нихъ отъ зависти ворчала;
И тѣмъ скотинѣ всей безмѣрно докучала;
Хотя скотина вся просила сѣна въ честь,
Собака не внимала,
И къ сѣну не пускала,
А и сама не ѣстъ.
Хозяинъ то примѣтилъ,
И дѣломъ смѣтилъ,
Что въ псѣ велика злость.
Онъ, взявши трость,
Которая была потолще и полѣна,
А именно онъ взявши пѣстъ
Погналъ собаку съ сѣна,
Притомъ ей говорилъ: поди-ко, другъ мой гость:
Подъ лавку лягъ, и тамъ гложи вчерашню кость,
Которая тебѣ осталось отъ обѣда,
Коль честь тебѣ не въ честь;
Травы тебѣ не ѣсть,
А ѣшь-ко то, что ѣстъ собака у сосѣда,
А это дай другимъ, кто можетъ это ѣсть.
Пошла собака съ сѣна,
Боль чувствуя въ боку.

О чудная премѣна!
Собаки той кровать досталась съ ѣсть быку.

26. *Лисица и бобръ.*

Лисица нѣкогда къ Юпитеру ходила,
И идучи оттоль сошлася со бобромъ.
Куда, спросилъ лису бобръ, кумушка! бродила?
Ходила я туда, отколь къ намъ мещутъ громъ,
И множество съ собой я вѣсточекъ имѣю,
Лисица въ гордости разсказывала такъ:
То вѣдаетъ не всякъ,
Что нынѣ я, сошедъ съ Олимпа, разумѣю.
Теперь
Не всякой по земли скитаться будетъ звѣрь;
Тамъ вышло повелѣнье,
И такъ угодно небесамъ;
А то опредѣленье
Скрѣпилъ Юпитеръ самъ
Волкъ съ зайцемъ будутъ въ полѣ,
Баранъ, конь, быкъ и песъ
Останутся въ неволѣ,
Медведямъ, тиграмъ, львамъ дремучiй отданъ лѣсъ
Въ степяхъ отнынѣ жить слонамъ дано великимъ,
Стремнины, горы, рвы козамъ, баранамъ дикимъ,
Болоты отданы въ домъ вѣчно кабанамъ,
Бобрамъ въ рѣкахъ со выдрами вселиться,
А прочее во власть оставлено все намъ.
Но человѣку чемъ осталось веселится?
Лисицу бобръ спросилъ.
Сiю Юпитеръ тварь всего того лишилъ,

И не далъ нашего проворства ей ни силъ!
Единое ему въ утѣху онъ оставилъ,
Чтобъ больше нашего умомъ своимъ онъ правилъ;
И только, кумъ!
Для человѣка лишь одинъ оставленъ умъ.
Какая для него оставлена безделка?
Но бобръ лисѣ въ отвѣтъ,
Ахъ, кумушка мой свѣтъ!
Худая будетъ намъ со человѣкомъ сдѣлка,
И даръ сей кончится конечно не добромъ;
Не осердись, что я слова промолвлю грубы;
Онъ будетъ лисьи шубы
Опушивать бобромъ.

Читатели! и вы, мню, скажете здѣсь то же,
Что качество души тѣлесныхъ силъ дороже.

27. *Общество.*

Не знаю какъ
Сошлися четверо въ кабакъ:
Портной, кузнецъ, сапожникъ,
Да хлѣбопашества художникъ,
И всѣ за стойкою сидятъ,
Пьютъ пиво и вино, подовые ѣдятъ.
Когда до пьяна напилися,
Тогда они разоврались,
И ремесло хвалить тутъ началъ всякъ свое,
Портняжка прежде всѣхъ сказалъ другихъ сiе:
Когда бы не было портныхъ на бѣломъ свѣтѣ,
Такъ вы бы въ осени, въ веснѣ и жаркомъ лѣтѣ,
И зиму къ нимъ еще прибавить барышомъ
Ходили нагишомъ.

Сапожникъ при задоръ
Не уступилъ портному въ споръ;
И говоритъ: портняжка врїошь!
Ты только платье шьїошь,
И одъваешь тъло,
Мое нужнъе дъло;
Я въ свътъ твоего поболъе знакомъ;
А безъ меня вы, ходябъ босикомъ
Въ толь дальнїя дороги,
Попортили бы ноги;
А вздънь-ко сапоги,
Куда ты хочешь побъги,
И ногъ не береги,
Хоть были бы въ пути каменья и пороги.
Крестьянинъ имъ на то: все ваше ремесло
Дивнобъ крапивой заросло,
Когда бы не пахалъ я пашенку святую.
Оставьте мысль пустую,
Кузнецъ сказалъ имъ всъмъ:
Поболъ нуждицы вамъ въ ремеслъ моемъ,
Одинъ на свътъ семь прямой лишь я художникъ;
Вы чъмъ бы стали шить, портной и ты сапожникъ;
А тыбъ, крестьянинъ! чъмъ сталъ пашенку пахать,
Когда бы пересталъ я молотомъ махать?
Тутъ виночерпїй имъ сказалъ, за стойкой сидя,
Не можно спорить вамъ, другъ друга не обидя;
На свътъ положенъ порядокъ таковой:
Крестьнинъ, Князь, солдатъ, купецъ, мастеровой
Во званїи своемъ для общества полезны,
А для Монарха ихъ, какъ дъти всъ любезны.

28. *Оселъ, пришедшій на пиръ къ медвѣдю во львиной кожѣ.*

Медвѣдь
Поймалъ быка себѣ на снѣдь,
Сзываетъ хищныхъ всѣхъ звѣрей къ себѣ обѣдать,
Пожалуйте ко мнѣ говядины отвѣдать;
Теперь вить не весна,
Говядина вкусна.
На зовъ медвѣжій
Пришли во вкусѣ не невѣжи,
А именно пришли тутъ волки да лисы,
Да рыси съ барсами, раздувъ свои усы,
А только не было лишь льва при этомъ сборѣ,
Однако вскорѣ
Пришелъ оселъ въ его уборѣ.
Не знаю гдѣ-то онъ нашелъ умерша льва.
Понравилась ослу находка такова;
Онъ содралъ львову кожу,
Покрылъ ей станъ и рожу,
И въ видѣ таковомъ
Хотѣлъ къ звѣрямъ явиться львомъ.
Пришелъ къ дверямъ берлоги,
Узрѣли звѣри львовы ноги;
Со трепетомъ тотчасъ,
Всѣ купно согласясь,
Пошли для встрѣчи,
Чтобъ льву почтеніе достойное отдать,
И слышать львовы рѣчи:
Однакожъ не могли сначала отгадать,
Что то не левъ пришелъ къ нимъ въ гости,
И говорятъ ему: о ты, великій левъ!
Смягчись и не приди въ жарчайшій гнѣвъ,
Что только отъ быка одни остались кости.
Тогда оселъ
Вошедъ, въ большее мѣсто сѣлъ,

И разговорами хотѣлъ ихъ удостоить.
Напрасно вамъ себя такъ, братцы! безпокоить,
Уже не хочется обѣдать льву,
За тѣмъ что ѣлъ сего дня я траву.
Услышали тогда рѣчь звѣри такову,
Пошли межъ ими толки,
Заговорили барсы, рыси, волки:
Львы
Не кушаютъ травы.
Когда же съ нимъ лиса вступила въ разгоовры,
Примѣтила тотчасъ не львову рѣчь и взоры,
И наконецъ изъ многаго числа
Никто въ собранїи не челъ ужь львомъ осла,
Всѣ гнѣвомъ закипѣли,
И болѣе осла съ собою не терпѣли;
Погнали гостя вонъ, сказавши то ему:
Здѣсь вашу братью
Встрѣчаютъ лишь по платью,
Проводятъ по уму.

29. *Господинъ съ слугами въ опасности жизни.*

Корабль, свирѣпыми носимъ волнами въ морѣ,
Лишася всѣхъ снастей, ужъ мнитъ погибнуть вскорѣ.
Въ немъ ѣдетъ Господинъ, при коемъ много слугъ;
А этотъ Господинъ имѣлъ великой духъ,
Спросилъ бумаги въ горѣ,
И взявъ ее, слугамъ отпускную писалъ,
А написавъ ее, сказалъ:
Рабы мои! прощайте!
Бѣды не ощущайте,
Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
А вамъ я всѣмъ отпускную даю.

Одинъ изъ нихъ сказалъ Боярину въ отвѣтъ:
Великъ намъ даръ такой, да время грозно;
Пожаловалъ ты намъ свободу, только поздно,
Съ которой въ скорости мы всѣ оставимъ свѣтъ.

Въ наградѣ таковой не много барыша,
Когда она дается
Въ то время, какъ душа
Ужъ съ тѣломъ разстается.

30. *Иголка и нитка.*

Иголка нѣкогда сказала ниткѣ такъ:
Кто въ свѣтѣ не дуракъ,
Тотъ вѣдаетъ ужъ всякъ,
Что я твой повелитель
И предводитель;
Куда велю тебѣ, ты слѣдуешь за мной;
Дивится иногда и самъ тому портной,
Что такъ ты мнѣ послушна,
Когдабъ ты не была иглишка малодушна,
Не поступала бы со мною грубо такъ.
Кто въ свѣтѣ не дуракъ,
Тотъ вѣдаетъ ужъ всякъ,
Что ты сама въ себѣ движенья не имѣешь,
И безъ портнаго рукъ тронуться не умѣешь;
Внимай, а я тебя наставлю въ томъ уму,
Послушны обѣ мы портному одному.

Сей басни та дорога,
Что всяка власть отъ Бога.

31. *Пчела и змія.*

Передъ пришествїемъ прохладныя Авроры
Зефиръ свой ароматъ на воздухъ разольетъ,
И ороситъ власы возлюбленныя Флоры,
Тогда пчела съ цвѣтовъ сладчайши соки пьетъ;
Тогда же и змія цвѣточки посѣщаетъ,
И соки, какъ пчела, на жало изтощаетъ,
Которы станутъ медъ на жалѣ у пчелы,
А у змїи онижъ вредительны и злы.

Баснь эта коротка, читателямъ не скучитъ;
Я въ ней сказалъ, что насъ писанье разно учитъ,
Съ которыхъ книгъ одинъ полезное сберетъ,
Другой съ тогожъ письма сбираетъ только вредъ,
Которымъ послѣ онъ себя и прочихъ мучитъ.

32. *Медвѣдь и волки.*

Случилось, что зимой въ лѣсу бродилъ медвѣдь,
Внезапно на него напали волки,
А зубы у волковъ подобно какъ иголки.
Не льзя со множествомъ войну ему имѣть,
Медвѣдь мои лыжи направляетъ,
И отъ волковъ животъ свой бѣгомъ избавляетъ:
Однакожъ и они
Попрытче, чѣмъ кони.
Модвѣдю бы не льзя спастися бѣгомъ,
По щастью сѣна стогъ стоитъ завѣянъ снѣгомъ;
Хоть онъ поставленъ былъ высокъ,
Однако же медвѣдь съ разбѣгу вскокъ,
И съ стогомъ жизнь свею спасетъ.
Но что по томъ? медвѣдь, сердяся на волковъ,

Реветъ множество изъ стога вонъ клоковъ,
И ими во звѣрей бросаетъ,
Хотя ихъ перебить,
Не престаетъ онъ сѣно теребить,
Доколь изъ подъ себя высокой стогъ весь розно
Въ волковъ не разметалъ,
И жертвой ихъ на ровномъ мѣстѣ
сталъ;
Тогда медвѣдь жалѣлъ о сѣнѣ, только поздно,
Какъ волки, подхватя его, тянули розно.

Читатель! примѣчай, къ чему моя здѣсь рѣчь:
Кто не радя свое имѣнье расточаетъ,
Тотъ жизнь свою въ скорбяхъ и бѣдности кончаетъ;
Такъ должно денежку на нуждицу беречь.

33. *Случай.*

Случилось одному прохожему въ пути,
Которой столъ не могъ въ сумѣ своей нести,
Чтобъ могъ пробавиться во всю дорогу пищей.
Запасъ весь кончился, прохожїй сталъ какъ нищїй;
Сума съ припасами пуста,
Черезъ пустыя шелъ прохожїй мой мѣста,
А хлѣба взялъ съ собой весьма неосторожно:
Проголодался такъ, что бресть ему не можно,
Однако же еще поѣлъ оставшихъ крохъ.
Легъ спать, во снѣ ему привидѣлся горохъ
Въ горшечкѣ;
Къ нещастїю позабылъ онъ ложечку въ мѣшечкѣ;
И нечѣмъ изъ горшка ему достать,
За тѣмъ онъ принужденъ опять голодной встать.

Взявъ ложку въ пазуху, и спать опять валится
Авосьлибо мнѣ сонъ еще такой приснится;
Тогда не буду я дуракъ,
Не встану такъ,
Какъ всталъ безъ ложки,
Я выѣмъ весь горохъ до крошки.
Безумецъ! хоть съ собой сто ложекъ наклади,
Уже такого сна не будетъ впереди.

Толкъ басни этой въ томъ: кто случай упущаетъ;
Тотъ послѣ никогда его не возвращаетъ.

34. *Кошка и соловей.*

Читатели мои! внимайте баснѣ сей,
Она совѣтуетъ не слушаться рѣчей,
Которыя льстецы влагаютъ въ уши,
Плѣняя лестiю своей невинны души.
Подъ медомъ кроя ядъ,
Обманчивымъ своимъ совѣтомъ тѣхъ вредятъ,
Которы лестнымъ ихъ словамъ имѣютъ вѣру.
А къ этому я баснь приставлю для примѣру:
Не знаю гдѣ и чей
Былъ въ клѣткѣ соловей,
И дѣлалъ голосомъ хозяину забаву.
Хотѣлось кошечкѣ соловьюшка достать,
Пришла, и стала такъ она ему болтать:
Хозяинъ хочетъ дать тебѣ, мой свѣтъ! отраву,
Отъ коей, бѣдненькой? ты выпустишь свой духъ.
Увѣрься, птичка! что тебѣ я вѣрной другъ,
И согласись со мной: я клѣтку разломаю,
Я птичекъ не замаю,
И ихъ не ѣмъ;
Извѣстно здѣсь мое смиренье въ домѣ всемъ,

Я волю дамъ тебѣ златую.
Склонился соловей на рѣчь ея пустую,
Благодаря свою злодѣйку такъ какъ мать.
По томъ дозволилъ ей и клѣтку разломать;
Но только что его на волю вышли ножки,
Анъ очутился онъ въ зубахъ у льстивой кошки.

35. *Роза и Ананасъ.*

Въ какой-то вздорной часъ,
Разспорилися съ розой ананасъ,
Но роза онаго была начало спору;
А споръ ихъ былъ въ такую пору,
Когда ужъ роза всѣ разкинула листы,
И возгордясь своимъ пригожствомъ красоты,
Сказала: ананасъ! возможешь ли и ты
Равнятися съ моею красотою?
Какой цѣны я стою,
Того не смыслишь ты;
Всѣхъ зрѣнїе къ себѣ я привлекаю,
И ароматъ драгой на воздухъ изпускаю;
Во мнѣ-то видитъ свѣтъ
Прекрасной самой цвѣтъ;
А ты скуднїошенько листки свои изводишь,
И столько на меня ты красотой походишь,
Какъ свѣтъ на тьму,
Я красота всему
На свѣтѣ.
На то ей ананасъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ:
Ты роза хороша въ единомъ только лѣтѣ,
А мой
Прїятенъ вкусъ и лѣтомъ и зимой.

Читатель! басня моя сїе тебѣ вѣщаетъ:
Краса хотя прельщаетъ,
Она прельщаетъ насъ
На малой только часъ;
Когдажъ краса минется,
Тогда единой умъ при насъ лишь остается.

36. Дубъ и мышь.

На холмѣ превысокомъ
Матерой дубъ стоялъ
Едва его кто окомъ
Вершины доставалъ.
Борей вкругъ толста древа
Летаетъ и реветъ,
Но наглостїю зѣва
Ни вѣтки не сорветъ.
Дубъ гордъ, великъ, надеженъ;
Толстъ, крѣпокъ и широкъ;
Но къ сильнымъ также смеженъ,
Какъ и ко слабымъ рокъ.
На верьхъ холма высока вскарабкалася мышь,
И корни подглодала.
Гдѣ дубъ твоя краса? Она уже увяла,
И ты, скатясь на низъ, поверженной лежишь.

Вы гордостью надуты
Имѣвъ свои сердца,
Помыслите минуты
Толь лютаго конца,
Которымъ сверженъ дубъ:
Такъ время, острой зубъ,
Подобно вашу жизнь, какъ мышка подъѣдаетъ
А рокъ на свѣтѣ всемъ и вами обладаетъ.

37. *Земля и облако.*

Лишь только изъ земли родилось облачко,
И не обсохло съ губъ ребячьихъ молочко,
И не успѣвъ почти родиться,
Ужъ матерью своей дитя сїе гордится.
Жить въ низкихъ, говоритъ, предѣлахъ не хочу,
Вздымусь, и полечу
Во вышнїе предѣлы,
Отколѣ пламенны Юпитеръ мещетъ стрѣлы.
Но мать его радя,
Жалѣла о дитятѣ,
Совѣтуетъ твердя,
Летѣть тебѣ не кстати
Въ небесны высоты,
Еще младенецъ ты.
И сердце о тебѣ мое болитъ и ноетъ;
Такъ вѣтръ ужасной воетъ,
И онъ тебя въ клочки, о сынъ мой! разорветъ.
Поберегись, мой свѣтъ!
Послушай моего ты матерняго слова;
А ежели не такъ, напасть тебѣ готова.
Но сынъ, не слушаясь ее, и власть берїотъ;
Вѣщаетъ такъ въ себѣ: старуха эта врїотъ;
Она страшится
Меня лишиться.
А естьли буду я по воздуху летать,
То съ радостью меня сама увидитъ мать,
Несущася высоко,
Но можетъ ли меня ея увидѣть око?
Я чувствую то самъ,
Что улечу я къ небесамъ.
И больше ничего не мысля вверьхъ взлетаетъ,
А тамъ его борей хватаетъ,
И разъярясь на части рветъ;
Летѣвши облачко небесный видѣть свѣтъ,
Пропало, и его теперь ужъ больше нѣтъ.

Тотъ въ басенкѣ моей себя теперь увидитъ,
Кто мудрыхъ стариковъ совѣта ненавидитъ,
И мысльми забредетъ, не слѣдуя уму,
Онъ будетъ облаку подобенъ моему.

38. *Неосновательная болѣзнь.*

Извѣстно, что когда гремѣти станетъ громъ,
Робѣющи его не выдутъ изъ хоромъ,
Страшася смерти,
Хоть отъ него еще прямой защиты нѣтъ;
Громъ также и въ дому, какъ на полѣ убьетъ.
А только прячутся одни отъ грому черти;
Да и старухи говорятъ,
Когда въ нихъ прячется отъ грому дьяволъ злобный;
Инъ будь всѣ мнящи такъ старухамъ симъ подобны,
А отъ судьбы никто не спрячется нигдѣ,
Ни въ домѣ, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, ни въ водѣ.
На этотъ случай я хочу сказать вамъ скажу,
Въ которой господинъ велитъ впрягать коляску,
И хочетъ къ одному онъ другу побывать;
И можетъ быть чтобъ тамъ онъ сталъ и ночевать,
Объ этомъ я не знаю;
Да только басню мою я снова начинаю.
Былъ Баринъ отъ двора еще не далеко,
Анъ вдругъ надвинулось съ грозою облачко.
Надвинулся съ тыла,
Ударовъ громныхъ трескъ
И частыхъ молнiй блескъ
Произвели, что кровь въ Бояринѣ застыла;
Кричитъ онъ на людей,
Обороти, ребята! лошадей,

Скачи скорѣе къ дому,
Такъ видно изъ сего, что онъ боялся грому;
Скачи, онъ говоритъ, скорѣе до двора.
А предъ дворомъ его была крута гора;
Бояринъ знаетъ гору,
Однако же велитъ скакать онъ безъ разбору,
Чтобы скорѣй ему добраться до хоромъ,
И окны скрывъ сидѣть въ избѣ безъ страху.
А между тѣмъ гремитъ ужасной громъ,
И лошади его несутъ къ горѣ съ размаху;
Но столько оная крута была гора',
Что малымъ чѣмъ ее и облако повыше.
Бояринъ! тише,
Не изломи ребра.
Однако же Бояринъ мчится;
За тѣмъ что грому онъ боится,
Лишь не боится онъ погибели прямой,
Велитъ скакать домой.
Но кони на горѣ ярясь разсвирѣпѣли,
Держи коней! держи! держать ужъ не успѣли,
Помчали Барина во всю коневью скачь.
Поплачь, Боярыня! о Баринѣ поплачь,
Которой поскакалъ домой, боясь грому,
Однакожъ доскакать не могъ живой до дому.
Не громъ его убилъ,
Онъ самъ себя безъ грому погубилъ;
Коляска съ прыткости на камень наскочила.
И кровью Барскою весь камень омочила.

39. *Левъ, Барсъ и кротъ.*

Въ народѣ носится понынѣ эта рѣчь;
Тогда, какъ Титъ повергъ войною Іудеевъ,
И раззоря ихъ градъ, смирилъ своихъ злодѣевъ,
Предъ тѣмъ являлася въ ночи звѣзда какъ мечь,

И Iудеевъ освѣщала;
А чрезъ сїе предвозвѣщала,
Что ихъ плѣнится градъ.
Жиды о томъ еще и нынѣ говорятъ.
А естьли бы они Римляновъ побѣдили,
Тогдабъ ихъ мудрецы конечно утвердили,
Что значила Жидамъ побѣду та звѣзда,
А до звѣзды была не близкая ѣзда;
За тѣмъ и должно
Вѣщаютъ всѣ Жиды, звѣзда была для насъ;
А подлинной узнать причины не возможно,
Отколь, и для чего комета та взялась.
Подобно какъ въ лѣсу со львомъ сошелся барсъ,
Сошлись они въ тотъ день, какъ солнушко затмилось;
Увы! не знаешь левъ, что барсу приключилось.
Не можно мнѣ того промолвить не стеня;
Ты видишь для меня
И дневное свѣтило
Померкло, лишь мою злу горесть ощутило.
Ахъ! нынѣшняго дня
Скончалась у меня ближайшая родня.
Голубчикъ мой ты, барсъ! конечно это враки;
И мысль сїя тебѣ пришла отъ сатаны
Померкло солнышко, что я лишенъ жены.
Заспорилъ съ барсомъ левъ, по томъ до шло до драки;
Схватились лапами, и пѣнятся ихъ рты,
Вздымаются усы, трясутся гнѣвны губы,
Сверкаютъ пламенны глаза и остры зубы,
И вьються, какъ змїи, ужасные хвосты.
За что сражаются? за честь, иль за имѣнїе?
Сражаются они за солнечно затмѣнье,
Которое тогда случилось не для нихъ.
Герои бились, доколѣ силы ихъ

Ослабли, и они валялися безгласны,
Изцапалися въ кровь, и стали неопасны.
Тогда изъ подъ земли къ нимъ выкрабкался
кротъ,
Дивится на звѣрей, стоитъ, разинувъ ротъ.
Когда же онъ узналъ, за что сраженье было,
Онъ поднялъ къ верьху рыло,
И такъ героямъ рекъ:
Вы оба дураки осталися на вѣкъ,
Что такъ другъ друга изглодали,
И за мои грѣхи безвинно пострадали.
Вы знаете, иль нѣтъ?
Померкнулъ свѣтъ,
И сдѣлалось затмѣнье,
За тѣмъ, что все мое покрадено имѣнье,
Которое себѣ я къ зимѣ собиралъ.
Услышали бойцы, что кротъ такъ дерзско вралъ,
Дрожали съ гнѣва жилы,
Однако не было у нихъ отмстить ужъ силы.

40. *Отецъ и дѣти.*

Коснувшись жизни края,
Родитель сыновьямъ твердилъ такъ умирая:
Изъ свѣта я гляжу,
И къ мертвымъ отхожу;
А вы оставшися, возлюбленныя дѣти!
Когда не хочете вы, спустя рукъ сидѣти,
Наставлю васъ на ладъ:
Я въ полѣ у себя зарылъ великой кладъ,
Зарылъ, не помню гдѣ, такъ поле вы вскопайте;
И ежели его вы сыщете, владайте.
Сихъ словъ и житія послѣдній былъ конецъ.
Преставился отецъ;

А дѣти, должное отдавъ почтенье тѣлу,
Придвинулися къ дѣлу
Искати кладъ,
Но дѣло ихъ нейдетъ на ладъ.
Не зная подлиннаго мѣста,
Взрываютъ поле мягче тѣста;
Но знать, ребята! кладъ въ семъ полѣ не лежитъ;
Насѣемъ житъ.
Потомъ посѣяли, и житы ихъ родились,
Труды ихъ имъ самимъ згодились,
Они снимаютъ хлѣбъ, и продаютъ,
Имъ цѣну за него хорошую даютъ.
Сторичио сѣмена къ нимъ съ поля возвратились,
И такъ искавши кладъ, они обогатились.

Кто въ хлѣбопашествѣ хорошій знаетъ ладъ,
Тотъ подлинно себѣ находитъ въ полѣ кладъ.

41. *Солнце и луна.*

Такъ солнце не когда распорилось съ луною;
Не можешь, говоритъ, равняться ты со мною;
Я только что съ одра Фетидина вскочу,
Всѣ звѣзды омрачу,
И ты передо мной блѣднѣешь,
Сіянію моему противиться не смѣешь,
Одинъ останусь я
На цѣломъ свѣтѣ.
На то рѣчь отъ луны сія
Была въ отвѣтѣ:
Великой господинъ!
Иль въ томъ ты своему блаженству быти чаешь,
Что ты меня собой и звѣзды помрачаешь,
И свѣтишься одинъ?
А я хожу въ странахъ небесныхъ,

Ни мало не мрача
Сїянья звѣздъ прелестныхъ,
Сама межъ ихъ блещу, какъ ясная свѣча.

О вы, которые имѣете умъ здравой,
Внемлите баснѣ сей!
Возможноль тиху жизнь равнять съ блестящей славой.
Въ которой никогда не льзя имѣть друзей?

42. *Крестьянинъ, медвѣдь, сорока, и слѣпень.*

Мужикъ пахалъ въ лѣсу на пѣгомъ на конѣ,
Случился близко быть берлогъ на сторонѣ.
Въ берлогѣ томъ медвѣдь лежалъ въ часы тогдашни,
Увидѣлъ мужика трудящася вкругъ пашни,
Покиня звѣрь берлогъ;
Хотя и не легокъ,
Да изъ берлога скокъ.
Мужикъ, зря звѣря, стонетъ,
Въ поту отъ страха тонетъ,
А иногда его составы всѣ дрожатъ;
Хотѣлъ бы тягу дать, да ноги не бѣжатъ,
Что дѣлать, самъ не знаетъ,
И пашню и коня съ собою проклинаетъ.
Межъ тѣмъ медвѣдь на пашню шасть,
Пришла напасть;
Мужикъ хлопочетъ,
Медвѣдь знать скушать хочетъ
Меня
И моего коня;
Ужъ о конѣ ни слова
Была бы лишь моя головушка здорова.
Анъ нѣтъ,
Медвѣдь былъ сытъ, не надобенъ обѣдъ,

Медвѣдю пѣжины крестьянскія кобылы
Понравились, и стали милы,
Медвѣдь
Желаетъ на себѣ такуюжъ шерсть имѣть.
За тѣмъ крестьянину онъ дѣлаетъ поклоны,
И говоритъ: мужикъ!
Не устрашись, услыща мой медвѣжій
крикъ;
Не драться я иду, не дѣлай обороны,
А я пришелъ просить,
Чтобъ могъ такуюжъ шерсть носить,
Какая у твоей кобылы,
Мнѣ пятна черныя по бѣлой шерсти милы.
Крестьянинъ, слыша тѣ слова,
Сказалъ: теперь цѣлъ конь, цѣла и голова,
Полезны эти вѣсти,
Медвѣдю нуждица пришла знать въ пѣгой шерсти,
Вѣщаетъ съ радости: медвѣдь!
Коль хочешь на себѣ шерсть пегую имѣть,
Такъ долженъ ты теперь немножко потер-
пѣть;
Не будь лишь злобенъ,
Связаться дай, и стань коню подобенъ,
А именно ты будешь пѣгъ, какъ конь.
Медвѣдь связаться далъ, мужикъ разклалъ
огонь,
И головеньку взявъ, ей сталъ мѣдвѣдя жарить,
Подобно какъ палачь въ застѣнкѣ вора паритъ,
И наконецъ лишь головенькой гдѣ прижметъ
Тутъ шерсти нѣтъ,
И пѣжина явилась.
Медведю пегая ужь шерсть не полюбилась;
Онъ, вырвавшись изъ рукъ мужичьихъ, побѣжалъ,
И рынувшись въ берлогъ, подъ деревомъ лежалъ,
Лижа дымящи раны.
Охти! онъ говорилъ, крестьяне всѣ ти-
раны,

И хуже всѣхъ людей,
Когда они такъ жгутъ всѣхъ пѣгихъ лошадей;
Когдабъ я зналъ то прежде,
Не думалъ бы во вѣкъ о пѣгой я одеждѣ
Лишь рѣчь медвѣдь скончалъ,
Сороку бѣсъ къ крестьнину примчалъ,
А эти птицы
Охочи до пшеницы;
И только что она на пашню прыгъ,
Поймалъ ее мужикъ,
Поймалъ, какъ вора;
Худая съ мужикомъ у бѣдной птицы ссора,
Онъ скоро воровство сорокѣ отомстилъ,
Ей ноги изломавъ, на волю отпустилъ;
Сорока полѣтела
И кое какъ на то же древо сѣла,
Подлѣ котораго медвѣдь берлогъ имѣлъ.
По томъ ко мужику слѣпнишка прилетѣлъ,
И сѣлъ лошадушкѣ на спину;
Не стоитъ мужику для мухъ искать дубину,
Рукой слѣпня поймалъ,
И ногъ ужъ не ломалъ,
Но наказанïе другое обрѣтаетъ;
Въ слѣпня соломинку втыкаетъ,
И съ нею онъ его на волюжъ отпускаетъ;
Слѣпень взвился и полетѣлъ,
Съ сорокой вмѣстѣ сѣлъ.
Межъ тѣмъ ужъ солнушко катилося не низко,
Обѣдъ былъ близко;
Конецъ былъ ремесла,
Хозяйка къ мужичку обѣдать принесла,
Такъ оба сѣли
На травкѣ, да поѣли.
Тогда въ крестьянинѣ отъ слашкой пищи кровь
Почувствовала, что? къ хозяюшкѣ любовь;

Мы время, говоритъ, свободное имѣемъ,
Мы ляжемъ почивать,
Трава для насъ кровать.
Тогда игдѣ взялись Амуръ со Гименеемъ,
Летали вкругъ,
Гдѣ отдыхавъ тогда съ супругою супругъ.
О нѣжна простота! о милыя утѣхи!
Взираютъ изъ за древъ, таясь игры и смѣхи,
И тщатся нѣжныя ихъ рѣчи всѣ внимать,
Была тутъ и сама любви прекрасна мать
Свидѣтель ихъ утѣхъ, которыя вкушали;
Зефиры сладкіе тихохонько дышали,
И слышать всѣ слова богинѣ не мѣшали----
Медвѣдь подъ деревомъ въ болѣзни злой лѣжалъ,
Увидя дѣйствіе, отъ страха весь дрожалъ,
И говоритъ: мужикъ не даромъ такъ трудится,
Знать баба пѣгою желаетъ нарядиться.
Сорока вопіетъ:
Нѣтъ,
Онъ ноги ей ломаетъ.
Слѣпень съ соломиной бурчитъ, и имъ пѣняетъ:
Никто, кричитъ, изъ васъ о дѣлѣ семъ не знаетъ,
Я точно вѣдаю сей женщины бѣду,
Она, какъ я, умчитъ соломину въ заду.

Читатель баснь сія ту мысль тебѣ раждаетъ,
Что всякой по себѣ о прочихъ разсуждаетъ.

ОДА

На день возшествія на Всероссійскій престолъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.

Востань покаящася лира,
Востань, оставь свой сладкій сонъ!
Простри ты взоръ къ предѣламъ міра
Взнесись со мной на Геликонъ;
Отверзи разума богатство
Умножъ ты пѣнія пріятство,
Яви тѣмъ новыя красы:
Какъ стебли масличны живятся,
Когда по знoѣ упоятся
Прохладой влажныя росы:

* *

Подобно я тебя покоилъ,
Дабы твой гласъ не ослабѣлъ,
Гремящихъ струнъ твоихъ нестроилъ,
Тебя оставилъ и не пѣлъ.
Но днемъ симъ духъ мой восхищенный
Дерзаетъ пѣсни пѣть священны,
Стремится, жаждетъ и горитъ;
Желанье жаръ во мнѣ раждаетъ,
Усердье умъ мой возбуждаетъ,
И мысли къ пѣнію бодритъ.

Но кто мнѣ можетъ ихъ направить,
Кто дастъ богатство мнѣ рѣчей?
Богиню Росскую прославить
Возможноль пѣснїю моей.
О ты пѣвецъ преславный Россовъ!
О несравненный Ломоносовъ!
Твой слогъ отмѣнной красоты,
Твоя огромна пѣснь и стройна
Была МОНАРХИНИ достойна,
Достоинъ пѣть ЕЯ былъ ты.

⁂

Я хладный прахъ твой уважаю,
Онъ въ градѣ ономъ положенъ,
Тебѣ въ которомъ подражаю,
Твоимъ бывъ пламенемъ возженъ;
Приди на строй мнѣ слабу лиру.
Дабы я могъ пространну мїру
Твоимъ восторгомъ возгремѣть;
Да блещутъ страшные перуны,
Когда ея согласны струны
Начнутъ ЕКАТЕРИНУ пѣть.

⁂

Прошедши дни воображая,
Смущаюсь ужасомъ объятъ,
Пучины бѣдъ невижу края
Я зрю разверстъ свирѣпый адъ.
Тамъ злоба рветъ свои оковы,
Пороки вырваться готовы.
И се они стремятся къ намъ:
Законъ падетъ, и вѣра страждетъ,
Невѣжество растетъ, и жаждетъ
Разсыпать музъ священный храмъ.

Но я, БОГИНЯ не дерзаю
Взводить на мысль печали тѣнь.
ТВОИ стопы я лобызаю,
Поя торжественный сей день:
О день Россїйскїя отрады!
Ликуйте вы спасенны грады
ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой;
Забудьте дни прошедши грозны.
Отнынѣ всѣ потомки поздны
Почувствуютъ драгїй покой.

☼ ☼

А ты, о градъ изъ всѣхъ блаженный!
О градъ щастливый на земли!
Ты градъ Петровъ благословенный!
Блаженству днешнему внемли;
Благослови свою судбину,
Ты прежде всѣхъ ЕКАТЕРИНУ
Узрѣлъ МОНАРХИНЕЙ своей;
Я мню, что всѣ Россїйски грады,
Среди великїя отрады,
Судьбы завидуютъ твоей.

☼ ☼

Въ тебѣ богиня созидаетъ
Покоя общаго столпы,
На коихъ правда утверждаетъ
Свои пресвѣтлыя стопы;
Въ объятье свѣтъ ЕЯ сберется
Столповъ огромность не сотрется,
Они крѣпчаѣ пирамидъ,
Что Нильскїй брегъ отягощали,
Главами неба досязали,
Имѣя гордый только видъ.

Здѣсь гордость вида не имѣетъ
Смиренїе блистаетъ въ кругъ,
Какъ злато истинна яснѣетъ,
И милость какъ драгїй жемчугъ,
Надежда, судъ, и защищенье;
Столпамъ прямое украшенье
Изводятъ свѣтлые лучи:
Какъ послѣ бури въ тихомъ понтѣ,
Возшедъ звѣзда на горизонтѣ,
Сугубитъ блескъ свой тѣмъ въ ночи.

❋ ❋

Ликуйте рѣки странъ Россїйскихъ
Ручьи разлейтесь по лугамъ,
Шумящи волны водъ Балтїйскихъ
Несите къ нашимъ берегамъ
Суда богатствомъ отягченны;
Судьи храните даръ священный,
Что зиждутъ намъ ЕЯ труды.
Разсыпанно богатство Флоры
Увеселяй всѣхъ смертныхъ взоры,
И дай Помона намъ плоды.

❋ ❋

Трудолюбивою рукою
Церера нивы собери,
И миръ для общаго покою
Дверь храма Браней затвори;
Да не дерзаетъ Марсъ кровавый
Коснуться Россїя державы
И возмутить златыя дни:
Во области ЕКАТЕРИНЫ
Растите всюду райски крины,
ЕЯ рукой насаждены.

Науки смыслу покаряйте,
Которы вамъ отворены,
На вѣкъ свой будущій взирайте
Младые росскіе сыны!
Крѣпитеся, и возрастайте,
КЪ МОНАРХИНѢ любовью тайте,
И проникайте знаньемъ въ свѣтъ;
За милость ону въ воздаянье
Исполните только то желанье
Чего ОНА отъ васъ всѣхъ ждетъ.

⁂

Отверзто вамъ блаженства поле,
И течь въ него препятства нѣтъ,
ЕКАТЕРИНА на престолѣ,
Любезный Сынъ ЕЯ растетъ;
И то во младости являетъ,
Чемъ мужъ средь вѣка удивляетъ:
Осанка, бодрость, свѣтлый взглядъ
И кроткій нравъ, и сердце нѣжно,
Къ наукамъ тщаніе прилѣжно;
Сердца и души въ насъ плѣнятъ.

⁂

Но что мой взоръ теперь встрѣчаетъ
И что за гласъ мнѣ въ слухъ притекъ?
ЕКАТЕРИНѢ Богъ вѣщаетъ;
Живи во щастіи ТВОЙ вѣкъ,
Живи, и царствуй невредима,
Моей рукою ТЫ хранима,
Живи, живи до поздныхъ лѣтъ;
ТЕБѢ я ввѣрилъ часть вселенной,
Паси сей миръ благословенной,
И удивляй дѣлами свѣтъ.

ТЫ мной на тронѣ сей возведенна,
ТЕБЯ помазалѣ миромѣ я,
И ТЫ какѣ злато искушенна
Чистѣйшее среди огня:
На то ТЫ бѣдствїя сносила,
Дабы ТВОЯ душевна сила
Умножила дражайшїй вѣкѣ;
Чтобѣ знала всѣхѣ ТЫ состоянье,
За трудѣ давала воздаянье,
Смягчалася отѣ бѣдныхѣ слезѣ.

❋ ❋

Когда Россїю я прославить
Уже упадшую хотѣлѣ,
ПЕТРА я долженѣ былѣ возставить,
Чтобѣ онѣ сѣ собой ее возвелѣ;
ТЕБЯ для славы и покою
Возвелѣ на тронѣ моей рукою,
Дабы Россїя процвѣла.
Она цвѣтетѣ и успѣваетѣ,
ТВОЯ десница содѣваетѣ
Мои Божественны дѣла.

❋ ❋

Сїе изрекѣ Содѣтель мира,
Былѣ слышенѣ силѣ небесныхѣ гласѣ,
Молнїевидная Порфира
Сокрылася отѣ бренныхѣ глазѣ.
Какїй громѣ вѣ слухѣ мой ударяетѣ,
Се днешню радость повторяетѣ
ТОБОЙ избавленный народѣ.
Сей плескѣ на Небеса стремится
И слуху шумѣ его разится,
Какѣ шумѣ отѣ сонма многихѣ водѣ.

ОДА

Государынѣ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ второй и Самодержицѣ Всероссійской, на побѣду одержанную надъ Турками при Днѣстрѣ войсками ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, подъ предводительствомъ Генерала Князя Голицына и на взятіе Хотина.

Гремите вы согласны струны,
Ликуйте Невскія брега;
Уже Россійскія перуны
Низвергли гордаго врага;
Врага, который мысль надменну
Имѣлъ, чтобъ подвигнуть всю вселенну;
И мнилъ къ ногамъ ее попрать.
Увидя смертныхъ родъ въ покоѣ
Пріявъ намѣреніе злое,
Воздвигъ неистовую рать.

⁂

Воззрѣвъ въ нашъ край завистнымъ окомъ
Прегордой Мустафа изрекъ:
Я Сѣверъ съ единю съ востокомъ
Смущу златый въ Россіи вѣкъ,
Не дамъ ея гремѣти славѣ
Не дамъ взнестися сей державѣ,
Не дамъ я ей торжествовать.
Надмѣнъ бывъ яростью гордился
Вѣщалъ: на то я въ свѣтъ родился
Дабы мнѣ имъ повелѣвать.

Онъ мнилъ: достигъ я той судьбины,
Чтобъ царства въ пепелъ обращать.
Но участь есть ЕКАТЕРИНЫ
Его карати и прощать.
О Мустафа! ты въ злой напасти
Спиши къ ногамъ ЕЯ упасти
ОНА готова все простить;
Герой тогда врага терзаетъ
Коль тотъ противиться дерзаетъ.
Но падшему не хощетъ мстить,

⁂ ⁂

Тебя гнѣвъ Божїй постигаетъ
Не силенъ ковъ твой никакой,
Тебѣ ничто не помогаетъ
Когда гонимъ его рукой;
И вѣтры въ помощь нашу дуютъ,
Противъ тебя они бунтуютъ,
Самъ днѣстръ противъ тебя потекъ;
Ты долженъ ратовати споря
Противу бурь, противу моря:
Противу горъ, противу рѣкъ.

⁂ ⁂

Исчисль свои кровавы раны;
Исчисль людей своихъ уронъ,
Познай льстецовъ своихъ обманы:
Они, они твой зыблютъ тронъ.
Молдавїя опустошенна;
Твоею кровью орошенна,
И твой Хотинъ у насъ въ рукахъ;
Бендерски стѣны распадутся,
Во плѣнъ Россїи предадутся
Евксинскїй Понтъ, Архипелагъ.

Византія увидитъ вскорѣ
Въ себѣ ЕКАТЕРИНЫ власть,
Тебѣ на сушѣ и на морѣ
Уже готовится напасть;
Дунай, Ефратъ и Нилъ со Савой,
ЕЯ наполнилися славой,
Готовы ЕЙ себя предать;
ОНА рожденна въ миръ судьбою,
Чтобъ царствіемъ твоимъ, тобою
И всѣмъ на свѣтѣ обладать.

❊ ❊

ЕЯ и имя устрашаетъ
Твоихъ Янычаровъ въ ночи,
Когда въ сраженьи возглашаетъ
Летящь нашъ воинъ на мечи;
Онъ саму гибель презираетъ,
Врага разитъ и попираетъ
Въ геройскихъ дѣйствіяхъ своихъ;
И только въ мысль его приводитъ,
Безстрашно въ кровныхъ токахъ ходитъ
Сраженныхъ воиновъ твоихъ.

❊ ❊

Ясону нѣкогда Медея
Дала чудесный свой составъ,
Съ которымъ онъ ужасна змѣя
Сразилъ къ ногамъ своимъ поправъ,
Но съ именемъ ЕКАТЕРИНЫ
Не только что главы змѣины,
Сотрется всяка въ свѣтѣ злость.
Съ нимъ Россы все преодолѣютъ,
Враговъ какъ легкій прахъ развѣютъ,
Мечи ихъ сломятъ яко трость.

О вы прехрабрые герои,
Любезны Росскія сыны!
Вожди, начальники и вои,
УспѣхомЪ бывЪ ободрены;
Побѣды далѣ простирайте,
СЪ трофея на трофей ступайте,
Да видитЪ то пространный свѣтЪ,
Что для Россійскія короны
Не страшны войска милліоны
И ей нигдѣ препоны нѣтЪ.

❋ ❋

ЕКАТЕРИНА вЪ ней владѣетЪ
ВозшедЪ преславно на престолЪ,
О пользѣ общей всѣхЪ радѣетЪ
Храня людей своихЪ отЪ золЪ;
Рукой науки насаждаетЪ,
Другой противныхЪ побѣждаетЪ:
РазитЪ ихЪ: гонитЪ и страшитЪ;
Чево желать намЪ Россы болѣ
Премудрость видя на престолѣ.
Она намЪ мечь и шлемЪ и щитЪ.

❋ ❋

Щастливый вѣкЪ кЪ намЪ возвратился,
КаковЪ вЪ дни Августовы текЪ,
НашЪ вѣкЪ наукой просвѣтился,
БлаженЪ МОНАРХИНЯ нашЪ вѣкЪ!
ТамЪ МеценатЪ наукЪ любитель,
Мужей достойныхЪ покровитель
ВЪ нелестныхЪ чтется похвалахЪ;
Но мы щастливѣе три краты,
Когда столь многи Меценаты
Являются вЪ твоихЪ странахЪ.

О естьлибъ гласъ мой соравнился!
МОНАРХИНЯ съ хвалой Твоей,
Тогдабъ и свѣтъ весь удивился,
Плѣняясь пѣснію моей;
ТВОИХЪ мнѣ дѣлъ тьма въ мысль вбѣгаетъ
Усердье мѣръ не полагаетъ,
Но слабъ мой даръ ихъ изъяснить;
И чья только лира стройна,
Которабъ пѣть была достойна
Дѣла, что свѣту невмѣстить.

ОДА

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ЕКАТЕРИНѢ Второй на преславную побѣду надъ Турецкимъ флотомъ, въ заливѣ Лаборно при городѣ Чесмѣ, одержанную флотомъ Россiйскимъ, подъ предводительствомъ Генерала Графа Алексѣя Орлова 1770 года, 24 и 25 мѣсяца Iюня.

Гласи о Муза пѣсни новы
Во всѣ Вселенныя концы,
Готовте древеса лавровы
Для побѣдителей вѣнцы,
Стремитесь мыслѣнные взоры
Чрезъ степи, чрезъ моря, чрезъ горы,
Гдѣ Россъ и мечь и огнь несетъ,
Гдѣ онъ враговъ своихъ караетъ,
Великость силъ ихъ презираетъ,
Смущаетъ, движетъ и трясетъ.

⁂

Побѣдамъ слѣдуютъ побѣды
За славой слава къ намъ летитъ,
Внимаютъ окрестны сосѣды
И свѣтъ оружье наше чтитъ:
Нептунъ главу свою подъемлетъ
И свисту ядръ летящихъ внемлетъ
По верьхъ хребтовъ средь земныхъ водъ
Предъ Тронъ Тритона призываетъ
Уже ему повелѣваетъ,
Да свой направитъ скорый ходъ.

Златымъ трезубцемъ показуетъ
Ему идущія суда:
Се зри ихъ путь изобразуетъ
Кипяща пѣною вода:
Не пакиль славные Герои
Грядутъ на раззореніе Трои?
Или отважный то Ясонъ
Руно златое похищаетъ.
Но паки самъ въ себѣ вѣщаетъ;
Прешла ихъ слава яко сонъ.

❊ ❊

Спѣши и скоро возвратися
Исполнь велѣніе мое,
О сихъ Герояхъ извѣстися. . .
Но какое зрѣлище сіе?
Я зрю по верьхъ морскія влаги
Борей взвѣваетъ Росски флаги,
Онъ ихъ взвѣваетъ знамена;
Не ложны знаки мною зрятся
Устами воиновъ гласятся
Преславны въ свѣтѣ имена.

❊ ❊

И се наполнилась пучина
И весь пространный воздухъ полнъ,
Гласится тамъ ЕКАТЕРИНА,
Гласится ПАВЕЛЪ между волнъ.
Изрекъ, и тронъ свой оставляетъ
Коней свирѣпыхъ направляетъ
Ко флоту Россскому грядетъ;
Предъ нимъ по верьхъ сѣдыя пѣны
Спѣшатъ согласныя Сирены
Тритонъ за ними идетъ въ слѣдъ.

Межъ тѣмъ пучину разсѣкая
Побѣдоносный флотъ течетъ,
Со удивленіемъ взирая
Владыка водъ и такъ речетъ:
О Петръ! когда бы вѣкъ твой длился
Ты самъ бы днесь возвеселился
Узря на сихъ зыбяхъ свой флагъ;
Но се его увидятъ въ скорѣ
Босфоръ и мраморное морѣ
Евксинъ и съ нимъ Архипелагъ!

☼ ☼

Гдѣ всходъ пресвѣтлыя денницы
И гдѣ она кончаетъ бѣгъ.
Тамъ флота Росскаго границы,
Гдѣ жаръ и гдѣ всегдашній снегъ.
Но ктобы въ мысль тогда представилъ,
Когда ты ботикъ свой поставилъ,
На малой области моей,
Что будутъ для ЕКАТЕРИНЫ
Отверсты дальныя пучины
И я послушенъ буду ЕЙ.

☼ ☼

Сіе изрекъ владѣтель моря
Обратно шествуетъ въ свой домъ,
Противу бурныхъ вѣтровъ споря
Былъ слышенъ гласъ его какъ громъ,
Сирены гласу отвѣчали
И пѣснью рѣчь его скончали;
Побѣдоносный флотъ спѣшитъ,
Орловыхъ на себѣ имѣя
Летитъ, и ищетъ самъ злодѣя,
Уже находитъ и страшитъ.

Исполнь сомнѣнія выходитъ
Патронъ (*) зря флотъ нашъ предъ собой,
Ужъ смѣльства въ сердцѣ не находитъ
Едва вступить дерзаетъ въ бой;
То бодрствуетъ, то въ другъ робѣетъ,
Вся крѣпость силъ его слабѣетъ,
Сразиться хощетъ и бѣжать.
Сїе ли есть твое геройство,
Сїе ли душъ великихъ свойство?
Грозить, хвалиться и дрожать.

⁂ ⁂

Уже я духомъ восхищаясь
Сердечнымъ пламенемъ горю,
И мысльми тамо обращаясь
Сраженїе межъ флотовъ зрю;
Какъ тучи вихрями стѣсненны
И жупеломъ обремененны,
Летятъ на вѣтренныхъ крылахъ,
Уже взаимною борьбою,
Жмутъ, давятъ, воздухъ подъ собою
И имъ предъ идутъ смерть и страхъ!

⁂ ⁂

Такъ флотъ пошелъ противу флота
Съ жимая гордые валы,
И сила вѣющаго Нота
Разгнать межъ ихъ не можетъ мглы;
Восходитъ облакъ воспаленный,
Летаютъ ядра раскаленны
И воздухъ огустевшїй рвутъ.
Тамъ грома, громъ предъ ускоряетъ,
Тамъ бездна звукъ ихъ повторяетъ,
И бреги ближнїя ревутъ!

(*) Начальствующїй надъ турецкимъ флотомъ.

Повѣждь мнѣ муза ратоборство
Евстафїя (*) со Мустафой
Представь мнѣ силу и проворство
Представь мнѣ ихъ ужасный бой.
Еще я духомъ обмираю
Когда на бывшїй бой взираю,
Я вижу тамъ разверстый Адъ;
Тамъ все свирепый огнь обьемлетъ,
Еще мой слухъ удары внемлетъ
Летящихъ въ воздухъ двухъ громадъ!

☀ ☀

Представя въ мыслѣнные взоры
Во кругъ обьятые огнемъ,
Въ пучину двигнувшїясь горы
При разрушенїи своемъ.
Сражавшись предъ пловущимъ строемъ
Герой нашъ съ варварскимъ героемъ
Симъ можетъ быть изображенъ;
Онъ страшною своей борьбою
Какъ Курцїй жертвовалъ собою
Къ своимъ любовью бывъ возженъ.

☀ ☀

Рѣшилась наша симъ судбина
Склонилась побѣда къ намъ,
Приходитъ въ мысль ЕКАТЕРИНА
ЕЯ усерднѣйшимъ сынамъ;
Весь воздухъ ею наполняютъ
Разятъ врага и прогоняютъ,
Ужъ онъ мятется, прочь течетъ.
О часъ! о радостна премѣна!
Бѣжитъ нашъ врагъ, и только пѣна
Его кровавый кажетъ слѣдъ.

(*) Имя корабля, на которомъ были Спиридовъ и Графъ Федоръ Орловъ! сей корабль единоборствуя съ главнымъ турец-

Корою всюду покровенный,
Ужасный африканскій змей,
Стремится копіемъ пронзенный
Влеча кровавый хвостъ землей!
Къ пещерѣ мрачной прибѣгаетъ
И ядъ и духъ свой извергаетъ,
Поверженъ какъ гора лежитъ.
Такъ флотъ противный намъ стремился
Побѣгъ въ заливъ, и тамо съ крылся
И запертъ въ ужасѣ дрожитъ.

☼ ☼

Усердьемъ, славою возженны
И зря успѣхи таковы,
Текутъ ко флоту раздраженны
Герои наши яко львы;
Не держатъ ихъ ни гдѣ преграды,
Летятъ на воздухъ всѣ снаряды
И купно вражески суда;
Изчезла гордость ихъ и сила,
Однихъ пучина поглотила,
Другихъ постигнула бѣда,

☼ ☼

Лишенъ нашъ врагъ сталъ флота нами,
Лишенъ оружія и стрѣлъ,
И надъ восточными странами
Летаетъ сѣверный Орелъ,
Подъ властію ЕКАТЕРИНЫ
По всѣмъ брегамъ прекрасны крины
И горды лавры возрастутъ,
Польются съ горъ ручьи прозрачны
И рощи и долины злачны
Сторичный плодъ ЕЙ принесутъ.

кимъ кораблемъ, называемымъ Императорскимъ Мустафою, побѣдилъ его, зажегъ и подорвалъ.

Подателей Вселенной свѣта
ЕКАТЕРИНА просвѣтитъ;
Изъ гонитъ чтущихъ Магомета
И паки Грековъ утвердитъ,
Науки падшіи тамъ возстанутъ,
Невѣжды гордые увянутъ,
Какъ листвія въ осенны дни;
Не будетъ Греціи примѣра
Одна съ Россїею въ ней вѣра,
Законы будутъ съ ней одни.

⁂ ⁂

Тамъ всѣ едиными устами
Хвалы немолчны вопїютъ,
Тамъ Нимфы ходя межъ кустами
Побѣды Росскія поютъ;
Парнасъ подобно имъ взываетъ
На помощь Россовъ призываетъ
Да придутъ и его спасутъ,
И се я вижу чрезъ пучины,
Со именемъ ЕКАТЕРИНЫ
Герои свѣтъ туда несутъ.

⁂ ⁂

Весь свѣтъ о ней наполненъ слухомъ
Ея дѣла вездѣ гремятъ,
Монархи восхищаясь духомъ
И ЕЙ подобны быть хотятъ,
Но участь ихъ съ ЕЯ несходна
Иному бодрость не природна
Въ томъ къ жалости затворенъ слухъ!
Когда же къ ней мы взоръ возводимъ
Мы въ ней единой все находимъ
И милость и великій духъ.

Усердно лира гласъ направи
Спѣши ЕКАТЕРИНѢ въ слѣдъ,
И всѣ дѣла ЕЯ прослави
Прослави множество побѣдъ,
Но можетъ ли успѣть толико
Преславныхъ дѣлъ число велико,
Какъ звѣздъ блистающихъ въ ночи
И прежде гласъ твой ослабѣетъ
Чемъ всѣ дѣла воспѣть успѣетъ
О лира громкая молчи!

ОДА

На случай избранія ЕКАТЕРИНОЮ Второю Депутатовъ, для сочиненія проэкта новаго уложенія 1767 года.

Не лѣсть МОНАРХИНЯ сплѣтая
Пріемлю Лиру я мою,
Къ тебѣ сердечнымъ жаромъ тая
Едину истинну пою,
Не музу въ помощь призываю,
Твои дѣла воспоминаю
И славѣ поспѣшаю въ слѣдъ;
Восходъ Твой на Престолъ преславенъ,
Кто можетъ быть съ Тобою равенъ!
Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ.

❋ ❋

Всемощной Вышняго рукою
На оный ТЫ возведена,
Для щастія всѣхъ и для покою
ТЕБѢ МОНАРША власть дана:
Россію вознести, прославить,
Нелицемѣрный судъ возставить,
Дѣла ПЕТРОВЫ окончать.
Сей мужъ отъ ятъ отъ насъ судьбою,
Судьба хотѣла здѣсь ТОБОЮ
Его намѣренье вѣнчать.

ПЕТРОМЪ насѣянны науки,
Тобою множатся растутъ,
Тебѣ днесь лирны стройны звуки,
Хвалу безсмертную поютъ:
Ихъ гласы яко быстры воды
По льются въ дальнїе народы;
Колико ихъ вмѣщаетъ свѣтъ:
Твои дѣла въ Россїи громки,
Узнаютъ поздны ихъ потомки
И слава славѣ пойдетъ въ слѣдъ.

✳ ✳

Надѣждой ободренно войско
Въ поляхъ присудствїемъ твоимъ,
Когда лице твое геройско
Явила въ видѣ Марса имъ:
Чело бронею украшенно,
Лице все потомъ орошенно,
Рука съ блестящимся мечемъ;
Являли зракъ ИМПЕРАТРИЦЫ,
Какъ всходъ пресвѣтлыя зарницы,
Сїяющей златымъ лучемъ.

✳ ✳

Одѣтая жена героемъ
Геройскїй заключаетъ духъ,
Стремится передъ храбрымъ строемъ
Разить и побѣждати вдругъ;
Гордяся конь какъ вихрь крутится,
Отъ ногъ его песокъ мутится,
Восходитъ къ верьху пыль столпомъ.
Таковъ былъ ПЕТРЪ великъ во славѣ
Когда на брани при Полтавѣ,
Бросалъ на дерзскихъ Шведовъ громъ.

Для будущей готовясь славы,
Ты флотомъ на морскихъ зыбяхъ,
Являла посредѣ забавы
Что будетъ онъ противнымъ страхъ,
Ужъ Бѣльтъ суда ТВОИ подъемлетъ,
И громы радостныя внемлетъ,
Съ веселїемъ стремя къ нимъ валъ,
Речетъ: се тако ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,
Имѣя флотъ на мнѣ толикій,
Преславно имъ повелѣвалъ.

✻ ✻

Куда я взоръ ни обращаю
Вездѣ я вижу чудеса,
И въ восхищенїи вѣщаю:
О вы всѣсильны небеса!
Россїя нынѣ возблистала,
Ея судьба теперь настала,
Въ концахъ вселенныя гремѣть.
Вы всѣмъ добромъ ея снабдили,
Что ей сїю опредѣлили
Въ себѣ МОНАРХИНЮ имѣть.

✻ ✻

Хвалите россы Бога нынѣ
Что вамъ ЕКАТЕРИНУ далъ,
Воздайте вы ЕКАТЕРИНѢ
Усердныхъ тысящи похвалъ;
Въ НЕЙ купно мудрость, храбрость, вѣра;
ЕКАТЕРИНѢ нѣтъ примѣра
На свѣтѣ изъ земныхъ владыкъ.
Въ НЕЙ Богъ свой образъ вамъ являетъ,
И ЕЮ всѣхъ васъ удивляетъ,
Каковъ премудръ онъ и великъ.

Владѣтель славенъ тишиною,
Но подданныхъ слабѣйшїй щитъ,
Другой кровавою войною
Свою державу пустошитъ,
И славѣ жертвуетъ народы.
Его владѣнїе какъ воды,
Которы съ горъ лїясь ревутъ,
Большїя камни съ мѣстъ ихъ гонятъ,
Древа велики съ корня клонятъ,
Терзаютъ берегъ свой и рвутъ.

※ ※

Въ твоемъ владѣнье польза выше
Текущихъ изъ Едема рѣкъ,
Твоя душа Зефира тише
Дающа намъ спокойной вѣкъ.
Услыша кротость сей природы,
Текутъ отъ дальныхъ странъ народы
Къ обширной области ТВОЕЙ:
Но что языкъ мой здѣсь вѣщаетъ
То Волга дѣломъ ощущаетъ,
Въ пространствїи своихъ степей.

※ ※

Тамъ класы на поляхъ желтѣютъ,
Гдѣ прежде тернїя расли,
Тамъ люди о трудахъ радѣютъ,
Туда художества внесли,
Гдѣ прежде звѣри обитали,
И птицы хищныя летали,
Гдѣ дикая была земля;
Теперь народы тамъ селятся,
И Нимфы въ рощахъ веселятся,
Узрѣвъ прекрасныя поля.

Престолъ ТВОЙ купно окружаютъ
Надежда, вѣра, и любовь,
Твою премудрость обожаютъ,
Законъ прїемля люди вновь;
Законъ изображенный ясно,
Зловредный ябедникъ напрасно
Стараться будетъ толковать:
Изъ словъ Божественныхъ и внятныхъ,
Не можетъ мыслей сплесть превратныхъ,
И ими правду затмѣвать.

❊ ❊

Судьи возмогутъ безъ препоны
Святую истинну хранить,
Не могутъ ужъ одни законы
И править купно и винить;
Твоя премудрость въ нихъ возблещетъ,
Порокъ сокрывшись затрепещетъ,
И добродѣтель процвѣтетъ.
Увидимъ правду какъ денницу,
Господь съ высотъ Свою десницу
Благословитъ сїе, прострѣтъ.

ОДА

На день Коронованія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ Вторыя.

Блаженства нашего причина,
Источникъ истинны святой,
Великая ЕКАТЕРИНА!
Отрада наша и покой;
О Мать Отечества драгова!
Начало вѣка золотова,
Начало дней щастливыхъ намъ;
Ты Богомъ на Престолъ избранна,
Его рукою увѣчанна,
Покровъ союзныхъ, страхъ врагамъ.

⁂

Богъ неба и земли содѣтель
Предѣлъ поставилъ искони,
Дабы святую добродѣтель
Прославить въ поздны наши дни;
Всемощной властїю своею
Тебя владѣть страною сею
На тронъ торжественно возвелъ,
Взложилъ вѣнецъ, облекъ въ Порфиру,
Чтобъ тѣмъ явить пространну мїру
Число твоихъ великихъ дѣлъ.

Ликуй Россія вознесенна
На верьхъ блаженства твоего;
Тебѣ дивится вся вселенна,
Ты вЪ ней прекраснѣе всего;
Тебя Господь блюдетЪ, покоитЪ,
ЕКАТЕРИНА пользу строитЪ:
ЗаконЪ божественный даетЪ,
ВЪ которомЪ твердо, живо, ясно,
Вездѣ всѣхЪ сЪ пользою согласно
Сама природа вопіетЪ.

❋ ❋

Божественными словесами
ИзображаетЪ кроткій нравЪ,
Вліянный свыше небесами
ЯвляетЪ, разумЪ, вЪ силѣ правЪ;
Любовью кЪ поданнымЪ пылаетЪ,
Дожить до дней тѣхЪ не желаетЪ,
ЧтобЪ былЪ кто щастливѣе насЪ.
Чей нравЪ толь миловать способенЪ,
Чьему сей кроткій гласЪ подобенЪ
ПодобенЪ Божію сей гласЪ.

❋ ❋

О вы! владѣтели земныя
ВамЪ титло громкое дано,
И вамЪ отЪ высоты святыя
Народно щастье вручено;
О нихЪ довлѣетЪ вамЪ радѣти,
Они вамЪ должны быть какЪ дѣти.
Вы должны пользѣ ихЪ внимать;
На наше щастіе воззрите
И тожЪ вЪ державахЪ сотворите,
Что здѣсь творитЪ Россійска Мать.

Какъ послѣ бурныя погоды
Подуетъ сладостный Зефиръ,
Умолкнутъ вдругъ шумящи воды,
Освѣтитъ солнца лучь Ефиръ;
Пріятны дни потомъ начнутся,
Луга и горы разсмѣются
Увеселяя смертныхъ взоръ;
Польется радость повсемѣстно,
Въ лѣсахъ услышится прелестно
Поющихъ птицъ пріятный хоръ.

☀ ☀

Подобну Россы радость внемлютъ
Въ обширной области ЕЯ,
Пространство коея объемлютъ
Собой великія моря.
Ихъ разны нравы и языки;
Но всѣ дѣла ЕЯ велики
Единымъ сердцемъ говорятъ,
Веселы лики составляютъ,
ЕЯ въ нихъ хвалятъ, прославляютъ,
И къ Ней любовію горятъ.

☀ ☀

Науки нынѣ въ совершенствѣ
ЕЯ раченіемъ цвѣтутъ,
Мы стали жить во благоденствѣ,
Коварство съ завистью падутъ,
Вражда, насильство усмирились,
Разсудку страсти покорились,
Не смѣютъ больше волновать;
Науки юношъ просвѣтили,
Они наукъ обогатили,
И стали ими обладать.

Но кое зрѣлище прекрасно
Теперь представилося мнѣ,
Не солнце ли сіяетъ ясно?
Или я зрю сіе во снѣ;
Не сонъ, восторгъ мой умъ объемлетъ,
Се очи зрятъ и слухъ мой внемлетъ
Россію въ торжествѣ ея;
На адамантовомъ престолѣ
Сидитъ въ пространномъ свѣта полѣ.
О коль мила мечта сія!

❋ ❋

ЕКАТЕРИНОЙ просвѣщенна
Предѣловъ щастію не зритъ,
Науками обогащенна
Возставъ, и тако говоритъ:
„Премудрая ЕКАТЕРИНА!
„ТОБОЙ я краше райска крина,
„Мой тверже мрамора престолъ;
„ТЕБЯ я матерью щитаю,
„ТЕБѢ младенцевъ я питаю
„И мужескій и женскій полъ.

❋ ❋

„Я только ихъ питаю тѣло,
„А ТЫ питаешь души ихъ:
„ТЕБѢ сіе довлѣетъ дѣло,
„Оно достойно рукъ ТВОИХЪ.
„Оно одной ТЕБЯ достойно,
„ТЕБѢ пещись о нихъ пристойно,
„ТЫ щастье ихъ, ТЫ ихъ покой;
„Они среди сего блаженства
„Возрастутъ, и образъ совершенства
„Покажутъ данный имъ ТОБОЙ.

Сїе Россїя просвѣщенна
ТЕБѢ МОНАРХИНЯ речетъ,
Но мысль ТОБОЮ восхищенна
Еще воспѣть ТЕБЯ течетъ.
Но мнѣль дѣла ТВОИ исчислить?
Что больше я стараюсь мыслить,
То больше гибнетъ разумъ въ нихъ.
Я пѣнїемъ ТЕБѢ скучаю,
Я пѣснь усердїемъ скончаю,
Оно украситъ слабый стихъ.

✲ ✲

Гремящу лиру днесь оставлю,
Оставлю съ нею Геликонъ,
Труды къ желанїю прибавлю,
Да ТВОЙ божественный законъ
Разсудокъ разума постигну,
Я силы къ силамъ всѣ подвигну
И къ нимъ искуство приложу,
И щастливъ буду я неложно,
Когда усердїе возможно
ТЕБѢ чрезъ трудъ мой покажу.

ОДА

На сраженіе флотовъ Россійскаго съ Турецкимъ, бывшее во время перемирія при устіи Лепанскаго залива, когда вѣроломный Начальникъ Турецкій, хотѣлъ внезапно напавъ на Россійскій флотъ сожещи его; но дальновидный онаго Предводитель Графъ Орловъ, уразумѣвъ сіе злоумышленіе, пошедъ на него самъ, весь противничій флотъ разбилъ и большую часть его сожегъ и потопилъ.

Багряну ризу распустила
По небу тихая заря,
И тѣмъ прекрасныхъ дней царя,
Приходъ вселенной возвѣстила.
Прохладой полный утра часъ
Взываетъ духъ мой на Парнасъ,
Уже я лиру возпріемлю;
Хочу воспѣть на ней глася
Пріятну пѣснь произнося,
Что паки миръ грядетъ на землю.

⁂ ⁂

Внезапно прахъ военный всходитъ
И солнцу лучь простерть претитъ,
Но слава паки къ намъ летитъ,
Срациновъ въ страхъ, насъ въ радость вводитъ,
Трубу пріявъ въ свои уста,
Гласитъ сіе во всѣ мѣста:
Внемлите Россы радость нову,
Побѣда въ вашихъ днесь рукахъ,
Враговъ всѣхъ паки обнялъ страхъ,
Тѣ паки терпятъ часть сурову.

Минерва паки торжествуетъ,
Рыдаетъ паки днесь Агарь,
Глася: Перунъ мнѣ въ грудь ударь,
Да слухъ мой вопля не почуетъ
Моихъ сраженныхъ нынѣ чадъ,
Которыхъ взялъ свирѣпый адъ
Исторгнувъ изъ обьятій нѣжныхъ.
Коль силъ моихъ попранна мочь?
Сокрой мой стыдъ ты вѣчна ночь,
Дабы не зрѣть мнѣ дней мятежныхъ.

❋ ❋

На толь я чадъ моихъ питала
Покоя въ мирной тишинѣ?
На толь, чтобъ горести однѣ
Я паки чувствовати стала;
На толь я тщилась ихъ беречь,
Дабы поялъ всѣхъ Россій мечь?
Рука ихъ тѣмъ разитъ цѣльнѣе,
Чѣмъ есть предъ нею крѣпче врагъ,
У Росса каждый страшенъ шагъ,
Гдѣ есть упоръ ему сильнѣе.

❋ ❋

Изъ нихъ подобенъ всякъ Борею;
Чѣмъ больше пушь его стѣсненъ;
Противу горъ, противу стѣнъ,
Летитъ онъ съ наглостію всею,
И тамъ его ярьчае ревъ,
Гдѣ множество матерыхъ древъ:
Но онъ же тихими крылами
По тучнымъ пажитямъ летитъ,
Траву колеблетъ не вредитъ,
Сражаясь съ гордыми дубами.

Мои упив... ...дъ Секваны
Являли въ шумствѣ ... духъ;
Но лишь достигъ къ нимъ бранный слухъ,
Разверзлись всѣ ихъ прежни раны
Которы Россъ имъ налагалъ,
Когда ихъ силы повергалъ
Наполнивъ землю ихъ тѣлали;
Но ихъ покой имъ излѣчилъ,
Когда орелъ отъ дѣйствъ почилъ,
И не разилъ въ ихъ трудь стрѣлами.

⁂ ⁂

Однако Мустафа надменный,
Велитъ къ оружїю имъ течь,
Велитъ имъ флотъ Россїйскїй зжечь
Наруша миръ постановленный;
Но ихъ изнѣжилъ всѣхъ Гаремъ,
Всякъ мечь считаетъ за яремъ,
Броню свою за тяжко рало:
Уже ихъ храбрый духъ простылъ,
Уже врагамъ свой кажутъ тылъ,
Хоть сердце бодростью пылало.

⁂ ⁂

Напрасно въ мысляхъ я мечтала,
Ко славѣ Россамъ путь пресѣчь;
Се ихъ я паки острый мечь
Чрезъ дѣйства бранны испытала.
Я въ миръ оружье подняла,
Сразить чтобъ Росскаго орла.
Хотябъ сей бой мнѣ былъ поносенъ;
Но текъ же бодрствуетъ орелъ.
Полетъ его быстряе стрѣлъ,
Перунъ его мнѣ смертоносенъ;

Уже отъ Невскихъ струй, взвѣваетъ
Прешедъ моря,, Россїйскїй флагъ,
Евксинъ и весь Архипелагъ,
Пловущимъ строемъ покрываетъ;
Вездѣ себѣ взимаетъ дань,
Вездѣ мои лишь вступятъ въ брань,
Вездѣ уронъ и неудача,
И днесь въ начаты битвы вновь,
Течетъ моихъ ручьями кровь,
Исполненъ воздухъ вдовья плача.

* *

Стамбулъ въ отчаянье трепещетъ,
Исполненъ глада, тяжкихъ думъ,
Онъ мнитъ оружїй слышать шумъ,
Когда валъ въ брегъ его заплещетъ.
Россъ близкїй мысль его трясетъ,
Онъ мнитъ, что кажды валъ несетъ
Къ нему съ побѣдою оковы;
И ту предчувствуя напасть,
Раскаты всѣ готовы пасть,
И стѣны пасть его готовы,

* *

Сему подобно изчезаютъ,
Снѣга отъ солнечныхъ лучей,
Такъ воды быстрыя ключей,
Отъ вѣтровъ хладныхъ замерзаютъ.
Какъ сердце таетъ, стынетъ кровь,
Отъ Россовъ страхъ, къ своимъ любовь,
Родятъ въ немъ дѣйства несогласны:
То мнитъ вести начатый бой,
То мнитъ чрезъ миръ найтить покой;
Но всѣ намѣренья напрасны.

Престань рыдати неутѣшно
Агарь о чадѣхъ ты своихъ,
Принудь покорствовати ихъ,
Вели искати мира спѣшно.
ЕКАТЕРИНА Россовъ Мать,
Скора, пощаду виннымъ дать;
Но естьли кто не сдержитъ слова,
Забывъ союзовъ мирныхъ честь,
Въ рукѣ ЕЯ готова месть
Карать измѣнника такова.

СОНЕТЪ

Ко дню празднованія о благополучномъ выздоровленіи отъ прививныя оспы ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, придворнаго Росссійскаго, театра Актерами.

Растайте снѣги днесь, умолкни непогода,
Преобратись зима въ весенне существо,
Раскиньтесь на поляхъ цвѣточки разна рода,
И премѣнися ледъ въ водное вещество.

☼ ☼

Внимая нашему веселію природа
Соедини свое ты съ нашимъ торжество;
Почти Минерву тѣмъ Россійскаго народа,
Спасительницу всѣхъ, и наше Божество.

☼ ☼

Настала ЕЮ дней ужасныхъ перемѣна;
Два раза ЕЮ вся Россія спасена:
Порокъ и Гидру въ адъ низринула ОНА.

☼ ☼

Здѣсь ЕЮ смертные отъ пагубы спаслись,
Науки и Законъ высоко вознеслись,
Се Талія гласитъ и съ нею Мельпомена.

ОДА

О суетѣ мїра.

Писанная къ Александру Петровичу Сумарокову.

Все на свѣтѣ семъ превратно,
Все на свѣтѣ суета:
Изчезаетъ невозвратно,
Всякой вещи красота:
Младость и лица прїятство,
Сила, здравїе, богатство,
И порфира и виссонъ
Что во очахъ намъ неблистаетъ,
Все то яко воскъ растаетъ
И минется яко сонъ.

* *

Всякой вещи въ свѣтѣ время,
Всякой мысли есть конецъ:
Старость наше тяжко бремя
И мученїе сердецъ:
Только старость овладѣетъ
Кровь изсякнувъ охладѣетъ;
Нѣжны чувствїя замрутъ;
Что насъ прежде услаждало,
Что веселїе раждало:
То родитъ болѣзнь и трудъ.

Поместятся мысли скучны
Вмѣсто всѣхъ веселыхъ думъ,
И печали неотлучны,
Будутъ отягчати умъ:
Умъ во скукѣ злой потонетъ,
Сердце томное застонетъ
И утѣхъ не ощутитъ
Все затмится предъ очами,
Дни покажутся ночами
Что увижу все смутитъ.

☼ ☼

Ахъ! о время дней кратчайшихъ,
Время лютый нашъ тиранъ,
Воды струй твоихъ сладчайшихъ
Льются во вѣчный океанъ:
Мы тобой себя прельщаемъ
Только рѣдко ощущаемъ,
Коль ты скоро протечешь
И что въ жизни намъ прїятно
Ты съ собою невозвратно
Все во вѣчность увлечешь.

☼ ☼

Время все отъ насъ похититъ
И со онымъ насъ самихъ,
Хоть оно и не насытитъ
Алчныхъ челюстей своихъ:
Все изчезнетъ то росою
Время острою косою,
Все ссечетъ въ единый часъ,
И меня, — — когда? — — не знаю
Только гласъ его внимаю:
Сей ево внимая гласъ,

,, Все что зрится вамъ прекрасно
,, Все съ собою унесу,
,, Все на свѣтѣ я всечастно,
,, Возмущаю и тресу;
,, Возведите только взоры,
,, Гдѣ высоки были горы
,, Тамо пропасти земны.
,, Индѣ киты обитали,
,, Острова тамъ нынѣ стали,
,, Изъ морскія глубины.

❋ ❋

,, Гдѣ вселялись рыбы, гады,
,, Тамъ жилища днесь людей
,, Превращаю я и грады
,, Въ обиталище зверей:
,, Горы съ места предвигаю
,, Во пространныя моря;
,, Солнце звѣзды со луною,
,, Протекутъ на вѣкъ со мною
,, И престанетъ быть заря.

❋ ❋

Всякій шагъ намъ шагъ ко смерти,
Всякій мигъ влечетъ насъ къ ней
Всякій часъ грозитъ претерти
Вервь кратчайшихъ нашихъ дней!
Что мы думаемъ иль пишемъ
Говоримъ иль просто дышемъ,
Время между тѣмъ течетъ
Какъ сіе изрекъ я слово,
Наступило время ново,
А того ужь больше нѣтъ.

Свѣтъ исполненъ злыхъ пороковъ
И исполненъ суеты;
Музъ любимецъ Сумароковъ
Возвѣсти о семъ мнѣ ты,
Коль во свѣтѣ всѣ пременно:
Все не твердо, ломко, тлѣнно,
Санъ, богатство, жизнь мѣчта;
Чемъ же свѣтъ намъ толь прелестенъ
Коль всему конецъ извѣстенъ?
Что же въ немъ не суета.

СТИХИ

На возвратное прибытіе ЕЯ ИМПЕРТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, Самодержицы Всероссійской, изъ Казани въ престольный градъ Москву.

Хотя отъ насъ пошло прочь дневное свѣтило
И ночи мрачная прибавилася тѣнь,
Пришествіе Твое, весь городъ оживило,
Ты намъ Монархиня даешъ прекрасный день.
По стогнамъ шумъ вездѣ пріятной раздается:
Пришла обратно къ намъ Монархиня нашъ свѣтъ,
Ни кто изъ жителей въ домахъ не остается,
Всякъ шествуя Тебѣ во срѣтенье речетъ:
Отшествіе Твое намъ было тѣмъ полезно,
Что Ты для пользы всѣхъ пошла Россію зрѣть:
Пришествіе Твое, о коль! намъ всѣмъ любезно.
Возможно ли Тебѣ сердцами не горѣть?
Ты благо общее покою предпочтила
И пользу нашу чтишъ превыше Своея,
Ты жизнь Свою трудамъ полезнымъ посвятила,
Со дня какъ Ты взошла на Тронъ страны сея.
Что было здѣсь ПЕТРОМЪ Великимъ насажденно,
Тобой взращенное уже то видимъ мы,
Тобой владычество Твое обогащенно,
Тобою зримъ вездѣ своихъ довольствій тьмы;
Здѣсь видимъ во Твоемъ объятіи науки,
Тамъ видимъ сиротамъ прибѣжище, покровъ;
Вездѣ полезное Твои намъ зиждутъ руки,
Что зрятъ теперь въ себѣ Москва, и градъ Петровъ.

Воспитываяся тамъ юноши Тобою,
Для пользы общїя съ млекомъ науки пьютъ.
Возрастши за Тебя во время жарка бою,
Одни съ усердїемъ кипящу кровь прольютъ;
Другїя чрезъ моря незнаемы дороги,
Тобой поощренны безъ робости пройдутъ;
Презрѣвъ въ пути и страхъ и всѣ напасти строги
Въ Твое владычество богатство принесутъ,
Индїю съединятъ съ Россїйскою страною
И Хину во Твое подданство приведутъ,
Не будетъ защищенъ пространною стѣною
Продерзостной Манжуръ, что гордостью надутъ.
Лишь только тамъ Твое оружїе возблещетъ
И грозна молнїя въ предѣлахъ ихъ сверкнетъ,
Сокрывшися злодѣй отъ грома затрепещетъ,
И Скипетръ въ знакъ Тебѣ подданства принесетъ.
Иной съ младенчества наукой просвѣщенный
Правдивый будетъ мужъ и здравый на судѣ,
Храня написанной законъ Тобой священный
Не поколеблется пристрастїемъ нигдѣ.
Полъ нѣжный просвѣтясь наукою полезной,
Душевны красоты при возрастѣ явитъ,
Благодаря Тебѣ какъ Матери любезной,
Домостроительство въ домахъ возстановитъ.

Усердїемъ мой духъ внезапно восхищенны!
Я зрю передъ собой прекрасные луга;
Тамъ вижу грады я какъ кедры возвышенны,
Обременяющи крутые берега,
Въ которыхъ Волга льясь въ восторгѣ удивилась,
Увидя по себѣ ЕКАТЕРИНИНЪ ходъ;
Стремленїе свое здержавъ остановилась,
И тѣмъ умножила быстротекущихъ водъ,
Которыми покрывъ каменья всѣ и мели,
Творя Владычицѣ своей свободный путь.
Еолъ ко вѣтрамъ рекъ: чтобъ дуть они не смѣли,
Единому теперь Зефиру должно дуть.

При всходѣ тихїя на небеса Авроры
По рощамъ и лѣсамъ тамъ свищутъ соловьи,
Тамъ гласа нѣжнаго наполнилися горы,
Тамъ нимфы веселясь дѣла поютъ Твои.
Въ присудствїе Твое во селахъ, и во градѣхъ
Любовь Твоя къ рабамъ, къ Тебѣ усердье ихъ;
Мать веселящуся тамъ видѣли о чадѣхъ,
Тамъ зрѣли щастїе велико обоихъ.
Не льзя того назвать Владѣтеля великимъ,
Кто множество земель имѣетъ подъ рукой
И обладаючи пространствїемъ толикимъ,
Несовершенъ еще имѣетъ онъ покой.
Когда единая ихъ строгость обуздаетъ,
И съ принужденїемъ рабы Владыку чтутъ.
Тотъ щастливъ кто какъ Ты народомъ обладаетъ:
Ты милосердїе являешъ намъ и судъ.
Тобой возведены на верьхъ мы совершенства,
Тобой мы щастливы, Тобой вознесены,
Причина нашего Ты самаго блаженства,
Которымъ мы отъ всѣхъ сторонъ ограждены.
Въ отсудствїе Твое желанїемъ горѣли,
Чтобъ твой увидѣти, Монархиня, возвратъ:
Во ПАВЛОВОМЪ лицѣ, Твое лицѣ мы зрѣли,
Имъ точно безъ Тебя питался здѣшнїй градъ.
Премудрость во очахъ Его Твоя блистаетъ
И милосердїе Твое сїяетъ въ нихъ:
Великая душа во ПАВЛѢ обитаетъ,
Заемлетъ Онъ сїе отъ склонностей Твоихъ.
Толикою теперь отвагой восхищенны
Къ Тебѣ Монархиня усердїемъ горя!
Прости! что пѣсни пѣть дерзаю я священны:
Едину истинну нелестно говоря.
И есть ли нестройна моя звѣняща лира,
Оставь Монархиня то слабости моей.
Тебя Я воспѣвалъ, о Мать! Россїйска мїра:
Но что сравняется со славою Твоей?

СТИХИ

Ко празднеству Императорской Академіи Художествъ.

Россія зря свое сугубое блаженство,
Вѣнчанную главу до облакъ вознесла.
Речетъ: внутри меня есть щастья совершенство,
Художества во мнѣ цвѣтутъ и ремесла
И размножаются свободныя науки
Тогда, какъ внѣ меня гремятъ военны звуки;
Когда я силою моихъ вѣрнѣйшихъ чадъ
Ражу, страшу, гоню кичливыхъ сопостатовъ,
И становлю вездѣ побѣдъ моихъ трофеи.
А здѣсь раждаются Апеллы и Орфеи,
Нефтоны, Лейбницы достойные хвалы;
Колумбъ мой тамъ летитъ чрезъ грозные валы,
Не для сысканія новѣйшей свѣта части;
Для избавленія нещастныхъ отъ напасти
И чтобъ прегордаго тирана наказать,
И тамо мочь моей десницы показать.
Когда же взоръ простру во внутренни предѣлы,
Въ безмолвіи вездѣ я грады зрю и селы,
Ликуютъ жители, не чувствуя войны.
Народъ мой образъ есть морскія тишины,
Которо укротясь послѣ жестокой бури,
Поверхность кажетъ намъ подобною лазури,
Изобразивъ въ себѣ небесъ пресвѣтлый сводъ.
Подобно такъ и мой возлюбленный народъ,
Монархиню свою внутри сердецъ вмѣщаетъ,
Которая его закономъ просвѣщаетъ.

Такїе отъ небесъ имѣвъ щедроты я,
ПЕТРОМЪ воздвигнута взнеслась глава моя.
Я подвиги Сего Героя воспрославлю,
На каменной горѣ я видъ Его поставлю;
Но чѣмъ я днесь мою Монархиню почту?
И чѣмъ души Ея прославлю красоту?
Хотя бы я Кавказъ сюда предвигла нынѣ,
Я мало заплачу и тѣмъ ЕКАТЕРИНѢ.

СТИХИ

На отшествіе Россійскаго флота изъ Ревеля, въ Средиземное море.

Побѣдоносный флотъ, въ желанный путь гряди,
Соединившися со Сѣвернымъ Ясономъ,
И, тронутъ будучи нещастныхъ Грековъ стономъ,
Прегордыхъ ихъ враговъ преславно побѣди.

☼

И возвратясь оттоль побѣдою вѣнчанный,
Не златорунную намъ добычь принеси:
ЕКАТЕРИНОЮ исполнь успѣхъ желанный
Невинныхъ Христіянъ отъ лютыхъ бѣдъ спаси.

☼

ОНА не ту Себѣ имѣти хощетъ славу,
Дабы Востокъ войной кровавой возмущать,
И чтобъ противу Насъ бунтующу державу
Оружіемъ подъ власть Свою порабощать.

☼

ЕЯ великія дѣла во свѣтѣ громки
Останутся на вѣкъ безъ грозныя войны,
И будутъ нѣкогда чудиться имъ потомки,
Узря блаженство сей щастливыя страны.

☼

А вы преславные Россійскіе Герои,
Поверхъ морскихъ зыбей свой скорый ходъ стремя,
Умножьте храбростью исполненные строи,
Блистая молніей и громами гремя.

Вѣщайте, что у насъ Зефиръ пріятный вѣетъ,
Науки множатся, художества цвѣтутъ,
ЕКАТЕРИНА здѣсь о пользѣ всѣхъ радѣетъ,
Изъ устъ ЕЯ текутъ и милость къ намъ и судъ.

☀

И есть ли хощетъ быть кто въ щастливой судьбинѣ,
И жизнь спокойную во весь свой вѣкъ вести?
Тотъ долженъ покорить себя ЕКАТЕРИНѢ,
И сердце чистое Ей въ жертву принести.

СТИХИ

На прибытіе Графа Алексѣя Григорьевича Орлова, послѣ Чесменскаго боя въ Санктпетербургъ.

На сушѣ, на рѣкахъ, среди морскихъ валовъ,
Ты мужествомъ своимъ прославился Орловъ:
Морея, Чесмъ и вся въ томъ Греція свидѣтель,
Что въ нихъ ты былъ Герой и купно благодѣтель;
Дѣла твои вездѣ восходятъ до небесъ.
Орловъ! ты нынѣ сталъ Россійскій Геркулесъ:
Какъ Гидру тотъ сразилъ дышащу смертнымъ ядомъ,
Подобно ты врага зіяющаго адомъ
Тьмочисленны уста жерлъ страшныхъ заградилъ;
Узрѣлъ его, постигъ и славно побѣдилъ.
Ликуя днесь тебя Петрополь весь встрѣчаетъ
И лаврами главу твою увѣнчеваетъ.

НАДПИСЬ

Ко столпу поставленному при гробѣ ПЕТРА Перьваго и украшеннаго побѣдами, какъ Его, такъ и побѣдамижъ учиненными Россійскимъ флотомъ во владѣніе ЕКАТЕРИНЫ Вторыя.

Побѣды Перьваго ПЕТРА изображенны,
Коль кратъ Его враги Имъ были пораженны;
Но прочія Его преславныя дѣла
Россія намъ собой вседневно показуетъ:
Она Имъ яко Кринъ Едемскій процвѣла,
И тѣмъ величество Его изобразуетъ.

На сторонѣ.

При Чесмѣ Агарянъ среди морскихъ зыбей,
ЕКАТЕРИНА тьму огромныхъ кораблей
Оружіемъ Своимъ во пепелъ обратила,
И знакъ Своихъ побѣдъ Герою посвятила,
Который основалъ и городъ сей и флотъ.
Проснися ПЕТРЪ! и зри трудовъ Своихъ Ты плодъ;
А плодъ сей намъ Твоя днесь Внука возрастила.

На другой.

Россійскіе орлы изъ Сѣвера достигли,
Съ палящей молніей и съ громомъ на Востокъ,
И тамъ Трофеи всѣхъ побѣдъ своихъ воздвигли,
Какія произвесть судилъ имъ щедрый рокъ.

НАДПИСЬ

КО
Мраморамъ Россійскимъ.

Чѣмъ Мемѳисъ нѣкогда и Вавилонъ гордился,
Чѣму во Греціи пространный свѣтъ чудился,
И чѣмъ превосходилъ надъ ними древній Римъ;
То все въ единой мы теперь Россіи зримъ.
Трудамъ симъ положилъ Великій ПЕТРЪ начало,
ЕКАТЕРИНИНО раченье ихъ вѣнчало.

ПИСЬМО

Василью Ильичу Бибикову о смерти Князя Ѳедора Алексѣевича Козловскаго, который скончалъ жизнь свою при истребленіи Турецкаго флота Россійскимъ, бывъ на корабле Евстафіи.

Когда хочу писать къ тебѣ сіи я строки,
Въ то время изъ очей моихъ льютъ слезны токи,
И изъ трепещущей руки перо падетъ,
О Бибиковъ! мой другъ! Козловскаго ужъ нѣтъ.
Онъ кончилъ жизнь, и намъ не зрѣть его во вѣки.
Пролей и ты о немъ со мною слезны рѣки;
Я знаю, что тебя встревожитъ вѣсть сія,
Ты, Бибиковъ ево любилъ равно какъ я:
Я знаю, что о немъ и ты стенати будешъ,
И знаю, что ево ты вѣчно не забудешъ.

Уже престала насъ сїя надежда льстить,
Что время какъ рѣка въ Понтъ вѣчности стремится,
А другъ нашъ никогда ужъ къ намъ не возвратится.
Не возвратится онъ, льзяль было вобразить?
Что рокъ готовился насъ вѣстью сей сразить.
О вѣсть ужасная! ты умъ мой устрашила,
Жестокая судьба, ты друга насъ лишила!
Хоть больше свойственно рыданїе женамъ;
Но можноль, Бибиковъ! о немъ не плакать намъ?
Кто самъ чувствителенъ и дружбы цѣну знаетъ,
Тотъ самъ, увидя насъ, и съ нами возстенаетъ.

Онъ болѣе другихъ тобою знаемъ былъ,
Ты знаешъ, сколько онъ отечество любилъ:
Художествъ и наукъ Козловскїй былъ любитель,
А честь была ему во всемъ путеводитель.
Не шествуяль за ней онъ жизнь свою скончалъ?
И храброй смертїю дѣла свои вѣнчалъ.
Я мысленными зрю его теперь очами,
Неустрашеннаго межъ острыми мечами;
Когда Россїяне стремились на враговъ,
Чему, я думаю свидѣтель былъ Орловъ,
Свидѣтель дѣлъ его и былъ свидѣтель чести.
Преславный сей Герой увѣритъ насъ безъ лѣсти,
Когда его судьба во градъ сей возвратитъ,
Тогда онъ намъ о немъ подробно возвѣститъ,
Не сомнѣвайся въ томъ, и будь о семъ извѣстенъ:
Кто могъ намъ другомъ быть, тотъ долженъ быть и честенъ.
Сїе одно меня въ печали веселитъ,
Что онъ окончилъ жизнь, какъ долгъ и честь велитъ.
Имѣя во умѣ отечество драгое,
Такъ будемъ, Бибиковъ, съ тобою мы въ покоѣ:

Не станемъ болѣе крушится и стенать;
Но будемъ иногда его воспоминать.
Когда о храбрыхъ кто дѣлахъ вѣщати станетъ,
Козловскій первый къ намъ во умъ тогда предстанетъ;
Хвалу ли будетъ кто нелестнымъ плесть друзьямъ,
Онъ долженъ и тогда представиться глазамъ;
Иль съ нами раздѣлять кто будетъ время скучно,
Онъ паки въ памяти пребудетъ неотлучно;
Всечасно тѣнь его встрѣчать нашъ будетъ взоръ,
Наполненъ будетъ имъ всегда нашъ разговоръ.

И такъ хоть жизнь его судьбина прекратила,
А тѣло алчная пучина поглотила;
Онъ именемъ своимъ пребудетъ между насъ,
Мы будемъ вспоминать его на всякой часъ.

ПИСЬМО

Александръ Андреевичу Беклешову, о смерти брата его Подполковника Арсенія Андреевича, убитаго при одержанной Россійскимъ войскомъ надъ Турками побѣдѣ у Хотина, Августа 29 дни, 1769 года.

Велика Беклешовъ сія утрата,
Лишился своего любезнаго ты брата,
Лишился купно въ немъ ты друга своего,
Оплачь, мой другъ, оплачь умѣренно его!

Пролей о немъ изъ глазъ источники ты слезны;
Скажи въ послѣднія: прости мой братъ любезный,
И болѣе сего ты слезъ своихъ не лей;
Ты сердце мужеско въ напасти сей имѣй,
Давай съ разсудкомъ ты сїю природѣ плату,
И буди мужествомъ своимъ подобенъ брату.
Хотя его судьба жизнь кратку отняла,
Но прежде показавъ въ немъ храбрыя дѣла.
Пускай бы онъ еще на свѣтѣ семъ остался,
Пускай бы въ старости глубокой онъ скончался:
На что желати намъ? на что должайшїй вѣкъ?
Не лѣтами великъ, дѣлами человѣкъ:
Коль бѣдствїя тѣснятъ, волнуютъ духъ нашъ страсти,
И всякой часъ грозятъ намъ разныя напасти,
И коль необоримъ на свѣте рокъ ничемъ;
Не лутчель кончить жизнь, какъ кончилъ онъ съ мечемъ!
Представъ передъ собой, ты брата и героя,
Сражавшагось среди ужастнѣйшаго боя;
Представь, какъ онъ враговъ смертельно поражалъ:
Представь, какъ врагъ предъ нимъ въ смятенїи бѣжалъ;
Имѣючи въ себѣ онъ душу толь геройску,
Оставилъ славу тѣмъ и честь Россїйску войску;
Оставилъ память онъ безсмертну по себѣ,
Оставилъ купно честь и роду и тебѣ.

ПИСЬМО

Графу Захару Григорьевичу Чернышеву.

О ты, случаями испытанный Герой!
Котораго видалъ вождемъ Россїйскїй строй,
И знаетъ какова душа твоя велика,
Когда ты дѣйствовалъ противу Фридерика;
Потомъ когда Монархъ сей намъ союзникъ сталъ,
Онъ храбрость самъ твою и разумъ испыталъ,
Не сѣтуй, что и днесь ты вновь не побѣждаешъ,
Довольно что ты строй къ побѣдамъ учреждаешъ;
Раченїе твое и неусыпной трудъ,
Участїе во всѣхъ побѣдахъ тѣхъ берутъ,
Которые творятъ Россїйскїе Алкиды,
Подъ покровительствомъ Минервиной Егиды.
Уже ты славенъ былъ на Марсовыхъ поляхъ:
Потребно славиться въ другихъ тебѣ дѣлахъ.
Неутомимая твоя прилѣжность нынѣ
Не менѣе побѣдъ нужна ЕКАТЕРИНѢ;
Она тебя въ сей трудъ преславный избрала!
Ей должны быть твои извѣстны и дѣла,
Дѣла твои и трудъ, и то Ей все извѣстно,
Что духъ имѣешъ ты геройскїй, сердце честно.
Ты отъ премудрости ея заемля свѣтъ;
Преподаетъ ево для будущихъ побѣдъ
И не завидуетъ другихъ щастливой долѣ;
Лишъ можетъ быть скорбишь? что ты не въ ратномъ полѣ,
Гдѣ побѣдители вїютъ себѣ вѣнцы,
И слава ихъ дѣла гласитъ въ земны концы;
Но слава не должна сїя тебя тревожить,
Она еще должна твою собою множить;

Когда угодно то Монархинѣ твоей,
Чтобъ ты при Ней въ числѣ избранныхъ былъ мужей.
Ты долженъ сей судьбѣ быть съ радостью послушенъ:
Я вѣдаю, что ты премудръ,, великудушенъ.
И можноль чтобъ того чемъ духъ былъ побѣжденъ,
Когда на свѣтъ къ дѣламъ вѣликимъ кто рожденъ.
Не спорю я о томъ, что лестно побѣждати:
Не меньше лестно есть съ Богиней разсуждати,
Изъ устъ Ея слова Божественны внимать
И видѣть купно въ Ней Манархиню и Мать.
Пускай тамъ Визерей Румянцовъ побѣждаетъ:
Пусть Панинъ твердые вновь грады осаждаетъ:
Пускай Орловы тамъ Стамбулъ къ ногамъ попрутъ
И лавры новыя съ побѣдъ своихъ сберутъ.
Заслуги и твои не меньше ихъ почтутся,
Когда они отъ насъ въ потомство предадутся,
ЕКАТЕРИНА всѣмъ надежда вамъ и свѣтъ
И милостей лучи на всѣхъ васъ пролïетъ.

ПИСЬМО

Его Сїятельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову на отбытїе Его изъ Санктпетербурга въ Москву во время заразительной въ ней болѣзни, для истребленїя оныя.

Внимая жаръ моихъ къ тебѣ усердныхъ словъ,
Прими нелестную ты пѣснь мою Орловъ!
Что чувствую душой, что сердцемъ ощущаю,
То нынѣ предъ тобой я искренно вѣщаю;
Не мни, чтобъ лесть къ тому подвигла мой языкъ,
Вѣщаю истинну, что прямо ты великъ.
Не въ санѣ я твоемъ великость быть мечтаю,
Дѣла твои пою и пѣвъ ихъ почитаю;
Когда на славный сей ты подвигъ побужденъ,
Ты выше смертнаго мнѣ кажешся рожденъ,
И мною, когда сїе до позныхъ дней достигнетъ,
Потомство наше, въ честь тебѣ Трофей воздвигнетъ.
Какогожъ дара днесь достоинъ ты отъ насъ?
Сїе да воспоетъ божественный Парнассъ.

Не тѣмъ ты есть великъ, что ты Вельможа первый,
Достойно симъ почтенъ отъ Росской ты Минервы,
За множество твоихъ къ Отчеству заслугъ;
Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ:
Не самуюль къ нему ты дружбу тѣмъ являешъ,
Когда ты спасть Москву отъ бѣдствїя желаешъ.

Не ложно просвѣтилъ тебя Минервы лучь,
Что шествуеши ты въ средину страшныхъ тучь,
Которыя другихъ однимъ смутили видомъ;
Но ты грядешъ покрытъ Минервинымъ Егидомъ.

Какой могу примѣръ сыскать душѣ твоей?
Едва ли кажется мнѣ равнымъ быть и сей,
Чемъ Курцій въ древности на вѣкъ себя прославилъ,
Скочивъ въ палящу хлябь и Римъ отъ бѣдъ избавилъ.
Не болѣель сего въ тебѣ мы нынѣ зримъ:
Москва въ опасности днесь больше нежель Римъ.
Не баснословнаго тамъ гнѣвъ вожженъ Плутона:
Она исполнена рыданія и стона.
Но ты летишъ ея отъ бѣдствія спасти,
Пресѣчь въ ней смертный страхъ, спокойство принести,
Народъ отъ страшнаго унынія избавить,
Чудовище сразить и вѣкъ златый возставить.
Дерзай прехрабрый мужъ, дерзай на подвигъ сей,
Возстанови покой межъ страждущихъ людей!
Да всѣ они сему послѣдуя примѣру
Изъ мыслей изженутъ ужасну ту Химеру,
Которая смутивъ собой престольный градъ,
Вліяла во умы народа лютый ядъ,
И въ слабыя сердца болѣзнь и неустройство:
Извлечь ихъ изъ сего души твоей есть свойство.
Достойно, чтобъ твоей геройскою рукой
Введенъ опять въ Москву желанный былъ покой,
Чтобъ вмѣсто мрачныхъ дней тамъ дни сіяли ясны,
Съ намѣреньемъ Ея Владычицы согласны.
Гряди, и дай сію Москвѣ пріятну дань,
И паки передъ Тронъ Монархини предстань.
Которая Свое блаженство въ ономъ ставитъ,
Что славою Своей Свою державу славитъ,
Что въ области Ея народъ Ея цвѣтетъ,
И что Она его избавила отъ бѣдъ.

Когдажъ подщишся ты Москву отъ бѣдъ избавить,
Ей должно образъ твой среди себя поставить,
И вырѣзать сїи на камени слова:
Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва.

СТИХИ

Его Сїятельству Князю Александръ Алексѣевичу Вяземскому, при наложенїи на него ордена, Святаго Апостола Андрея, 1773 года Генваря 6 дня.

Любовь во подданныхъ Монархи тѣмъ раждаютъ,
Когда они людей достойныхъ награждаютъ.
И есть ли кто степень не лестью получилъ;
Но тѣмъ что онъ себя заслугой отличилъ,
Тотъ только лишъ того завистникомъ имѣетъ,
Кто въ лѣности живетъ о пользѣ не радѣетъ;
А кто со щщанїемъ о должности радитъ,
Тотъ радуясь другихъ на щастїе глядитъ.
Ты Вяземской мой духъ подвигъ своей судбиной,
Прославленъ нынѣ ты: и кѣмъ? ЕКАТЕРИНОЙ.
Она тебя за всѣ похвальныя дѣла
Андреевскимъ крестомъ и грамотой почла,
Которая въ себѣ твой трудъ изображаетъ
И данный знакъ тебѣ собою уважаетъ.
Живи во щастїи, по правдѣ поборай,
Люби твоихъ друзей и зависть презирай.

СТИХИ

Его Превосходительству господину Генералу-Маіору и Кавалеру Александръ Васильевичу Суворову.

Кто храбрость на войнѣ съ искуствомъ съединяетъ,
Тотъ правильно число Героевъ наполняетъ;
Суворовъ ты въ себѣ тѣ качества явилъ,
Когда съ немногимъ ты числомъ Россійскихъ силъ
На превосходнаго напавъ тебя злодѣя,
Разбилъ его и такъ, какъ вихремъ прахъ развѣя,
Къ Дунайскимъ гналъ брегамъ, упорной сей народъ
Пригналъ и потопилъ въ струяхъ кровавыхъ водъ.
Я зрю! крутитъ волна поганску кровъ съ тѣлами,
Рѣка прославленна Румянцова дѣлами,
Въ пучину черную съ водою кровь лїетъ,
И ударяясь въ брегъ, Срацинскїй, вопїетъ:
Внемлите Агарянъ неистовые строи,
Какїе въ воинствѣ Россїйскомъ есть Герои:
Румянцовъ лишъ кому захочетъ повелѣть;
То всякой васъ изъ нихъ возможетъ одолѣть.

Его Свѣтлости Князю Григорью Александровичу Потемкину.

Любитель чистыхъ Музъ, наперстникъ Апполона,
Кому былъ спутникъ Марсъ, сопутница Беллона;
Участникъ подвиговъ военныхъ и побѣдъ,
Которыхъ на брегахъ Дунайскихъ виденъ слѣдъ,
Потемкинъ! моея внимая Лиры гласа,
Къ ЕКАТЕРИНѢ будь предстателемъ Парнаса;
Да Лиры всѣхъ пѣвцевъ достойныхъ возгремятъ!
Что ты есть истинной Россійскіи Меценатъ.

АГРІОПА

ТРАГЕДІЯ

ВАСИЛЬЯ МАЙКОВА.

Представлена въ первый разъ на придворномъ театрѣ 1769 года Октября 13 дня, въ Санктпетербургѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АГРІОПА, Царевна Мизійская.

ТЕЛЕФЪ, Князь изъ Грецїи.

АЗОРЪ, Вельможа Мизїйскїй.

АЛЬБИНА, Наперсница Агрїопы.

АРИСТОНЪ, Наперсникъ Телефа.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

ВОИНЫ, Греческїе и Мизїйскїе.

А.В. Кокорева

Дѣйствїе въ городѣ Теуфранїи, въ Царскомъ домѣ.

АГРІОПА

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

АГРІОПА и АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА.

Уже плачевные обряды мы скончали
И день, Царевна, тотъ насталъ, чтобъ всѣ печали
Пріяли обществу желаемый конецъ.

АГРІОПА.

Альбина! Теуфранъ мнѣ Царь былъ и отецъ.
И можетъ ли печаль та скоро быть забвенна,
Котора въ грудь мою толь твердо вкорененна?
Она по днесь еще во мнѣ тревожитъ кровь.

АЛЬБИНА.

Не исцѣлитъ ли скорбь твою сія любовь,
Которую всегда къ Телефу ты хранила?
Теперь желанная минута наступила,
Въ которую вамъ съ нимъ во брачный храмъ вступить,
И руки и сердца на вѣкъ соединить.
Но что, Царевна! ты смущаешся?

АГРІОПА.

Смущаюсь.
И какъ смущенїе прервать я ни стараюсь,
Оно всегда одно владычествуетъ мной.

АЛЬБИНА.

Иль вновь, Царевна, чѣмъ смутился твой покой?

АГРІОПА.

Смущенья моего признакъ довольно ясный,
Альбина, можетъ ли снести любовникъ страстный,
Четыре дни свою любовницу не зрѣть?
Четыре дни Телефъ возмогъ сїе терпѣть.
Ты знаешь, такъ ли онъ со мною обращался
Въ то время, какъ ево мной взоръ еще прельщался:
Онъ всякой часъ меня въ печали посѣщалъ,
Онъ всякой часъ мои мученья облегчалъ:
Когда его любить я прямо начинала,
Я о родителѣ не такъ уже стенала,
И на конецъ, увы! въ плачевны оны дни,
Какъ должно вображать лишь бѣдствїя одни,
Воображала я Телефа предъ собою,
Какъ спасъ онъ моего отца средь смертна бою.
И что должна ему я вольностью моей.
Вотъ чѣмъ гордится онъ - - - побѣдою своей.

АЛЬБИНА.

Повѣрь, что онъ на вѣкъ твоимъ плѣнился взоромъ.
Царевна, изъяснись о семъ ты со Азоромъ,
Онъ Князя всякой день съ собою вмѣстѣ зритъ,
Князь часто о дѣлахъ съ Азоромъ говоритъ:
А сей вельможа былъ отцемъ твоимъ прославленъ
И покровителемъ твоимъ теперь оставленъ;
Онъ можетъ быть твое сомнѣнїе прервѣтъ.

АГРІОПА.

Но Княжеско меня отсудствіе мятетъ,
И паче то меня страшитъ и удивляетъ,
Онъ флотъ свой къ шествію отсель уготовляетъ;
Отсудствіе его и страшный сей снарядъ,
Не ясноль мнѣ его являютъ сердца хладъ.

АЛЬБИНА

Онъ только что теперь лишь видѣлся со мною,
И здѣсь хотѣлъ предстать не медля предъ тобою.
Но се!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЯ и ТЕЛЕФЪ.

ТЕЛЕФЪ.

Царевна, я пришелъ тебѣ донесть,
Для слуха твоего противнѣйшую вѣсть:
Противъ желанія я бракъ нашъ отлагаю,
И съ войсками отсель ко Троѣ поспѣшаю,
Гдѣ всѣхъ собраніе Героевъ и Царей,
Туда стремлюся я отъ брачныхъ олтарей.
Сіе по власти я безсмертныхъ начинаю,
И только лишь о томъ тебѣ напоминаю,
Чтобъ ты позволила пріяти мнѣ вѣнецъ,
Которой завѣщалъ отдать мнѣ твой отецъ.

АГРІОПА

Коль Теуфраново ты помнишь завѣщанье,
Такъ долженъ и свое ты помнить обѣщанье.

ТЕЛЕФЪ

Возможноль исполнять тогда мнѣ свой обѣтъ;
Когда меня судьба въ опасности зоветъ.

АГРІОПА.

Скажи, мой Князь! вину толь странныя премѣны;
Ты идешъ воевать Троянски горды стѣны,
Ты идешь подкрѣпить союзные полки,
Ты идешь показать тамъ мочь своей руки,
И я желаю тамъ тебѣ себя прославить;
Но для чего меня ты мнишь теперь оставить?
Давно ли отъ тебя, давноль слыхала я,
Что будетъ только мной щастлива жизнь твоя,
И что останешся ты въ вѣкъ благополученъ,
Когда лишь ты со мной пребудешь не разлученъ.
Гдѣ дѣлася теперь та искрення любовь?

ТЕЛЕФЪ.

Она волнуетъ всю во мнѣ текущу кровь.

АГРІОПА.

А естьли ты ко мнѣ любовїю пылаешь,
За чѣмъ ты данный мнѣ обѣтъ перемѣняешь?

ТЕЛЕФЪ.

О семъ, любезная, я много помышлялъ,
И пользу я и вредъ въ семъ дѣлѣ исчислялъ,
Всѣ исчисленїя мои остались тщетны,
Встрѣчаются со мной препятства неисчетны.
Помышлю лишь о томъ, что къ брани я иду,
Ужасну для тебя я въ бракѣ зрю бѣду;
То небо во своей еще имѣетъ власти,
Достигну ли я тамъ желаемыя части,
Ещель меня моя тамъ храбрость вознесетъ,
Иль строгая война мой вѣкъ пресѣчетъ;
Ты будешь вдовствуя препровождать жизнь слезну.
Оставь любезная, ты мысль толь безполезну,
Чтобъ нынѣ приступать предъ жертвенникъ со мной!

Еще я и тогда, Царевна, буду твой,
КакЪ слава загремитЪ по всей земли трубою,
Что сила Греческа повергла горду Трою:
Я возвращаяся оттоль кЪ тебѣ назадЪ,
ПодЪ лаврами введу вторично войски вЪ градЪ,
И вЪ храмѣ приступивЪ предЪ жертвенникЪ сЪ тобою,
Спрягу мою судьбу на вѣкЪ сЪ твоей судьбою.

АГРІОПА

ЧѣмЪ ждать еще сего: сЪ кровавыя войны,
Ты придешь вЪ городЪ сей вЪ обЪятія жены.
Иль то забвенно днесь, любезный Князь тобою,
Что мы обязаны ужЪ клятвою святою?
Хотя и не былЪ ты предЪ брачнымЪ олтаремЪ,
Но вспомни, о мой Князь! ты клялся мнѣ предЪ кѣмЪ;
Се самые теперь ты видишь здѣсь чертоги,
Свидѣтели тому АхиллЪ, и сами боги.
ПосредникомЪ межЪ насЪ былЪ храбрый сей Герой:
Ты клялся мнѣ, что ты на вѣки будешь мой,
Ты клялся, что со мной здѣсь сядешь на престолѣ,
И я тогда твоей была согласна волѣ.
Не принужденную отецЪ меня вручалЪ,
СЪ желаніемЪ моимЪ меня онЪ обручалЪ;
Не храбраго тогда Ахилла я страшилась,
Тобою я самимЪ, тобою я плѣнилась,
Хотя народЪ и былЪ нашЪ вами побѣжденЪ;
Но духЪ мой, гордый духЪ, не симЪ былЪ принужденЪ.
Когда бы твоего я взора не видала,
Я и вЪ плѣненіи бЪ свободна пребывала.

ТЕЛЕФЪ.

Предстать ко олтарямЪ желалЪ бы я и самЪ.
Но что? когда не такЪ угодно небесамЪ

АГРІОПА

А естьли ты со мной не хочешь сочетаться,
То какъ возможетъ тронъ во власть твою достаться?
Воспомни, что тебѣ родитель мой вѣщалъ,
Когда онъ при концѣ о царствѣ завѣщалъ,
Онъ рекъ тебѣ: Телефъ, тобою я избавленъ,
Тобою я еще на свѣтѣ былъ оставленъ,
Когда меня Ахиллъ повергъ къ своимъ ногамъ,
Я долженъ жизнью былъ Телефу и богамъ,
Которую теперь въ спокойствіи кончаю,
А дочь мою тебѣ со трономъ поручаю.
Та рѣчь его теперь тверда въ умѣ моемъ.

ТЕЛЕФЪ.

Не спорю я съ тобой, дражайшая, о семъ,
Что къ трону приступить дорогою иною
Не льзя, какъ должно быть тебѣ моей женою,
Я брака бъ не бѣжалъ, но должность мнѣ велитъ,
Чтобъ я ко Троѣ шелъ - - -

АГРІОПА.

Не должность насъ дѣлитъ,
Но нѣчто тайное ты въ сердцѣ заключаешь - - -
Ты потупляешь взоръ и мнѣ не отвѣчаешь.
Се воздаяніе горячности моей!

ТЕЛЕФЪ.

Внемли, любезная, вину напасти сей:
Готовяся вступить въ союзъ съ тобой священный,
Имѣлъ тобой мои я мысли восхищенны,
И прежде нежель въ бракъ хотѣлъ съ тобой вступить,
Нептуна жертвами намѣренъ былъ почтить;
Но вотъ свершилось что: о часть моя презлая!
Увѣнчанъ былъ олтарь, и огнь на немъ пылая,
Ко ужасу жрецовъ священный огнь погасъ,

По томъ отъ олтаря былъ страшный сей мнѣ гласъ:
,,Ты въ роскоши низпавъ въ покоѣ пребываешь,
,,А долгъ и честь свою совсѣмъ позабываешь.
,,Гнѣвъ божескъ надъ тобой, туши ево туши,
,,Прїявши скипетръ здѣсь, ко Троѣ ты спѣши.
Симъ кончилось сїе вѣщанїе ужасно,
Преслушаться сихъ словъ, ты знаешь сколь опасно,
Я повелѣнїя сего не небрегу,
И въ бракъ съ тобой вступить, Царевна не могу,
А ежели прейдетъ сїе несносно время,
Какъ съ плѣчь моихъ сложу толь тягостное бремя,
Изъ подъ Троянскихъ стѣнъ съ побѣдой возвратясь
Съ тобою сопрягусь бывъ Царь, Герой - - -

АГРІОПА.

Ахъ! Князь!
Внимай сїи слова божественныя прямо,
Докажетъ то тебѣ реченїе ихъ само;
Гремѣлъ во храмѣ гласъ, чтобъ взялъ ты Скипетръ сей,
То слѣдственно чтобъ взялъ со мной отъ олтарей.
А инако тебѣ держава не вручится.

ТЕЛЕФЪ.

Объемлетъ сердце хладъ, и духъ во мнѣ мутится,
Божественный отвѣтъ не смѣю толковать,
И только я его лишь долженъ исполнять.

АГРІОПА.

Забывъ мою къ себѣ любовь и сожалѣнье
Стремися исполнять толь строго повелѣнье,
Не воображай себѣ моихъ горчайшихъ слезъ,
Не воображай себѣ ты гнѣва отъ небесъ,
Которой на тебя днесь долженъ устремиться.

ТЕЛЕФЪ.

Ахъ! естьли бъ я возмогъ безъ скорьби удалиться
И естьлибъ я возмогъ толико быти твердъ,
Колико строгїй рокъ ко мнѣ немилосердъ,
Тогдабъ безъ жалости съ тобою я прощался,
И только бы одной лишь славою прельщался.

АГРІОПА.

Ахъ! знать что мысль она въ плѣненїе взяла,
И въ сердце вкралася, въ которомъ я жила - -
Но ты отсель бѣжишъ, рѣчей моихъ не внемлешъ,
Ахъ! Князь мой, что противъ меня ты предпрїемлешь?

ТЕЛЕФЪ.

Иду исполнити велѣнїе боговъ.

АГРІОПА.

Бѣги отъ глазъ моихъ, когда ты сталъ таковъ.

ЯВЛЕНІЕ. III

АГРІОПА и АЛЬБИНА.

АГРІОПА.

Ты видишь ли сїе, любезная Альбина,
Въ какїя горести ведетъ меня судьбина,
Какїя вижу я вокругъ себя бѣды,
Какїе съ сей любви сбираю я плоды;
Внималаль ты его со мною разговоры?
Внималаль ты его движенїя и взоры?

АЛЬБИНА.

Онъ можетъ быть смущенъ казался для того,
Что отлучается отъ взора твоего.

АГРІОПА.

Почтожь не хочетъ онъ союзъ окончить брачной?

АЛЬБИНА.

Страшится можетъ быть войны онъ неудачной,
Къ которой взялъ теперь намѣренье итти.
На смертномъ будетъ тамъ стояти онъ пути,
Гдѣ всѣ свирѣпости природа изливаетъ,
Гдѣ Царь и подданный равно сраженъ бываетъ,
Гдѣ ярость звѣрская между людьми горитъ
И смерть ни возраста, ни сана не щадитъ.
То можетъ быть его въ смущеніе приводитъ,
И для того онъ бракъ оставя прочь отходитъ.

АГРІОПА.

Альбина, можетъ быть, что мысль его не та,
И можетъ быть любовь его была мѣчта,
Котора страстные глаза мои прельщала,
Я сладости сіи лишь мысленно вкушала.
Онъ хочетъ, можетъ быть, вѣнчаться лишь вѣнцемъ,
Онъ только мнитъ о семъ, а болѣ ни о чемъ,
Лукавство скрытое завѣсою обмана!
Но что я говорю? иль въ томъ найду тирана,
Чья кровь ко мнѣ полна любовнаго огня,
Кто взоры страстные возводитъ на меня,
Кто всѣмъ вздыханіемъ моимъ соотвѣчаетъ . . .
Увы! поступокъ мнѣ не то ужъ въ немъ являетъ.
Поди любезная, потщись меня спасти,
Ты можешь разговоръ съ Азоромъ завести,
Онъ можетъ быть его поступокъ разумѣетъ,
Какой противъ меня сей Князь теперь имѣетъ.
Но нѣтъ; когда бы онъ его коварство зналъ,
Онъ вѣрность мнѣ свою, конечнобъ доказалъ.
О боги! зрящіе во всѣ концы вселенной,
Вы видите одни обманъ сей сокровенной!

ЯВЛЕНІЕ IV.

АГРІОПА, АЛЬБИНА и ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

По волѣ Княжеской украшенъ брачный храмъ,
Въ которомъ съ нимъ предстать предъ жертвенники вамъ;
Народъ и воинство, весь градъ того желаетъ,
Да Гименей на тронъ отцевъ тебя вѣнчаетъ.

АГРІОПА.

Напрасно торжества, напрасно градъ сей ждетъ,
Когда и мнѣ къ тому надежды больше нѣтъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Что долженъ я понять изъ словъ твоихъ, Царевна?

АГРІОПА.

На васъ и на меня судьба стремится гнѣвна.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Какой еще ея ты намъ вѣщаешь гнѣвъ?

АГРІОПА.

Ахъ! естьлибъ вѣдалъ ты, что мнитъ теперь Телефъ

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Онъ мнитъ о бракѣ - - -

АГРІОПА

Нѣтъ, онъ мнитъ лишь о престолѣ,
И я, и вы должны остаться здѣсь въ неволѣ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Ужасну изЪ твоихЪ я устЪ внимаю вѢсть,
Иль ты примѢтила какую вЪ КнязѢ лесть?

АГРІОПА.

Я только говорю, что я и вы несчастны;
И можетЪ быть ему мы будемЪ всѢ подвластны.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ

Еще онЪ не взошелЪ на твой, Царевна, тронЪ,
Еще владѢетЪ здѢсь народомЪ симЪ не онЪ,
Твоей подвержено здѢсь все наслѢдной власти,
Ты можешь отвратить грозящи намЪ напасти.

АГРІОПА.

Но чѢмЪ мы отвратимЪ сїю опасность, чѢмЪ?

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Твоею волею и воинства мечемЪ.

АГРІОПА.

Еще вЪ народѢ страхЪ по днесь неистребился,
КакЪ вЪ наше воинство АхиллЪ сЪ мечемЪ стремился,
И вЪ ярости своей какЪ левЪ тьмы агнцовЪ гналЪ,
Когда родитель мой предЪ нимЪ вЪ сраженьи палЪ,
ИзЪязвленный внесенЪ ко мнѢ вЪ сїи чертоги,
Что зрѢла я тогда? О праведные боги!
Родителя вЪ крови лежаща предЪ собой.
ВоспоминаньемЪ симЪ мятется разумЪ мой!
Но днесь хоть тотЪ Герой отсудствуетЪ отселѢ
ТелефЪ, тогда былЪ сЪ нимЪ при томЪ ужасномЪ дѢлѢ.
И страшенЪ такЪ же мечь намЪ Князя и сего,
КаковЪ вЪ десницѢ былЪ Ахилла самого.
И что мы можемЪ днесь начать сЪ ослабшимЪ войскомЪ?

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Умреть за истинну во подвигѣ Геройскомъ,
Иль лавръ передъ тебя побѣды принести.

АГРІОПА.

Возможетъ ли сїе душа моя снести!
Для пользы только той, чтобъ быть мнѣ здѣсь на
тронѣ,
Вѣрнѣйшихъ чадъ моихъ въ ужасномъ слышать сто-
нѣ,
И зрѣть ихъ за меня лїющуюся кровь.
Сїя ли, ахъ! моя къ отечеству любовь,
Прїятна ль будетъ мнѣ сея побѣды слава?
Какъ дороги вы мнѣ мой скипетръ и держава!
Я къ вамъ должна теперь убивствомъ приступать,
И кровїю людей наслѣдство покупать.
Нѣтъ, пусть я здѣсь терплю одна нещастье злое,
О чада вѣрные! останьтесь вы въ покоѣ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Возможно ли кому въ покоѣ пребывать,
Когда ты будешь здѣсь бѣды претерпѣвать,
Едина нашего бывъ скипетра достойна.

АГРІОПА.

Я можетъ быть еще напрасно безпокойна;
И можетъ быть его единъ холодный видъ,
Уже напраснымъ мнѣ мученїемъ грозитъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Народъ, Царевна, весь за честь твою востанетъ,
И къ пагубѣ его ужаснымъ громомъ грянетъ.

АГРІОПА.

Не тщетно, отче мой, народъ ты сей любилъ,
Не тщетно ты ему толико щедрымъ былъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Устами говорю я цѣлаго народа,
Что должность и законъ, и самая природа,
Велятъ тебя всему отечеству любить.
Ты нами можешь всѣ напасти отвратить.

АГРІОПА.

Предупреждаючи грозящему раздору;
Пойду еще предстать я Княжескому взору,
И естьли бы возмогъ онъ мысли премѣнить,
Онъ могъ бы мой престолъ и сердце получить.
Всесильны небеса! вы насъ отъ бѣдъ спасите,
И прежнее сюда спокойство возвратите.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТЕЛЕФЪ и АРИСТОНЪ.

ТЕЛЕФЪ.

Сказалъ ли Аристонъ Азору мой приказъ?

АРИСТОНЪ.

Предъ очи онъ твои хотѣлъ предстать сей часъ,
Распорядя въ полкахъ, во храмѣ и во градѣ
Прилично торжество, въ которомъ ты къ отрадѣ
Народа здѣшняго, воспріймешь сей вѣнецъ.

ТЕЛЕФЪ.

Желаніямъ моимъ не сей еще конецъ;
Не скипетръ сей страны мой страстный духъ прельщаетъ.
Онъ новыя въ себѣ напасти ощущаетъ.
И можетъ ли тогда сей скипетръ быть мнѣ милъ,
Когда лишуся той, съ кѣмъ сердце раздѣлилъ.

АРИСТОНЪ.

Ты съ тою къ здѣшнему престолу приступаешь,
Къ которой ты давно любовію пылаешь.
И та, котора Тронъ и съ сердцемъ отдаетъ
Ко брачнымъ олтарямъ съ тобой приступитъ . . .

ТЕЛЕФЪ.

Нѣтъ
Не тѣмъ уже теперь я пламенемъ пылаю,
Я только лишь отвѣтъ исполнити желаю.
Вникалъ ли водъ Царя ты гласъ со олтарей?
Онъ только мнѣ велитъ пріяти Скипетръ сей.

АРИСТОНЪ.

Но Агріопѣ ли отвѣтъ сей безполезенъ?

ТЕЛЕФЪ.

Не можетъ намъ онъ быть обѣимъ съ ней любезенъ.

АРИСТОНЪ.

Едины мысли въ немъ и имъ единъ конецъ,
Съ Царевною прими страны сея вѣнецъ.

ТЕЛЕФЪ.

Любовь хотѣла такъ, къ лютѣйшей мнѣ напасти,
Дабы Нептуновъ внукъ въ ея былъ строгой власти.
О небо! для чево почтенъ я титломъ симъ?
Когда она и мной играетъ какъ другимъ.

АРИСТОНЪ.

Но въ чемъ же, Государь, тебѣ она премѣнна?

ТЕЛЕФЪ.

То чувствуетъ теперь лишь грудь моя стѣсненна:
Богъ моря мнѣ велитъ ко Троѣ поспѣшать,
А богъ любви претитъ съ Царевной бракъ свершать.
Вини, коль я тебѣ кажуся малодушенъ,
А я обѣимъ симъ владѣтелямъ послушенъ;
Единаго внималъ во храмѣ я отвѣтъ,
Другова гласъ давно въ крови моей живетъ,
И сердце страстное и душу наполняетъ,
И мысли нѣжныя въ ужасны премѣняетъ.
Я долженъ днесь предстать съ Царевной предъ олтарь,
А сердцемъ и душей владѣетъ. . .

АРИСТОНЪ.

Государь!
Что долженъ изъ сего понять я разговора?
И сердцемъ и душей!

ТЕЛЕФЪ.

Владѣетъ Полидора.

АРИСТОНЪ.

Ты Агріопою поднесь всегда пылалъ,
И ты ее имѣть супругою желалъ.

ТЕЛЕФЪ.

Ахъ! естьли бы еще въ моей то было власти,
Не чувствовалъ бы я ужасной сей напасти.
Я скоро бы мои мученья прекратилъ;
Но ядъ, сей сладкій ядъ я въ грудь мою пустилъ:
Чѣмъ больше отъ нее мой разумъ убѣгаетъ;
Тѣмъ больше утомясь мой духъ изнемогаетъ,
Безъ Полидоры мнѣ противенъ и вѣнецъ.

АРИСТОНЪ.

Но знаетъ ли о семъ ея теперь отецъ?

ТЕЛЕФЪ.

Не знаю, знаетъ ли; но онъ мнѣ не опасенъ.
Я знаю то, что онъ мнѣ тронъ отдать согласенъ.

АРИСТОНЪ.

Измѣнникъ и Азоръ владычицѣ своей?

ТЕЛЕФЪ.

Онъ только власти тѣмъ покорствуетъ моей.

АРИСТОНЪ.

Какое же твое намѣренье?

ТЕЛЕФЪ.

Такое:
Царевнѣ я сказалъ, что я иду ко Троѣ.

АРИСТОНЪ.

Таиъ ты ее совсѣмъ оставить предпріялъ?

ТЕЛЕФЪ.

Ахъ! знать не для нее сей огнь во внѣ пылалъ.

АРИСТОНЪ.

Она къ тебѣ горитъ любовїю безмѣрной,
И думаетъ ли быть въ тебѣ ей лицемѣрной?

ТЕЛЕФЪ.

Не думалъ я и самъ съ начала быть таковъ;
Но что, когда такой предѣлъ мнѣ отъ боговъ,
Чтобъ сердце нѣжное имѣлъ я къ Полидорѣ,
Чтобъ всѣ я прелести въ ее лишь видѣлъ взорѣ,
Которыхъ для меня миляя въ свѣтѣ нѣтъ?

АРИСТОНЪ.

Представь, о Государь! что скажетъ цѣлой свѣтъ?
Что скажутъ о тебѣ Герои тѣ почтенны,
Которые теперь при Троѣ съединенны,
Которыхъ общїй всѣхъ совѣтъ опредѣлилъ,
Дабы ты, Государь, Царемъ странѣ сей былъ.

ТЕЛЕФЪ.

Приказъ Героевъ сихъ исполненъ будетъ мною,
Я буду царствовать надъ здѣшнею страною.

АРИСТОНЪ.

Ты долженъ на Престолъ съ Царевною вступить.

ТЕЛЕФЪ.

Сего то, Аристонъ, не льзя совокупить.

АРИСТОНЪ.

Намѣренье твое о Князь мой мнѣ ужасно!

ТЕЛЕФЪ.

Совѣты подавать тому уже напрасно,

Кому назначено жестокою судьбой,
Лишиться крѣпости не властвовать собой.

АРИСТОНЪ.

Бывалаль чѣмъ твоя душа преоборима,
Бывала ли тобой измѣна чья терпима?
Что здѣлалось тебѣ, ты нравъ перемѣнилъ?

ТЕЛЕФЪ.

Я долгу, и любви и чести измѣнилъ,
Я чувствую и самъ то страшно преступленье,
Подай мнѣ помощь - - - Ахъ! къ чему сiе прошенье
Во преступленiи лишь каяться начну,
И вспомня милый зракъ, раскаянье кляну.
Я каюсь, но могуль, то здѣлать, что желаю;
Нѣтъ! преступленiе я снова утверждаю,

АРИСТОНЪ.

Я жалость чувствую - - -

ТЕЛЕФЪ.

И такъ я рвусь стеня,
Оставь, любезной другъ, оставь, не мучь меня,
Не обличай меня въ томъ, что я предпрiемлю,
О Агрiопѣ я ужъ болѣе не внемлю:
Не тронется мой слухъ отъ толь ужасныхъ словъ.
Намѣренье мое исполнить я готовъ.

ЯВЛЕНIЕ II.

ПРЕЖНIЕ и АГРIОПА.

АГРIОПА.

Прости мнѣ, Государь, что я въ моемъ смятеньѣ,
Дерзаю возмутить твое уединенье,

И естьли раздражилъ тебя поступокъ сей,
Оставь ты Государь, то слабости моей,
Которой я теперь неволею вдаюся;
Я можетъ быть съ тобой на вѣки растаюся;
Но не отшествїе твое меня страшитъ,
Страшитъ меня, увы! поступокъ твой и видъ.
Въ то время, какъ отсель ко брани ты отходишъ
Не таковой совсѣмъ ты взоръ ко мнѣ возводишъ,
Въ которомъ быть должна видна твоя печаль.
Ахъ! видно что тебѣ меня уже не жаль!
Предпринимая толь намѣренье сурово,
Скажи мнѣ, молвилъ ли о мнѣ хотя ты слово?
Иль ты меня совсѣмъ и въ мысли не имѣлъ,
Гдѣ дѣлась та любовь, которой ты горѣлъ?

ТЕЛЕФЪ.

Она въ груди моей - - -

АГРІОПА.

Возможно ли повѣрить?

ТЕЛЕФЪ.

Когда бы предъ тобой хотѣлъ я лицемѣрить,
Я сердце бы твое надеждой упоилъ,
Божественный отвѣтъ совсѣмъ бы утаилъ,
И сочетавшися съ тобою симъ обманомъ,
Боговъ бы прогнѣвилъ, тебѣ бы сталъ тираномъ.

АГРІОПА.

Ахъ! видно оное изъ дѣйствїя сего,
Что ты не чувствуешъ мученья моего,
Въ которомъ я теперь нещастная томима.
О! небо, естьли бъ я была тобой любима!

ТЕЛЕФЪ.

Не сумнѣвайся въ томъ Царевна никогда,
Почтенїемъ тебѣ я долженъ на всегда.

АГРІОПА.

Почтеньемъ, Государь! - - - тово ли я желаю?
Когда тобою я нещастная пылаю.
Ты болѣе бы тѣмъ меня теперь почтилъ,
Когда бы обо мнѣ хоть вздохъ ты испустилъ - -
И естьли бъ - - - ахъ мой князь! - - - ты мнѣ не-
отвѣчаешь.
Ты самъ въ холодности себя изобличаешь;
Какой враждебный богъ твой нравъ перемѣнилъ,
И сердце нѣжное во власть свою плѣнилъ.

ТЕЛЕФЪ.

Я сердцемъ и собой ужъ больше не владѣю . . .
Изъидемъ Аристонъ, - - -

АГРІОПА.

О Боги! я хладѣю.
Жестокой, вспомни ты - - -

ТЕЛЕФЪ.

О чемъ мнѣ вспоминать!
Я долженъ часть мою на вѣки проклинать.
О боги вѣчные! на скорбь мою воззрите,
И мнѣ нещастному въ напасти помогите!

АГРІОПА.

Ахъ! естьли бы ты зрѣлъ - - -

ТЕЛЕФЪ.

Когда бы могъ я зрѣть,
Не сталъ бы я и самъ напасти сей терпѣть,
Тяжка моя напасть: когда бъ ее ты знала,
Неблагодарному ты больше бъ не вѣщала.

АГРІОПА.

Не благодарному! - - - ахъ льзя ль тебѣ имъ быть?

И льзя ли, Князь, тебѣ любовь мою забыть?
На что выводишь ты меня изъ заблужденья,
Пусть ложныя бъ меня питали вображенья,
Пускай бы я еще въ безумствѣ семъ была,
Я мнила бы, что я еще тебѣ мила.
За всю мою любовь, невѣрной, ты въ награду
Отъ-емлешь у меня послѣднюю отраду.
Ахъ! льсти, невѣрной мнѣ, еще теперь ты льсти,
Я лесть твою могу удобнѣе снести,
И бывъ сей сладкою отравой упоенна,
Не буду чувствовать, что я тобой презрѣнна.

ТЕЛЕФЪ.

Увы! прекрасная, мнѣ милъ еще твой взоръ.
Пойдемъ скоряй отсель, скончаемъ разговоръ.

АГРІОПА.

Я вижу, что тебѣ я скуку только множу,
Останься; я тебя ужъ больше не встревожу,
Останься и забудь усердїе мое!

ЯВЛЕНІЕ. III

ТЕЛЕФЪ и АРИСТОНЪ.

АРИСТОНЪ.

Такъ предпрїемлешь ты намѣренье сїе?
И къ беззаконому толь дѣлу приступаешь.
Въ какой ты, Государь днесь безднѣ утопаешь!
Ты самъ смущаешся и испускаешь стонъ.

ТЕЛЕФЪ.

Оставь меня, оставь любезный Аристонъ,
И дай собрати мнѣ разсѣянныя мысли.

АРИСТОНЪ.

Исчисли, Государь, ты бѣдствїя исчисли,
Какимъ подвержены теперь мы будемъ здѣсь,
Когда противу насъ востанетъ градъ сей весь,
Извѣстнымъ сдѣлавтись о лютой сей измѣнѣ.
Дѣла на свѣтѣ всѣ подвержены премѣнѣ:
Когда намѣреньи твои не такъ пойдутъ,
Ласкатели твои далеко отбѣгутъ,
Которые теперь толпами окружаютъ,
И что ни скажешь ты хвалами утверждаютъ.

ТЕЛЕФЪ.

Не таковыхъ себѣ имѣю я друзей,
Которы только льстятъ лишь слабости моей:
Они ко мнѣ всегда усердїе являютъ,
И видѣти меня Царемъ своимъ желаютъ.
Имѣвъ сей громъ въ рукѣ, иль грянуть не могу?
Случаи строгїе я всѣ превозмогу.

АРИСТОНЪ.

Кто скипетры у Владыкъ злодѣйски исторгаетъ;
Того Всевышнїй гнѣвъ ужасно постигаетъ.
Помысли Государь! что хочешь ты начать?
Ты хочешь здѣсь себя на тронѣ увѣнчать,
Лиша наслѣдницу ея законной власти;
Намѣренье сїе исполнено напасти!

ТЕЛЕФЪ.

Отвсюду предстоитъ мнѣ лютая напасть,
Меня взываетъ честь, меня смущаетъ страсть:
Равно и честїю, и страстїю влекуся,
И чтя любезну честь, о чести не пекуся.
О Полидора! твой плѣнилъ мя вѣчно взоръ;
Но ахъ! скончаемъ рѣчь, приходитъ къ намъ Азоръ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЕЛЕФЪ, АЗОРЪ и АРИСТОНЪ (*которой отдаляется*)

ТЕЛЕФЪ.

Поди, любезной другъ, прерви мое мученье.

АЗОРЪ.

Доколѣ, Государь, ты будешь въ семъ смущеньѣ?
Народа множество склонилося ко мнѣ:
Единыхъ златомъ я привлекъ къ твоей странѣ,
Другіе зря, что къ намъ ужъ первые склонились,
За ними и они къ тому же устремились.
Я имъ истолковалъ, что ты достоинъ взять
Державу, и не бывъ Царю Мизійску зять.
Тобою, Государь, дана ему пощада,
Избавитель Царя, и здѣшняго ты града:
Достоитъ, чтобъ тебѣ правленіе вручить,
На тронъ тебя взвести, порфирой облачить.
Иль столько мы къ тебѣ не благодарны будемъ,
Что нашего въ тебѣ защитника забудемъ.
Ты отъ неволи насъ старался свободить,
А мы твой будемъ духъ неволею томить;
Всходи на здѣшній тронъ, и будь владыка граду,
И избирай себѣ невѣсту ты въ награду.
Не можетъ въ томъ тебѣ Царевна упрекать,
Чтобъ ты ея хотѣлъ наслѣдный тронъ отнять;
Ты кровью взялъ его и воинства урономъ.

ТЕЛЕФЪ.

Когда то будетъ такъ, ты будешь передъ трономъ
Великій мужъ, и вѣрь, что правду говорю,
Ты будешь первый другъ здѣсь новому Царю.
Но вотъ какое я препятство зрю къ отрадѣ,
Царевна множество друзей имѣетъ въ градѣ

И естьли скоростью ее не упредимЪ,
Усилившуюся не скоро побѢдимЪ.

АЗОРЪ.

Царевна, Государь, намЪ слабая препона,
Она отдалена и такЪ уже отЪ трона.
Ты можешь скипетрЪ взять Царевну истребя.

ТЕЛЕФЪ.

ЧтобЪ послѢ я, увы! гнушался самЪ себя,
ЧтобЪ совѢсть грудь мою терзала повсечасно.
НамѢренье сїе безбожно и ужасно!

АЗОРЪ.

ТакЪ долженЪ быть ЦаремЪ ты сЪ ней надЪ сей страной.

ТЕЛЕФЪ.

Коль нѢтЪ уже кЪ тому дороги мнѢ иной,
Я лутче скипетрЪ сей во власть ее оставлю,
А дѢломЪ таковымЪ себя не обезславлю.

АЗОРЪ.

Какїя жЪ мѢры мысль твоя предприняла?

ТЕЛЕФЪ.

Что бЪ я на ТронѢ былЪ, Царевна бы жила,
И немогла бы мнѢ препятствовать собою.

АЗОРЪ.

ПослѢднїй мой совѢтЪ представлю предЪ тобою:
ВозмогутЪ корабли твои намЪ вЪ томЪ помочь,
На нихЪ ты повели отдать Цареву дочь,
И не вредя чрезЪ то своей ни мало славы,
Вели ее отвезть на край сея державы,
А тамЪ подЪ стражею вЪ довольствїи хранить.

ТЕЛЕФЪ.

Что можетъ насъ, Азоръ, въ семъ дѣлѣ извинить?
Царевну безъ вины послати въ заточенье,
Поступокъ будетъ сей мнѣ вѣчное мученье,
Ахъ нѣтъ! я на сїе никакъ не соглашусь.

АЗОРЪ.

Такїя слабости безмѣрно я страшусь:
Народъ о нашемъ весь намѣренье извѣстенъ,
Кто знаетъ, будетъ ли онъ весь толико честенъ;
Что бъ кто изъ онаго не могъ намъ измѣнить;
Тогда уже насъ что возможетъ извинить,
И что предпримимъ мы?

ТЕЛЕФЪ.

Мой духъ изнемогаетъ.

АЗОРЪ.

Коль слабость такову страсть въ мысль тебѣ влагаетъ,
Отворенъ брачный храмъ и жертвенникъ готовъ,
Спрягись съ Царевною не слушая боговъ.

ТЕЛЕФЪ.

Я власти ихъ всегда, любезный другъ, послушенъ.

АЗОРЪ.

Такъ буди Государь теперь великодушенъ,
Еще тебѣ твой другъ нелестно говоритъ:
Доколь народъ къ тебѣ усердїемъ горитъ,
Всходи, и утвердись сей день на семъ престолѣ.

ТЕЛЕФЪ.

Я и по томъ еще остануся въ неволѣ,
Которую моя мнѣ участь навела - - -
Я признаюсь тебѣ - - - мнѣ дочь твоя мила!

АЗОРЪ.

Когда ты, Eосударь, сдѣсь сядешь на престолѣ,
Тогда ты по своей сїе исполнишь волѣ,
И ежели сего моя достойна кровь - - -

ТЕЛЕФЪ.

То здѣлали твои заслуги и любовь,
Они произвели сей случай намъ полезной,
Позволь мнѣ самому донесть моей любезной,
Что такъ ее теперь нарекъ мой страстный духъ,
Она супруга мнѣ, я буду ей супругъ

АЗОРЪ.

Когда ты, Государь, ее симъ удостоилъ,
Потребно, чтобъ свое ты сердце успокоилъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

АЗОРЪ.

Желанїе и цѣль моихъ Геройскихъ думъ,
О честолюбїе! ты мой плѣняя умъ,
Не представляло мнѣ сея великой части,
Чтобъ я Монаршїя возмогъ достигнуть власти;
Хотя мой гордый духъ всегда прельщалъ сей тронъ,
Но чрезъ препятствїя далекъ казался онъ.
Теперь я счастьемъ симъ моей сталъ долженъ дщери:
А хитрость ей моя отверзла къ счастью двери;
Царевнѣ мною путь ко трону пресѣченъ,
Она въ сїю же ночь не узритъ здѣшнихъ стѣнъ,
Не узритъ болѣе и Княжескаго взора.
Все счастїе сїе есть счастїе Азора!
Комужъ принадлежитъ престолъ сей какъ не мнѣ?

Телефъ всю мысль свою имѣетъ о войнѣ,
Устроенный мной гласъ зоветъ его подъ Трою,
Я хитростью моей тамъ ковъ ему устрою;
Для власти Царскія, для счастія сего,
Не долженъ я щадить на свѣтѣ ничего,
Не долженъ я внимать дочерня буду стона.
Мой жребій есть престолъ, и часть моя корона!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЗОРЪ и АГРІОПА.

АГРІОПА.

Поди и упокой мой томный духъ, Азоръ.
Но что я зрю? и твой печаль являетъ взоръ.
Конечно о моей ты вѣдаешъ напасти?

АЗОРЪ.

Когда бы то въ моей, Царевна, было власти,
Несчастья бы сего твой духъ не ощущалъ.
Кто истинну всегда всѣмъ сердцемъ защищалъ,
Тотъ зритъ съ прискорбіемъ стѣсненну добродѣтель.
Едина грудь моя неложный въ томъ свидѣтель,
Какимъ я ужасомъ объятъ внезапно былъ,
Когда Телефъ сію мнѣ тайну объявилъ,
Что небо въ бракъ ему вступить не позволяетъ,
И съ войсками отсель ко Троѣ посылаетъ.

АГРІОПА.

Когда такой предѣлъ судьбою положенъ,
Что городъ сей Телефъ оставить принужденъ.
Не спорю я, пускай ко Троѣ онъ отходитъ,
Лишь только то меня въ сомнѣніе приводитъ,
Почто онъ безъ меня на Тронъ спѣшитъ вступить?
Онъ долженъ ставъ моимъ супругомъ Царь здѣсь быть;
А инако ему Царемъ здѣсь быть не можно.

АЗОРЪ.

Но скиптръ ему не взявъ итти не осторожно.
Хоть всѣ къ нему теперь усердіе хранятъ,

Но естьли выступитъ онъ съ войсками за градъ,
Не утвердя себѣ страны сея державы,
Ты знаешь подлости испорченные нравы,
И знаешъ склонность сихъ бунтующихъ сердецъ.

АГРІОПА.

Ахъ! естьли бъ мысль его на сей была конецъ!

АЗОРЪ.

Чего жъ должна теперь, Царевна, ты страшитьсь?

АГРІОПА.

Страшуся моего я скипетра лишиться.

АЗОРЪ.

Иль клятвы онъ свои захочетъ премѣнить?
Легко ль любви, богамъ и чести измѣнить!

АГПІОПА.

Когда ты клятвы столь святыми почитаешь,
Азоръ, ты по своей такъ чести разсуждаешь;
Но можно ль знать другихъ движенíе сердецъ?

АЗОРЪ.

Пускай онъ шествуетъ прíявъ себѣ вѣнѣцъ,
А возвратясь оттоль побѣдою вѣнчанный,
Окончитъ бракъ съ тобой толь много имъ желанный.

АГРІОПА.

Поступкомъ Княжескимъ мятется духъ мой весь..

АЗОРЪ.

Но въ обэтоятельствахъ. въ какихъ теперь мы днесь,
Какою сражены мы гнѣвною судьбою,
Народъ нашъ зритъ, еще тотъ ужасъ предъ собою,
Когда родитель твой былъ смертно пораженъ,

Сколько много о мужахъ рыдало бѣдныхъ женъ,
И естьли бъ не Телефъ, те бъ всѣ отцы и дѣти
И ты сама должна поносный плѣнъ терпѣти.
Народу льзя ль тому въ желанье отрицать:
Кого защитникомъ онъ долженъ почитать?

АГРІОПА.

Но не довольно ли и такъ почтенъ онъ мною,
Когда сама хочу я быть его его женою?
Хочу и скипетръ мой во власть ему отдать,
Онъ будетъ скипетромъ со мною обладать.
Чемъ должно жертвовать еще сему Герою?
Иль должно, что бъ и я была его рабою?
Но я, Азоръ, не такъ на свѣтъ произошла,
Что бъ я въ его когда подданствѣ быть могла.
Что скажешь мнѣ, и что начать велишь такое?
Иль хочешь, что бы я отечество драгое
Телефу безъ себя повѣрила во власть.

АЗОРЪ.

О небо! отврати отъ насъ сію напасть!
Но ты не раздражай его, Царевна, болѣ,
Онъ будетъ твой супругъ, коль будетъ на престолѣ;
А нынѣ не влеки его упорствомъ въ гнѣвъ,
Ты знаешь сколь теперь опасенъ намъ Телефъ:
Противу грома грудь поставить безрасудно,
Такъ намъ противу сихъ его бороться трудно.

АГРІОПА.

А естьли мы его допустимъ до сего,
Тогда еще трудняй возстать противъ его.

АЗОРЪ.

Что дѣлать намъ теперь, Царевна, я не знаю.
Все слабо, что о семъ я мнить ни начинаю.

Онъ страшенъ былъ, и есть, и будетъ на всегда,
И встать противъ его не можно никогда.

АГРІОПА.

На вѣрность я твою надежду всю имѣю.

АЗОРЪ.

Ты мнѣ владычица, тебѣ я долженъ ею,
Я долженъ жизнь мою за власть твою скончать;
Но что противъ его возможемъ мы начать?
Все предпріятіе въ томъ наше безполезно.

АГРІОПА.

О сколько бѣдно ты, отечество любезно!

АЗОРЪ.

Когда бы могъ сіе я силою пресѣчь,
Царевна, первой бы простеръ я острый мечь,
И сею бы рукой я жизнь пресѣкъ злодѣю.

АГРІОПА.

Не то противъ его намѣренье имѣю,
Въ отвагѣ таковой еще мнѣ нужды нѣтъ.
Полезенъ, мнѣ теперь, не мечь, но твой совѣтъ,
Усердіе твое и вѣрность мнѣ полезны.

АЗОРЪ.

Когдабъ я отвратить возмогъ минуты слезны,
Которыхъ я и самъ днесь долженъ трепетать!

АГРІОПА.

Ты долженъ не косня къ нему теперь предстать
И примѣчать его намѣренье прилѣжно,
Ещель надежда есть, иль зло намъ не избѣжно.
Поди къ нему теперь, что онъ тебѣ речетъ?

АЗОРЪ.

Усердїе мое на все меня влечетъ,
Мнѣ повелѣнїя всегда твои священны,
Останься и спокой ты мысли возмущенны.

АГРІОПА.

Чѣмъ можно мнѣ твое усердье превознесть?

АЗОРЪ.

Отходя.

Спѣши о сердце зло все въ дѣйство произвесть!

ЯВЛЕНІЕ II.

АГРІОПА

Еще я разными сомнѣньями мятуся,
И межъ надеждою и страха остаюся.
Надежда слабую отраду подаетъ,
А страхъ стѣсненну мысль тревожитъ и мятетъ.
Надежды не видавъ въ его смущенномъ взорѣ,
Едину хладность я внимала въ разговорѣ,
И естьли не могла и я его склонить,
Возможетъ ли Азоръ въ немъ мысль перемѣнить?..
Но нѣтъ, по крайности онъ мысль его узнаетъ,
Почто онъ быть со мной толь хладнымъ начинаетъ,
Почто онъ безъ меня прїемлетъ мой вѣнецъ?
Онъ сдѣлаетъ моимъ сомнѣнїямъ конецъ,
Какїя предпрїять противъ его мнѣ средства. . .

ЯВЛЕНІЕ III.

АГРІОПА и АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА.

Царевна! приготовь себя на страшны бѣдства.

АГРІОПА.

Какую ты несешь ко мнѣ, Альбина, вѣсть?

АЛЬБИНА

Все таинство и вся его проклята лесть
Открылися: уже завѣса та низпала,
Которая отъ насъ лукавство сокрывала.
Видна Царевна, ахъ! вся злость его видна,
О коль невѣренъ Князь! и сколько ты бѣдна!

АГРІОПА.

Невѣренъ мнѣ мой Князь? о праведные боги!

АЛЬБИНА.

Предупреждай теперь свои напасти строги,
Превозмогай себя, опасность разсмотри
И въ крайности такой всю крѣпость собери,
Чтобъ пользуяся врагъ твоимъ безплоднымъ стономъ,
Не овладѣлъ тебѣ принадлежащимъ трономъ.

АГРІОПА.

Какимъ ужаснымъ ты пронзенъ ударомъ слухъ!
Ахъ! дай Альбина мнѣ собрать послѣдній духъ.

АЛЬБИНА.

Коль не пріймешь мѣръ иныхъ противъ измѣны,
Оставишь ты на вѣкъ отеческія стѣны;
А ими обладать намѣренъ сей пришлецъ,
На то ли основалъ сей городъ твой отецъ,

Чтобъ Греки гордые въ немъ нами обладали,
А ты взирала бы изъ дальныхъ странъ въ печали
На скипетръ свой въ рукахъ держимый у враговъ,
Оставленный тебѣ въ наслѣдство отъ боговъ?

АГРІОПА.

Кто хищница его измѣнничьяго взора?

АЛЬБИНА.

Коварнымъ сердцемъ симъ владѣетъ Полидора.

АГРІОПА.

Альбина! . . . небеса! - - -

АЛЬБИНА.

Не ты ему мила.
Она его и мысль и сердце въ плѣнъ взяла,
Уже онъ не къ тебѣ возводитъ страстны взоры,
Я слышала его съ любезной разговоры:
Онъ клялся передъ ней до смерти вѣрнымъ быть,
Онъ клялся здѣсь ее на тронъ посадить.

АГРІОПА.

Ужасной вѣстію ты мысль мою разшибла!
Альбина, такъ моя надежда вся погибла.
Куда прибѣгну я? нѣтъ помощи ни гдѣ:
Я вся въ нещастіи, я вся теперь въ бѣдѣ!
Корыстолюбіе и твердый умъ плѣняетъ.
Я зрю, что и Азоръ мнѣ злобно измѣняетъ,
Увы! сраженна я жестокою судьбой . . .
Ахъ! нѣтъ сраженна я, невѣрный Князь, тобой!
О боги мстители! онъ клятвы забываетъ,
Альбина! что начать? мой духъ ослабѣваетъ,
И чѣмъ мнѣ отвратить сей страшный облакъ бѣдъ?

АЛЬБИНА.

Царевна умолчи, Азоръ къ тебѣ идетъ.

АГРІОПА.

О боги! ахъ злодѣй . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ и АЗОРЪ.

АЗОРЪ.

Скрѣпи, Царевна, грудь;
Внимай мои слова и мужественна будь,
И разсуждай, когда и самъ я унываю,
И самъ ужасную ту тайну открываю,
Которую когда бъ и я сообщникъ былъ,
Для пользы своея конечно бъ утаилъ;
Къ безчестью моему и къ горести безмѣрной
Телефъ измѣнникъ злой, Телефъ, сей Князь невѣрно
Забывъ твою любовь, забывъ и долгъ и честь,
Онъ любитъ дочь мою, но я - - -

АГРІОПА.

О странна вѣсть! - - -
Что слышу я? - - - Азоръ! ахъ ты ли мнѣ вѣщаешь?
Великодушіемъ ты умъ мой возхищаешь - - -
Ты вѣренъ мнѣ, увы! измѣнникъ мнѣ Телефъ.

АЗОРЪ.

Да устремятъ ко мнѣ безсмертны весь свой гнѣвъ,
Когда противъ тебя я что помышлю злобно - - -
Повѣрь - - -

АГРІОПА.

Такъ дочь твоя? - - -

АЗОРЪ.

И дочь моя подобно,
Не хочетъ измѣнить владычицѣ своей,
Она скрывается отъ Княжескихъ очей;
И сохраняючи святую добродѣтель,
Рекла мнѣ такъ: ты будь, мой отче, мнѣ свидѣтель,
Что не прельститъ меня толь знатная любовь;
Я зря достойную себя во дщери кровь,
Благодарилъ боговъ за даръ мнѣ ихъ толикой.

АГРІОПА.

О даръ божественный! о даръ души великой!
Усердіе, любовь и искренность твоя,
Достойны всей, Азоръ, награды моея.

АЗОРЪ.

Я вѣрности моей во вѣкъ не потѣряю.

АГРІОПА.

А я тебѣ сіе изслѣдовать ввѣряю;
Ты можешь лишь единъ отъ бѣдъ меня спасти.

АЗОРЪ.

О естьлибъ въ дѣйство могъ я все произвести!

ЯВЛЕНІЕ V.

АГРІОПА и АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА.

Я вѣрности его, Царевна, удивляюсь.

АГРІОПА.

И новыхъ отъ нея я слѣдствій опасаюсь;

Мнѣ самая она сумнѣнье подаетъ,
Когда измѣнникъ дочь его на тронъ ведетъ,
Возможноль, что бъ ему то щастїе не льстило?
О ты прекрасное небесное свѣтило!
Ты видишь таинства сокрыты отъ людей,
Ты видишь, можетъ быть, что онъ ужъ мнѣ злодѣй!
Но я еще себя отъ зла сего избавлю,
Противу хитростей я хитрости поставлю.
Поди, Альбина, ты мнѣ воиновъ представь.
О небо! ты мнѣ силъ въ сей крайности прибавь,
Чтобъ я преодолѣть могла мое мученье!

АЛЬБИНА.

О боги! здѣлайте симъ мукамъ облегченье.

ЯВЛЕНІЕ VI.

АГРІОПА.

Таковъ ли ты мой Князь казался предо мной!
Тобой я думала возставить здѣсь покой,
И радость обновить и истребить печали;
Поступокъ твой и нравъ тому соотвѣчали!
Во щастїи весь вѣкъ я мнила провождать,
И такъ ли думала я царствомъ обладать?
Я мнила что гражданъ жизнь будетъ безмятежна.
И ахъ! сколь суетно была я въ томъ надежна.
Рокъ мнѣнїе мое совсѣмъ перемѣнилъ,
И вмѣсто тишины раздоръ здѣсь вкоренилъ;
Но я еще въ себѣ имѣю силъ толико,
Противиться любви, сколь пламя ни велико.
Иль слабости и мнѣ природны такъ какъ всѣмъ,
И могутъ дѣйствовать въ умѣ они моемъ?
Нѣтъ! духъ хотя во мнѣ любовью и пылаетъ,
Но польза пламень сей гасить повелѣваетъ.
Онъ можетъ быть на то сей тронъ себѣ крѣпитъ,

Да Грецїи ево на вѣкъ поработитъ;
Я вижу ясно весь твой умыселъ коварной
Постой о хищникъ злой, о льстецъ неблагодарной!
Я мстить еще тебѣ въ сей крайности могу,
Ты пренебрегъ любовь и я пренебрегу;
Когда нарушилась днесь истинна тобою,
Ты гнусенъ небесамъ, ты гнусенъ предо мною.
А ты измѣнница! источникъ бѣдъ моихъ,
Не будешь зрѣть меня въ моихъ напастяхъ злыхъ,
Воздамъ тебѣ сїе не жалобой одною . . .
Но ахъ! не ты, не ты виновна предо мною,
И осуждаешся напрасно нынѣ мной;
Не ты измѣнница: Телефъ измѣнникъ мой.

ЯВЛЕНIЕ VII.

АГРIОПА, ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ и ВОИНЫ.

АГРIОПА.

На васъ единыхъ я надежду полагаю,
Избавьте! къ вѣрности я вашей прибѣгаю!
Невѣрность Княжеска открылась мнѣ теперь,
Забывъ онъ клятвы долгъ, забывъ и чья я дщерь:
Не хочетъ что бы я была ево женою;
Но только хочетъ быть Царемъ надъ сей страною,
Рабу мою на тронъ съ собою хочетъ взвесть.
О чада вѣрныя! спасайте жизнь и честь
Царевны вашея и общую свободу,
И удержите здѣсь на тронѣ ту породу,
Котора множество владѣла вами лѣтъ,
И ахъ! безъ помощи днесь вашея падетъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Хотя къ тебѣ рабовъ усердныхъ и не много,
Которы отвратить желающъ время строго;

Но за тебя они, Царевна, всѣ пойдутъ,
И окончанія дневнаго только ждутъ,
Когда сокроетъ лучь свой солнце зо водами
И небо мрачными покроетъ ночь крылами,
Всѣ града жители умолкнутъ въ тишинѣ,
Не ожидаючи тревоги въ сладкомъ снѣ.
Внезапно налетимъ съ оружіемъ на спящихъ,
Поястъ всѣхъ алчный мечь противиться хотящихъ;
А вѣрныя сердца къ тебѣ соединитъ,
И состояніе во градѣ премѣнитъ,
Тогда подвержено твоей все будетъ волѣ,
И солнце здѣсь тебя освѣтитъ на престолѣ.

АГРІОПА.

Усердіе сіе есть громъ въ моихъ рукахъ,
Но ахъ! смѣшалась мысль, отчаянье и страхъ,
И близкая напасть, ко мщенью принуждаютъ;
А жалость и любовь еще остановляютъ. - - -
Разите дерзскаго, такъ рокъ опредѣлилъ,
Разите! - - - небеса! разить того, кто милъ.
Невѣрной! милъ ты мнѣ, но милъ уже напрасно,
Щадить тебя теперь для общества ужасно.
Отечество! народъ! о ты лютѣйша страсть!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Пріемли, утверждай твою наслѣдну часть!

АГРІОПА

О должность! о любовь! - - - о Князь! ахъ князь невѣрной!
Влечешь меня еще ты къ жалости безмѣрной!
О чада! естьли вы подвинетесь на гнѣвъ,
Воспомните, что мной любимъ еще Телефъ,
И что я свой престолъ, не жизнь его отъемлю - - -
О небо! что теперь я въ крайности пріемлю!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДЕЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТЕЛЕФЪ и АРИСТОНЪ.

ТЕЛЕФЪ.

Смѣшался весь мой умъ, уныніе, тоска,
Терзаютъ грудь мою, и смерть моя близка.
Любезный Аристонъ, гдѣ видѣлъ ты Азора?
Погибли мы теперь и я и Полидора.

АРИСТОНЪ.

Смущенныя слова во мнѣ тревожатъ кровь,
Что сталось, Государь?

ТЕЛЕФЪ.

Несчастная любовь!
Царевна вѣдаетъ, что я не ей пылаю. - - -
Пойду - - - но ахъ! куда итти ужъ я желаю?
Вездѣ послѣдуютъ мнѣ горести и стонъ.
Бѣги скоряй, бѣги, любезный Аристонъ!
Бѣги и собери мои во градѣ войски,
Еще произведемъ мы подвиги геройски.

АРИСТОНЪ.

Что хочешь, Государь?

ТЕЛЕФЪ.

Умреть, иль побѣдить,
Спасти любезную и васъ освободить.

АРИСТОНЪ.

Такъ о любви твоей Царевна извѣстилась?

ТЕЛЕФЪ.

Черезъ Альбину вся ей истинна открылась,
Она весь слышала межъ нами разговоръ,
Сей вѣстью поразилъ мой слухъ теперь Азоръ:
Со мною онъ найти мня дщерь свою едину,
Пошелъ къ намъ и узрѣлъ таящуюсь Альбину,
Позналъ коварство онъ, и вшелъ къ намъ поблѣднѣвъ,
Сказалъ: погибли мы возлюбленнный Телефъ!
Альбина у дверей сей комнаты стояла,
И естьли тайну словъ твоихъ она познала,
Она не преминетъ Царевнѣ донести.
Старайся ты себя и дочь мою спасти;
А я пойду отъ васъ Царевнѣ самъ открою,
И хитростью такой ей новый ковъ устрою,
Она не будетъ знать, что въ томъ участникъ я,
Чрезъ что я быть могу дѣлъ вашихъ судія.
И онъ мнѣ принесетъ всю мысль ея въ отвѣтѣ!

АРИСТОНЪ.

О беззаконїе неслыханное въ свѣтѣ!
И ты намѣренъ въ томъ послѣдовать ему.
Прилично ли сїе, ахъ! сану твоему?
Позволь мнѣ, Государь, позволъ себѣ вѣщати:
Ты долженъ истинну отъ лести защищати,
Ты долженъ самъ свои законы наблюдать
И долженъ самъ своимъ ты сердцемъ обладать.
Гдѣ правосудїе межъ смертныхъ водворится,
Когда оно въ самихъ Владыкахъ истребится?
Прости мнѣ. Государь, что дерзко говорю - - -

ТЕЛЕФЪ.

Увы! любезный другъ, я самъ то ясно зрю,
Что истинна уже мой умъ не просвѣщаетъ
И сердцу страстному тѣмъ гласомъ не вѣщаетъ,
Которымъ праведнымъ Владыкамъ говоритъ.

Любовнымъ пламенемъ вся кровь моя горитъ.
Я самъ свою въ себѣ днесь слабость осуждаю
И ахъ! я слабости сея не побѣждаю.
Вини меня, мой другъ! за слабость ты вини,
Вини поступокъ сей и злость мою кляни.
Правдивыя твои слова мой слухъ пронзаютъ,
А стыдъ съ раскаяньемъ всю грудь мою терзаютъ.

АРИСТОНЪ.

О естьли бъ былъ въ твоемъ раскаяньи успѣхъ,
Коликихъ бы ты бѣдъ избавилъ нынѣ всѣхъ!

ТЕЛЕФЪ (*Вынимая мечь свой.*)

Раскаянье мое лишь смерть моя едина,
Прервет напасти всѣ нещастнаго кончина,
Я кровь невѣрную рукой моей пролью - -

АРИСТОНЪ (*Удерживая.*)

Нѣтъ, кончи, Государь, ты прежде жизнь мою,
Пронзи ты прежде грудь несчастну Аристона!

ТЕЛЕФЪ.

Ахъ, дай избавиться мнѣ мукъ моихъ и стона!

АРИСТОНЪ.

Хотя бъ ты на меня теперь весь пролилъ гнѣвъ,
Не допущу что бъ жизнь скончалъ свою Телефъ.

ТЕЛЕФЪ (*Падая въ креслы.*)

Не воспрещай мнѣ жизнь окончить безполезну!

АРИСТОНЪ (*Ставъ на колѣни.*)

Иль ты захочешь насъ повергнуть въ страшну бездну,
Что бъ мы осталися во областяхъ чужихъ - - -
Зри, Государь, во мнѣ всѣхъ подданныхъ твоихъ.
Они къ тебѣ со мной въ тоскѣ своей взываютъ,

И слезы предЪ тобой со мною проливаютЪ.
Забудь вЪ отчаяньи народЪ свой ты, забудь,
Пронзай безЪ жалости отеческую грудь;
Коль ты священныя тѣ узы разрываешь,
И что ты намЪ отецЪ, совсѣмЪ позабываешь;
Ты долженЪ, Государь, и намЪ и небесамЪ.

ТЕЛЕФЪ.

Когда я жизнїю моей гнушаюсь самЪ,
Иль хочешь, что бы я терзался ею паче - -

АРИСТОНЪ.

Умри, оставь своихЪ родителей ты вЪ плачѣ,
Оставь и погрузи ихЪ вЪ горесть житїе.

ТЕЛЕФЪ

КЪ чему мнѣ, АристонЪ! на свѣтѣ бытїе,
Коль я не буду имЪ ужЪ пользовать народу?

АРИСТОНЪ.

Яви вЪ себѣ свою великую породу,
Увѣрь весь свѣтЪ, что родЪ твой идетЪ отЪ боговЪ;
Ступай ко Троѣ ты, противЪ своихЪ враговЪ;
Лавровые вѣнцы тебѣ ужЪ тамЪ готовы,
Прерви любви своей поносныя оковы,
Поди кЪ царевнѣ ты, вину свою открой
И изЪ любовника будь паки тотЪ Герой,
Которой удивлялЪ всю Грецїю дѣлами.

ТЕЛЕФЪ.

Увы! знать не хотятЪ того и боги сами!
Я о Царевнѣ самЪ, мой другЪ, теперь скорблю;
А Полидору я, какЪ жизнь мою люблю.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ и АЗОРЪ.

АЗОРЪ.

Престань ты, Государь, тревожиться напрасно,
Уже намъ мнимое нещастье не опасно:
Я предъ Царевною теперь лишь только былъ,
И самъ ей о твоей любови объявилъ,
Что страстенъ, Государь, ты дочерью моею,
Что я и самъ о томъ нещастіи жалѣю,
И что на то моей нѣтъ воли никакой.
Она довольна бывъ поступкою такой,
Внимала рѣчь сію, которой обольщалась
И мнимой вѣрностью моею восхищалась,
Препоручила мнѣ спасеніе свое.

ТЕЛЕФЪ.

А естьли городъ весь возстанетъ за нее?

АЗОРЪ.

Напрасно, Государь, тревожишся, напрасно:
Я въ Агріопѣ зрѣлъ отчаяніе ясно,
Она оставлена отъ всѣхъ своихъ друзей,
Все власти только здѣсь покорствуетъ твоей,
Опасности ни въ чемъ не видно ни какія,
Всѣ преклонилися сердца къ тебѣ людскія,
Въ полкахъ и при дворѣ всѣ думаютъ одно,
Что бъ было торжество сей день совершено;
Раздоръ противныхъ странъ чрезъ злато усмирился,
Хотятъ всѣ, Государь, чтобъ ты лишь воцарился.

ТЕЛЕФЪ.

Боюсь, чтобъ умыслъ нашъ ей не былъ откровенъ!

АЗОРЪ.

Сей тщетный страхъ совсѣмъ быть долженъ истре-
бленъ.

Что может нам вредить? мы войски здѣсь имѣем,
Или и явно ей противиться не смѣем?
Ты знаешь, Государь, что весь сей славный град,
Вокруг Нептуновым владычеством объят.
Лишь только возгласишь военною трубою,
Сей бог, сей сродник твой предъидет пред тобою
И всѣх тебѣ твоих злодѣев покорит.

ТЕЛЕФ.

Еще смущенный ум мой ужасом покрыт,
Одна ужасна мысль другую мнѣ раждает
И зыблющуюся надежду побѣждает.
Согласно все с моим жаланїем теперь,
Одна меня крушит твоя прекрасна дщерь,
Одна она с моим желаньем несогласна,
Иль будет жизнь моя лишь в ней одной нещастна.
Скажи, мой друг: скажи; открой мою напасть,
Не премѣнилась ли желанна мною часть?
К нещастью вѣчному и к жизни мнѣ ужасной,
Не тщетным ли возжен я пламенем к прекрасной

АЗОР.

О небо! отврати от нас нещастье то.

ТЕЛЕФ.

Но удаляется от глаз моих почто?

АЗОР.

Прости ей, Государь, что мысль ея мятется,
Довольно что она с тобою сопряжется.
Супруги должность в ней к тебѣ возбудит кровь,
За должностїю сей послѣдует любовь.
Не сѣтуй зря дѣвиц, в ней гордости уставы,

Ты знаешь нѣжныхъ ихъ сердецъ жестоки правы;
Всей будетъ оныя жестокости конецъ,
Когда надѣнешь ты порфиру и вѣнецъ.
Межъ тѣмъ вели полки на брань вооружати,
Намъ должно днесь сїю побѣду одержати,
Дабы во области твоей былъ здѣшнїй Тронъ.

ТЕЛЕФЪ *Аристону.*

Поди и исполняй, любезный Аристонъ,
Сбери мои полки и будь готовъ къ отпору;
А что вамъ исполнять, приказъ отдамъ Азору.

АРИСТОНЪ.

Приказъ твой, Государь, исполнить я готовъ.

(Отходя, на сторону.)

Но ахъ! противъ кого пойдемъ? противъ боговъ.

ЯВЛЕНIЕ III.

ТЕЛЕФЪ и АЗОРЪ.

АЗОРЪ.

Предосторожности всѣ мною предприяты:
Однимъ велѣлъ стрещи я Царскїя палаты;
Другимъ мной, Государь, сей данъ теперь приказъ,
Тогда какъ мрачныя наступитъ ночи часъ,
Царевну взявъ вести подъ стражу отдаленну.
Во всѣхъ я видѣлъ кровь симъ жаромъ распаленну;
Въ предосторожность же кровавыя войны,
Имъ знаки точные мной всѣмъ сїи даны:

(Указывая на знаки, которые у нихъ на рукахъ навязаны.)

Когда бъ нечаянно могъ брани часъ случиться,
Могли тѣмъ отъ своихъ злодѣевъ отличиться.

ТЕЛЕФЪ.

КакихЪ по томЪ, АзорЪ, могу я ждать отрадЪ!
Застонетъ воздухЪ весь, смутится весь сей градЪ!
Кровавые ручьи по улицамЪ польются,
Друзья друзьямЪ на смерть ужасну предадутся!
Мятежны гласы мой уже пронзаютЪ слухЪ:
Прилично ли имѣть ЦарямЪ толь злобный духЪ?
Не для смятенія, не для войны кровавой,
Владычествуетъ Царь пріятной имЪ державой.
А я пріемлю здѣсь державу для того,
Что бЪ градЪ лишнлся сей покоя своего,
Что бЪ здѣсь смятенія ужасныя настали,
Что бЪ послѣ на меня граждане возроптали,
Глася, что мною имЪ всѣ бѣдствія пришли,
И что бЪ они меня своимЪ тираномЪ чли.

АЗОРЪ.

Еще не внемлемымЪ тревожишься ты стономЪ;
Но дочь сопряжена моя со здѣшнимЪ трономЪ,
И естьли, Государь, его не хощешь взять;
Не буди ей супругЪ, и мнѣ не буди зять.
Что хочешь избирай, во власть твою вручаю.

ТЕЛЕФЪ.

Вездѣ ужасныя я бѣдствія встрѣчаю,
Отвсюду на меня ужасный громЪ гремитЪ,
И яко тучами бѣдами я покрытЪ,
Движенья разныя бьютЪ вЪ сердцѣ такЪ какЪ волны,
Различными страстьми смущенны мысли полны!
Коль здѣшняго вѣнца я взять не восхощу,
ПротивЪ себя я всѣхЪ ГероевЪ возмущу,
Которые теперь предЪ Троей вЪ ратномЪ полѣ:
Они хотятЪ, что бЪ я былЪ Царь на семЪ престолѣ.
ЗаконЪ сей, власть Царей великихЪ мнѣ дала,

А Полидора взорѣ и сердце отняла.
О Агріопа! я и самѣ тебя жалѣю - - -
И спасть уже тебя я власти не имѣю.

АЗОРЪ.

Не премѣнится мой тебѣ уже обѣтѣ - - -
Но что я зрю? - - - увы! Царевна кѣ намѣ идетѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ и АГРІОПА.

Ведомая на рукахѣ двухѣ женщинѣ которыя посадя ее вѣ кресы, удаляются, по данному имѣ Агріопою знаку, и стража ея.

АГРІОПА *Телефу.*

Ты новою меня напастью поражаешь,
Ты войски ввелѣ во градѣ, и ихѣ вооружаешь;
Скажи мнѣ, Государь! скажи мнѣ, для чего?

АЗОРЪ. *Смутившемуся Телефу.*

Крѣпися Государь!

ТЕЛЕФЪ *Царевнѣ.*

Для брака моего.

АГРІОПА.

Со мной? . . . Но ты молчишь, и мнѣ не отвѣчаешь
Ты только отѣ меня лишь взоры отвращаешь.

ТЕЛЕФЪ.

Увы! ужѣ не вѣ моей то власти состоитѣ;
Я долженѣ исполнять, что небо мнѣ велитѣ.

АГРІОПА.

Когда бЪ ты исполнялЪ небесно повелѣнье,
Не впалЪ бы предо мной вЪ сїе ты преступленье.
ИзмѣнникЪ! коль забылЪ ты данный мнѣ обѣтЪ,
Ни истинны вЪ тебѣ, ни чести больше нѣтЪ.
Но что я говорю? ужЪ должно ли Герою,
Которой сЪ войсками идетЪ повергнуть Трою,
Подвластну клятвамЪ быть обѣты исполнять,
И обЪ отмщенїи Всевышнемъ помышлять?
Прости мнѣ, Государь, что вЪ мысляхЪ безпокойныхЪ,
Не предузнала свойствЪ душѣ твоей пристойныхЪ.
Вини меня, вини, достойна я тому,
Что слѣпо вѣрила я слову твоему.

ТЕЛЕФЪ.

Заслуживаю ли такїе я упреки,
Когда не преступалЪ я клятвЪ своихЪ во вѣки?

АГРІОПА.

Другая можетЪ быть щастливѣй будетЪ вЪ семЪ,
Котору хочешь ты вѣнчать моимЪ вѣнцемЪ,
Которая тебѣ меня достойнѣй зришся.
Но какЪ передо мной дерзнулЪ ты притвориться?
За искренность мою, за мой сердечный жарЪ,
Невѣрный! ты мнѣ крылЪ ужасный сей ударЪ.
Скажи преступникЪ, чѣмЪ тебѣ я досадила,
Что злоба мысль вЪ тебѣ толь гнусную родила?
Ты могЪ бы отЪ меня взорЪ прежде отвращать,
Но ахЪ! почто меня старался ты прельщать?

ТЕЛЕФЪ.

Увы!

АГРІОПА.

Вздыхаешь ты, злодѣй, уже напрасно.

ТЕЛЕФЪ.

Когдабъ во власти я имѣть могъ сердце страсно,
Я клятвъ бы данныхъ мной во вѣкъ не премѣнилъ.

АГРІОПА.

Я вижу ужъ теперь, что ты мнѣ измѣнилъ,
И ежели моей не чувствуешь любови,
Щади по крайности народовъ бѣдныхъ крови.
Не мни, дабы легко ты тронъ мой получилъ:
Я силы всѣ мои поставлю противъ силъ.
Коль нѣжное еще имѣешь воображенье,
Представь себѣ представь кровавое сраженье,
Представь растерзанны людей своихъ тѣла,
И естьли жизнь тебѣ ихъ нѣсколько мила;
Пребудь еще о нихъ ты въ сожалѣньи маломъ,
Пронзи мнѣ бѣдну грудь мучительскихъ кинжаломъ!
И пощади ты кровь несчастливыхъ людей.

ТЕЛЕФЪ.

О боги! естьли бъ могъ я быть ея злодѣй.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ и АЛЬБИНА.

(*Выбѣгающая на театръ въ крайнемъ смятеніи.*)
О боги мстители! о праведные боги!
За чѣмъ злодѣямъ симъ, за чѣмъ еще не строги? --
Царевна! - - - небеса подайте помощь намъ!
Царева! часъ насталъ лютѣйшимъ всѣмъ бѣдамъ.
О лютая напасть! ужасное мученье!
Готовься въ нощь сію, Царевна, въ заточенье:
Измѣнники твои Телефъ, и съ нимъ Азоръ.
Взведи Царевна ты, взведи на знакъ сей взоръ.
(*Указывая на знаки.*)
Злодѣйскій оный знакъ их кажетъ преступленье,
Сей знакъ есть на твое, Царевна, истребленье.

АЗОРЪ *(пораженный симъ словамъ.)*

Бунтуетъ духъ во мнѣ!

ТЕЛЕФЪ. *то же*

Разгнѣванные боги!

АГРІОПА. (*Телефу.*)

Оставь злодѣй, оставь скорѣй мои чертоги,
Когда ты изтребилъ мнѣ данный съ клятвой жаръ.
За клятву небеса готовятъ свой ударъ;
Земля передъ тобой ужъ пропасть разверзаетъ,
И адъ всѣхъ на тебя тирановъ вооружаетъ.
Польется предо мной твоя злодѣйска кровь,
Коль тако воздалъ ты за всю мою любовь,

(*Азору*)

А ты о лютый ядъ! ужаснѣйшій мучитель!
На толь тебя почтилъ симъ саномъ мой родитель,
Чтобъ чувствовала я тобой бѣду сію?
О отче мой! питалъ не друга ты, змію!

АЗОРЪ.

Я помню милости, кто былъ мнѣ благодѣтель;
Сама мнѣ такъ гласитъ святая добродѣтель.
Я милость твоего отца теперь ношу,
А милостей твоихъ имѣть я не хощу:
Телефъ мнѣ Государь, Телефъ наслѣдникъ трона,
Ему принадлежитъ по правамъ силъ корона;
А гнѣва твоего нимало не страшусь.

АГРІОПА.

Не думай ты злодѣй, что я престола днесь лишусь;
Не всѣ невѣрны мнѣ, не всѣ мнѣ измѣнили,
Не всѣ какъ ты злодѣй сердца перемѣнили,
Пойду и соберу, остатки я полковъ.
А естьли предана отъ всѣхъ моихъ рабовъ,
Природа за меня сама днесь ополчится;
Ударитъ ярый громъ, весь воздухъ возгорится,
И молнія отъ васъ меня освободитъ,

Мнѣ небо противъ васъ и мечь, и шлемъ, и щитъ.
(*Уходитъ*)

АЗОРЪ *Телефу.*

Не медли, Государь, немедли, вооружайся,
Ступай и съ лютою злодѣйкою сражайся.

ТЕЛЕФЪ (*въ крайнемъ смущеніи.*)

О боги!

АЗОРЪ.

Государь полки твои стоятъ,
Ступай и защищай себя и здѣшній градъ.
(*Азоръ уводитъ Телефа противъ желанія его.*)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

Театръ представляетъ ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

АГРІОПА, ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ. *и нѣсколько воиновъ.*

АГРІОПА.

Ужасный часъ насталъ, ужъ дневное свѣтило
Спокойствіе мое съ собой въ пучину скрыло.
О вѣрные рабы! которыхъ случай злой
Соединилъ сердца геройскія со мной!
Коль вы за истинну поборствовать возженны,
Вы ею будете высоко вознесенны;
А естьли злобный рокъ намъ гибель приключитъ,
И въ славномъ подвигѣ со свѣтомъ разлучитъ,
Намъ слава житіе продлитъ межъ человѣки,
И загремитъ о насъ хвалою въ поздны вѣки.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Ступай и отвращай скорѣй сїю напасть,
Не можетъ нашихъ душъ ни что теперь потрясть,
Зависитъ отъ тебя, вели и устремимся.
Хоть рокъ бы самъ восталъ, и съ рокомъ мы сразимся!
Не медли, пользуйся ты жаромъ сихъ сердецъ. - - -

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ и АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА.

Измѣнникъ воспрїялъ, Царевна, твой вѣнецъ,
Народъ ему теперь во вѣрности клянется.
Спѣши, доколѣ бракъ злодѣйскїй не начнется,
Доколь соперница на тронъ твой не взойдетъ;
Спѣши и отвращай ужасну тучу бѣдъ.

АГРІОПА.

О боги! . . . о рабы! не медлите, ступайте,
И въ крайности меня нещастную спасайте.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *Воинамъ*.

Пойдемъ, иль все сїе злодѣйство отвратимъ,
Иль славно нашу жизнь на брани прекратимъ!

(Отходитъ съ поспѣшенїемъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

АГРІОПА и АЛЬБИНА.

АГРІОПА.

О рокъ! я вся теперь отъ страха каменѣю;
Пойдемъ и отомстимъ лютѣйшему злодѣю.
Я слышу страшный вопль! . . . насталъ ужасный часъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

АГРІОПА, АЛЬБИНА и ТЕЛЕФОВЫ ВОИНЫ, *которые на Агріопу хотятъ накладывать оковы.*

ОДИНЪ ВОИНЪ.

Мы должны данный намъ исполнити приказъ,
Останьтесь обѣ здѣсь въ чертогахъ не изходно.

АГРІОПА.

Злодѣямъ варварство всегда сіе природно!
Свирѣпые слуги тирана своего,
Берите, не страшусь я болѣ ни чего.
Се правосудія и милостей начало,
О боги! иль и въ васъ ужъ истинны не стало?

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ и ТЕЛЕФЪ.

Увидя что воины его хотятъ Царевну ковать.

Оставьте дерзкіе, не прикасайтесь ей!

АГРІОПА.

О варваръ! о тиранъ! о лютый мой злодѣй!
Отнявши мой престолъ, боговъ не устрашайся,
Не діадимою, злодѣйствомъ украшайся,
Рази! вотъ грудь моя, когда въ сіе ты въникъ;
Губи мучитель, ты къ злодѣйствію привыкъ.

ТЕЛЕФЪ.

О Боги! вся моя днесь крѣпость безполѣзна!

АГРІОПА.

Да воспылаетъ адъ, и преужасна бездна
Извергнетъ на тебя лютѣйшія бѣды;
Да кровь твоя, твои покроетъ всѣ слѣды,
И самъ отъ своего злодѣйства да застонешь,
И жалобой боговъ и смертныхъ да не тронешь.
Да возгнушается вселенная тебя,
И на конецъ чтобъ самъ гнушался ты себя!
Чтобъ самъ себя злодѣй ты бѣгалъ и стращился. - -

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ АГРІОПИНЪ.

Выходитъ на театръ съ немалымъ числомъ воиновъ, изъ которыхъ многіе съ зажженными свѣчами, и всѣ съ обнаженными мечьми.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *Устремляется на Телефа.*

Уже конецъ твоей здѣсь власти совершился.

ТЕЛЕФЪ *Ему и воинамъ обнажа свой мечь.*

Постойте!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *Воинамъ которые и приближаются.*

Воины!

ТЕЛЕФЪ.

Кто первый лишь начнетъ,
Тотъ первый подъ моимъ ударомъ здѣсь падетъ.

АГРІОПА *Воинамъ же, которые и останавливаются.*

Остановитесь!

ТЕЛЕФЪ *Агріолѣ.*

Не ихъ я ужасаюсь,
Тебя одну я чту, тебѣ и покоряюсь,
Едина ты могла къ сему меня привлечь,
Единой я тебѣ даю мой острый мечь.

(Бросаетъ мечь свой.)

Прими ево и зри, каковъ я предъ тобою.
Теперь распоряжай нещастнаго судьбою,
И естьли хочешь ты меня спокойна зрѣть,
Вели жестокая сей часъ мнѣ умереть,
Вели меня разить, забудь что сей рукою
Отецъ твой былъ спасенъ среди кровава бою.

АГРІОПА.

Благодѣяніе ты злостью истребилъ,
Ты спасъ родителя, меня ты погубилъ.
Блаженству общества ты варваръ злой не внемля,
И тронъ ты у меня и сердце днесь отъемля,
Еще не чувствуешь ты дерзости своей. - - -
О боги вѣчные! о лютый мой злодѣй,
Почувствуй скорбь мою, тронись моей тоскою,
Иль ты не тронешься ужъ прозьбой никакою?
Примѣтишь ли злодѣй, что я тобой терплю,
И огорченна бывъ, еще тебя люблю.
Ахъ! естьли бъ я могла не чувствовать любви,
О варваръ! потекли бъ ручьи твоей крови.

ТЕЛЕФЪ.

Когда меня лишишь возлюбленной моей,
Тогда нещастную и кровь мою пролей.

АГРІОПА.

Ты варваръ мнѣ сего сказать не устыдился,
Не отъ людей на свѣтъ, отъ тигровъ ты родился,
О небо! вырви страсть изъ сердца моего.

ТЕЛЕФЪ.

Карай меня, карай, не чувствуй ничего.

АГРІОПА.

Я инако моимъ злодѣямъ не отмщаю,
Поди измѣнникъ, я тебя теперь прощаю:
Возми тиранъ владѣй кѣмъ взоръ твой сталъ прельщенъ.

ТЕЛЕФЪ.

Царевна! - - - небеса! куда я восхищенъ!
Царевна! ты мнѣ жизнь симъ словомъ возвращаешь,
Великодушїемъ ты смертныхъ превышаешь.
Я врагъ твой, я злодѣй, предатель и тиранъ,
Я строилъ ковъ тебѣ я крылъ тебѣ обманъ;
Но ты не мщенїемъ противника караешъ,
Великодушно гнѣвъ свой умѣряешь,
Въ которомъ бы меня могла ты наказать:
О небо! дай тебѣ во вѣки побѣждать.

АГРІОПА.

Поди изъ глазъ моихъ, рѣчей твоихъ не внемлю,
Оставь скорѣй мой градъ, оставь мою ты землю.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

АГРІОПА, ТЕЛЕФЪ, АЛЬБИНА, АРИСТОНЪ, ВОИНЫ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Скрѣпися, Государь!

ТЕЛЕФЪ.

Какая туча бѣдъ!

ВѢСТНИКЪ.

Ахъ! Полидора! - - -

ТЕЛЕФЪ.

Что?

ВѢСТНИКЪ.

Ее ужъ больше нѣтъ.

ТЕЛЕФЪ.

О боги!

ВѢСТНИКЪ.

Государь!

ТЕЛЕФЪ.

Разгнѣванные боги!

(Падаетъ въ руки воиновъ.)

АГРІОПА.

Что сдѣлалось, вѣщай?

ВѢСТНИКЪ.

Оставя сїи чертоги,
Азоръ велъ дочь свою во храмъ ко олтарю,
Гдѣ должно было ей супругой быть Царю;
Но воины твои внезапно набѣжали,
Противящихся имъ всѣхъ смертно поражали.
И въ семъ смятенїи пущенная стрѣла,
Возлюбленной его, ахъ! рокомъ тутъ была,
Пронзила нѣжну грудь, она безъ чувствъ упала,
Багряна кровь ручьемъ изъ раны побѣжала.
Нещастливый отецъ дать помощь ей хотѣлъ,
Но тщетно было все, языкъ ея нѣмѣлъ:
Онъ зря, что рокъ его надежду всю отъемлетъ,
На небо въ ярости свирѣпый взоръ подъемлетъ,

И рекъ: когда уже надежда вся прешла,
Дабы страна сія подвластна мнѣ была:
Я низости въ себѣ такія не имѣю,
Дабы кто властвовать надъ жизнью могъ моею.
Онъ многія хулы еще произносилъ,
И во отчаяньи кинжаломъ грудь произилъ.
Мы всѣ нечаянымъ ударомъ возмутились,
А къ ней послѣднія симъ чувства возвратились;
Казалось будто сей губительный кинжалъ
Отнявъ отцову жизнь, дочерню удержалъ;
Она узря его бездушна предъ собою,
Поражена была и паче сей судьбою.
Полмертвыя уста чрезъ силу отворивъ,
Спросила у меня: еще ли Князь мой живъ?
Жива ли, говоритъ, нещастная Царевна?
Сказалъ, что живы вы - - -

ТЕЛЕФЪ.

О участь горькая моя плачевна!

ВѢСТНИКЪ.

По томъ рекла: поди и Князю ты внуши,
Что бъ онъ узрѣвъ меня лишенную души,
Не рвался бъ, что я жизнь кончаю въ лучщемъ цвѣ-
тѣ,
Что зрѣть меня уже не будетъ онъ на свѣтѣ,
Что долгъ я общій всѣмъ природѣ отдаю:
Царевнѣ что бъ вину оставила мою,
Что Княжески глаза къ себѣ я обратила
И тѣмъ ея, и всѣхъ спокойство возмутила;
Я смертію моей вину мою плачу,
А блага ей всегда хотѣла, и хочу.
Послѣднее сіе лишь слово излетѣло,
Оставилъ духъ ее томящееся тѣло,

ТЕЛЕФЪ.

О рокЪ! свирѣпый рокЪ, чево меня лишилЪ?
Ты все свое на мнѣ свирѣпство совершилЪ!
Какою пораженЪ я гнѣвною судьбою!
Увы прекрасная! разстался я сЪ тобою.
О время, лютый день, мучительны часы!
Гдѣ дѣлися твои, любезная, красы? - - -
Я слышу голосЪ твой, и ты мнѣ укаряешь:
Меня на свѣтѣ нѣтЪ, а ты не умираешь.
Спѣши желанна смертѣ кЪ нещастному спѣши!
И жарЪ послѣднїй мой собою потуши,
Мое мученїе ужЪ больше не стерпимо.
Послѣдую тебѣ, умру необходимо! - - -
И се свирѣпый адЪ разверзся предомной.
Увы прекрасная! я вижу образЪ твой - - -
Постой любезный зракЪ, ково ты оставляешь,
Куда себя куда изЪ глазЪ моихЪ скрываешь?
Побудь прекрасная, побудь еще на часЪ,
Не вѣчно разлучилЪ сЪ тобой рокЪ злобный насЪ - -
Иду кЪ тебѣ, иду! - - -

АРИСТОНЪ.

БоговЪ для сильной власти!

ТЕЛЕФЪ.

Я ими ввержен сталЪ вЪ толь лютыя напасти,
Я ими разлученЪ сЪ возлюбленной моей - - -
Довольно ль боги отмщенЪ поступокЪ вами сей?
И естьли вы еще насытится хотите,
ВотЪ грудь злодѣйская, не медлите разите! - - -

АГРІОПА.

Содѣлай ты своимЪ мученїямЪ конецЪ! - - -

ТЕЛЕФЪ.

(Отдавая вѣнецъ.)

Возми неправильно отъятый мной вѣнецъ;
Да будетъ царствïе твое благополучно,
Останься и пребудь со щастьемъ не разлучно, - - -
О рокъ! я все тобой на свѣтѣ погубилъ.

АГРIОПА.

Коль ты уже ко мнѣ весь жаръ свой истребилъ,
И ежели моей не чувствуешь напасти,
Ступай въ свою страну и смѣйся тамъ сей страсти,
И въ торжествѣ когда входить въ свой будешь градъ,
Вмѣсти среди побѣдъ, что ты плѣнилъ мой взглядъ
И что ты за любовь мою столь воздалъ злобно.
О небо! есть ли зло гдѣ злу сему подобно? - - -
Но знать не трогаютъ слова мои твой слухъ.
Такъ зри тиранъ, какъ мой изъ тѣла выдетъ духъ!
(Хочетъ заколоться, но ее удерживаютъ Телефъ и Альбина, такъ что Альбина за руку, а Телефъ за кинжалъ.)

ТЕЛЕФЪ.

Постой и порази мое имъ сердце прежде,
И сотвори конецъ ты всей своей надеждѣ.
(Военачальникъ и воины улавъ на колѣни.)

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Царевна, для боговъ, для насъ себя щади!

АГРІОПА.

Оставь меня тиранъ, оставь меня, поди!
А вы мои рабы, возлюбленныя чада,
Вы будете теперь едина мнѣ отрада;
Я вами всѣ мои напасти прекращу,
И весь мой вѣкъ для васъ на пользу посвящу.

(При семъ стихѣ Агріопа выпускаетъ кинжалъ и онъ остается у Телефа.)

ТЕЛЕФЪ.

Живи во щастіи, единъ я только бѣденъ,
Единъ я и себѣ и всѣмъ здѣсь въ градѣ вреденъ --

АРИСТОНЪ.

Воспомни, Государь, ты славныя дѣла ---

ТЕЛЕФЪ.

Судьба, ты всю мою надежду отняла! ---
Мѣста, гдѣ я плѣненъ возлюбленнымъ мнѣ взглядомъ,
Вы были раемъ мнѣ, а днесь вы стали адомъ!

(При послѣднемъ полустихѣ закалается)

АГРІОПА.

Ахъ Князь мой!

АРИСТОНЪ.

Государь!

АГРІОПА.

Возможно ли снести?

(Упадаетъ въ обмарокъ.)

АЛЬБИНА.

О боги!

АРИСТОНЪ.

Государь, что здѣлалъ ты? . . .

ТЕЛЕФЪ.

Прости . . .

Умираетъ..

Конецъ трагедіи.

ѲЕМИСТЪ И ІЕРОНИМА

ТРАГЕДІЯ

ВАСИЛЬЯ МАЙКОВА

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАГОМЕТЪ Вторый, Султанъ Турецкій.

ІЕРОНИМА, Плѣнная Княжна Греческая, дочь Димитрія Палеолога.

ѲЕМИСТЪ, Князь Греческій, сынъ Ѳеодора Комнина, подъ имянемъ Солимана, служащій Визиремъ.

КЛИТЪ, Другъ Ѳемистовъ, подъ имянемъ Мурата, начальникъ садовъ Серальскихъ.

ОСМАНЪ, Наперсникъ Магометовъ.

СТРАЖА и НАЧАЛЬНИКЪ оныя.

Дѣйствіе въ Константинополѣ, въ Султанскомъ Сералѣ.

ѲЕМИСТЪ и ІЕРОНИМА

ТРАГЕДІЯ.

ДЕЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ѲЕМИСТЪ и КЛИТЪ.

КЛИТЪ.

Во щастіи, въ какомъ ты нынѣ обитаешь,
Еще ль спокойствія въ себѣ не обрѣтаешь?
Благополучнаго, среди богатствъ, утѣхъ
И почитаема Султаномъ выше всѣхъ,
Повѣренностію великаго толь сана,
Въ смущеньи предъ собой я вижу Солимана,
И естьли бы тебя поднесь я не видалъ,
Щастливымъ бы всегда на свѣтѣ почиталъ.

ѲЕМИСТЪ.

Когда ты таинство души моей познаешь,
Ты можетъ быть и самъ со мною возстенаешь.
Или уже и ты симъ саномъ ослеплѣнъ,
Къ Султану на всегда сталъ мысльми прилѣпленъ? . .

КЛИТЪ.

Я таинства твоихъ рѣчей не постигаю.

ѲЕМИСТЪ.

А я въ тебѣ мою надежду полагаю:
Она тебѣ, она открыться мнѣ велитъ.
Скажи мнѣ искренно возлюбленный мой Клитъ,
Участникъ будучи Монарховъ прежнихъ славы,
Еще ли ты хранишь священны Грековъ правы,
Еще ль живутъ въ твоей днесь мысли Констан-
тинъ,
Ѳеодоръ и Ѳемистъ его нещастный сынъ.

КЛИТЪ.

Любовь къ Героямъ симъ по гробъ мой въ сердцѣ
скрыта
И во одеждѣ сей ты зришь того же Клита.
Рабамъ и память ихъ Владыкъ всегда мила:
Хоть участь мнѣ судьба иную днесь дала,
Оплакиваю ихъ Геройскую кончину.

ѲЕМИСТЪ.

Такъ другъ ты и поднесь Ѳеодорову сыну?

КЛИТЪ.

Возможно ли, что бъ я ево когда забылъ,
Сей Князь еще меня съ младенчества любилъ,
И ахъ! уже пять лѣтъ, какъ я ево лишился.
Но что я зрю? ты весь отъ словъ моихъ смутился

ѲЕМИСТЪ.

Или меня еще познать не можетъ Клитъ?
Се Князь твой, се Ѳемистъ, се другъ твой пред-
стоитъ.

КЛИТЪ *съ восторгомъ*

Что вижу? - - Государь? о кровь Героевъ славныхъ!
Остатокъ Комниныхъ!

ѲЕМИСТЪ.

С тобой я въ бѣдствахъ равныхъ,
Ты видишь, Клитъ, меня въ противничьихъ полкахъ.

КЛИТЪ.

Скажи о Государь, скажи, умножь мой страхъ,
Ты, коего я самъ былъ храбрости свидѣтель,
Не уже ли забывъ свой санъ и добродѣтель,
Пришелъ подпорой быть злодѣя своего,
Лишившаго тебя наслѣдія сего?

ѲЕМИСТЪ.

Внимай, услышишь ты, чего я днесь желаю:
Я мщеньемъ за мое отечество пылаю,
И во одеждѣ сей погибелью грожу
Тирану, коему въ семъ видѣ я служу.

КЛИТЪ.

Твой видъ со всѣмъ сія одежда премѣнила.

ѲЕМИСТЪ.

Она отъ всѣхъ мою породу здѣсь таила:
Служащаго меня въ полкахъ своихъ пять лѣтъ,
За Турка и поднесь пріемлетъ Магометъ.

КЛИТЪ.

Но какъ ты, Государь, отъ смерти былъ избавленъ?

ѲЕМИСТЪ.

Мой вѣкъ еще на то судьбою мнѣ оставленъ,
Что бъ мною Греція отъ лютыхъ бѣдъ спаслась.

КЛИТЪ.

Здѣсь вѣсть ужасная по всюду разнеслась,
Что всѣ наслѣдники престола умерщвленны
И мы крушилися бывъ помощи лишенны:
Надежду крыла всю отчаянія тѣнь,

ѲЕМИСТЪ.

Ты помнишь твердо, Клитъ, ужасный оный день,
Въ который молнія надъ градомъ симъ блистала
И смерть къ намъ страшная съ ударами летала,
И наконецъ когда былъ градъ сей утѣсненъ
Разбита громами противныхъ твердость стѣнъ?
Великій Константинъ отечества лишаясь
Скончался во вратахъ прехрабро защищаясь;
Родитель мой тогда своихъ лишенный силъ
Отъ ранъ въ глазахъ моихъ сражаясь смерть вку-
силъ,
Я самъ израненъ былъ и чувствъ моихъ лишенный,
Упалъ безъ памяти на трупы пораженны;
Но рокъ мою еще тутъ смерть остановилъ
И живость на лицѣ нещастнаго явилъ;
Тогда усердіемъ я вѣрнаго мнѣ друга
Сокрытъ и не сошелъ во гробъ съ земнаго круга.
Ты знаешь Клитъ, что намъ всегда союзникъ Римъ,
Онъ былъ въ нещастіи убѣжищемъ моимъ,
И тайной помощью усердна Зустунея
Вооруженъ я днесь на лютаго злодѣя:
Сей храбрый Князь сіе мнѣ средство предложилъ,
Что бъ я межъ воинства Султанскова служилъ.
И времени искалъ ко мщенїю удобна.
О небо! есть ли жизнь, гдѣ жизни сей подобна?
Служу теперь въ полкахъ злодѣя моево,
И долженъ былъ всегда сражаться за нево:
Противу Персовъ зрѣлъ меня онъ предъ собою
Сражавшагось среди сомнительнаго бою:
Я крѣпкія полки противныхъ разорвалъ,
И я ему сію побѣду даровалъ.
Сей гордый Государь, въ сраженїи жестокомъ
На подвигъ мой и самъ взиралъ завистнымъ окомъ;
Однако жъ истинну Монаршую храня,
По брани сей возвелъ въ степень сію меня
И дружбою по томъ своею удостоилъ.

Но можно ли чтобЪ я симЪ мысли успокоилЪ?
Лишь только я ево свирѣпство вспомяну,
Кляну мою судьбу и власть ево кляну!
ИмЪ всѣ нещастія здѣсь наши совершились:
Мы братіи, друзей и сродниковЪ лишились,
Которые ево рукою сражены.
А я нещастливый лишенЪ моей Княжны?
КакихЪ мнѣ ожидать еще напастей болѣ?
Ее на свѣтѣ нѣтЪ, мучитель на престолѣ.

КЛИТЪ.

ТакЪ хощеть ты надЪ нимЪ ударЪ свой совершить:

ѲЕМИСТЪ.

Мнѣ мало, что могу я дней ево лишить;
Другое мщеніе я нынѣ предпріемлю,
КоторымЪ спасть хочу сію отЪ ига землю,
РабовЪ изЪ узЪ извлечь престолЪ возстановить,
И славу праотцевЪ моихЪ возобновить.

КЛИТЪ.

Но храбрость, Государь, со всемЪ твоя безплодна,
Знать вольность небесамЪ ужЪ наша не угодна;
Хотя кЪ великому ты дѣлу днесь возженЪ,
Но силами тиранЪ отвсюду окруженЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Я сими робкими душами обладаю;
И такЪ опасности отЪ нихЪ не ожидаю.
Мой санЪ почтенье вЪ нихЪ и страхЪ возмогЪ вселить;
А славу сЪ вами я хочу сію дѣлить:
Пускай возстанутЪ всѣ вЪ плѣну живущи Греки,
ПадутЪ, или со мной прославятся во вѣки;
Но ты увѣдоми меня о ихЪ сердцахЪ.
СтенаютЪ ли они во варварскихЪ цѣпяхЪ,

Или въ терпѣніи то иго почитаютъ,
Подъ коимъ храбрыя сердца одни стенаютъ.

КЛИТЪ.

Тебѣ принадлежатъ всѣ права сихъ Царей,
Они подпора суть и храбрости твоей,
И бѣдствіемъ своимъ стѣсненны храбры Греки
Питающіе гнѣвъ къ симъ варварамъ во вѣки,
Вседневно ждутъ того щастливаго часа,
Когда благоволятъ имъ щедры небеса
Послати мстителя за бѣдства ихъ жестоки,
Прольются ихъ рукой невѣрныхъ кровны токи;
А нынѣ небо имъ послало, Государь,
Тебя, не укосни и яростно ударь;
Отмсти ты плѣнъ людей и вѣру здѣсь гониму,
Отмсти праотцевъ, себя, Іерониму!

ѲЕМИСТЪ.

Іерониму - - - ахъ! прекрасная Княжна!
Уже тебѣ моя и помощь не нужна,
Не въ узы, но во гробъ ты вѣчно заключенна.
На то ли ты была со мною обрученна,
И съ тѣмъ ли мнѣ тебя вручалъ Палеологъ,
Чтобъ послѣ разлучить насъ варваръ сей возмогъ?
Минута сладкая, почто ты мнѣ польстила!
Жестокая судьба, ты умъ мой возмутила!

КЛИТЪ.

Здѣсь суетно тиранъ народъ нашъ обольщалъ
И суетно ему онъ милость истощалъ
Ниже чины, ниже богатства расточенны
Смягчити не могли сердца ожесточенны.
И такъ я, Государь, вѣщаю не меня;
Сердца ихъ полныя прехвальнаго огня
Послѣдуютъ тебѣ и гнѣвомъ воспылаютъ,
Увѣрься Государь, что всѣ того желаютъ.
Единый страхъ теперь въ глазахъ ихъ предстоитъ

И можетъ быть сїе едино воспретитъ
Исполнить имъ свои намѣренья Геройски:
Султанъ въ близи сихъ мѣстъ имѣетъ многи вой-
ски.

ѲЕМИСТЪ.

Дабы въ сердца сїи множайшу храбрость влить,
Могу его отсель я съ войскомъ удалить.

КЛИТЪ.

Но какая отвлечи ево возможетъ сила
Отъ мѣстъ сихъ, гдѣ любовь ево остановила?
Гдѣ плѣнницей своей плѣненный Магометъ
Скрываяся отъ всѣхъ въ плѣну ея живетъ.
Тебѣ извѣстно то, что воинство волнуетъ
И на любовь сего тирана негодуетъ.

ѲЕМИСТЪ.

Не ради ли онъ сихъ ему опасныхъ дѣлъ,
И мнѣ передъ себя предстати повелѣлъ?

КЛИТЪ.

По разглашенїи во градѣ сей тревоги,
Конечно и тебя онъ звалъ въ сїи чертоги.

ѲЕМИСТЪ.

Я знаю глубину ево строптивыхъ думъ:
Хотя и напоенъ ево любовью умъ,
И сердце у сея невольницы подъ властью,
Но слава есть всегда ево главнѣйшей страстью,
И естьли мысль ево я ею оживлю,
Легко ево въ мои я сѣти уловлю:
Сей засыпающїй Герой въ своей забавѣ
Проснется и пойдетъ во слѣдъ гремящей славѣ;
Увидимъ городъ сей отъ войскъ освобожденъ,
А я пришедъ сюда и въ твердости сихъ стѣнъ,
О други: буду вамъ участникомъ въ напасти,

Умремъ иль свободимъ себя отъ гордой власти;
Ужъ храбрый Зустуней готовитъ корабли
Для помощи сея нещастныя земли,
(*) Уже и Александръ полки свои выводитъ.

КЛИТЪ.

Умолкни Государь, Султанъ сюда приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ, КЛИТЪ и ОСМАНЪ.

МАГОМЕТЪ.

К кія, Солиманъ, здѣсь гласы вопіютъ?
Невольники ль противъ Владыки возстаютъ,
Иль войски отъ моихъ днесь взоровъ отдаленны,
Дерзаютъ бунтовать противъ Царя вселенны.
О вѣрности твоей не сумнѣваюсь я,
Что бъ подкрѣплять ихъ злость рука твоя.
Я знаю что ты мнѣ усердіе являешь,
Желанія мои за свято поставляешь;
Ты знаешь все сіе, ты знаешь на конецъ,
Вошли ль начальники въ движенія сердецъ
Бунтующихъ къ своей ужаснѣйшей напасти?

ѲЕМИСТЪ.

Я повинуюся твоей Монаршей власти,
Дерзаю искренно тебѣ теперь донесть,
Не мни что бъ мой языкъ вѣщати началъ лесть:
Все войско, Государь, твое не воруженно
Всегда въ спокойствіи и нѣгѣ погруженно,
Жалѣетъ можетъ быть о томъ и вопіетъ,
Что ихъ Геройскихъ дѣлъ уже не видитъ свѣтъ,

(*) Скандеръ бекъ.

МАГОМЕТЪ.

Не та ихъ, Солиманъ, причина неустройства;
Они рушители Монаршаго спокойства,
Невольница моя ихъ дерзости виной.
Отвѣтствуй мнѣ теперь и дай совѣтъ мнѣ свой.

ѲЕМИСТЪ.

Когда ты, Государь, вѣщать повелѣваешь,
Ты симъ молчанїе мое перерываешь;
Но прежде нежели я рѣчь мою начну,
Я войскъ твоихъ тебѣ заслуги вспомяну:
Воспомни, какъ сїи къ тебѣ усердны войски
Старались исполнять намѣренья Геройски,
Усердїемъ къ тебѣ и славою горя,
Одолѣвали зной и степи и моря;
Не зрѣлъ ты слабости и тамъ сего народа,
Гдѣ трудности пренесть едва могла природа.
Ни что въ нихъ не могло роптанья возбудить,
Всѣ трудности могла ихъ ревность побѣдить;
Съ весельемъ къ бранямъ шли и рокъ свой презирали,
Когда они въ твоихъ очахъ лишь умирали;
И нынѣ воины числомъ имъ данныхъ ранъ
Счисляютъ сколько разъ гдѣ врагъ твой былъ попранъ.
И естьли воинство съ роптанїемъ взываетъ,
Любовь ево къ тебѣ толь виннымъ содѣваетъ,
Обыкшимъ подъ твоей сражатися рукой
Не сносны имъ твоя любовь и ихъ покой.

МАГОМЕТЪ.

Съ роптаньемъ жалобы сердечны произносятъ,
Невольники мои, любовь мою поносятъ!
Рабамъ ли проникать во таинства Владыкъ?
Велики мной они, не ими я великъ.
Или строптивые рабы мои забыли,
Что подвиги мои покой сей утвердили.

Владычесшво мое вознесенно мной самимЪ,
И утвержденное оружїемЪ моимЪ;
ПлЂненна Грецїя и Персїя сраженна,
Трепещуща меня пространная вселенна,
СвидЂшели моихЪ во свЂтЂ славныхЪ дЂлЪ.
И послЂ бЪ я сего совЂтовЪ ихЪ хотЂлЪ,
Да наслаждаюся дней мирныхЪ тишиною!

ѲЕМИСТЪ.

Желанїя твои священны предо мною,
А ты о Государь желаешь, чтобЪ сей часЪ
Всю истинну тебЂ изнесЪ мой робкїй гласЪ,
ЯзыкЪ мой воинства рЂчьми вЂщати станетЪ:
Оно вЂщаетЪ все, что лаврЪ твой нынЂ вянетЪ,
ПодЪ тЂнью роскоши ты скрылЪ ихЪ всЂ труды
И заглаждаешь ихЪ ГеройскихЪ дЂлЪ слЂды.
Но славы, Государь, обширныя границы,
Простри ты вЪ нихЪ свои Монаршїя зеницы;
Увидишь предЪ собой пространный сей предЂлЪ,
ГдЂ множество еще явишь великихЪ дЂлЪ.
ЧемЪ болЂе Герой о славЂ разсуждаетЪ
ТЂмЪ далЂе его она препровождаетЪ;
Воззри ты, Государь, на весь пространный свЂтЪ
Отверстый для твоихЪ единственно побЂдЪ,
Отстань отЪ прелестей невольницы нещастной
И буди МагометЪ ты паки днесь безстрастной.
Судьба тебЂ велитЪ не вЪ страсти утопать,
Она тебЂ велитЪ на Троны наступать,
МонарховЪ низлагать и быти ихЪ судьею,
Ты долженЪ вознестись надЪ страстїю своею.
Остави царствовать любви вЪ другихЪ сердцахЪ
И буди, Государь, ты трепетЪ всЂмЪ и страхЪ.
Се точныя твоей души великой правы.

МАГОМЕТЪ.

Я слышу, СолиманЪ, и самЪ гласЪ громкїй славы,
И естьли гласЪ ея меня теперь зоветЪ,

Я паки покажусь во свѣтѣ Магометъ,
Всѣ чувствія мои пойдутъ во слѣдъ за нею;
Но сходствовало бъ то лишь съ волею моею.
Сыщи, кто смѣлъ мнѣ сей законъ преднаписать,
Преступника сей часъ мнѣ должно наказать.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАГОМЕТЪ и ОСМАНЪ.

МАГОМЕТЪ.

Что онъ мнѣ ни вѣщалъ, мнѣ сердце тожъ вѣщаетъ
И слава у меня мысль нѣжну похищаетъ;
Я чувствую сїе движенїе въ крови,
Что я рожденъ на свѣтъ къ побѣдамъ не къ любви.

ОСМАНЪ.

Великїй Государь, коль смѣю я представить,
Забудь красавицу, потщись ее оставить,
Вообрази себѣ несклонности ея.

МАГОМЕТЪ.

Поносной сей любви Османъ стыжусь и я,
Но нѣкая во мнѣ противна мыслямъ сила
Противъ желанія меня ей покорила;
Хочу несклонную оставить и забыть,
Но можно ли, Османъ, мнѣ столько тверду быть?
Вотще въ себѣ Сераль красавицъ заключаетъ,
Мой взоръ прїятности въ ихъ взорахъ не встрѣчаетъ,
Безстрастно я на всѣ ихъ прелести гляжу,
Утѣхи болѣе ни въ чемъ не нахожу.
Іеронима, ты мой взоръ одна плѣнила,
Одна твоя краса мнѣ сердце воспламенила!

Тобою я одной, жестокая, горю - - -
(Отходитъ.)
Оставь меня Османъ - - - Но се Княжну я зрю.
Колико нѣжности въ очахъ ея блистаетъ,
Толико гордая душа въ ней обитаетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАГОМЕТЪ и ІЕРОНИМА.

ІЕРОНИМА.

Великїй Государь, вопль слухъ мой поразилъ,
Ропшанїя твоихъ волнующихся силъ
Достигли на конецъ и къ намъ въ сїи чертоги,
И я причиною сей страшныя тревоги:
Все войско полное военнаго огня
Въ смятенїи своемъ возстало на меня,
Гласятъ, что я одна твои плѣнила взоры.
Дозволь мнѣ Государь прервать сїм раздоры,
Дозволь мнѣ удалясь ихъ дерзость усмирить.

МАГОМЕТЪ.

Я долженъ бы, Княжна, тебя благодарить,
Когда бъ тебя къ сему усердность возбуждала.
Но ахъ! къ чему меня ты взоромъ побѣждала?
Къ тому ли, чтобъ мое лишь сердце вспламенить,
И послѣ радости мнѣ въ бѣдство премѣнить,
Такою ль платишь мнѣ за искренность любовью?
Скорѣя я лице земли покрою кровью,
Скорѣя паки свѣтъ войною возмущу,
Чемъ скрытися тебѣ отъ глазъ моихъ пущу.
Не разлучай меня прекрасная съ собою,
Не поражай меня толь лютою судьбою;
Когда мной побѣжденъ здѣсь былъ Палеологъ,

Побѣды оныя единый сей залогъ,
Едина по трудахъ награда мнѣ досталась,
Что дочь ево теперь въ рукахъ моихъ осталась.
Иль мнѣ на то тебѣ свободу возвратить ,
Что бъ послѣ ты могла мнѣ плѣнъ свой отомстить.

ІЕРОНИМА.

Напрасно ты меня страшися зрѣть свободну,
Ты видишь Государь совсемъ меня безродну:
Лишенну вольности, лишенную вѣнца,
Лишенну матери и брата и отца,
Носящую пять лѣтъ невольничьи желѣзы.
Отри о Государь, отри мои ты слезы!
Позволь и согласись на мой теперь отъѣздъ,
Ахъ! дай мнѣ избѣжать изъ сихъ противныхъ мѣстъ.
Свидѣтели моей вседневныя печали
Чертоги праотцевъ, вы мнѣ противны стали!
Вы мнѣ приводите на память завсегда,
Какая всѣхъ насъ здѣсь постигнула бѣда.
Мѣста сіи поднесь являютъ знаки слезны:
Димитрій здѣсь сраженъ, здѣсь Комнинъ мой любезный!

МАГОМЕТЪ.

О Комнинѣ ли ты должна теперь вѣщать?

ІЕРОНИМА.

Могу ли я тебя симъ именемъ смущать,
Когда уже онъ мертвъ?

МАГОМЕТЪ.

То все меня смущаетъ,
Когда что мысль твою опричь меня прельщаетъ;
И ежели еще онъ въ памяти твоей,
Такъ онъ и мертвый мнѣ останется злодѣй.

ІЕРОНИМА.

Когда уже тебѣ и мертвый онъ досаденъ,
Пролей ты кровь мою, коль крови нашей жаденъ,
Вонзи въ стѣсненну грудь, вонзи твой острый
мечь,
Ты можешь только имъ лишь плачь мой пресѣчь!
(плачетъ)

МАГОМЕТЪ.

Ты слѣзы льешь Княжна мою смущая долю,
Умѣла ты отмстить на мнѣ свою неволю.
Се побѣдитель твой безгласенъ предъ тобой,
Смягчись жестокая, смягчись моей судьбой!
Любовь твоя Княжна мнѣ узы налагаетъ,
Тобою свѣтъ моихъ ударовъ избѣгаетъ;
Отмщая за себя отмщаешь ты за свѣтъ;
Остановила ты число моихъ побѣдъ.
Но кто же за меня отмститъ тебѣ? не знаю.
О небо! естьли самъ я мстить не начинаю!

ІЕРОНИМА.

Уже ты Государь довольно мнѣ отмстилъ,
Когда ты дни моей свободы прекратилъ,
И премѣнилъ мои мнѣ радости въ мученья.

МАГОМЕТЪ.

Не я толикаго виновникъ огорченья,
Престань меня ты симъ напрасно упрекать,
Престань о Комнинѣ ты только воздыхать,
Мученіе прейдетъ и радость вновь настанетъ.

ІЕРОНИМА.

Увы, мой вѣкъ въ бѣдахъ и въ горести увянетъ!
Немилосердый! я уже то ясно зрю,
Что тщетныя тебѣ я жалобы творю.
Ни чье прошенье знать во слухъ къ тебѣ не вхо-
дитъ

И жалость у тебя покрова не находитъ:
Ты страждущихъ привыкъ стенанья не внимать,
Тѣснить земныхъ Владыкъ и Троны отнимать,
И какъ ты смѣлъ тиранъ моей любовью льститься?
Не будешь мной любимъ, доколѣ вѣкъ мой длится:
Ужасенъ голосъ твой, ужасенъ мнѣ твой видъ,
Ты кровїю моихъ родителей покрытъ!
Или меня ты мнищь найти толико низку,
Что бъ жертвовала я тирану Византїйску?
Во тщетномъ пламени отнюдъ ко мнѣ не тай,
И честь мою и въ сихъ ты узахъ почитай!

Отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

МАГОМЕТЪ

Жестокая бѣжитъ, рѣчей моихъ не внемлетъ
И вѣчно отъ меня сокрыться предпрїемлетъ.
Не мни суровая къ сему меня склонить,
Когда могла мою ты кровь воспламнить
И изъ веселїя содѣлати мнѣ скуку,
Должна и ты мою почувствовати муку,
Должна ты пламенемъ подобнымъ мнѣ горѣть,
Иль гнѣвъ мой чувствовать, томиться и умретъ!

Конецъ перваго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАГОМЕТЪ и ОСМАНЪ.

МАГОМЕТЪ.

Что медлѣнность ево Османъ мнѣ предвѣщаетъ?

ОСМАНЪ.

Конечно, Государь, онъ войски укрощаетъ,
Сомнѣнья не имѣй о вѣрности ево,
Онъ все употребитъ для блага твоево;
Но воинъ яростью внезапно восхищенный,
Презрѣвъ Монаршу власть и права тѣ священны,
Которыя хранить законъ ему велитъ,
Не скоро воинъ сей свирѣпство утолитъ.
И естьли, Государь, вѣщать теперь я смѣю?

МАГОМЕТЪ.

Вѣщай.

ОСМАНЪ.

Почти сїе ты ревностью моею:
Хоть свѣтъ могущество Султановъ прежнихъ зрѣлъ,
Но ни единъ изъ нихъ сихъ правъ не прїобрѣлъ,
Какїя получилъ ты храбростью своею:
Подсолнечна полна вся славою твоею,
Она вездѣ во слѣдъ стопамъ твоимъ летитъ
И свѣтъ оружїе твое со страхомъ чтитъ.
Намъ вѣра сей законъ хотя и предписуетъ,
Да руку ту мы чтимъ, котора наказуетъ;
Но естьли воинъ могъ попрати сей законъ,
Тогда уже и все попрати можетъ онъ,

Не крѣпки для него святыя узы вѣры.
Воспомни Государь плачевныя примѣры:
Подвигшій на себя янычаръ Баязетъ,
Имъ братію свою на жертву предаетъ.
Оставленный Селимъ въ оковахъ жизнь влачити,
Не могъ въ нихъ ярости ужасной умягчити
И тѣмъ, что жертвовалъ любовницей своей.
Увѣнчанный отъ рукъ ихъ храбрый Амулей
Со властью принужденъ и жизнь свою оставить.
Примѣровъ множество возможно сихъ представить:
Ихъ наглость можетъ все сіе разпологать,
На Троны возводить и съ Троновъ низвергать,
Кто былъ вчера Монархъ на ихъ высокомъ Тронѣ,
Сего дня въ узахъ тотъ и жизнь влачитъ во стонѣ
Родитель твой хотя всю жизнь въ вѣнцѣ блисталъ,
Однако же и онъ ихъ гордость испыталъ:
У страшнаго сего и гордаго народа
Достоинство на Тронъ восходитъ не порода,
Они достоинство единое любя
Взвели на сей престолъ Монархомъ и тебя.
Храни, о Государь! ты мысли въ нихъ рожденны,
Да не жестокостьми твоими возбужденны,
Возстанутъ зря тебя утопшаго въ любви,
Возстань и наглое роптанье ихъ прерви.

МАГОМЕТЪ.

Не страшны мнѣ Османъ ихъ нравы толь суровы,
Мой образъ подкрѣпитъ ослабши тѣ оковы,
Которыя они прервати мыслятъ днесь;
Умолкнетъ предо мной народъ строптивый весь,
Когда меня въ моемъ величествѣ увидитъ;
Послушенъ будетъ мнѣ мятежь возненавидитъ;
Колико я могу, я то тебѣ явлю
И паки между ихъ покой возстановлю.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАГОМЕТЪ, ОСМАНЪ и ѲЕМИСТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Явися Государь смущенному народу
Явися и прерви ужасну непогоду,
Грозящая толпа янычаръ вопіетъ:
Да взыдетъ на престолъ младый нашъ Баязетъ.
Сей юноша тобой рожденный отъ Расимы,
Ихъ наглостью теперь на Тронъ твой возносимый,
Возможетъ приключить ужасны намъ бѣды,
Лишимся мы тебя, а ты твоей чреды;
Уже не внемлются начальниковъ приказы
И слышатся межъ ихъ одни твои отказы.
Гласятъ: коль плѣнницу не выдасть Магометъ,
Такъ болѣе ему надъ нами власти нѣтъ:
Ни гдѣ отъ насъ ее онъ больше не сокроетъ,
Нашъ гнѣвъ въ крови ея престолъ его обмоетъ.

МАГОМЕТЪ.

Въ крови ея!

ѲЕМИСТЪ.

Мятежъ сей клятвой утвержденъ,
Я самъ, о Государь! сокрыться принужденъ,
Едва спасеніемъ нашелъ сіи чертоги.

МАГОМЕТЪ.

Такъ плѣнница моя виною ихъ тревоги!

ѲЕМИСТЪ.

Сія едина есть ихъ наглости вина.
Поди скорей, твоя намъ помощь всѣмъ нужна,
Поди о Государь! народъ не умолкаетъ.

МАГОМЕТЪ.

Онъ дерзостью меня ко гнѣву привлекаетъ.

Но что бы усмирить волнующихся глас,
Поди и объяви симъ дерзкимъ мой указъ,
Скажи, что мнѣ мое ужъ пламя непрїятно,
Что слава днесь меня восхититъ не возвратно,
Что я ихъ поведу къ ужаснѣйшимъ бѣдамъ,
И можетъ быть мою имъ плѣнницу предамъ,
Но собственной моей рукою пораженну.
Поди и успокой ихъ наглость разъяренну,
Ступай, бѣги, исполнь велѣнїя мои!

ЯВЛЕНІЕ III.

МАГОМЕТЪ и ОСМАНЪ.

ОСМАНЪ.

Ты видишь Государь опасности сїи,
Мятежи воинства всѣ мѣры превосходятъ,
И дерзости своей предѣла не находятъ.
Коль подлинно ихъ гнѣвъ ты хочешь обуздать,
Такъ долженъ имъ свою любовницу предать.

МАГОМЕТЪ.

Ты думаешь что я хочу ее оставить,
А я хочу ее отъ пагубы избавить,
Притворствомъ таковымъ я наглость ихъ смирю
И послѣ онаго не то я сотворю;
Я воинство еще мнѣ вѣрное имѣю,
Спѣши отсель скорѣй съ указомъ къ Амарбею,
Онъ вскорѣ можетъ къ намъ на помощь поспѣшить.
Тьмочисленны полки все могутъ утишить;
А мы сей помощью усилившись возстанемъ
И на преступниковъ внезапнымъ громомъ грянемъ!

ОСМАНЪ.

На то ли Государь ты сталъ ее любить,

Чтобъ въ пламени своемъ народъ свой погубить?
Не съ тѣмъ ты, Государь, возсѣлъ здѣсь на престолѣ.

МАГОМЕТЪ.

Однакожъ и не съ тѣмъ, чтобъ быть мнѣ здѣсь въ неволѣ,
Поди и плѣнницу представь ко мнѣ предъ взоръ,
Хощу еще ея внимати разговоръ,
И естьли прежнїе услышу я отказы;
Покрою кровїю всѣхъ прелестей заразы
И войско и сїю мнѣ вредную красу,
Все гнѣву моему на жертву принесу!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАГОМЕТЪ.

Любовь одна, любовь испроситъ ей пощаду. - -
О мысль безплодная! ты множишь лишь досаду.
Возможно ли ея мнѣ склонность получить?
Возможно ли мое мнѣ бремя облегчить?
Напрасно иногда я гнѣвъ хотѣлъ насытить
И въ ярости моей мнилъ жизнь ея похитить;
Но тщетно предъ нея въ сей злобѣ прихожу.
Узря ее съ собой смущаюсь и дрожу:
Рука моя и гнѣвъ въ то время ослабѣютъ.
Какую власть на мнѣ глаза ея имѣютъ!
Гони о Магометъ изъ мыслей вонъ мѣчту,
Пойдемъ, я болѣе заразъ ея не чту:
Остановила всѣ она мои побѣды,
Что мыслятъ обо мнѣ теперь мои сосѣды:
Уже Родосъ главу подъемлетъ къ небесамъ.
Увы, я слабости моей гнушаюсь самъ!
Пойдемъ несклонную къ ногамъ своимъ повержемъ -
Ахъ нѣтъ! Отвержемъ гнѣвъ и гордость всю отвержемъ.

Пойдемъ, и станемъ ей о бракѣ говорить.
Но можноль хладъ ея во пламень претворить?
Несклонная, страшась, на образъ мой взираетъ
И титлы громкїе со мною презираетъ,
Не такъ она своихъ страшится и оковъ,
Какъ взора моево, любви и нѣжныхъ словъ,
Противный мнѣ Ѳемистъ въ устахъ ея твердится.
О небо! дай въ моемъ мнѣ гнѣвѣ утвердиться
И вынь противную изъ сердца воли страсть! - - -

ЯВЛЕНIЕ V.

МАГОМЕТЪ и IЕРОНИМА.

МАГОМЕТЪ.

Поди, и упреждай Княжна свою напасть,
Спасай свои красы отъ бури сей опасной;
Спасай себя, спасай отъ гибели ужасной;
Янычары хотятъ твою пролити кровь,
Спасти тебя теперь возможетъ лишь любовь.

IЕРОНИМА.

Что медлишь, отдавай скорѣй сїю имъ жертву,
Пускай они меня сей часъ повергнутъ мертву,
Лѣчи свою ты страсть сей жертвою лѣчи;
Увидишь ты меня бѣгущу на мечи
И повергающусь на копья ихъ съ розмаху,
Летящую на смерть отъ глазъ твоихъ безъ страху!

МАГОМЕТЪ.

Отъ глазъ моихъ Княжна, жестокая отъ глазъ!
Не уже ли ты мнишь, что въ сей ужасный часъ
Исторгнуть не могу тебя изъ сей напасти?
Не допущу тебя подъ ихъ мечи упасти,
Не допущу пролить твою дражайшу кровь.

Внемли мои слова, внемли мою любовь,
Внемли прекрасная, Монархъ тебѣ вѣщаетъ,
Онъ взвесть тебя съ собой на Тронъ свой обѣщаетъ;
Пріими сей нѣжный даръ, пріими не возгордись
И именемъ моей супруги насладись,
Будь мнѣ участница поди со мной ко Трону,
Заставь народъ молчать нося мою корону.

ІЕРОНИМА *Со ужасомъ.*

Ты хочешь на конецъ супругомъ быть моимъ?

МАГОМЕТЪ.

Иль ты гнушаешся уже и титломъ симъ,
И даръ, сей даръ тебѣ даемый отметаешь?
Ты узы моему вѣнцу предпочитаешь,
Который на тебя любовь моя кладетъ;
Союзъ со мной, твои оковы разорветъ
И превратитъ тебѣ ихъ въ скипетръ и державу,
Возобнови Княжна свою ты падшу славу.

ІЕРОНИМА.

Уже ты всю ее мнѣ въ бѣдство претворилъ,
Когда оружіемъ сей городъ раззорилъ.

МАГОМЕТЪ.

Что молнія моя сей градъ опустошила,
Тебя родителей и области лишила,
Не я виновенъ въ томъ, но должность всѣхъ Царей
Ввела передъ тобой меня въ проступокъ сей,
Но естьли бы я зналъ, что должностью такою,
Лишу свободы въ вѣкъ тебя, себя покою,
Побѣды бы я сей имѣти не желалъ,
Въ другихъ бы я странахъ другихъ побѣдъ искалъ.
Мнѣ жаль, что сражена рукою ты моею.
Жалѣй себя Княжна, какъ я тебя жалѣю.

ІЕРОНИМА.

Когда бы ты меня нещастную жалѣлъ,
Не то бы ты теперь намѣренье имѣлъ.
Напрасно должностью ты звѣрство покрываешь,
Геройскимъ именемъ тиранство называешь,
Тверди: что я тобой познала бѣдность, плѣнъ,
Тобою мой Ѳемистъ нещастный погубленъ.

МАГОМЕТЪ.

Ты мысли своея отнюдь не премѣняешь,
И только одново Ѳемиста вспоминаешь.
Престань несносное названье мнѣ твердить,
Потщись Княжна, потщись мой гнѣвъ предупредить.

ІЕРОНИМА.

О ненавистное названіе во Грекахъ!
Тиранъ въ твоей любви, тиранъ въ твоихъ утѣхахъ
Ты тщишся всю мою свободу похищать - - -

МАГОМЕТЪ.

Доколѣ за себя не буду я отмщать?
Терпѣніе прейдетъ, и гнѣвъ мой воспылаетъ.

ІЕРОНИМА.

Отмщай, когда отмщать душа твоя желаетъ,
Ты тщетно мнѣ своимъ мучительствомъ грозишь,
Ни чемъ моей души ни чемъ не поразишь:
Герои своея тѣмъ славы не теряютъ,
Когда они отъ рукъ злодѣйскихъ умираютъ.
Внимая склонности свирѣпыя души,
Сверши злодѣй на мнѣ ты ярость всю сверши:
Ты властенъ здѣсь, а я безсильна предъ тобою;
Но помни ты предѣлъ поставленный судьбою,
Когда она кому возвыситься велитъ,
То прежде одному упасть опредѣлитъ:

Такъ нынѣ нашимъ ты паденїемъ возвышенъ
И нашимъ бѣдствїемъ и славенъ сталъ и пыщенъ,
Благополученъ ты, и бѣдны мы теперь,
Однако своему ты щастїю не вѣрь,
Небесъ толикїй гнѣвъ надъ нами примѣчая
Страшися самъ сему подобнаго случая.

МАГОМЕТЪ.

Ученїя сего я слышать не хочу,
А гордость я твою мгновенно укрочу.
Порокъ мой познаю и слабость ясно вижу,
Жестокая, тебя я больше ненавижу!
Насытишь въ скорости ты мой правдивый гнѣвъ
Поди, ужъ на тебя разверзла смерть свой зѣвъ - - -
(Iеронима хочетъ итти, но онъ ее останавливая)
Ахъ нѣтъ Княжна постой, еще тебя жалѣю!
Тронись жестокая поступкою моею;
По тьмѣ ужасныхъ клятвъ, чтобъ мнѣ тебѣ отмстить
Я чувствую, что я могу тебя простить.
Не упускай сея послѣднїя минуты!

IЕРОНИМА.

Вонзай свой алчный мечь насыти гнѣвъ свой лютый!
Напрасно тратишь ты со мной свои слова,
Не мни меня склонить доколѣ я жива;
Я гнѣвъ твой ставлю въ смѣхъ и муку въ утѣшенье.
Ступай произноси на смерть мою рѣшенье,
Мнѣ сноснѣе она, какъ твой ужасный бракъ.
А ты лещающїй въ умѣ дражайшїй зракъ,
Почувствуй, ежели почувствовати можно,
Что я и въ злой сей часъ люблю тебя не ложно,
И во отмщенїе творимаго намъ зла,
Тирана нашего спокойство потрясла.
Поди мучитель злой, я зрѣть тебя гнушаюсь.

МАГОМЕТЪ.

О небо! я уже терпѣнія лишаюсь.
Возможно ли чтобъ такъ былъ презрѣнъ Магометъ?
Уже воинство мое давно сей жертвы ждетъ,
Ужъ болѣе тебя мой взоръ не удостоитъ.
О пагубѣ твоей мой гнѣвъ отвѣтъ устроитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ІЕРОНИМА.

Поди тиранъ, поди и смерть мою готовь,
Пролей безъ жалости мою нещастну кровь,
За награжденіе ударъ я твой пріемлю
И съ радостью изъ устъ твоихъ отвѣтъ твой внемлю.
Спѣши желанна смерть, изъемли духъ мой вонъ
И претворяй мнѣ жизнь горчайщу въ сладкій сонъ.
О жизнь несносная! на что ты мнѣ далася!
На что я въ матерней утробѣ зачалася!
На толь, чтобъ на меня пасть бѣдствію сему
И послѣ жертвой быть тирану моему?
О день! ужасный день, кровавое сраженье! - - -
Родители мои! плачевно вображенье,
Ѳемистъ! - - - не льзя мнѣ васъ воспомнить не стеня,
Познаете ли вы нещастную меня?
Могуль я съ вами быть? мнѣ съ вами быть прелестно,
Увы! единое сіе мнѣ не извѣстно.
О солнце! скорой свой лучъ изъ глазъ моихъ скорѣй,
И дай мнѣ видѣти кто жизни мнѣ милѣй!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ѲЕМИСТЪ и КЛИТЪ.

КЛИТЪ.

Уже ли Государь согласенъ Магометъ,
Уже ли плѣнницу на жертву предаетъ
Ожесточенному его отказомъ войску,
Уже ли мысль свою исполнилъ ты Геройску?

ѲЕМИСТЪ.

Онъ войску мнѣ хотя сказать и повелѣлъ,
Что пламя онъ своей любви преодолѣлъ
И плѣнницу свою предасть ихъ гнѣву въ жертву;
Но самъ ее хотѣлъ при нихъ повергнуть мертву?
Я таинство въ его намѣреньи позналь,
Что онъ лишь усмирить симъ воиновъ желалъ.
Но тщетно онъ сію пріемлетъ осторожность,
Спасти ее вездѣ онъ узритъ невозможность;
Ни что Янычарскихъ сердецъ не укротитъ,
Ни что ихъ ярости жестокой не смягчитъ.
Я вѣрное теперь извѣстіе имѣю,
Что онъ сей часъ посылалъ Османа къ Амарбею
И съ войскомъ повелѣлъ сюда ему спѣшить,
Которымъ думаетъ Янычаръ устрашить
И тѣмъ спасти свою любовницу отъ бѣдства;
Но я противъ того другія принялъ средства,
Которымъ хитрость вся ево низложена,
Любовница ево сей день умреть должна:
Уже и вѣсть о семъ по войску разнеслася
И ею снова кровь въ Янычарахъ зажглася,
Возстала новая въ мятежникахъ молва,
Гласятъ: да выдастся предъ насъ ея глава,

А безъ того ни кто не выступитъ отсюду;
Спасенія ему не видна ни откуду,
Неволею ее онъ долженъ имъ предать;
А въ прочемъ долженъ самъ онъ будетъ пострадать.

КЛИТЪ.

Коль умыслы ево тобой предупрежденны?
Такъ въ предпріятіи мы стали утвержденны
И мщенья твоево уже приходитъ часъ.

ѲЕМИСТЪ.

Далеко кажется еще онъ, Клитъ, отъ насъ,
Я горести моей ни чемъ не умѣряю,
Мятуся и совсемъ терпѣніе теряю:
Теперь въ отчаяньи по граду я ходилъ,
Вездѣ я новые удары находилъ,
Вездѣ встрѣчалися со мной болѣзни люты.
Я мнилъ, что паки зрю тѣ страшныя минуты,
Въ которы насъ тиранъ во гнѣвѣ погублялъ,
И тяжкія свои оковы налагалъ;
Я видѣлъ тѣ мѣста, гдѣ сила наша пала,
Вездѣ моя душа отъ гнѣва трепетала:
Тамъ кровь нещастливыхъ лилася Христіанъ,
Тамъ бывъ охваченный во кругъ Юстиніанъ
Безчисленнымъ своимъ врагамъ сопротивлялся.
А тамо Константинъ со славою кончался,
И отомщалъ за свой въ послѣднія вѣнецъ.
Димитрій, моея любезныя отецъ,
Враговъ остановлялъ въ мѣстахъ неукрѣпленныхъ,
И тамо скованныхъ вели всѣ Грековъ плѣнныхъ.
Увы! я видѣлъ Клитъ, тѣ самыя мѣста! - - -
Не могутъ вымолвить сихъ словъ мои уста,
Гдѣ я въ послѣднія прощался со Княжною
И гдѣ она на вѣкъ разсталася со мною,
Ужасное я то зрѣлъ мѣсто на конецъ,
Въ которомъ пораженъ нещастный мой отецъ;

Глаза мои сїе все мѣсто протекали
И крови моево отца на немъ искали,
Хотя уже ее и знаковъ больше нѣтъ,
Но ахъ! любезный Клитъ она мнѣ вопїетъ
И ко отмщенїю мой духъ воспламеняетъ,
Твой другъ отмщенїе днесь въ ярость премѣняетъ.
Пойду теперь отсель тирана накажу,
Пойду сей острый мечь я въ грудь ему вонжу
И сердце извлеку ево безчеловѣчно!

КЛИТЪ.

Чтобъ Греки бѣдные по томъ стенали вѣчно,
Чтобъ помощи своей лишились на всегда,
Чтобъ пущая еще покрыла ихъ бѣда.
Страшися Государь намѣренья такова!
И не лишай друзей ты ихъ въ себѣ покрова.

ѲЕМИСТЪ.

Скажи, готовы ли теперь мои друзья,
Хотятъ ли мстить они, иль мстить лишь буду я?

КЛИТЪ.

Отягощенные они вседневнымъ стономъ,
Во предпрїятїи теперь остались ономъ:
Чтобъ храбро за свою свободу умереть,
И всѣ тебя они желали днесь узрѣть,
Но къ общей Государь ихъ скорьбѣ и досадѣ
Сказалъ я имъ, что нѣтъ тебя еще во градѣ,
А грамоту тобой имъ писанну вручилъ,
И ею весь успѣхъ желанный получилъ;
Они сей грамотой весь страхъ свой побѣдили
И клятвами себя взаимно утвердили.
Теперь осталось намъ минуты оной ждать,
Въ котору намъ себя изъ плѣна свобождать
И видѣти тебя Владыкою на Тронѣ.

ѲЕМИСТЪ.

Поди и учреди всѣ мѣры къ оборонѣ,
Поди и принеси скорѣя мнѣ отвѣтъ,
Поди скорѣй, поди; се идетъ Магометъ.

КЛИТЪ *(Отходитъ.)*

ЯВЛЕНIЕ II.

ѲЕМИСТЪ и МАГОМЕТЪ.

МАГОМЕТЪ.

Минута моего отмщенiя настала,
Любовь повелѣвать ужъ мною перестала;
Прими ты сей кинжалъ, отмсти мою любовь,
Пролей безъ жалости противную мнѣ кровь.
Теперь я признаюсь о другъ мой предъ тобою.
Я бывъ подвластенъ ей не властвовалъ собою;
А днесь я вредную мнѣ рану излѣчилъ
И прежнюю мою свободу получилъ:
Я больше прелестей ея не обожаю
И только лишь одинъ отказъ воображаю,
Порокъ передъ меня мой ясно предстаетъ.
А ты преславный мой предтеча, Магометъ!
Внемли мои слова, я въ первой разъ взываю,
И въ первые тебя на помощь призываю,
Приди и утверди въ моемъ меня пути,
Которымъ я хочу за славою итьти.

ѲЕМИСТЪ.

Приказъ твой Государь исполненъ будетъ мною.

МАГОМЕТЪ.

Я паки Солиманъ пойду на свѣтъ войною
И паки въ ужасъ всѣхъ сосѣдей приведу,

И въ первыхъ на Родосъ съ оружїемъ пойду:
Въ осадѣ важной сей ударъ мой первый будетъ
И мщенья моево сей островъ не избудетъ.
Хотя онъ трудностью отсюду облеченъ,
Но трудностью къ нему мой духъ и привлеченъ,
Пойдемъ и гордое чело ево низложимъ
И трепетъ самыя Европы тѣмъ умножимъ:
Она передъ моимъ гордящаясь мечемъ,
Щитаетъ твердость стѣнъ ево своимъ ключемъ:
Весь юношества цвѣтъ въ немъ собранъ для защиты
И Громы страшными валы ево покрыты.
Родитель мой подъ ихъ ударами стеналъ,
И крѣпость онаго собою испыталъ
Умаливъ чрезъ сїе дѣла свои Геройски,
Соберемъ и поведемъ тмочисленныя войски,
Соберемъ и отомстимъ людей своихъ уронъ,
Пойдемъ и на нево наложимъ свой законъ.
Всѣмъ должно слѣдовать за мною въ сей осадѣ,
Единъ съ полками ты останешься въ семъ градѣ,
Для удержанїя подъ властїю моей
Плѣненныхъ мною днесь опасныхъ мнѣ людей,
Которымъ тягостны по днесь мои оковы;
Я зрю противъ меня сплетаемыя ковы,
Противуборниковъ я зрю десницы сей
И первый есть изъ нихъ злохитрый Зустуней,
Венецїя всегда усердствующа Грекомъ,
Албанїя съ своимъ прегордымъ Скандербекомъ,
Тамъ Венгрїя, а тамъ ужасной Караманъ
Усилившїйся днесь оружьемъ Персїанъ,
Остатки падшаго величествїя Рима,
Отъ всѣхъ злодѣевъ сихъ опасность мною зрима.
Но я чтобъ низложить ихъ пагубной совѣтъ,
Явлюся нынѣ имъ я паки Магометъ,
Пойду и поражу сердца кичливы страхомъ;
Родосъ предамъ огню и весь покрою прахомъ.
Останься здѣсь и мнѣ ты вѣрность докажи,

Противницу мою за дерзость накажи,
А я сей часъ къ тебѣ сїю представлю жертву.

ѲЕМИСТЪ.

Сей часъ ты Государь ее увидишь мертву.

ЯВЛЕНІЕ III.

ѲЕМИСТЪ.

Ужъ время настаетъ отмщенья моево,
Не трать Ѳемистъ не трать ты времени сево,
Оно для твоево намѣренья полезно;
Спасай отъ варвара отечество любезно.
Уже я пламенемъ ко гнѣву распаленъ,
Стремящагось врага изъ сихъ я вижу стѣнъ,
Отягощеннаго сомнительной войною;
А я останусь здѣсь; друзья мои со мною,
Готовы за свою свободу умиратъ,
Сберутся и со мной воздвигнутъ крѣпку рать
Противу моево ужаснаго злодѣя.
А естьли и сїи мы способны имѣя,
Не можемъ одолѣть нещастїя ни чемъ,
Не въ узахъ жизнь свою скончаемъ, но съ мечемъ,
Сразимъ невольницу, пускай злодѣй возстонетъ
Не уже ли ево и смерть ея не тронетъ,
Почувствуетъ тиранъ ужасную напасть,
И будетъ самъ себя въ раскаянїи клясть.
Кляни мучитель злой, кляни ее; ты любишь,
Ты послѣ самъ себя въ отчаяньи погубишь.
Сеи городъ кровїю нещастныхъ орошенъ,
Тобою я моей возлюбленной лишенъ;
А ты лишишся мной сей часъ твоей прекрасной;
Стремись Ѳемистъ, стремись ты къ мести сей ужасной!
Но се она идетъ. . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

ѲЕМИСТЪ и ІЕРОНИМА.

ѲЕМИСТЪ (*Бросается къ ней съ кинжаломъ.*)

Стремись душа моя? - - -

(*Останавливается.*)

ІЕРОНИМА *Въ концѣ театра.*

Рази! - - -

ѲЕМИСТЪ. *Съ трепещущимъ голосомъ.*

О небо взоръ, черты лица ея! - - -

ІЕРОНИМА. (*Не узнавая его еще подходитъ ближе*)

Рази тиранъ. Вотъ грудь нещастіемъ томима!

(*Но подошедъ къ нему съ великимъ удивленіемъ.*)

Что вижу я! увы! - - - Ѳемистъ! - - -

ѲЕМИСТЪ. (*Такъ же съ восторгомъ*)

Іеронима!

Тебя ль прекрасная я вижу въ сихъ мѣстахъ?
Тебя, иль тѣнь твоя мечтается мнѣ - - -

(*При названіи семъ она ослабѣваетъ, а онъ роняетъ кинжалъ, и ея поддерживаетъ.*)

ІЕРОНИМА *Укрѣпясь.*

Ахъ!

Познай нещасную сраженную судьбою!

ѲЕМИСТЪ.

Увы! нещастливы мы оба днесь съ тобою! - - -
Въ какой ужасный часъ я зрю тебя Княжна,
Ты варваромъ теперь на смерть осуждена,
И я причиною сей строгія минуты.
Я врагъ твой, я злодѣй, и я тиранъ твой лютый!
О небо, чью я жизнь похитить испросилъ?
Я самъ бы за нее горчайшу смерть вкусилъ!

ІЕРОНИМА.

Въ какія насъ часы судьба соединила?

ѲЕМИСТЪ.

Она всю радость мнѣ во ужасъ премѣнила.
Какою мнѣ сію минуту почитать?
Я долженъ щастливъ быть: я долженъ трепетать!
Увидѣвши тебя я горесть забываю,
И вспомня ужасъ сей не движимъ пребываю:
Спасая Грецію тебя я днесь гублю,
Тебя, которую какъ жизнь мою люблю!
Теперь ужасенъ сталъ ты мнѣ мучитель лютый - -
Ахъ! скройся ты Княжна, не трать сея минуты,
Котора намъ съ тобой погибелью грозитъ,
Она избавитъ насъ, иль купно поразитъ,
Поди, еще пути остались намъ къ надеждѣ.
Но ты смущаешся зря въ сей меня одеждѣ
И удивляешся Ѳемистовой судьбѣ.
Пойдемъ, я таинство повѣдаю тебѣ,
Пойдемъ, намъ быть уже съ тобою днесь опасно,
Сокроемся скорѣй - - -

ІЕРОНИМА.

О время преужасно!
(Хотятъ итти, но Клитъ приходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ѲЕМИСТЪ, ІЕРОНИМА и КЛИТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Поди скорѣй, твоя мнѣ помощь днесь нужна,
Познай мой другъ ее!

КЛИТЪ.

Что вижу я? Княжна! - - -

ѲЕМИСТЪ.

Ты знаешь входы, Клитъ, во внутренни чертоги,
Тебѣ извѣстны всѣ здѣсь тайныя дороги,
Ты зришь во мнѣ теперь отчаянье и страхъ;
Поди сокрой ее въ невѣдомыхъ мѣстахъ
Отъ лютой наглости мучительскія власти,
Бѣги, спасай ее, о другъ мой отъ напасти!
Спѣши прекрасная и ты за нимъ во слѣдъ.

ІЕРОНИМА.

О небо! - - -

ѲЕМИСТЪ.

Убѣгай Княжна отъ лютыхъ бѣдъ.

ІЕРОНИМА.

Ахъ Князь мой! я должна опять тебя оставить.

ѲЕМИСТЪ.

Инова способа мнѣ нѣтъ тебя избавить,
Поди скорѣй отсель, - - -

ІЕРОНИМА.

Прости мой Князь!

ѲЕМИСТЪ.

Прости!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ѲЕМИСТЪ.

Но чемъ возможно мнѣ ее теперь спасти?
Отъяты способы, и кемъ отъяты? мною.
Разстанусь я на вѣкъ съ возлюбленной Княжною;
На казнь ея самимъ онъ мною побужденъ,

И злобный сей совѣтъ былъ мною утвержденъ,
Какїе я начну съ тираномъ разговоры;
Онъ кровїю ея насытить хочетъ взоры,
Онъ самъ ее хотѣлъ сраженну мною зрѣть;
Намъ должно обоимъ съ любезною умреть!
Пути къ спасенїю у насъ отъяты всюду
И нѣтъ спасенїя намъ больше ниоткуду! - - -
Коль придетъ онъ сюда узрѣть увядшїй зракъ,
Скажу, что предпочла Княжна сей казни бракъ.
Ахъ нѣтъ! такое ли твое нещастный свойство,
Чтобъ ты употребилъ обманъ, а не геройство:
Такая ли Ѳемистъ душа тебѣ дана? - - -
Нѣтъ больше силъ моихъ, любезная Княжна!
Ты гибнешь: ты уже стоишь у двери гроба.
Увы прекрасная! мы гибнемъ нынѣ оба - - -
О вы сражавшїесь за здѣшнїя мѣста
Герои, коихъ кровь за вѣру пролита!
Великїй Константинъ съ Ѳеодоромъ внемлите,
И вашимъ пламенемъ мой духъ воспламените,
Подайте вамъ меня подобнымъ свѣту зрѣть.
Иду за васъ отмстить, иль въ мести сей умреть!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ѲЕМИСТЪ и КЛИТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Сокрылъ ли славную ты кровь Палеологовъ!

КЛИТЪ.

Едва я, Государь, изшелъ изъ сихъ чертоговъ,
Внемли со трепетомъ ужаснѣйшїй ударъ:
Толпа тобой сюда введенныхъ янычаръ,
Похитили изъ рукъ моихъ Княжну нещастну
И съ воплемъ повлекли въ свой станъ на смерть ужасну.

ѲЕМИСТЪ.

О Боже!

КЛИТЪ.

Государь! - -

ѲЕМИСТЪ.

Мой духъ во мнѣ стѣсненъ! - -
Пойдемъ скорѣй, пойдемъ въ ихъ станъ изъ градскихъ стѣнъ,
Исторгнемъ мы изъ рукъ Княжну мою прекрасну,
Или скончаемъ съ ней мы жизнь свою нещастну!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ѲЕМИСТЪ и КЛИТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Опасность лютыхъ бѣдъ и страхъ мой истребя
Благодарю теперь о другъ мой я тебя!
Еще меня въ моей ты скорби не оставилъ,
Я помощью твоей Княжну мою избавилъ.
О ужасъ, коимъ я смущаюсь и теперь;
Уже къ погибели была отверста дверь,
Уже прекрасная между убійцъ стояла
И только своея кончины ожидала.
Ахъ! естьлибъ я еще хоть мигъ не поспѣшилъ,
Ужъ рокъ бы все свое свирѣпство совершилъ.
Теперь она жива, и помощью твоею

Въ чертогахъ кроется невѣдомыхъ злодѣю;
Когда чертоговъ сихъ незнаетъ Магометъ,
Такъ больше отъ него опасности намъ нѣтъ.
Но для чего меня еще онъ призываетъ!
Не ужель сей тиранъ меня подозрѣваетъ?
Мнѣ сказано, чтобъ я ударъ мой удержалъ,
И осужденныя, на смерть не поражалъ.
Во ужасъ приведенъ я вѣстїю такою,
Не мнитъ ли онъ ее сразить своей рукою?
Или сей лютый тигръ, неукротимый звѣрь,
Ко милосердїю склонился, и теперь
Не хочетъ умертвить невинныя напрасно?
И милосердїе сїе мнѣ преужасно!

ЯВЛЕНІЕ III.

ѲЕМИСТЪ и ІЕРОНИМА.

ѲЕМИСТЪ.

Почто оставила убѣжище свое?

ІЕРОНИМА.

Внемли любезный Князь отчаянье мое,
Весь умъ мой возмущенъ и сердце возмущенно,
Погибли мы съ тобой, о Князь мой! непремѣнно:
Близь комнатъ сихъ, гдѣ Клитъ теперь меня со-
крылъ,
Султанъ со стражею своею проходилъ,
Измѣнникомъ тебя сей варваръ называетъ
И воинамъ своимъ искать повелѣваетъ,
Онъ хочетъ погрузить кинжалъ въ твоей крови.
Останови свой рокъ и месть останови,
Оставь со мной сїю кровавую державу.

ѲЕМИСТЪ.

Что бъ купно съ ней мою оставилъ я и славу,
Что бъ малодушїе я свѣту показалъ,
Что бъ свѣтъ поступокъ мой узря, сїе сказалъ:
Когда Ѳемистъ возмогъ лишить тирана власти,
Оставилъ жить ево, страшась своей напасти,
Подъ игомъ вервара оставилъ согражданъ
На толь любезная намъ духъ Геройскїй данъ,
Чтобъ мы отъ малыхъ намъ напастей унывали
И въ предпрїятїи своемъ ослабѣвали?
Я жертвы таковой любви не принесу,
Доколь отечество отъ ига не спасу.

ІЕРОНИМА.

Ты храбростїю сей мой страхъ усугубляешь
Спасаючи ево себя ты пугубляешь.

ѲЕМИСТЪ.

Я жизни потерять нимало не страшусь,
Страшусь, когда тебя прекрасная лишусь.
Познай какїя днесь я средства предпрїемлю,
Которыми хочу, народъ и землю
Отъ ига лютаго злодѣя свободить.
И словомъ, я хочу умреть иль побѣдить!
Ты плачешь?

ІЕРОНИМА.

Ахъ мой Князь! всю страхъ меня обемлетъ,
И сердце томное надеждѣ сей не внемлетъ,
Одно отчаянье стѣсненный духъ мятетъ.

ѲЕМИСТЪ.

Ты плачешь, а еще опасности намъ нѣтъ;
Тиранъ не вѣдаетъ, что мною ты спасенна,
А войско мнитъ, что жизнь твоя ужъ пресѣченна,
И естьли на твою онъ такъ же дышетъ смерть,

Захочетъ самъ тебя сраженну мною зрѣть,
Скажу, что мной твоя окончилась судбина,
И что скончалась ты на гробѣ Константина,
При смерти испрося единъ себѣ сей даръ,
Чтобъ тамо произвелъ послѣдній я ударъ;
Сїе то мѣсто есть, гдѣ съ Клитомъ храбры Греки
Ударятъ и прольютъ кровей невѣрныхъ рѣки;
Прельщеннаго ево туда я провожу
И тамо лютаго убїйцу накажу,
Наполненный народъ къ сему тирану злобы,
Омоетъ кровїю родительскїе гробы,
Благополучнаго я жду сему конца:
Сражаться будетъ всякъ, за брата, за отца,
За матерь, за жену, за чадъ тамъ побїенныхъ;
Не долго сей тиранъ насъ видѣть будетъ плѣнныхъ.
А естьли онъ сїю напасть предупредитъ,
Тебя, любезная, отъ казни свободитъ
И видѣти еще захочетъ предъ собою,
Такъ мнитъ конечно онъ во бракъ вступить съ тобою,
Мнѣ будетъ брачный день способенъ для того,
Я въ томъ изкореню злодѣя моего.
Скажу ему, что ты злой казни устрашилась;
И въ бракъ вступити съ нимъ, въ томъ страхѣ согласилась.

ІЕРОНИМА.

Съ тираномъ въ бракъ вступить, съ Тираномъ соглашусь!
Пускай притворство то, притворства я страшусь.
Языкъ мой вымолвить сего не можетъ слова.
Умремъ мы Князь, съ тобой умрети я готова!
Не принуждай меня ему сего сказать.

ѲЕМИСТЪ.

Чтобъ намъ удобнѣе тирана наказать,
Инова средства нѣтъ - - -

ІЕРОНИМА.

Ужаснѣйшее средство!

ѲЕМИСТЪ.

Симъ можемъ мы однимъ прервать народно бѣдство;
Не должно ль, что бъ тому я лестїю отмщалъ,
Кто лестїю своей другихъ Владыкъ прельщалъ,
И клятвой Грецїи паденїе составилъ?
Чрезъ хитрости ево насъ цѣлый свѣтъ оставилъ.
Онъ пропасть намъ сїю лукавствомъ ископалъ,
Такъ должно, что бъ въ сїю онъ пропасть самъ низпалъ.
Теперь всѣ способы къ отмщенїю имѣя,
Востанемъ и пойдемъ на лютаго злодѣя!
Прельстимъ прельстившаго обманами весь свѣтъ,
Пойдемъ и свободимъ народъ отъ лютыхъ бѣдъ;
Коль будетъ моея свѣтъ хитрости свидѣтель,
Онъ хитрость такову почтетъ за добродѣтель,
Которой варвара я области лишу.
Сокройся ты, а я къ отмщенїю спѣшу - - -
Сокройся? - - ахъ идутъ! бѣги скорѣй, спасайся!

ІЕРОНИМА.

Ахъ Князь мой! - - - небеса!

ѲЕМИСТЪ.

Бѣги и удаляйся.

ЯВЛЕНІЕ III.

ѲЕМИСТЪ.

Пускай свирѣпствуетъ въ послѣднїе тиранъ! - - -
Идутъ, се вопль ко мнѣ со всѣхъ приходитъ странъ,
Я вижу варвара толпами окруженна.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ *и стража.*

МАГОМЕТЪ.

Злодѣй, она уже тобою пораженна?
Тобою я къ сему убїйству побужденъ,
Тобою мучиться я вѣчно осужденъ,
Стращися!

ѲЕМИСТЪ.

Государь,

МАГОМЕТЪ.

Ты самъ злодѣй трепещешь,
О небо! для чево ты стрѣлъ своихъ не мещешь,
И ими не разищь чудовища сего?

ѲЕМИСТЪ.

За что достоинъ сталъ я гнѣва твоего?

МАГОМЕТЪ.

Еще ль не чувствуешь, тиранъ, моей напасти?

ѲЕМИСТЪ.

Послушенъ, Государь, я былъ твоей лишь власти.

МАГОМЕТЪ.

Послушенъ былъ ты мнѣ, какъ я былъ раздраженъ!
Достойно ты злодѣй мной будешь пораженъ.
Влеките воины ево на мѣсто казни!

ѲЕМИСТЪ.

Такой ли Государь достоинъ я прїязни?

МАГОМЕТЪ.

Воину.

Да принесется къ намъ сей часъ ево глаза.
Влеките! - - -

ЯВЛЕНІЕ V.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ и КЛИТЪ.

(Вбѣжавши поспѣшно.)

КЛИТЪ.

Государь! Княжна твоя жива.

МАГОМЕТЪ.

(Съ восхищеніемъ.)

Жива! - - -

ѲЕМИСТЪ.

То истинна и я тому виною.

МАГОМЕТЪ.

Жива? почто жъ сіе скрывалъ ты предо мною?

ѲЕМИСТЪ.

Ты мнѣ ее велѣлъ во гнѣвѣ умертвить,
Такъ могъ ли я тебѣ безъ страха обѣявить,
Что жизнь сохранена сея нещастной мною?

МАГОМЕТЪ.

Ты жизнь мнѣ возвратилъ услугой таковою,
Вѣщай теперь мой другъ мнѣ жалобы ея,
Злодѣемъ во устахъ ея твердился я?

ѲЕМИСТЪ.

И въ семъ отчаяньи тебѣ не укоряла,
Лишь только прозьбой смерть свою предускоряла.

МАГОМЕТЪ.

А естьли смерть она щитаетъ за покой,
Такъ нѣтъ моимъ бѣдамъ премѣны ни какой.
О рокъ! ты болѣ мнѣ мученія прибавилъ!

ѲЕМИСТЪ.

Онъ можетъ быть тебя отъ мукъ твоихъ избавилъ?

МАГОМЕТЪ.

Что слышалъ ты? вѣщай:

ѲЕМИСТЪ.

Иль нѣжность или страхъ
Принудили ее промолвить во слезахъ,
Она вѣщала мнѣ сраженная судьбою;
Она - - -

МАГОМЕТЪ.

Что?

ѲЕМИСТЪ.

Въ бракъ вступить намѣрена съ тобою.

МАГОМЕТЪ.

Что слышу я? мой другъ, куда я восхищенъ,
Или мечтою я пріятной мнѣ прельщенъ?
Возможно ли! - - Она отъ брака трепетала.
Иль впрямь желанная минута мной настала.
Ахъ, естьли Солимаиъ сіе я получилъ!

ѲЕМИСТЪ.

Страхъ смерти. можетъ быть въ ней сердце умягчилъ.

МАГОМЕТЪ.

Да будутъ днесь мои всѣ бѣдства расточенны,
Поди и уготовь сердца ожесточенны,
Да согласятся всѣ на мой съ Княжною бракъ
И тѣмъ явятъ своей покорности мнѣ знакъ,
А естьли кто изъ нихъ на страсть мою возропщетъ
И мнѣ послушнымъ быть какъ прежде не восхощетъ;
Османъ и Амарбей мнѣ въ помощь поспѣшатъ

И прю Владыки ихъ со подданнымъ рѣшатъ,
Я ихъ сей день сюда съ полками ожидаю.
Поди представь Княжну, я зрѣть ея желаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАГОМЕТЪ.

И стража, которая послѣ перваго стиха отходитъ, а къ нему приходитъ Іеронима.

МАГОМЕТЪ.

Оставьте стражи здѣсь единаго меня.
Прекрасная Княжна, мой духъ воспламеня,
Когда ты быть моей супругою желаешь,
Ты горести мои всѣ въ сладость премѣняешь.
Любовь моя тебя на тронъ со мной ведетъ
И скиптры многихъ царствъ во власть твою даетъ.
Почувствуй страсть мою, и ставъ моя супруга,
Ты будь Владычица Царя земнаго круга,
Забудь прекрасная, что былъ я твой тиранъ,
Забудь, не растравляй моихъ душевныхъ ранъ:
Презрѣніе твое мнѣ сердце раздражало;
Но сердце страстное твой образъ обожало,
Я въ самой лютости всегда тебя любилъ
И ахъ, любя тебя едва не погубилъ!
Отчаянная мысль на жизнь твою стремилась.
И естьли память сихъ злодѣйствій не затмилась,
Умѣрь по крайности моихъ ты лютость бѣдъ,
И сдѣлай чтобъ тобой былъ щастливъ Магометъ!

ЯВЛЕНІЕ. VII.

МАГОМЕТЪ, ІЕРОНИМА *и Начальникъ стражи.*

НАЧАЛЬНИКЪ.

Вопль слухи Государь всѣхъ въ градѣ поражаетъ,
Что весь Монаршій домъ опасность угрожаетъ,
Что тайныя тебя убійцы стерегутъ,
Янычары во градъ со всѣхъ сторонъ бегутъ
И предъ чертогами стоятъ вооруженны.

ІЕРОНИМА *(Въ сторону.)*

Погибли мы теперь, о рокъ мой раздраженный!

МАГОМЕТЪ.

Я знаю отъ чего мятежъ сей возстаетъ,
Опасности, Княжна, для насъ ни малой нѣтъ,
Нашъ бракъ вооружилъ сердца сіи жестоки.
Пойду и сихъ людей пролью кровавы токи,
Ни что меня съ тобой, Княжна, не раздѣлитъ,
Ни что отъ брака насъ ни что не удалитъ,
Готовься къ торжеству, я скоро возвращуся.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ІЕРОНИМА.

Я болѣе уже надеждою не льщуся,
Ужасныя во умъ приходятъ мнѣ мечты.
Возлюбленный мой Князь, конечно гибнешь ты?
Се наше щастіе, се жизни слезной доля,
Сей день отяготитъ насъ новая неволя.
Надежда слабая едва ты возросла,
Судьба тебя изъ глазъ мгновенно унесла:
Се воины его, которыхъ онъ страшился,
То Греки, съ коими Клитъ тайно ворyжился.

О строгая судьба! о гнѣвны небеса!
Уже касались мы желаннаго часа,
Уже являлся намъ, день нашей свободы.
Нещастная страна, нещастные народы!
Герои храбрые, о бѣдные рабы!
Вы стали жертвою разгнѣванной судьбы!
Какою бездною вы стали поглощенны!
Вы стали варварамъ на вѣкъ порабощенны.
Я мысльми на число взираю вашихъ ранъ,
Какими изнуритъ васъ лютый сей тиранъ,
Какое варварство отъ рукъ ево начнется,
Какой кровавый токъ гражданъ моихъ прольется,
Когда откроется нашъ умыселъ ему.
Воображенїе престрашное уму!
Возлюбленный Ѳемистъ, ты духъ во мнѣ тревожишь,
Ты въ мысляхъ у меня, и ты мой ужасъ множишь,
Почто я о твоей не вѣдаю судьбѣ?
Ахъ, можетъ быть тиранъ ужъ знаетъ о тебѣ!
И можетъ быть тебя на смерть онъ осуждаетъ.
Пойдемъ, увѣдаемъ, въ чемъ разумъ заблуждаетъ!
Почто о Боже мнѣ ево ты видѣть далъ,
На то ли, чтобъ мой духъ жесточѣе страдалъ!

Конецъ четвертаго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

ІЕРОНИМА и КЛИТЪ.

КЛИТЪ.

Весь ужасъ миновалъ, и страхъ твой былъ напрасенъ,
Султанъ уже теперь намъ болѣ не опасенъ,
Всѣ подозрѣнія отъ насъ отвращены;
И за измѣнниковъ тѣ Турки почтены,
Которые узнавъ намѣренье Султана,
Во многолюдствіи пришли сюда изъ стана,
Хотя не допустить его до брачныхъ узъ.
Всѣ мнятъ, что ты Княжна вступаешь съ нимъ въ союзъ.

ІЕРОНИМА.

Но Греки, кои Клитъ тобою вооруженны?

КЛИТЪ.

Они всѣ пламенемъ отмщенія разженны
Съ нетерпѣливостью къ себѣ Ѳемиста ждутъ,
И храбро на сего тирана нападутъ;
Ѳемистъ явится къ нимъ тогда, и въ гнѣвѣ яромъ
Начнетъ сраженіе руки своей ударомъ.
Онъ первый своего злодѣя поразитъ!

ІЕРОНИМА.

Еще мнѣ мысль моя опасностью грозитъ,
Мечтанія во умъ ужасныя вбѣгаютъ
И всю мою во мнѣ надежду низвергаютъ.
Когда нашъ страшный врагъ увѣдаетъ о семъ;
Неизбѣжимая погибель будетъ всѣмъ.

Но я о гибели своей не ужасаюсь,
О Князѣ и о васъ я болѣ возмущаюсь!

КЛИТЪ.

Сей страхъ Княжна со всемъ быть долженъ изтреб-
бленъ.
Тиранъ конечно нашъ днесь будетъ погубленъ,
Ѳемисту онъ вручилъ о бракѣ попеченье.
Еще не совершитъ сей день свое теченье,
Какъ мы намѣренье геройско совершимъ,
И варвара сего владычества лишимъ.
Насталъ намъ нынѣ часъ назначенный судьбою!

ІЕРОНИМА.

Увижусь ли еще, о Князь мой, я съ тобою? - - -
Но ахъ! бѣги скорѣй, Султанъ сюда идетъ.
О небо! не пошли еще намъ новыхъ бѣдъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

МАГОМЕТЪ, ІЕРОНИМА и *Стража*.

МАГОМЕТЪ.

Уже мятежниковъ молва намъ не опасна,
Злодѣевъ казнь сей часъ постигла преужасна
И отвращенъ отъ насъ ужасный сей ударъ;
То было лютое стремленье янычаръ.

Теперь опасности мы болѣ не имѣемъ,
Полки мои пришли ко граду съ Амарбеемъ,
И близь его уже поставили свой станъ.
Мнѣ вѣдомость сїю принесъ сей часъ Османъ;
Смотрѣнїю ево вручивъ всѣ града части,
Не опасаюся грозящей намъ напасти,
Онъ все старанїе на то употребитъ,
Злодѣевъ нашихъ всѣхъ изъищетъ, истребитъ,
И только отъ тебя я щастья ожидаю,
Скажи, ужель твоимъ я сердцемъ обладаю,
Ужель Княжна мою скончаешь ты напасть?
Пойдемъ прекрасная, вѣнчаемъ нѣжну страсть!

ІЕРОНИМА.

О небо! прекрати мои болѣзни люты!

МАГОМЕТЪ.

Дражайшая! въ сїи желанны мной минуты,
Еще ли мысль твою отчаянье мятетъ?

ІЕРОНИМА (*въ сторону.*)

Увы! знать бѣдствїямъ моимъ премѣны нѣтъ!

МАГОМЕТЪ.

Всѣмъ бѣдствїямъ твоимъ настанетъ перемѣна...

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ и НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

НАЧАЛЬНИКЪ.

Великїй Государь! о лютая измѣна!
Сїя невѣрная измѣнница твоя.
Она твой страшный врагъ, она твоя змїя!
Не пламенемъ она къ тебѣ любовнымъ таетъ,
Она противъ тебя ужасный ковъ сплетаетъ,
Не къ браку страсть тебя, къ погибели влечетъ,
Въ Диванѣ кровь твоя ручьями потечетъ:
Тамъ Греки Государь и Комнинъ тамо съ ними
Грозящїе тебѣ ударами своими,
Османъ ужъ двухъ теперь измѣнниковъ поймалъ
И таинство сїе мученьемъ испыталъ:
Они повѣдали всю важность заговора,
Лишь Комнинъ отъ его теперь сокрылся взора.

ІЕРОНИМА (*Въ сторону*)

Онъ скрытъ, благодарю всесильнымъ небесамъ!

НАЧАЛЬНИКЪ.

Османъ передъ тебя сей часъ предстанетъ самъ.

МАГОМЕТЪ.

Ужаснѣйшая вѣсть, возможно ли повѣрить!
Іеронима ахъ! ты тщилась лицемѣрить.
Ты тщилась дни того Монарха прекратить,
Которой тщился стонъ твой въ радость превратить,

И въ воздаянїе жарчайшїя любови
Хотѣла моея напитися ты крови!
Невѣрная, покровъ притворствъ твоихъ низпалъ.
Въ какой я небеса днесь безднѣ утопалъ?
Или противъ меня воюющая злоба,
Извергнувъ мертваго соперника изъ гроба
Хотѣла всколебать желанный мной покой?

ІЕРОНИМА.

Коль ты ужъ мнить во мнѣ измѣнѣ быть такой -

МАГОМЕТЪ.

Не оставляюща на мигъ мои ты взоры,
Ты какъ могла сїи составить заговоры?
И кто изъ Грековъ былъ въ числѣ твоихъ друзей,
Кого склонила ты, и кто есть Комнинъ сей?

ІЕРОНИМА.

Сей Комнинъ есть Ѳемистъ, но гдѣ онъ? я не знаю.

МАГОМЕТЪ.

Теперь подозрѣвать я прямо начинаю,
Не можетъ помрачить ни чемъ сей правды гласъ:
Тобой назначены и мѣсто имъ и часъ,
И ты участница конечно въономъ дѣлѣ.
Велю тебя влещи въ темницу я отселѣ,
Когда не скажешь мнѣ, гдѣ кроется злодѣй?

ІЕРОМИМА.

Когда подвержена я лютости твоей,
Ты можешь власть свою во зло употребити
Стремись тиранъ, стремись нещастну погубити! --

МАГОМЕТЪ.

Страшись!

ІЕРОНИМА.

Страшись тиранъ ты самъ и трепещи!

МАГОМЕТЪ.

Съ мученїемъ велю я духъ твой извлещи,
Влеките воины измѣнницу въ оковы!

ІЕРОНИМА.

Не страшны мнѣ твои мученїя суровы,
Ты былъ тиранъ всегда въ числѣ моихъ враговъ.
Достойны руки вы ужаснѣйшихъ оковъ,
Достойны, для чего его не наказали.

МАГОМЕТЪ.

Слова твои теперь мнѣ ясно доказали,
Что ты сей страшный ровъ хотѣла мнѣ изрыть.
Вѣщай мнѣ, гдѣ Ѳемистъ? теперь не можешь скрыть.

ІЕРОНИМА.

Коль хочешь ты сего Героя познавати,
Такъ долженъ ты тиранъ здѣсь всѣхъ подозрѣвати,
Подозрѣвати ты весь долженъ будешь свѣтъ,
Сыскать тебѣ ево инова средства нѣтъ;
Живущи Греки, внутрь и внѣ престольна града
Всѣ мстители и всѣ суть Комниновы чада.

(Отходитъ и за нею нѣсколько воиновъ)

МАГОМЕТЪ *(въ слѣдъ.)*

Ступай, тамъ гордость вся твоя теперь минетъ.
Отмщай презрѣніе и стыдъ свой Магометъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАГОМЕТЪ и ѲЕМИСТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Все войско Государь отъ града прочь отходитъ,
Движеніе въ сердцахъ Геройскихъ происходитъ,
Желающихъ себя во бранѣхъ превознесть.
На всѣхъ челахъ видна Родосу страшна месть.

МАГОМЕТЪ.

Не внѣшнюю войну Монархъ твой воображаетъ,
Коль внутрення ему опасность угрожаетъ,
Не войска на меня во гнѣвѣ вопіютъ;
Но днесь противу насъ всѣ Греки возстаютъ.

ѲЕМИСТЪ.

Всѣ Греки Государь! какъ имъ сіе возможно?

МАГОМЕТЪ.

Извѣстіе о семъ имѣю я не ложно.
Но я еще тебя и болѣ удивлю,
Когда ихъ заговоръ и мѣсто обѣявлю:

ВЪ Диванѣ, гдѣ мой бракЪ днесь долженЪ совершаться,
Я долженЪ отЪ моихЪ злодѣевЪ былЪ скончаться,
Внимай еще сїю ужаснѣйшую вѣсть,
ВЪ числѣ злодѣевЪ сихЪ и нѣкто КомнинЪ есть.

ѲЕМИСТЪ.

О небо!

МАГОМЕТЪ.

Для ково была Іеронима
Всегда упорна мнѣ, всегда непреклонима.
Сей КомнинЪ, коего я мертвымЪ почиталЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Возможноль Государь, чтобЪ онЪ изЪ мертвыхЪ всталЪ?

МАГОМЕТЪ.

Ко удивленїю и кЪ лютой мнѣ досадѣ
ОнЪ живЪ, и кроется межЪ Греками во градѣ,
И производитЪ сей ужасный заговорЪ
Измѣнницы моей, поступокЪ рѣчь и взорЪ,
Являли всю ко мнѣ вЪ ней злобу чрезвычайну;
ПойдемЪ, она сїю конечно знаетЪ тайну.

ѲЕМИСТЪ.

Что хочешь ты начать?

МАГОМЕТЪ.

Измѣнницу мою
Принужу тайну мнѣ повѣдати сїю.

ѲЕМИСТЪ.

Сей тайны отъ нея увѣдать ты не льстися;
Но прежде о своихъ злодѣяхъ извѣстися
И прежде заговоръ ты ихъ предупреди,
Смяти ихъ общество и въ ужасъ приведи.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ и НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

НАЧАЛЬНИКЪ.

Измѣнники твои всю стражу побѣдили
И плѣнную Княжну отъ узъ освободили;
То Греки Государь и съ ними былъ Муратъ,
Которой избѣжалъ и съ плѣнницей за градъ.

МАГОМЕТЪ *(Начальнику, которой и отходитъ.)*

Вели во всѣ страны стремитися за ними,
Обманутъ я теперь злодѣями моими!

ѲЕМИСТЪ *(въ сторону.)*

О Боже! ты ея стопы препроводи!

МАГОМЕТЪ.

Поди скорѣй и мнѣ Османа приведи.
Но се онъ - - -

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ и ОСМАНЪ *съ воинами.*

ОСМАНЪ.

Государь бѣда намъ угрожаетъ!
Все грамота сїя въ себѣ изображаетъ.
(Подаетъ письмо.)
Прочти ее, познай всю злобу и обманъ
И кто измѣнникъ твой, измѣнникъ Солиманъ.
Двухъ Грековъ поималъ я съ грамотою сею.

МАГОМЕТЪ *(Принявъ письмо.)*

О небо! такъ и въ немъ злодѣя я имѣю?

ОСМАНЪ.

Познавъ въ сей грамотѣ руки ево черты,
Познаешь Государь всю истинную ты.

МАГОМЕТЪ *(Читаетъ.)*

,,О Греки храбрые! уже ли вы готовы
,,Повергнути съ себя поносныя оковы;
,,Ужъ мною обольщенъ ужасный нашъ тиранъ
,,И мною въ торжествѣ онъ будетъ днесь попранъ.
,,Спѣшите храбрые Герои вы со мною,
,,Ѳемиста возвести Царемъ надъ сей страною.

ѲЕМИСТЪ.

Какимъ внезапнымъ сталъ я громомъ пораженъ?

МАГОМЕТЪ. *(Ѳемисту.)*

Въ какїя былъ тобой я бездны погруженъ?
Ты съ Комнинымъ злодѣй на жизнь мою стремился!

ѲЕМИСТЪ.

Когда весь случай мой совсемъ перемѣнился,
Я таинства сего ужъ болѣ не таю.
Но ты познай теперь тиранску власть свою:
Вся Грецїя въ твоихъ оковахъ тяжкихъ стонетъ,
Европа, Азїя въ крови нещастныхъ тонетъ,
Византїя дотоль цвѣтущїй въ свѣтѣ градъ,
Подъ властїю твоей преобратился въ адъ;
Ты воздухъ въ немъ своимъ дыханьемъ заражаешь
И казнью подданнымъ ужасной угрожаешь.
Не я единъ, не я, но весь желаетъ свѣтъ,
Да смерть тебя злодѣй ужасная ссѣчетъ!

МАГОМЕТЪ.

Пускай стенаютъ днесь всея земли народы,
Пускай меня всѣ чтутъ мучителемъ природы,
Я буду навсегда межъ ихъ торжествовать;
Но ты ль злодѣй меня такъ могъ именовать! - - -
Отвѣтствуй мнѣ, какой чудесною судьбою
Явился Комнинъ здѣсь, и гдѣ онъ скрытъ тобою?

ѲЕМИСТЪ.

Онъ скрытъ, и ты его днесь долженъ трепетать.

МАГОМЕТЪ.

Ты долженъ моего злодѣя мнѣ предать.
Измѣнникъ, я твое упорство одолѣю.

ѲЕМИСТЪ.

Я только о тебѣ Княжна моя жалѣю!

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ, ОСМАНЪ и НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

МАГОМЕТЪ.

Вѣщай скорѣе мнѣ, гдѣ плѣнница моя?

НАЧАЛЬНИКЪ.

Сей часъ ты государь увидишь здѣсь ея
Лишенну вольности и въ узы заключенну.

ѲЕМИСТЪ.

Увы! прогнѣвалъ я судьбу ожесточенну.
Какова дождался я лютаго часа?
(*Увидя ведомую Іерониму во узахъ.*)
Какое зрѣлище! - - - О гнѣвны небеса!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПРЕЖНІЕ и ІЕРОНИМА *въ оковахъ.*

МАГОМЕТЪ.

Ты мнила дерзская, отъ казни избѣжати.

ІЕРОНИМА.

Стремись тиранъ меня нещастну поражати,
Исполни варварство свирѣпыхъ Агарянъ - - -
(*увидя Ѳемиста*)
Что вижу я! Увы! - -

ѲЕМИСТЪ. (*Магомету*)

О лютый нашъ тиранъ?
Когда мы стали днесь рукѣ твоей подвластны
Рази обѣихъ насъ, мы оба съ ней нещастны - - - -

ІЕРОНИМА. (*Ѳимисту.*)

Что хочешь ты начать въ отчаяньи своемъ?

ѲЕМИСТЪ.

Коль рокъ нашъ есть таковъ! безъ робости умремъ!

МАГОМЕТЪ.

Умрешь измѣнникъ ты, и ты злодѣйка люта,
Пришла къ обѣимъ вамъ послѣдняя минута;
Но прежде нежели я казнь вамъ изреку,
Мученїемъ изъ васъ я тайну извлеку.
Вы тщетно отъ меня скрыть Комнина хотите,
Построждете, доколь ево не предадите.

ІЕРОНИМА.

О варваръ! лютый тигръ! власть тебѣ дана,
Терзай меня, губи виновна я одна,
Но знай, что самъ злодѣй ты прежде изнеможешь,
А тайны изъ меня исторгнути не можешь.

МАГОМЕТЪ.

Страшись, или сей часъ падешь подъ симъ мечемъ!

ІЕРОНИМА.

Не поколеблешь ты души моей ни чемъ,
Не страшны для нея и адскїе тираны,
Рази, вотъ грудь моя готовая на раны!

МАГОМЕТЪ.

Доколѣ мнѣ терпѣть поносныя слова?

ІЕРОНИМА.

Доколѣ буду я на свѣтѣ семъ жива.

МАГОМЕТЪ.

Не думай, чтобъ я былъ еще тебѣ подвластенъ,
Минуты тѣ прошли, въ которы былъ я страстенъ - -
Умри преступница! - - - *(Бросается къ ней съ кинжаломъ и закалаетъ.)*

ѲЕМИСТЪ.

(Такъ же бросается къ Магомету съ мечемъ, но его окружаютъ воины и мечь отъемлютъ, Ѳемистъ въ яростïю.)

Мучитель! - -

ІЕРОНИМА *Ѳемисту.*

Ахъ - - - прости - -

(Умираетъ.)

ѲЕМИСТЪ.

О варваръ! - - - ахъ Княжна! - - возможно ли снести - -
Познай чудовище, какъ Комнинъ нынѣ страждетъ.
Пролей ты кровь ево, сей крови духъ твой жаждетъ,
Пролей, когда онъ самъ не пролилъ твоя - -

МАГОМЕТЪ.

Кто жъ Комнинъ сей? вѣщай.

ѲЕМИСТЪ.

Познай, сей Комнинъ я!
(При семъ словѣ закалается имѣющимся у нево кинжаломъ.)

МАГОМЕТЪ.

Измѣнникъ! ахъ кого я вижу предъ собою! - - -

ѲЕМИСТЪ.

Довольствуйся тиранъ нещастнаго судьбою - - -
Благодари ея - - - что мстительный мой мечь - - -
Не могъ злодѣйскія - - - души твоей - - - извлечь - - -

(Умираетъ

МАГОМЕТЪ.

О небо! всѣхъ моихъ лютѣйшихъ бѣдъ свидѣтель!
На то ли имъ сїю ты дало добродѣтель,
Что бъ только чрезъ нее покой мой возмутить,
И всѣ мои дѣла въ ничто преобратить?
Преславнаго сего бывъ града побѣдитель,
Содѣлался теперь прелютый я мучитель.
Опаснѣйшихъ моихъ злодѣевъ истребя,
Увы! гнушаюся, я нынѣ самъ себя - -
(Къ народу.)
А вы! о лютые тираны нѣжной страсти,
Творцы и зрители презлой моей напасти,

Познаете сіе въ близи Родосскихъ стѣнъ,
Чево я вами днесь свирѣпые лишенъ.
Заплатите мой гнѣвъ рожденный сей любовью,
Ужаснымъ бѣдствіемъ, стенаніемъ и кровью.

Bayerische Staatsbibliothek München

КОНЕЦЪ.

Из книг Д. В. Кокорева

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Majkov, Vasilij I.

Sočinenija Vasilija Majkova ili sobranie ostroumnyxch, satiričeskich, zabavnych poem, nravstvennych basen in skazok, teatralńych i drugich ego liričeskich tvorenij

Sanktpeterburg 1809

P.o.russ. 88 y
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610181-5